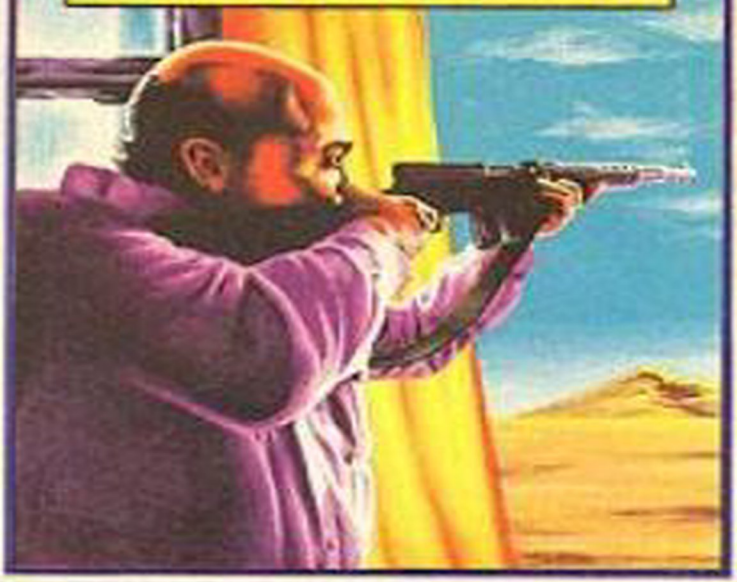
ДЖОН

МАКДОНАЛЬД

СМЕРТЬ В ПУРПУРОВОМ КРАЮ



МИР
приключений

Смерть в пурпуровом краю
Джон Д. Макдональд

Аннотация
Джон Д. Макдональд
Смерть в пурпуровом краю
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
Цена убийства
  Пролог
  1. Ли Бронсон
  2. Джонни Кифли
  3. Люсиль Бронсон

4. Дэнни Бронсон
5. Пол Вэрни
6. Джон Кифли
7. Люсиль Бронсон
8. Ли Бронсон
9. Бен Викслер
10. Пол Вэрни
11. Бен Викслер
12
Утопленница
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Аннотация

В сборник произведений известного американского автора криминальных романов Джона Макдональда включены его лучшие чисто детективные произведения, впервые переведенные на русский язык - "Смерть в пурпуровом раю", "Цена убийства" и "Утопленница".

Джон Д. Макдональд

Смерть в пурпуровом краю

Глава 1

Проселок, покрытый гравием, был неширок, на повороте скорость она не сбавляла. И когда мы свернули, слева оказался крутой склон, а посреди дороги возвышалась огромная, свалившаяся откуда-то сверху глыба. При резком торможении белая «альпина» встала боком, и я, сжавшись, ждал, когда мы перевернемся и начнем кувыркаться. Но машину занесло к глыбе, она остановилась вплотную к ней, а задние колеса застыли в опасной близости от обрыва. Мотор заглох.

— Проклятье! — отвела душу Мона Йомен.

Тихо подрагивал остывающий мотор. Насмешливо чирикнула какая-то птаха. По глыбе ползла ящерица.

— Приехали!

— Черта с два! Но отсюда можно добраться и пешком — не больше километра. Я здесь давно не была.

— А вещи?

— У вас же их почти нет. Думаю, спокойно донесете, мистер Макги. Может, вам удастся сдвинуть камень, если добыть джип. Или пошлю слуг, они

разберут завал.

— Раз уж вы так считаете, попытаюсь сам.

— Наверно, вы правы.

— Тогда за дело, миссис Йомен!

Она посмотрела на меня — глаза были чудесного голубого цвета, как яйца зарянки, и, пожалуй, столь же выразительны.

— Ничего ведь не случилось, правда? Я надеялась, вы хотите мне помочь.

Я достал из машины свой чемоданчик, и мы перелезли через глыбу. Обвал произошел недавно — разломы совсем свежие. Я пожалел, что машина осталась внизу. Дорога была крутой, и повороты весьма замысловатые. Она встречала меня сегодня в полдень в отдаленном аэропорте, в восьмидесяти километрах от своего дома. Сообщила, что есть жилье для меня, укромное местечко, где мы сможем все обсудить. С первой минуты я пытался составить о ней свое впечатление.

Как-то она не вписывалась в этот суровый пейзаж, даже одежда казалась с чужого плеча. Рослая блондинка лет тридцати, самоуверенная, слегка высокомерная, как человек, с которым ничего не может случиться. Гораздо естественней было бы встретить ее на Парк-авеню или на Пятидесятой

улице в воскресный полдень в сверхмодном туалете, сногсшибательной шляпе, на прогулке с кудрявой белой болонкой.

А сейчас она вышагивала по проселку в высоких шнурованных ботинках, джинсовых брюках, потрепанной куртке и ковбойской шляпе. Мы поднялись достаточно высоко, но не чувствовалось ни ветерка, и при ходьбе на солнце стало довольно жарко. Я остановился и, поставив чемоданчик, снял пиджак.

— Хорошая идея, — одобрила она и тоже сбросила куртку, перекинув ее через плечо. Ринулась вперед, словно возглавляла целую армию. Талия у нее была тонкая, спина прямая. Светлые брюки, чуть темнее шляпы, плотно обтягивали бедра. Я оцениваю характер женщин и по их ягодицам. У нее они были крепкие, хорошей формы, зрелые и неприступные. А это означает, что проявление своей благосклонности она считает огромным событием и сопровождает его отличным вином, благовониями и шелковыми простынями. Но одновременно складывалось впечатление, что свои обещания она в общем-то выполняет.

Сосредоточенная всегда на чем-то одном, сейчас она все внимание отдавала ходьбе. Разговор состоится позже.

Дорога привела к даче, расположенной на южной стороне естественной плоской скалы, примерно в четверти расстояния от вершины холма. Дом был сложен из серебристо-серых бревен, метров семь длиной, старый, но крепкий, с остроконечной крышей. Рядом стоял открытый сарай с поленницей дров и древним джипом, еще военной окраски. Крыша сарая упиралась в скалу, а возле обрыва торчал туалет.

Я прошел за ней на веранду, где она, достав из облегающих брюк ключ, отперла дверь.

— Здесь гостиная и спальня. Там кухня. Плита дровяная. Есть приличный запас продуктов. Над домом, в скале повыше, бьет родник — вода в здешних местах очень ценится. В кухню проведен водопровод, вы, наверное, заметили трубы снаружи. Вода только холодная, но отличная. Аккумулятор в джипе наверняка сел, но, может, мотор заведется при спуске с холма. Поедете к бензоколонке, пусть приведут джип в порядок, расходы включите в счет. В шкафу найдете кое-какую одежду попроще. Думаю, она не будет вам слишком велика, как-нибудь обойдетесь.

— Миссис Йомен…

— Постельного белья нет, но одеял хватает и… В чем дело?

— Я не покупаю дачу. И снимать ее не собираюсь. Возможно, вообще здесь не задержусь. Давайте поговорим о деле, хорошо?

Она уставилась на меня с удивлением.

— Но кто-то ведь должен мне помочь. Зачем же вы приехали сюда, если…

— Миссис Йомен, я, как и порядочные девушки, тоже имею право делать выбор и принимать решение. Однажды некая миссис захотела, чтобы кто-нибудь убил ее мужа. Я этим не занимаюсь.

— Ничего подобного мне от вас не нужно. Френ Вивер — одна из лучших моих подруг. Она мне посоветовала…

— Знаю, знаю — написала мне. Ведь я ответил. Вы послали мне билет на самолет. Вы рисковали деньгами, я — своим временем. Сейчас мы должны выяснить, как пойдут дела дальше.

Положив чемоданчик на топчан, я достал плоскую бутылку.

— Виски без льда?

— Пожалуйста. Немного воды — половина наполовину. Увидите, какая она холодная.

Сначала она потекла с ржавчиной, однако быстро очистилась и, действительно, оказалась настолько холодной, что стыли пальцы. Приготовив напиток в двух разных стаканах, я принес

их в гостиную. Она сидела на кожаной подушке, брошенной перед камином. В комнате было прохладно, и женщина накинула на плечи куртку, но шляпу сняла.

Я присел неподалеку на стульчик с кожаным плетеным сиденьем. Она подняла стакан со словами:

— За наш договор.

— Годится.

Мы выпили, и я начал первым:

— Я решил вслепую, не раздумывая, потому что был почти на мели, миссис Йомен.

Она встревожилась:

— Звучит… не очень обнадеживающе.

— Думаете, мало шансов на успех? Я человек весьма удачливый.

— Не понимаю.

— Работаю только тогда, когда кончаются деньги. А живу на заработанное, миссис Йомен. Расходую деньги сейчас, пока довольно молод и знаю, на что потратить. Власти считают, что я не работаю. У меня есть яхта, живу как вольная птица, но иногда приходится зарабатывать. К сожалению. Теперь вы понимаете мое положение?

— Кажется… надеюсь. Френ сказала…

— Что вас обманули с каким-то имуществом.

Вы испробовали все способы, чтобы вернуть утраченное. Теперь попытаться должен я, если это вообще возможно. Если мне повезет, получаю половину.

— В моем случае, наверное, так не выйдет.

— Тогда давайте сразу же вернемся.

— Нет, подождите. Давайте я вам все расскажу. Моего отца звали Кэбот Фокс. Понимаю, вам это имя ничего не говорит. Но в здешних краях оно еще хорошо известно. Я была единственным ребенком. Мать умерла, когда мне было два года. Отец воспитывал меня как сына. Он умер двадцать лет назад — мне тогда было двенадцать, а ему сорок четыре года. Его самым близким и любимым другом был Джаспер Йомен. Когда папа умер, Джасу было тридцать восемь лет. Он стал душеприказчиком и моим опекуном. Ко мне относился с большой добротой и великодушием. Отправил меня учиться в хорошую школу на востоке, мистер Макги. Когда я окончила Вассар и начала работать в одном нью-йоркском журнале, он присылал очень щедрое содержание. В двадцать два года я влюбилась в женатого мужчину., и мы вместе уехали. Все оказалось большой ошибкой. В Париже его чувства испарились, и он быстренько вернулся к жене. Я пробыла там

еще почти год. Начала пить, делала глупости и, наконец, заболела. Джас приехал за мной, отвез в Швейцарию и не уезжал, пока я не встала на ноги. Мне нужна была поддержка, уверенность, я хотела почувствовать, что кто-то меня любит. На обратном пути, прямо на пароходе, мы поженились. Это было девять лет назад. Сейчас Джасу пятьдесят восемь. До прошлого года наша жизнь была… вполне приемлема. Джас богат, удачлив и знает, что хочет. У него это первый брак. Детей мы не могли иметь — по моей вине, не из-за него. Год назад я влюбилась опять. Надеялась, что Джас окажется… разумным, но ошиблась. Я решила уйти от мужа. Отец оставил много денег, и я рассчитывала на них. То, что ежемесячно давал мне на расходы Джас, я принимала как доход со своего наследства, которым он распоряжался. Мне известно, что папа доверил ему большинство источников своих доходов. Когда мне исполнился двадцать один год, я стала получать полторы тысячи в месяц. Все они моментально расходились — я большая транжира, тут сказать нечего. Как я уже говорила, Джас был исполнителем завещания, и я потребовала у него отчета. Он поднял меня на смех. Объявил, что папино наследство уже несколько лет назад кончилось и он дает мне

на расходы собственные деньги. Я потребовала показать документацию, хотя вряд ли смогла бы разобраться, даже если б он ее представил. А он утверждает, что папа очень неудачно вкладывал средства и еще до нашей свадьбы деньги пошли прахом.

Мистер Макги, папа был очень умелым дельцом! После смерти его имущество оценивалось в два миллиона. Не могли же они просто исчезнуть. Полагаю, мой муж… как-то присвоил эти деньги.

— Миссис Йомен, по-моему, вам нужен адвокат и ревизор по банковским счетам. Я вам ни к чему.

— Постойте, я скажу еще кое-что, чтобы у вас было полное представление. Здесь округ Эсмерелда. Километрах в пятнадцати отсюда, в долине, находится город Эсмерелда. В городе местный банк, Окружная компания. И город, и банк, и округ, и много чего другого держит в руках мой муж. С остальными владельцами ездит охотиться, играет с ними в покер. Какого черта он обращается со мной как с подростком, на которого напала блажь. Выжидает, пока я опомнюсь, стану вести себя как послушный ребенок, когда схлынет дурость.

— Вы обращались к адвокату?

— В Эсмерелде я не смогла найти никого, кто осмелился бы взяться за это дело. Нашла молодого юриста в Беласко, из соседнего округа. Занимался этим делом около месяца. Не помню всего, что он выяснил, но основное мне понятно. Пока я была несовершеннолетней, мой муж должен был отчитываться о вверенном ему имуществе перед отделом по делам наследства. Он предоставлял такой отчет трижды: через пять лет после смерти папы, потом спустя десять лет и еще через пятнадцать. Из последнего отчета явствовало, что от имущества не осталось ничего. Судья к этому времени умер. Четыре года назад построили для суда новое здание. Отчеты оказались среди затерянных бумаг, они не значатся даже в описи, так что их существование вообще не доказать. Тогдашний адвокат Джаса тоже умер, и его деловые бумаги куда-то подевались. Этот мой адвокат говорил, что лучше начать с другого конца, достать копии налоговых деклараций, заполненных отцом для федеральных властей двадцать лет назад, составить опись имущества, а потом проследить по официальным спискам продажу иди изменение отдельных вложений, таким образом восстановить все дело и выявить махинации. Только тогда можно предпринимать

что-то в отношении мужа. Но добавил: даже если на руках у нас будут факты против него, Джас может протянуть три-четыре года, прежде чем дело передадут в суд. А он тем временем лишил меня ежемесячной суммы, пока, говорит, не одумаюсь. Просто гладит меня по головке и советует выбросить глупости из головы.

— Может, наследство не было столь огромным, как вы представляли, миссис Йомен?

— Ничего подобного! Папа любил землю и верил в будущее этого края. Мой адвокат видел — и вам я тоже могу показать — только один из участков, принадлежавших папе. Теперь там построили химический завод, два огромных торговых центра и улицы из четырех сотен домов. В окружном отделе по продаже земельных участков он убедился, что эта земля до уплаты налогов не продавалась. В документах значится, что через три года после папиной смерти этот участок купила одна корпорация. А в столице он выяснил, что эта корпорация просуществовала четыре года, а потом обанкротилась. Папочке принадлежала и вся эта округа — десять тысяч моргенов.[1]Джас знал, что мне здесь очень

---

[1] Примечания: 1

Морген — мера площади, равная 0,57 га.

нравится. Семь лет назад подарил мне в день рождения этот участок — девять моргенов. Вроде бы перекупил у новых владельцев. Четыре месяца назад я хотела его продать, но, оказывается, купчая тоже на имя Джаса.

— Чего вы, собственно, хотели от меня?

— Мой муж украл наследство. Наверняка его как-то можно заставить выдать мне вознаграждение. Найти какой-то способ, чтобы относился ко мне всерьез. Потому что и я, черт побери, решила всерьез. Хочу получить свои деньги, хочу развестись и выйти замуж за Джона Уэбба!

— Что ж, деньги, пожалуй, вам будут необходимы.

— Да, Джон бедняк, если вы это имели в виду. Он ассистент на кафедре в университете. В попечительском совете полно хороших друзей Джаса, и вполне может случиться, что в тот же день, как я оставлю мужа, Джона уволят и не примут, нигде в другом месте. Я у него… как заложница, мистер Макги.

— Ловкая женщина может устроить мужу такую жизнь, что он сам захочет от нее избавиться.

— Вот уже несколько месяцев я буйствую, как дьявол. А он просто посмеивается. Джас уверяет,

что у меня все пройдет. Он всегда был… человеком пылким. Теперь он не смеет дотронуться до меня пальцем. И это его вроде тоже не раздражает. Может, завел себе подружку. Он абсолютно уверен, что я перебешусь и опять стану его пай-девочкой. Чтобы заплатить адвокату, мне пришлось продать украшения, и для вашего билета тоже. Уверяет, что стоит мне одуматься, и все будет по-прежнему. Когда у меня гостила Френ, я все ей рассказала. И ей ничего не оставалось, как обратиться к вам.

— Не представляю, что здесь можно предпринять.

— Мистер Макги, я не ожидаю чуда. Свои требования я свела до минимума, насколько возможно. Мне нужно, чтобы он меня отпустил и дал пятьдесят тысяч. Если вам удастся освободить меня и выбить сто тысяч долларов, половина — ваша. Если сумеете добиться больше ста тысяч, то будете иметь еще десять процентов от излишка. Иначе мне остается только сидеть и ждать его смерти. А он здоров как бык.

— Вы можете просто уехать с Уэббом.

Она поморщилась.

— Я пригрозила этим. Ответил, что никогда не согласится на развод из-за того только, что я

уеду. Его люди, говорит, отыщут меня и вернут обратно. А Джона Уэбба изувечат в наказание за похищение жены. Джон не очень сильный. Нет. Он сам отошлет меня к мужу.

Встав на ноги, она в волнении заходила по комнате. Полная жизни, она казалась энергичной, решительной. Не похоже, что ею можно помыкать и ждать от нее покорности.

— Зачем было ему присваивать ваши деньги?

— По-моему, я догадываюсь. Кое-что приходилось слышать. Примерно когда мне было пятнадцать лет, у него начались неприятности. В своих коммерческих операциях он действовал смело, не боялся рисковать. Заключал сделки направо и налево, а когда акции начали падать, денег не оказалось, пришлось запустить руку в мои. Возможно, он собирался их вернуть, но денег требовалось все больше, и пока он изворачивался, приходилось, наверное, прибегать к нечестным маневрам. Думаю, что потом ему было проще подделать бумаги и наплевать на мое наследство, чем стараться возместить потери. И легче всего прикрыть махинации женитьбой. Такая возможность представилась, и он ею воспользовался. Вначале, наверное, он вообще не собирался бросать якорь в супружеской пристани

— не тот тип. Скорее всего, иного пути спасения не было. А я оказалась в отвратном положении и ухватилась за него как утопающий за соломинку. Все эти годы… что мы прожили вместе, я, собственно, вовсе по-настоящему и не была ему женой. Он совершенно не изменил свой образ жизни. И не принимал меня всерьез.

— И что, по-вашему, я могу сделать?

— Мистер Макги, ведь свои мошенничества он совершал не в безвоздушном пространстве! Нажил врагов. Кто-то его ненавидит… и с радостью прижмет его. Джас вовсе не настолько уверен в себе и беспечен, как кажется. Я, например, точно знаю, что кто-то за мной следил. Наверное, он все же тревожится за меня. Конечно, его не обрадует, если в газетах напишут, что супруга Джаса Йомена хочет узнать, что стало с деньгами ее отца. А может, он опасается, что я кое-что отложила из ежемесячных сумм.

— Почему вы так думаете?

— Пять лет у меня служила одна мексиканка. Шесть месяцев назад она уволилась и вышла замуж. К ней заявились двое мужчин и целый час расспрашивали ее, главным образом о моих личных доходах, сколько расходую и тому подобное. Выглядели как ревизоры. Долорес это не понра-

вилось, и через несколько дней она приехала ко мне, все рассказала. Случилось это ровно два месяца назад. С Долорес у нас были доверительные отношения, я ее очень люблю.

— То есть вы считаете, вашего мужа можно прижать к стене, потому что он не уверен в прочности своего положения?

— Не знаю. Если бы точно представляла, что нужно сделать, взялась бы за дело сама, мистер Макги. Я уже подумывала шантажировать мужа. Наняла человека, чтобы разнюхать про его любовные приключения. Но сыщик, наверное, оказался растяпой, за какую-то глупость загремел на три дня в каталажку. Может, плюнул на тротуар. Самоустранился от поручения.

— Но и я не знаю, что можно сделать.

Она предложила выйти из дома. Встала на край крутого склона. Вокруг простирались голые красновато-коричневые откосы холма, лишь кое-где проступало пятно чахлой зелени. Неподалеку росла кучка перекрученных сосенок. Показала на запад. Там склон холма уступами спускался вниз, переходя в голую равнину, и сквозь жаркое марево в туманной дали просматривался город Эсмерелда — беспорядочно громоздившиеся светлые кубики зданий. Потом обратила внима-

ние на автостраду номер 87, идущую к городу с северо-востока, — она протянулась под нами на глубине в тысячу метров и на расстоянии почти шести километров. Я разглядел два длинных серебристых грузовика, ползущих по автостраде: они передвигались как солидные жуки среди юрких легковушек.

Она стояла рядом с непокрытой головой, глядя на меня сбоку.

— Мне тридцать два года, мистер Макги. Я уже потеряла много времени, целые годы. В определенном смысле я благодарна мужу. Но хочу от него освободиться. Чувствую себя как пленная принцесса там, в замке внизу. Джас — король. Днем у меня есть хоть какая-то свобода передвижения, а на ночь возвращаюсь в золоченую клетку. Банальные сравнения, правда? Но когда люди влюбляются, у них возникают романтичные представления о жизни. И я не настолько старомодна, чтобы плакать в подушку. Нужно принимать меры.

Мона стояла справа от меня, почти вплотную, обратясь лицом ко мне. От жаркого солнца в этот безветренный день на лбу у нее и на верхней губе проступил пот. Нужно было ответить, и я молча, нахмурясь, подыскивал слова, чтобы объяснить,

что такими поручениями я не занимаюсь.

И тут она вдруг упала вперед, толкнув меня плечом, ударившись лицом о потрескавшуюся землю и острые камни, соскользнув по ним сантиметров на пятнадцать, даже не шевельнув рукой, чтобы смягчить удар. Звук от падения напомнил тупой стук топора, вонзившегося в гнилое дерево. Лежала без движения, тихо и, расслабленно. А уж потом я услышал, как издалека вернулось эхо от выстрела из тяжелого ружья, отраженное в этот спокойный день тихими скалистыми вершинами. Между мной и домом оказалось слишком большое открытое пространство. Стремительно петляя, я рванулся к соснам, втиснулся между ними, хватаясь за обнаженные кривые корни. Судорожно сглотнул, представив дырку в самом верху позвоночника, сантиметрах в пяти от ее красивой шеи. Большой калибр, сильный бой. Действенность оружия зависит от расстояния и скорости заряда. Судя по звуку, отраженному с запозданием, скорость была изрядная. Целая секунда? Меньше. Метров пятьсот? Подтянувшись, я выглянул из-за ствола — надо мной высился скалистый, довольно высокий холм, представляющий собой идеальное место, где мог укрыться стрелок.

Нужно признать, что свою задачу он выполнил — труп налицо. Если это был не какой-нибудь идиот, выстреливший случайно. Хотя тогда исключалась бы подобная точность и меткость.

Она не успела даже осознать, что умирает.

Окинув взглядом вершину холма, я не заметил ни малейшего движения. Только в сонной тишине почудилось: вроде где-то вдалеке отъезжает машина.

В эту ночь принцесса в замок не возвратится.

Выждав достаточно долго, я пополз вверх и, вскочив на ноги, рванулся в дом. Нырнув в прохладное помещение, расслабил свое драгоценное, обожаемое тело. На камине стоял ее пустой стакан со следами помады. На кожаной подушке еще сохранились вмятины от ее округлых бедер. На стене висел старый бинокль — морского типа, с восемнадцатикратным увеличением. Я разглядел даже муху с ярко-зелеными крылышками, снующую по ее шелковой блузке.

Кожаная сумка оставалась на стуле вместе с курткой и ковбойской шляпой. В сумке лежало восемьдесят девять долларов, восемьдесят из них я забрал. Спрятав бутылку в чемоданчик, вышел за дверь и, набрав полную грудь воздуха, побежал по дороге вниз. Остановился только

после первого поворота. Закуривая сигарету, заметил, как трясутся руки. А потом уже спокойно зашагал вниз.

Глава 2

Когда я перелезал через свалившуюся глыбу, мне пришла в голову сумасбродная идея поискать под скалами ее белую машину. Присев на корточки, заглянул с обрыва — ничего. На дороге под гравием никаких следов, одна выжженная до камня земля. И все же я заметил, где машина подалась назад, развернулась и отъехала. Помнится, ключи она оставила. А зачем ей их было брать? Километрах в трех-четырех внизу, под холмом, были старые ворота, которые я сам открыл и закрыл, когда она проехала.

Интересно, шум отъезжающей машины, который мне послышался, производила ее белая «альпина»? Потом меня осенило. Оставив чемоданчик на дороге, я вскарабкался вверх по скалистому холму, откуда сорвалась глыба. Мне хватило пяти минут, чтобы обнаружить то место — обожженную, почерневшую скалу и слабый запах взрывчатки. Кому-то было достаточно расширить природную трещину, сунуть туда несколько шашек и своротить многотонную глыбу на дорогу. Зачем? Чтобы заставить ее бросить там машину и дальше пройти пешком? Зачем?

Чтобы кто-то мог забрать ее «альпину»? Опять-таки — зачем?

Не найдя ответов, я поднял чемоданчик и стал спускаться дальше с холма. Какая-то особая жестокость — убить вызывающе красивую, полную жизни женщину. Как-то не умещается в сознании, что такие тоже умирают. Никто и не помышляет, что эта нежная плоть, трепетность и обольстительная оболочка могут превратиться в ничто.

Однако она была мертва и останется мертвой навеки. Так что я все усилия сосредоточил на том, чтобы придумать какое-нибудь разумное и правдоподобное объяснение. Пройдя через старые ворота, я оказался на узкой дороге, покрытой старым, покореженным асфальтом, которая, похоже, была заброшена. Я вернулся к дороге, по которой мы с ней приехали. Вероятно, придется пройти километра три, а то и больше. Я надеялся на попутную, но четыре машины, нагнавшие меня, промчались с такой скоростью, что я даже не разглядел водителей.

В конце концов я вышел к перекрестку с запыленной бензоколонкой, закусочной, окруженной развалюхами, когда-то считавшимися машинами. На стуле возле бензоколонки подремывал

паренек. Я не стал нарушать его послеобеденную сиесту.

Я зашел в закусочную. Могучая юная девица в грязном зеленом джемпере сидела за столом, поглощенная разглядыванием иллюстрированного журнала. Услышав скрип двери, она неохотно поднялась, продемонстрировав огромный бюст.

— Мне нужно позвонить.

Не отвечая, она снова села.

— Как называется это место? Как мне его назвать, чтоб сюда подъехали?

— Закусочная Гарри на Котон-Корнерс.

Отыскав монету, я посмотрел на первую страницу справочника. Срочный вызов полиции — 911.

— Канцелярия шерифа. Его заместитель Лондон.

— Я нахожусь в закусочной Гарри на Котон-Корнерс. Хочу сообщить о стрельбе и угоне машины.

— Это случилось там?

— Нет, я покажу где.

— Ваше имя?

— Макги. Тревис Макги. — За спиной я чувствовал сдерживаемое дыхание девицы.

— Минут через десять придет машина. Ждите нас на месте. Вы можете описать украденную

машину?

— Белая «альпина». Номер местный.

— Знаете его?

— Нет.

— Кто ее угнал?

— Не имею представления.

— Где это произошло?

— На холме километрах в десяти отсюда. Сюда я добрался пешком, значит, случилось это больше часа назад, может, даже два часа.

— Кто ранен?

— Жена Джаспера Йомена. Она мертва.

— Миссис Йомен! Черт возьми! Ждите.

Я положил трубку. Рослая девица с изумлением таращилась на меня.

— Ничего себе! Надо же! Принесли вас черти!

— Как насчет кока-колы?

— Еще бы! Идите сюда. А что случилось-то? Кто ее застрелил?

— Вы ее знаете?

— А кто тут ее не знает? Заправлялась здесь. Ее старику принадлежит половина округа Эсмеральда. Вот она и задирала нос. Кто это сделал?

— Будет лучше, если вопросы станет задавать полиция.

— Вы все видели? Собственными глазами?

— Не забудьте про лед, пожалуйста.

Грохнув передо мной стаканом, она выскочила. Послышался поток слов, обрушенных на дремлющего парня, и оба вошли внутрь. Паренек был моложе, чем мне показалось, — высушенный дочерна, гибкий, как ящерица. Посмотрел на меня, словно я только что сморозил глупую шутку.

— Значит, вы говорите, эта кобыла откинула копыта?

Господи, как они были рады, как их взбудоражило вдохновляющее сообщение, что смерть может застигнуть и тех — наверху, молния может ударить и в могучее дерево. Оба по-детски благодарно смотрели на меня, словно я купил им конфетку, и мне оставалось кивком подтвердить — да, действительно умерла.

— Вы не здешний, — объявил парень. — Она была дочерью старого Кэба Фокса. Мой папочка когда-то у него работал. Кэб женился, когда ему было за тридцать. Она была его единственным ребенком, но голову даю наотрез, что здесь в наших краях и сейчас проживает не меньше сорока уже взрослых потомков с его голубыми глазами, и то если не считать мексиканцев. Кэб балдел от мексиканок, хорошо знал их язык. Кэб и Джас Йомен были в одной упряжке. Когда Джас

женился на его дочке, папочка мне сказал, что Кэб обязательно ворочается в гробу, так что трава на могиле вянет. Кто ее убил, мистер?

— Я ведь не здешний.

Снаружи послышался шум подъехавшей машины, и слабо вякнула сирена.

Мы вышли навстречу. Это был светло-голубой седан с непонятным значком на дверце. Из него вышли двое в выцветшей форме цвета хаки, в широкополых шляпах, опоясанные ремнями с оружием, с серебряными значками, — вся бутафория налицо. В деревнях, где проживают пенсионеры, такие старые идиоты из Огайо носят еще штаны типа «Маршалл Далон» и специально хмурятся на горячем солнышке, чтобы вокруг глаз появились характерные морщины.

— Привет, Эрни, — сказал самый рослый.

— Привет, Гомер. Хай, Дейв.

Гомер, сунув руки за пояс и мотнув головой в мою сторону, спросил:

— Этот звонил по телефону? Ты слышал? Сестричка тоже?

— Ну да. Если он не трепло…

— Эрни, вы оба, конечно, можете кинуться к телефону и получить от газет или телевидения долларов десять, а то и двадцать. Только потом,

уверен, расстанетесь с лицензией на это заведение. И уж никогда больше не сможете иметь вывеску. А окружная инспекция установит, что гриль у вас грязный и стаканы тоже. Да и весь этот хлам вокруг не радует глаз.

— Гомер, если ты хочешь, чтобы мы держали язык за зубами, то так и скажи.

— Эрни, если вы с сестричкой шепнете хоть словечко, отправлю тебя на дорожные работы, а ее — в прачки. Так что остерегитесь.

Повернувшись к ним спиной, он перенес внимание на меня:

— Макги?

— Да.

— Меня зовут Харди, а это Дейв Карлайл. Нужно дождаться шерифа. Он сейчас подъедет. Допрашивать станет он. А пока заложите руки назад.

Я повиновался. Меня быстро и умело ощупали — пояс, живот, пах, подмышки, задние карманы, щиколотки.

— Что-нибудь есть при себе?

— Внутри мой чемоданчик.

— Давай его сюда, Дейв.

Помощник пониже и постарше принес чемоданчик и, поставив на капот седана, открыл, покопался в нем и закрыл.

— Теперь установление личности, — объявил Гомер Харди. — Мне не нужен ваш бумажник, достаточно водительского удостоверения, если есть.

Положив удостоверение на капот, переписал в блокнот данные и вернул мне:

— Благодарю, мистер Макги.

— К вашим услугам.

— Фред едет, — заметил Дейв Карлайл.

Запыленная новенькая полицейская машина затормозила на большой скорости, резко свернула и затихла, окутанная облаком мягкой, пыли. Гомер повернулся к парочке владельцев со словами:

— Ну-ка убирайтесь, займитесь своим делом.

Те нехотя удалились. Из машины выбрался шериф — моложе двух своих помощников, с могучей грудью, квадратным выступающим подбородком, бычьей шеей, похожий на бывшего, теперь отяжелевшего спортсмена. На голове у него красовалась выцветшая баскетбольная шапочка, а поверх потрепанных серых брюк — незаправленная рубаха в бело-голубую клеточку. Наверное, хотел скрыть растущее брюхо.

— Ну? — обратился он к Гомеру.

— Это Тревис Д. Макги, Форт-Лодердейл, Фло-

рида. Ничего подозрительного при себе, а там в чемоданчике — только белье, туалетные принадлежности и начатая фляжка виски. Обыску не противился, Эрни с сестрой я надежно заткнул рот. Вопросов ему мы не задавали, так что знаем столько же, сколько и вы.

— Он поедет со мной, вы езжайте следом, — распорядился шериф.

Дейв положил мой чемоданчик в полицейскую машину, а я сел рядом с шерифом. Он представился — Бакльберри.[2]Сказано это было без намека на улыбку. Кто знает, не нажил ли он себе могучие плечи и шею, защищая свое имя от насмешников.

— Куда ехать? — спросил он.

— Развернитесь и езжайте прямо. Километров через пять будут ворота…

— Наверх к даче? Дорогу я знаю. — Он быстро тронулся с места. — Кто ее застрелил?

— Не знаю. Стреляли с большого расстояния. Тяжелое, дальнобойное ружье, шериф. Попало в верхнюю часть спины, умерла мгновенно. Я ее не трогал, оставил на месте. Никого не видел. Ей уже ничем нельзя было помочь. Да и мне не хотелось

---

[2] Примечания: 2
Буквально: козий помет.

попасться на мушку тому сумасшедшему, если он оставался поблизости.

— Когда все произошло?

— На часы я посмотрел только минут через десять. Думаю, ее застрелили в два двадцать пять. Потом я спустился по дороге вниз туда, где мы оставили машину.

— Дорога же доходит до самой дачи.

— Но она была завалена. Пришлось оставить машину метрах в восьмидесяти от дома, и дальше мы шли пешком. Но когда я возвращался, машины на том месте уже не было. Помнится, ключи она оставила в зажигании. Ну, я и пошел дальше. Никто меня не подвозил. Пришлось пешком дойти до Коттон-Корнерс. До этого у меня не было возможности сообщить вам.

— Случайное попадание?

— Возможно.

— А выстрел вы слышали?

— Да. Пуля сразила ее мгновенно, выстрел раздался, как только она упала, по-моему, и секунды не прошло.

Вот и ворота. Вторая машина остановилась за нами, Дейв торопливо подбежал к воротам, открыл их, и мы продолжили путь по дороге с покрытием из гравия.

— А как вы здесь оказались, мистер Макги?

— Благодаря нашей общей знакомой, миссис Френ Вивер, она вдова. Дружила с Моной Йомен и недавно навестила ее. Я работаю над одним проектом, и мне потребовалось укромное, недорогое жилье, где меня не беспокоили бы. Френ предложила мне дачу Моны. Я связался с ней, и она согласилась сдать на время дом. Я прилетел сегодня в полдень, мы встретились в карсонском аэропорте, и она привезла меня сюда. Показала все здесь, мы договорились. Она предоставила в мое распоряжение джип… Я собирался каким-нибудь бревном своротить с дороги глыбу. Мы вышли на край площадки над обрывом — она хотела показать мне окрестности. И тут пуля ее уложила, через мгновение она была уже мертва.

— Почему она встречала вас в Карсоне, а не в аэропорте Эсмерелды?

— Кто знает. Это она предложила. Может, там у нее были еще дела.

Мы добрались до завала, остановились.

— Вызвать дорожную бригаду? — спросил Дейв, высунувшись из своей машины.

— Сначала осмотримся, ребята. А над каким проектом вы собирались работать, мистер Макги?

— Руководство по обращению со спортивными яхтами.

— Руководство? Писать о воде в таком выжженном сухом месте!

— По договоренности с Моной я хотел перевезти сюда вещи. Они уже упакованы.

Мы перелезли через глыбу и пошли по дороге вверх. Впереди шли мы с Бакльберри. Это повторное восхождение начинало мне действовать на нервы. Было уже около пяти часов, и от беспрерывной ходьбы я чувствовал усталость. Сделав последний поворот, мы увидели крутую крышу дома. Сделав еще пять-шесть метров, я произнес:

— Вон там она лежит…

Осекшись, я ошеломленно посмотрел на площадку сухой скалистой земли: она была пуста! Трое уставились на меня. Я чувствовал, как мои губы кривятся в дурацкой, извиняющейся улыбке:

— Лежала там точно, клянусь!

Они пожали плечами, и мы прошли к указанному мною месту — я ожидал увидеть там кровь. Пуля прошла сквозь шею и должна была спереди вырвать клок тела. Я ведь точно помнил место, куда она упала. Я присел на корточки — похоже, кто-то снял верхний слой с поверхности земли и

снова все утрамбовал, но окончательной уверенности не было. Посмотрел с обрыва вниз: если кто-то срезал окровавленную землю и сбросил ее вниз, искать было бесполезно.

Поднявшись на ноги, я заносчиво сказал:

— Что ж, в доме остались ее вещи.

Пошли к дому — дверь была заперта.

— Шериф, я оставил дверь открытой, когда уходил.

На лице всех троих отразилось мрачное недоверие. Бакльберри, пожав плечами, пошарил над притолокой, через минуту достал ключ и, осмотрев его, снял толстый слой паутины.

— Открывали вы этим ключом, мистер Макги?

— У нее был свой ключ.

Мы зашли внутрь. Воздух был затхлый, как в доме, где не жили несколько месяцев. Шляпа, сумка, куртка исчезли. Не было и стаканов. Кожаная подушка снова положена на стул. Я вспомнил, что бросил в камин окурок. Миссис Йомен не курила. Присел перед камином — сигареты не было.

— И что теперь, черт возьми? — раздраженно спросил Бакльберри.

Я описал ее машину, рассказал в деталях, как она была одета. Показал, где настиг ее выстрел и как он звучал.

Они молча пялились на меня. Бакльберри покосился на Гомера Харди, и тот подал голос:

— Теперь понятно, шериф, почему не нужно было вызывать дорожную бригаду.

— Давайте, ребята, валите вон, отдохните в тенечке, — скомандовал Бакльберри.

Все вышли, послышался громкий смех Гомера. Бакльберри предложил мне сесть, и я опустился на топчан.

— Это была дурость, Макги.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Эта сумасбродка уже несколько месяцев грозила, что сбежит с одним профессором. Без устали добивалась, чтобы старый Джас отпустил ее. Джас в городе, посмеиваясь, говорил, что это детская блажь, вроде бы скоро пройдет. И Мона прекрасно знает, что ей не уехать так далеко, чтобы Джас не вернул ее назад, что ей еще потом основательно достанется. Короче говоря, немного сбрендила. А мы что? Должны все с неделю утюжить и прочесывать холмы, разыскивать ее труп, которого нет и в помине? Но вы держались молодцом, мистер Макги. Я вам почти поверил. Говорят, такие же шутки откалывал ее отец, старый Кэб Фокс, только он был классом повыше.

— Не понимаю вас, шериф.

— Придется объяснить на пальцах. Мона подговорила парочку хороших приятелей, чтобы попробовали избавить ее от Джаса Йомена. Эту ее колымагу вы где-нибудь запрятали!.. А она со своим профессором уже за горами, за долами. Знает, что с Джасом шутки плохи, вот и решила разыграть спектакль. Если мы посчитаем ее жертвой несчастья, выиграли бы время и успели где-нибудь затаиться. Но задумка не удалась. Как только вернемся к машине, я свяжусь с Джасом. Ставлю восемь против пятерки, что завтра-послезавтра он доставит ее домой. Потом, когда он как следует отделает ее красивенький зад, недели две Мона посидит под домашним арестом и станет как шелковая. Кто вы на самом деле?

— Вы считаетесь хорошим шерифом?

Он прищурился.

— В этом округе шерифа не избирают.

— И нигде не нужно избирать. С этим покончено. Поразмыслите как настоящий следователь. Если все произошло по вашей схеме, то где реквизиты?

— Какие?

— Такой трюк любой, кто хоть чуть шевелит мозгами, обязательно подкрепит доказательствами, так? Здесь была бы кровь животного. Или

следы борьбы. Пуговица от ее блузки. Что-нибудь было бы, чтобы всему придать достоверность!

На квадратных челюстях задвигались желваки.

— Эти игры мне тоже знакомы. Может, в отсутствии всяких доказательств как раз самый смак, да и вам тоже это дает возможность расписать свою версию.

— Очень дешевое объяснение, шериф. Мне ясно одно — я видел, как она здесь лежала. Можем гадать и воображать что угодно. Но я видел ее мертвой.

Он покачал головой.

— Не хочется быть грубым с человеком, который решил оказать услугу приятельнице. Если не ошибаюсь, я могу задержать вас за намеренное введение в заблуждение полицейской службы. Как только в ближайшем будущем встречусь с миссис Йомен, я скажу ей — вы сделали все, что могли.

— У вас в лаборатории хорошие специалисты?

— Здесь Центр криминальной полиции для десяти соседних округов. В нашем распоряжении отличная аппаратура.

— Почему вы не направите их сюда?

— Все еще не сдаетесь, да? А зачем направлять?

К полуночи отыщется след этой парочки. Отсюда для побега три направления — Лас-Вегас, Мексика или Нью-Йорк. Старый Джас забросит длинную удочку с крючком на конце и вытянет ее точнехонько домой. Пошли, пора уезжать отсюда.

Мы вышли под последними косыми лучами октябрьского солнца, которое вот-вот скроется за высокими вершинами, вдали за Эсмерелдой.

— Не знаю как кому, а мне кажется, виноват Джас. Слишком многое ей позволял. Получила образование, которое здесь не очень-то требуется. Даже сам Кэб не дал бы ей большего, если был бы жив. По-моему, Джас ее распускает и слишком балует.

Мы потащились вниз к машинам. Слышно было, как Гомер и Дейв о чем-то тихо говорят, иногда хихикая. Все были так непоколебимо уверены в своих выводах, что я даже не обратил их внимание на место, где кто-то взорвал глыбу.

Шериф Бакльберри отправил Гомера и Дейва осматривать местность, а сам вызвал свой отдел, чтобы разыскали Джаспера Йомена, но тут же раздумал.

— Слишком много непосвященных настроено на эту волну, — объяснил он. — Незачем всем покатываться со смеху.

— Если попытаться определить оружие, — стоял я на своем, — то скорее всего это был «магнум-44». Результат почти такой же, как если бы кто-то хорошенько размахнулся трехсоткилограммовым молотком и всадил его между лопаток. При меньшем калибре и дыра была бы меньше.

— Ради, Бога, Макги!

— Вряд ли многие люди в этой округе имеют такое оружие.

— Конечно, немногие, и те, кто его имеет, не шастают вокруг и не охотятся на чужих блондинистых жен, парень. Еду в город. Вас подвезти?

— Желательно. Буду очень обязан, если подкинете к какому-нибудь мотелю. Предпочитаю чистый и дешевый, если у вас можно получить и то и другое вместе. И по возможности не очень далеко от города.

— Надолго останетесь?

— Может, попрошу мистера Йомена все-таки сдать мне на время дачу.

— Только лучше не заходите дальше в своих шутках.

— Что вы имеете в виду, шериф?

— Мы здесь живем, в общем, по-приятельски. Ни в городе, ни в округе полиция не свирепствует. Нет нужды в крутых мерах. Однако если такому

почтенному гражданину, как мистер Йомен, покажется, что вы ему не по нраву, вам придется себя поздравить, если унесете отсюда ноги подобру-поздорову. Возможно, мы старомодны. Но люди, которые платят уйму налогов, вправе рассчитывать на услуги.

Выехав по шоссе номер 87, мы вскоре свернули налево. Солнечные лучи уже исчезли из долины, и вечерняя заря окрасила светлые здания Эсмерелды в розовый цвет. Двухсторонняя автострада стрелой нацелилась прямо к городу. Шериф, остановив машину возле строения, именовавшегося Латиго-мотель, сообщил, что номера здесь чистые и дешевые, напомнил, чтоб я никуда не совал носа, дал мне выйти и отъехал.

Мотель стоял на узкой полоске земли, оба его крыла полукружьями доходили до самой мостовой, по бокам его теснили «Тихая пристань» и магазин детских товаров. Крохотный газон с кактусами освещали четыре рефлектора. Напротив через дорогу расположился ресторан «Фермерский приют» — полный набор местных деликатесов, немного дальше — гриль-бар для водителей; звуки музыкальных автоматов перекрывали шум проезжавших машин. Толстая молодая женщина, на пышном бедре которой

восседал ребенок, с отрешенным видом оформила меня в седьмой номер, взяла пять долларов, и из состояния полного отупения ее вывело лишь мое сообщение, что я без машины, — этого осмыслить она не могла. Смотрела на меня как на привидение. Действительно, эксцентричный я человек.

Я отправился разыскивать седьмой номер. Во дворе был устроен крохотный бассейн, огороженный стволами высоких секвой. В воде плескалось и кричало с десяток детишек. Комната была маленькой, чистой, почти пустой. Сбросив рубашку, я растянулся на двуспальной кровати.

Пока вы действуете, пока приходится действовать, множество обстоятельств проходят мимо сознания. Но стоит только остановиться, и вам уже не удастся удержать их на безопасном отдалении. Мона Фокс-Йомен мне не понравилась: держалась она неестественно, изображала натуру возвышенную. Причем скорее поддразнивала, чем соблазняла. Мужчина не может избежать мыслей о постели. Манеры Моны вызывали у меня чувство, что ее нужно как следует встряхнуть, вцепиться в волосы, растрепав двадцатидолларовую прическу, чтобы к ней по-настоящему приблизиться: ей необходимо задать жару, чтобы сбить с нее спесь. Конечно, я не допускал, что мы

с ней зашли бы так далеко, но вот такие ощущения она у меня вызывала. Некоторые женщины просто требуют твердой мужской руки.

Вот такая необузданная лошадка стояла со мной рядом в тесных брюках и вдруг упала, горячее тело остыло — все произошло мгновенно. Мне уже приходилось видеть мертвых женщин, я был очевидцем и скорой ожидаемой смерти, и быстрой неожиданной смерти, но такую внезапную, непредвиденную гибель красивой женщины еще не наблюдал. Меня это задело глубже, чем можно предполагать. Было здесь нечто большее, чем факт прискорбного несчастья. Не могу определить точно, что именно меня поразило и отчего я так расчувствовался. Как-то все оказалось связанным с собственной беззащитностью перед смертью, с неизбежным моментом ухода из жизни. Хотя она давно выросла из детских платьиц, когда упала, казалась поверженной девчушкой и стала моему сердцу ближе, чем живая. Некрофилия чувств.

Я же как раз обретал определенную устойчивость. Когда-то я пережил худшие часы жизни и оправлялся медленно, с напряжением, меня долго преследовали страшные воспоминания и угрызения совести, по ночам мучили кровавые

сны, но я выбирался из кошмаров, пользуясь макгиевской терапией — умеренное потребление пива, солнца, яхты и смех, несколько аппетитных перепелочек с пляжа, рыбалка, прогулки по берегу, любование луной, порой — импровизированные пирушки на какой-нибудь яхте. Мне уже казалось, что я вернулся в прежнюю шкуру, что я снова прежний старый волк-одиночка Макги, свободный бунтарь со светлыми глазами, жесткой щетиной, загорелый до черноты, непокорный, ничем не связанный циничный холостяк. Я наконец поверил, что мои ранимые точки покрылись новым защитным слоем. Когда обнаружилось, что мне незамедлительно требуется пополнить свой бюджет — был почти исчерпан даже неприкосновенный запас, отложенный на расходы по будущему делу, — я был уверен, что теперь-то уж буду хладнокровен и расчетлив. Никаких переживаний, парень. Никаких причитаний над беднягой, оказавшимся на краю пропасти. Выберешь хороший, жирный кусок, заработаешь полный карман и мило-весело будешь поживать на своем кораблике «Утраченное сокровище» в Лодердейле.

У меня было два приличных предложения, когда пришло письмо от Френ Вивер и объявилась

третья возможность, и я сразу решил заняться ею.

И мой новый защитный слой моментально испарился.

Лучше забудь об этом, Макги. Посмотри, сколько доводов плюнуть и забыть. Обратный билет оплачен. Ничего здесь не добьешься. Надежная клиентка стала покойницей. Никого не волнует, что ты выяснишь в этой истории. Некому оплатить тебе работу, что бы ни раскрылось. Кроме всего, эта женщина тебе не нравилась. Отоспись. И убирайся из города.

Только никогда не найдешь ответа на вопрос — зачем?

Эй, парень, разве ты можешь позволить себе такое праздное любопытство? Не счесть, сколько таких диких кошек отправилось на тот свет!

Однако подстроенный завал на дороге свидетельствует о продуманной подготовке. Почему были уничтожены все следы? Зачем?

Идиот, ты же можешь заняться простенькой, милой проблемой той старой грымзы из Джэксонвилла, у которой пасынок заграбастал коллекцию золотых монет. Там задача беспроигрышная. И решить ее можно без особых усилий. Достаточно припереть его к стенке, и монеты посыплются

сами. Работенка на четыре-пять дней.

Эта история имела еще одну неприятную сторону. У меня наверху в спине между лопатками тоже есть небольшое прохладное местечко. Я был с ней, когда все случилось, на дачу она давно уже не приезжала. Кто-то знал, что она сегодня поедет туда. И знал, что с ней буду я?

Если убийца собирался прихлопнуть нас обоих, он мог бы сначала снять мою голову, потому что женщина, надо полагать, не сразу опомнилась бы и застыла, скованная страхом. Почему чужака оставили в живых? Чтобы обвинили его?

Может, за меня уже никто не даст и ломаного гроша? Возможно, здесь у меня земля горит под ногами и даже воздух опасен. Клянусь, ноги моей не будет возле того холма, не стану следить за неизвестными мне людьми и не сяду спиной к окну.

Самое разумное, наверное, исчезнуть немедленно.

Только подумай, приятель: если ты отступишься, кто-то выйдет сухим из воды.

А кто ты такой, Макги? Хранитель общественной морали? Каждый день, каждый час кто-то выбирается сухим из чего угодно. И убийство не такое уж чрезвычайное событие. Знаешь ведь

хорошо, что в первую очередь возьмутся за тебя. Это обязанность полиции, а тот полицейский, с которым ты познакомился, вовсе не похож на простофилю.

Все мои рассуждения имели один изъян: было ясно, что я уже решился. И даже знал, когда и как, когда вынул из ее сумки восемьдесят долларов. Я их взял не просто так, не себе, а ради нее. Как берешь патроны, рассчитывая на стрельбу.

Стоило это признать, и мне немного полегчало. Хотя кое-что продолжало тревожить. Я ведь хотел в этом холмистом краю держаться в тени. А эта история затянет меня в водоворот. Слишком долго я жил в покое. По словам моего приятеля Мейера, экономиста, одни кретины могут быть уверены, что им не грозит затмение рассудка. Остальные раскачиваются над бездной на мостике с шаткими перилами. Тот, кто верит, что в нем нет ни капли безумия, просто обыкновенный лжец. К сожалению, никак не узнать, когда вас швырнет за перила. А тот незабываемый гудящий звук, связанный с тяжелым ударом в беззащитную шею сквозь шелковую блузку, проник за границу моего сознания. И привел в движение нечто примитивное, первобытное и неуловимое.

Выйдя из номера, я отыскал холодильник и,

вернувшись, приготовил выпивку в стакане, извлеченном из пергаментного кармашка с уведомлением, что сосуд простерилизован с помощью пара. На краю стакана алело небольшое пятнышко от помады, по-видимому, тоже стерильное. Можно сообщить шерифу. Ловкая горничная обычно протирает стаканы полотенцами, использованными съехавшими постояльцами, а уже затем сует их в благонадежный кармашек. Потом теми же полотенцами протрет унитаз и перетянет его бумажной полоской, удостоверяющей верх стерильности. Поменяв постельное белье, вытащит свою тележку на колесиках, ногой захлопнет дверь и, откашлявшись, прочистив горло, начнет перекличку с подружками в другом конце коридора.

Со стаканом в руке я умостился, полусидя в постели, и, подавив все чувства, попытался с холодной головой обдумать, что, собственно, произошло. Кто-то решил убить ее и исполнил свой замысел. Для чего при этом был нужен свидетель? Кто-то знал, что она приедет на дачу. Вряд ли она доложила мужу, что в полдень встретится в карсонском аэропорте с незнакомым мужчиной и отвезет его на дачу. Но ей показалось, что кто-то уже следил за нею. А если бы она перед завалом

развернулась и доставила меня для беседы в другое место? Кто-то знал ее слишком хорошо и предугадал ее реакцию. Раз она решила говорить со мной именно там, сам черт ее не остановит. Если знали, что я должен был провести там какое-то время, точно рассчитали, что доберемся и пешком. А стрелок уже поджидал наготове. Мы облегчили ему задачу, когда вышли и встали на краю обрыва. Да в любом случае перед отъездом мы оказались бы на какое-то время в открытом пространстве. Ясно одно: стрелок и тот, кто отъезжал на машине, — разные люди. Слишком много времени потребовалось бы стрелявшему, чтобы спуститься по неровной дороге на такое расстояние. Мои действия после падения женщины можно было предвидеть — сначала найду укрытие, а потом отступлю к машине. Выясню, что она исчезла, уйду пешком, предоставив ему или им возможность уничтожить следы преступления.

Пока что я не искал мотивы убийства, а занялся вопросом, куда делся труп. В той выжженной, обрывистой полупустыне в радиусе километра от дачи и внизу и наверху найдутся десятки тысяч укрытий. Можно засунуть тело в небольшую расщелину и засыпать камнями. За два дня неистовое солнце сожжет и высушит все соки

и превратит ее в двадцать килограммов сухой кожи, сухожилий и костей, скукоженных в складках ковбойского костюма.

Разве для убийцы не было бы разумнее заманить ее на дачу одну? Застрелить с меньшего, но безопасного расстояния? Быть уверенным, что никто не помешает? Зачем понадобился свидетель, которому позволено свободно передвигаться и твердить, что она мертва?

Однако один вывод я сделал — если все произошло по плану, то все это выглядело бессмысленным, потому что отсутствовали некоторые факты. Кто бы мог их сообщить мне? Тот безымянный адвокат из Беласко? Джон Уэбб? Долорес?

Окно в номере было открыто, в комнате темно. Снаружи доносился гул и скрежет движения на автостраде, музыка из гриль-бара, приглушенные возгласы игроков из «Тихой пристани». Зато детские крики в бассейне затихли. В соседнем номере во всю мощь работал телевизор. Мимо моего окна прошагала парочка, и я услышал слова женщины: «У нее весь день течет из носа, а ты, Гарри, оставляешь ребенка в воде, пока он не посинеет…»

Я зажег свет, закрыл окно и долго регулировал вентилятор, нагонявший в комнату струю

влажного воздуха и сдержанным рокотом перекрывавший внешние звуки. Этот монотонный шум, действующий вам на нервы и создающий такое же чувство уединения, как в заводском цехе, представляет собой новый вид комфорта.

Я задремал, а когда проснулся с пересохшими губами и заплывшими глазами, было уже почти девять часов. Казалось, сон затуманит образ мертвой женщины, но мозг по-прежнему воспроизводил одну картину: толчок — и она падает, рывок — и падение. Поплескав в лицо пригоршнями холодной воды и почистив зубы, я покинул мотель и перешел через дорогу в фермерскую столовую. Купив вечернюю газету, просматривал ее в ожидании заказанного бифштекса, уединившись в одной из кабинок напротив длинной стойки. Газета состояла из одних дифирамбов: немыслимый прогресс; Эсмерелда — прекраснейший из городов; жилищное строительство идет полным ходом. Обещали второй этап, в течение которого очистят все трущобы на окраинах. Фабрика «Калко» начнет строительство в новом промышленном квартале. Северо-восточная магистраль на пятнадцать минут сократит путь от аэропорта до центра города. Специалисты предсказывают, что за ближайшие девять лет

население Эсмерелды удвоится. Тренер уверяет, что наступающий сезон пройдет без поражений, и предсказывает прекрасные результаты в шести окружных соревнованиях. Школы подготовили невиданное количество выпускников.

Снаружи буйствовал шум, но в закусочной царило затишье. Потом заявились пять молодых женщин — команда из кегельбана. В белых майках, белых коротких теннисных юбочках в складку, с яркими спортивными сумками. На спине красовалась надпись «ЭЛИТА», а над сердцем у каждой имя: Дот, Конни, Бетт, Марго и Дженни. Куртки и сумки они сложили в одну кабинку, а сами втиснулись в другую. Я не мог решить, секретарши это или молодые домохозяйки, часто они бывают и теми и другими. Две из них обладали крепкими спортивными фигурами. Заказав кофе, они беспрестанно хихикали, вскрикивали, перешептывались, хохотали, держались как заговорщицы, и порой я слышал, как о края толстых кофейных чашек позвякивало стекло — девушки слегка подкреплялись, наверное, отмечали победу. Заметив меня, они начали переговариваться, хихикая, а те, что сидели спиной ко мне, оборачивались, вроде бы равнодушно осматривали кафе, награждали меня цепким,

оценивающим взглядом и, повернувшись к столу, сдвинув головы, обменивались шутками. На одинокого мужчину есть смысл обратить внимание. Загорелый незнакомец с широкими плечами вызывает у них интерес. Громкие, почти истерические взрывы смеха говорили о том, что их комментарии становятся все смелее. Потом одна из этих великанш что-то долго, проникновенно шептала, и затем раздался взрыв неудержимого хохота.

Мне пришло в голову, что мир во многом перевернулся с ног на голову. Вот и эти девушки с вызывающими взглядами, заигрывавшие со мной, по сути были похожи на потенциальных ловеласов, на группу холостяков, атакующих незнакомую и одинокую женщину. Да я сам чувствовал себя как-то по-женски. И понял, что в вызывающих манерах Моны был такой же оттенок — подсознательное проявление традиционной мужской атаки: поинтересуйся, дружок, каковы мои условия.

Бифштекс оказался пережаренным, похожим на подошву, безвкусным. Картофель — отвратительная каша. Салат теплый и вялый, кофе — горький и остывший. Пройдя мимо «элитных» девиц, я шагнул в ночь. Одна из них уставилась

на меня сквозь грязное окно и, округлив губы в поцелуе, энергично закивала, остальные зашлись в хохоте.

Переждав поток машин, я пересек улицу и не торопясь направился к своему шумному пристанищу. Сунул в дверь ключ, и, когда открыл ее, обнаружилось, что в номере горит свет и столбом стоит дым. Бакльберри сидел на моей постели, а в кресле расположился незнакомый тип.

— Привет, чувствуйте себя как дома, — бросил я.

— Макги, это мистер Йомен.

Рукопожатия не последовало. Мистер Йомен, подняв стакан, произнес:

— Мы принесли с собой, приятель. Такое же виски, как ваше. Угощайтесь.

Оба держались без напряжения, сдержанно, почти дружески. Приготовив выпивку, я со стаканом сел на постель рядом с Бакльберри. Рубаха его теперь была заправлена в брюки, а поверх нее надет красновато-коричневый вельветовый жилет с множеством карманов, застегнутых на пуговки.

Джаспер Йомен для своих пятидесяти восьми лет выглядел на удивление молодо. Черные волосы, зачесанные назад, лишь на висках тронуты

сединой. Одет в простой темный костюм, худой, с длинными конечностями. На продолговатом темном лице глубоко посаженные черные индианские глаза, слегка оттопыренные уши. Его можно было принять за сельского жителя. Крупные, лошадиные зубы и узкие губы, изогнутые в легкой усмешке. От него исходила сила, самоуверенность, его пристальный взгляд и эта усмешка могли смутить человека: словно он посмеивается, а вы не знаете, над чем. В кресле сидел, свободно развались и перекинув ногу через подлокотник. Оба выжидали, пока я заговорю. И напрасно.

Наконец Бакльберри, вздохнув, начал:

— Тут Джас заинтересовался вами, Макги.

— Его можно понять.

— Чтоб вы больше не ломали голову, — продолжал шериф, — той парочке мы уже сели на хвост. Профессор уехал из дома вчера в полдень. Его старая колымага обнаружена в карсонском аэропорте. В списке пассажиров значится, что мистер Уэббер Джонсон с супругой вылетели в Эль-Пасо сегодняшним рейсом в 12.15. В билетной кассе описали, что это была рослая блондинка и худой, высокий мужчина, оба в больших темных очках.

— Как выяснилось, — небрежно вступил Йомен, — Мона уехала из дома сегодня около десяти

утра. Взяла два чемодана — платья и драгоценности. Судя по всему, вы из карсонского аэропорта в ее машине приехали на дачу, послонялись там, а потом припрятали машину на каком-нибудь проселке за Котон-Корнерс. Но вы допустили грубейшую ошибку. Все-таки Мона должна была принять вас во внимание. Свой побег с профессором она обставила дьявольски хитро, но если бы мы не напали на ее след, вернулись бы к вам и посвятили вашей сказочке гораздо больше внимания.

— И что дальше? — поинтересовался я.

— Вы кажетесь вполне приличным человеком, — отвечал Йомен. — Почему вы позволили втянуть себя в глупейшую комедию? Она вам поплакалась, что я украл деньги ее отца, что жестоко обращаюсь с ней? Дружище, Моне вожжа попала под хвост, и тут уж ничего не поделаешь, нужно просто переждать. Вскружила себе голову романтикой, как зеленая девчонка. Я вам кое-что открою. Она не совсем… уравновешенная. До свадьбы была в таком загуле, что еле-еле удалось привести ее в чувство. Ей нужна твердая рука. Нужен мужчина, который для нее и муж и отец. Тому профессоришке заморочила голову. Имея такого старого мужа, как я, она вообразила, что

жизнь проходит мимо. Если б могла иметь детей, наверно, стала бы другой. Ей ведь нравится беззаботная жизнь, и пока не напала эта романтическая придурь, думаю, что жизнь со мной ее вполне устраивала. Мона меня переживет, и я оставлю ей столько имущества, что она сможет проматывать его, где угодно на свете, если захочет. Но пока я ей муж, мне лучше знать, что для нее нужнее. Она всегда получала встряску, если заслуживала, ее это приводило в чувство, и сама потом меня благодарила. Я покупал все, стоило только ей заикнуться. Но я пришел сюда не для того, чтобы поплакаться. Если вам известно, где они приземлятся, скажите, и все мы избавимся от множества забот и неприятностей. Слушайте, я хочу даже большего. Когда они скроются где-то, я не стану им мешать, подожду неделю, дней десять. Стоит ей попробовать с тем, с кем приспичило, живо вернется домой.

— Джас, — остановил его шокированный Бакльберри.

— Ладно, ладно, Фред. Разговорился об интимных делах.

Вглядевшись в него, я понял, что Йомен пьян. До сих пор это не было заметно. Как опытный выпивоха, он не терял над собой контроля, учитывая

последствия и умело устраняя их. Сокрушенно покрутил головой:

— Боже мой, каких только гадостей она не напела всем своим друзьям с востока! Когда эта Виверша гостила у нас, она смотрела на меня как на гадюку. И вы, чего доброго, поверили, что я ее заставил выйти за меня замуж.

Убрав ногу с кресла, он нагнулся вперед.

— Мистер Макги, мы с ее отцом двадцать лет пахали как лошади, чтобы выйти в люди. А потом он мне ее оставил, повесил на шею. Мне и в голову не приходило жениться на ней. Когда девять лет назад я выгребал ее из Парижа, она была на краю. Ничего более жалкого вы не видели. Крупная девушка, она тогда исхудала, весила сорок пять килограммов. Стала истеричкой — крик, визг, вообще не понимала, где находится. Сначала я не очень встревожился, но, когда представил, что подумал бы Кэб, стало совестно. Отвез ее в Швейцарию, поместил в хорошую лечебницу и подождал, пока ее привели в порядок. А что дальше? Опять спустить ее с цепи? Снова капризы, сумасбродство? Очень быстро она снова опустилась бы на дно со своими сомнительными знакомыми. Ну, я поступил так, как мне казалось разумнее. Пристегнул к ноге единственным

доступным способом, женился и привез сюда, домой. Восемь лет все отлично срабатывало, лучше, чем можно представить. Знали бы вы, как она умеет пудрить мозги. Смотрите на нее, слушаете сладкие речи и воображаете, что перед вами спокойная, разумная женщина. Если вобьет себе в голову, сумеет убедить, что черное — это белое. Но по сути своей она по-прежнему осталась сумасбродным ребенком со взбалмошным характером. А в последнее время она вся как на иголках. Я держал ее в спокойной пристани приличной жизни. Приятель, я уже стар для того, чтобы выходить из себя оттого, что она поваляется с тем профессором. Огорчает меня это, противно даже, но я стараюсь ее понять. Признаюсь — сделаю из ее очаровательной задницы котлету, когда приведу назад, но ей это пойдет на пользу, она поймет, что вела себя плохо. Любой охотнее заплатит дань, чем станет жить с чувством вины. Моя гордость не пострадает, если все уладить. Вы не знаете, парень, и она тоже не понимает, что без меня она конченый человек. Я должен ее остановить, прежде чем она опять пойдет ко дну. Надеюсь, теперь вы нам скажете, куда они нацелились.

Я не знал, что ответить. Было ясно, что он

неглуп, но не хотелось верить, что разыгрывал представление, зная, что она мертва. В раздумье я встряхивал остатки льда в стакане, а Фред Бакльберри забросал меня вопросами:

— Они что — достали документы или собираются через Хуарес махнуть в Мексику? Или направились самолетом на запад? В Калифорнию?

Не отвечая, я допил виски и пристально посмотрел на Джаспера Йомена.

— Ваша семейная жизнь меня не касается, мистер Йомен. Сегодня днем, в 14.25 я стоял рядом с вашей женой. Кто-то выстрелил из тяжелого, дальнобойного ружья, попал ей в шею сзади, и она умерла раньше, чем ударилась лицом о землю.

Очень темные, индианские глаза чуть дрогнули, губы разжались, но он тут же взял себя в руки:

— Я пытался говорить с вами как мужчина с мужчиной, хотел обойтись по-хорошему. Скажу еще кое-что. На всем белом свете нет никого, в чьих интересах было бы убить Мону. Скорее всего можно подозревать меня, только я никогда бы не сделал этого. Возможно, вы считаете своим долгом держаться как клещ за свою историю.

Хотя на первый взгляд вы кажетесь умнее. Не дразните меня, парень, я натравлю на вас Фреда, чтоб выкурил из наших мест, и, если он при этом позабудет о приличиях, тем лучше.

Я пожал плечами.

— Фред чересчур задирает нос от благосклонности важного налогоплательщика, мистер Йомен, и совершенно забыл, что значит быть хорошим полицейским.

— Что, к черту, вы имеете в виду? — рявкнул Йомен.

— Я только любитель, дилетант. Но все-таки задал себе вопрос: та глыба, загородившая дорогу, — она свалилась случайно? Я вскарабкался вверх и обнаружил, что кто-то сбросил ее с помощью взрывчатки. Хотели, чтобы Мона пошла к даче пешком. Почему? Не знаю. Раз была не одна, кто-то обеспечил возможность уехать в машине и получить преимущество во времени, прежде чем узнает полиция. За это время успеют убрать и труп, и всякие следы.

— Он об этом даже не заикался, Джас, — вмешался Бакльберри.

— По-моему, хороший полицейский многое мог сделать, — продолжал я. — В той маленькой белой «альпине» мы были достаточно заметны.

По пути от Карсона к даче кто-то обязательно нас видел и запомнил. И думаю, следовало бы послать на дачу экспертов. Та пуля пробила в ее шее дыру с кулак. Достаточно найти каплю крови или еще что-нибудь, упущенное убийцей. — Я встал. — С меня достаточно. Я собственными глазами видел, как убили женщину. Мы были знакомы с ней около двух с половиной часов. Она даже не слишком мне понравилась. Можете здесь рассиживаться и выдумывать сказки, где она теперь, но она покойница, как дважды два — четыре. Кому-то понадобилось мутить воду. И я еще думаю, что Джона Уэбба тоже нет в живых. Вы сняли отпечатки с его колымаги в аэропорте? Меня отсюда вы можете выгнать — мне же лучше. Но если останусь, буду совать нос куда не следует. У вас же в центре наверняка есть детектор лжи. Почему бы вам не проверить, говорю ли я правду? Черт побери, ведь это несложно!

В скулах Бакльберри заходили желваки, но он сдержался и, покосившись на Йомена, произнес:

— Можем все осмотреть заново, Джас.

— Действуйте.

— А с этим как быть?

Йомен, поднявшись, шагнул ко мне, оглядел с головы до ног.

— Как? Пожалуй, он заслуживает, чтоб оставить его здесь...

— Отправить в камеру?

— Может, он хочет остаться здесь по собственному желанию.

— Именно это я имел в виду, мистер Йомен.

Не сводя с меня глаз, Йомен распорядился:

— Фред, забери бутылку и подожди меня в машине. Мне нужно кое-что сказать тебе.

Чуть помешкав, тот забрал бутылку и удалился. Когда дверь за ним закрылась, Йомен объявил:

— Порой мне кажется, весь мир только и думает, как прижать Джаса Йомена. Если человек стоит на вершине, его видно со всех сторон. И как ни вертись, всегда окажешься к кому-нибудь спиной. До Моны никому нет дела, но, возможно, через нее хотят подобраться ко мне. Понимаете, о чем я?

— Пожалуй, да.

— Если старой собаке дать сразу много свежих следов, она заскулит и не возьмет ни одного. Вы видели тех клоунов, что удерживают на тросточках крутящиеся тарелочки и еще носятся по сцене из конца в конец?

— Да.

— Вот и я как раз теперь удерживаю в воздухе

изрядную кучу фарфора. Пока я с ней ношусь взад-вперед, любой может дать мне подножку, и пока я соберу осколки, деньги растащат по углам. Кто-нибудь уже наготове и приберет их к рукам. Фреда тоже могут сбить с ног — чисто случайно.

— Следовательно?..

— Я привык полагаться на первое впечатление — подходит мне человек или нет. Не знаю, на чьей вы стороне. Но, кажется мне, умеете стоять на своем. Если у вас есть нечто ценное для меня, я готов купить.

— Что, к примеру?

— Раз вы не способны преподнести это, ничего ценного никогда продать не сумеете.

Подмигнув мне, он не торопясь направился к двери и, мигнув еще раз, вышел. Пьяный ли, трезвый, пока он в сознании, здравый смысл его не оставит. А вот меня Йомен оставил. Вел себя так, словно подозревает какой-то заговор, и, по его мнению, я играл в нем весьма глупую роль.

Сдаюсь. Возможно, появился бы проблеск, имей я больше информации. Я лег в постель. Он явно все еще не верит, что его жена умерла. И похоже, вообще не допускает такой мысли.

Мне так хотелось забыть обо всем случившемся, но, пока не заснул, продолжал ломать голову.

К сожалению, с тем же успехом можно было в перчатках распутывать узелки.

Однако мне он показался симпатичнее, чем его молодая жена.

Глава 3

Утром я прошел километра полтора до центра и позавтракал в отеле, где, оказывается, проходил съезд избирателей, смешавшись с толпой типов со значками, приходивших в себя после ночной попойки. У стойки в вестибюле я попытался арендовать машину, но, когда девица выяснила, что я не из их постояльцев, она сначала тщательно сверила мое имя со списком людей, не оплативших прокат или не вернувших машину, и только потом соизволила взять мою кредитную карточку. Я заказал недорогую модель и, пока ждал, когда ее доставят к задним дверям, купил в газетном киоске карту округа.

Парень из гаража подогнал «фэлкон» песочного цвета. Осмотрев его, я обнаружил, что правое крыло сзади основательно помято. В договоре о прокате об этом — ни слова. Я пошел за девицей из вестибюля, потом мы втроем пялились на дефект, пока она не вписала его во все экземпляры договора. Их даже не упрекнешь за такие штучки — те, кто смял машину, бросают ключи на стойку и мчатся в аэропорт, с них взятки гладки. А я никогда не арендую машину без основательного

досмотра. И счета официантов тоже проверяю. В контрактах читаю и то, что записано мелким шрифтом. В таких вещах я похож на придирчивую, мелочную старуху.

Университет находился в городе Ливингстон, километрах в восьмидесяти к югу от Эсмерелды по автостраде номер 100. Города, выстроенные в полупустыне, производят впечатление нереальности. Потому, наверное, что эта земля никогда ни на что не годилась. Там, где есть фермы, такого ощущения не возникает. Уже в пяти километрах от Эсмерелды само существование города казалось неправдоподобным. Я ехал по пустынному краю из скал, песка, чахлых кустов, с ящерками и солнечными зайчиками от брошенных пивных жестянок. По-моему, эта гигантская площадь когда-то могла быть дном древнего озера. Как сообщалось в местной газете, Эсмерелда располагает неограниченными запасами воды из артезианских источников. Видимо, благодаря этому обстоятельству и возник город в столь необычном месте — на голой песчаной равнине среди унылых скалистых холмов.

Километров пятьдесят дорога шла по плоской равнине, а потом стала делать широкие петли между кучками холмов и скалистыми грудами.

Появилась зелень. Перевалив через гребень, я увидел вдали городок — он расположился метров на триста выше Эсмерелды, прижавшись к подножию длинной холмистой гряды, похожей на спящего коричневатого пса.

Университет относился к тем новым учреждениям, которые создавались второпях, чтобы забота о молодежи поспевала за ростом ее количества. Он раскинулся на окраине сонного городка. На огромной стоянке перед территорией университета сверкали в солнечных лучах сотни машин, а на всем пространстве беспорядочно разбросаны учебные корпуса, напоминающие гигантские коробки из-под обуви. Было десять утра, и молодежь торопливо сновала по тротуарам между зданиями. В стороне справа расположился комплекс общежитии и отдельно — жилые здания, вероятно, для профессорского состава и административных работников. Табличка перед входом на территорию гласила, что машинам студентов въезд запрещен. На торцовых стенах учебных корпусов яркими керамическими плитками были выложены разные девизы: Инициатива, Свобода, Мир и т. д.

Иссушенная земля была прочерчена асфальтированными дорожками. Кое-где пестрели

крошечные островки зелени, рассаженной с продуманной тщательностью, но потребуются многие годы, пока замысел декораторов претворится в жизнь. Тощие студенты, воспользовавшись предобеденным перерывом, торопились по своим неведомым надобностям. Брюки цвета хаки, синие джинсы, бумажные майки и пестрые блузки. Безразличные взгляды, слепые, как линзы аппарата, скользили по мне, пока я медленно ехал мимо. Я был вне границ их возраста. В отношения со взрослыми они вступали лишь по необходимости. А посторонние значили для них не больше, чем окружающие камни или кусты. Они неслись в бурном, меняющемся потоке жизни, а мы были всего бледными тенями на обочине — нудные, замкнутые, вроде страшилищ. Я заметил, что масса студентов обильно разбавлена латинской кровью — много смуглых, пышных брюнеток и юношей, похожих на тореадоров. И во всех ощущалось тревожное напряжение от утомительного трехсеместрового учебного года. Их наспех напичкивают информацией, чтобы быстрее подготовить для коммерции, строительства, прогресса, и спешки, для жизни с регламентированным временем и распланированными деньгами, для существования в две

смены, с отпусками, такси, вечеринками, нужными связями и интересами. Их приспосабливают к жизни на быстро бегущей полосе, и когда они станут свежеиспеченными так называемыми гражданами, они, как хорошо смазанная деталь, легко скользнут в запланированные компании с непрерывной конкуренцией, где жизнь представляет собой непрекращающийся бег наперегонки — организованный, неумолимый — до последнего издыхания, и тогда в погребальной конторе их обрядят, наложат грим, заколотят гроб, и они обретут тот недосягаемый покой, которого не изведали за всю жизнь.

Конечно, все в жизни функционально. Но есть здесь нечто подобное тому, как мы поступаем с цыплятами. Ускоренными методами растим их до оптимального веса, чтобы за восемь недель подготовить для вертела. И особенно безнадежно и комично выглядит ситуация, когда благодарная молодежь объявляет: «Нет, не хотим терять в университете четыре года, лучше кончить за два года и девять месяцев и сразу зарабатывать на жизнь!»

Образование и воспитание должны быть отделены от необходимости зарабатывать на жизнь, тогда они не будут инструментом, конвейером.

Воспитание требует размышления, созерцания, вдумчивого и целенаправленного изучения произведений, где звучат наиболее часто и настойчиво повторяющиеся вопросы: зачем? почему? Сегодня пытливая молодежь, задающая подобные вопросы, не находит вокруг никого, кто заинтересован в ответах, и мы ее теряем, отталкиваем, ибо у этих юнцов так устроены мозги, что им невероятно скучна наша коммерчески-промышленная школьная система. Прекрасный техник редко бывает человеком образованным. Он может быть полезным обществу, удовлетворенным собой, трудолюбивым. Но понимания таинства жизни, ее чуда и парадоксов у него не больше, чем у тех цыплят, которых пичкают и раскармливают, чтобы потом на конвейере ощипать, заморозить и упаковать для потребления.

Отыскав административное здание, оставив машину на стоянке, я зашел и у стойки справочного бюро спросил седовласую даму, могу ли встретиться с Джоном Уэббом. Вопрос вызвал растерянность, она в замешательстве сказала, что Джон Уэбб — это профессор с кафедры гуманитарных наук. Мне нужен именно он? Может, я хочу видеть другого Джона Уэбба? У них есть и студент с таким именем, хотя они не родствен-

ники. Наконец ей пришлось признаться, что доктора Уэбба нет на работе.

— И как долго его не будет?

— Не могу сказать, к сожалению.

— А кто может знать, когда он появится?

— Я действительно не в курсе. Может, вам помогут на кафедре?

— У меня личное дело.

— М-м… тогда его сестра… она, наверно, знает.

— Как ее найти?

Порывшись в картотеке, она сообщила: блок номер семь. Квартал преподавателей вон там, напротив большой стоянки. Там есть таблички с фамилиями. Это третий дом в глубине сзади.

Я нашел его без труда. В каждом блоке было десять — двенадцать коттеджей со своей калиткой, расположенных по возможности укромнее, с бытовыми службами в центре. При строительстве были использованы плиты, кирпич, низкие стенки, дворики, крытые тротуары. Найдя калитку с цифрой "3" и толкнув ее, я прошел к дверям. При нажатии кнопки не услышал звонка и уже собирался стучать, когда дверь открылась и выглянула молодая женщина в клетчатой рубашке до Колен.

— Пожалуйста!

— Я ищу профессора Уэбба. Меня зовут Макги.

— Могу сказать вам то же самое, что уже сказала всем другим. И заведующему кафедрой тоже. Не имею представления, где мой брат.

Она собралась закрыть дверь, но я просунул ногу. Посмотрев вниз, она холодно произнесла:

— Разрешите?

— Не разрешу. Мне нужно поговорить с вами.

— Нам совершенно не о чем говорить.

— Что, если дело обстоит не так, как кажется?

— Что вы хотите этим сказать?

— Что, если он не уезжал с нею? Что, если это только должно так выглядеть?

— А вы здесь при чем, мистер Макги?

— Я единственный с абсолютной точностью знаю, что Моны нет с вашим братом. Все остальные, похоже, уверены в обратном.

Поколебавшись, она распахнула дверь:

— Тогда заходите.

Мы прошли в гостиную. Окна были закрыты шторами из тяжелой, плотной ткани. На просторном столе возле настольной лампы разложены стопки книг, блокноты, картотека. Из большого проигрывателя звучала негромкая музыка — казалось, кучка разозленных музыкантов настраивала инструменты, не в силах договориться,

что играть. Выключив проигрыватель и подойдя к окну, она рывком раздвинула шторы, а потом погасила лампу на столе.

Я разглядывал женщину, легкие движения ее ног, обутых в поношенные мокасины из оленьей кожи. Вся она двигалась резко, энергично, так что клетчатая рубашка натягивалась на бедрах. Руки и плечи очень гладкие, белые, округлые, но упругие. Мягкий, удлиненный овал лица. Вокруг глаз темные круги. Маленький рот с полными губами без помады, точеный нос. Глаза опушены длинными темными ресницами. Темные, тускловатые волосы с прямым пробором собраны сзади в небрежный пучок. На столе стояла большая электрическая кофеварка.

— Кофе? — спросила она.

— Благодарю. Без молока, пожалуйста.

Она сходила на кухню за чашкой с блюдцем, налила мне и, захватив свою чашку, села на угол большого дивана, поджав под себя ноги и натянув короткий подол рубашки на белые колени. Я сел в противоположном углу, облокотись о цветную подушку.

— Вам удалось удивить меня, мистер Макги. Попробуйте продолжить в том же духе. Мне, правда, непонятна ваша роль в этой истории.

— Миссис Йомен связалась со мной через одну знакомую. Надеялась с моей помощью кое-что решить. Вчера в полдень я прилетел из Флориды. Мы побеседовали о ее проблеме — она хотела получить от мужа свободу. И хотела денег. И еще хотела выйти за вашего брата.

— И вы нанялись все это уладить? Вы адвокат?

— Нет. Я узнал, в чем дело, только здесь, после встречи. И мне не очень хотелось выполнять такое поручение.

— Значит, она удовлетворилась половинчатым решением?

— Нет. Поверьте, она вовсе не собиралась уезжать с вашим братом, во всяком случае, не раньше, чем все решится… по-человечески. И с финансами тоже.

— Мистер Макги, если вы всерьез поверили басням Моны, значит, вы такой же сумасшедший, как мой брат. Уж он-то оказался полным идиотом.

— Потому что уехал?

— Здесь он сжег все мосты. Просто немыслимо вести себя, как он, и еще рассчитывать, что его примут назад, когда кончится его сумасбродное приключение. Если б он был общим любимцем и угодником, может, удалось бы замять скандал.

Но Джон не является ни тем, ни другим. Его не простят, в первую очередь, потому, что вся история такая… отвратительная и вульгарная.

— В каком отношении?

— Вам еще нужно объяснять? Молодой профессор, легкомысленный мечтатель, знакомится со зрелой, пресыщенной женой пожилого владельца ранчо. Начинается романтичное приключение. Это еще мягко говоря. Конечно, он объяснил это по-другому — истинная, настоящая любовь. Так они вынуждены были говорить, наверно, чтобы сохранить хоть каплю самоуважения. Но это просто обычная, отвратительная плотская связь. Джон еще в жизни не встречал таких женщин. Она его соблазнила и совратила. Верите ли, он такой впечатлительный, разве здесь была любовь? С такой примитивной кобылой? Как может благородный человек полюбить животное? Она его охмурила тем, что у нее под юбкой. Извините за грубость.

— Всякое случается.

Она возмущенно подняла плечи:

— Случается с женщинами вроде нее, но не с такими мужчинами, как Джон. Нужно лишиться рассудка, чтобы такой человек, как мои брат, своими руками разрушил все ради… примитивной,

напыщенной шлюхи.

— Может, она здесь ни при чем?

— Мистер Макги, все мечты брата, все его усилия пошли прахом. Может, сумеет зарабатывать на жизнь в какой-нибудь коммерческой школе или издательстве, но с карьерой все кончено. А он ведь талантливый, способный. И так все пустить на ветер. Он даже не хотел понять, что делает глупости. Я его изо всех сил предостерегала. Раньше мы никогда не ссорились. А теперь он меня вообще не слышал. Мои чувства для него ничего не стоили. То, что я гордилась им, верила в него, не стоило и ломаного гроша. Боже мой, я же читала, сколько мужчин сбивали с пути, но мне и в голову не могло прийти, что это случится с ним! Ведь это… совершенно невозможно! Дурацкая сексуальная судорога и расслабленность потом, и из-за этого испортить всю жизнь! Никогда, никогда не пойму!

— Вы знали, что он собирается с ней уехать?

— Я боялась этого. В начале осени он страшно нервничал. А дней десять назад вдруг переменился, казался даже счастливым. Сказал мне, что все будет в порядке, они договорились. Выглядел спокойным и довольным. Составил расписание так, что по вторникам и четвергам после обеда

был свободен, а через неделю — еще и по понедельникам. В такие дни он после обеда уезжал — где-то, наверное, встречались. Вечером, часов в семь-восемь возвращался усталый, измотанный, но улыбался как блаженный. Эта проклятая баба выжимала его до капли. И он еще имел совесть предложить мне, чтобы мы жили здесь вместе, втроем, когда все уладится! Вы можете ее представить в качестве профессорской жены? Вам известно, что она на два года старше Джона? Она еще захочет, чтобы ректор плясал под ее дудку!

— Может, она сказала ему, что я ей обещал помочь?

— Возможно. Ах, они на все смотрели сквозь розовые очки! Вообразили — весь мир обожает их только за то, что они втрескались друг в друга. А на самом деле все считали это неприятной ситуацией, историей дурного толка.

Поднявшись, она отключила кофеварку и наполнила чашки снова. Когда склонилась ко мне, пахнуло запахом ванили. Мне пришло в голову, не пьет ли она? Пожалуй, вряд ли — слишком деятельная, активная натура. Моложе брата года на четыре. Я легко представил себе, как она слоняется вокруг нью-йоркского университета в черных чулках и твидовой юбке, как горячо

рассуждает в дешевых забегаловках об абстрактных понятиях, знакомится с сексом у какого-то художника в мансарде, но приходит к выводу, что его значение преувеличивают; как позволит уговорить себя попробовать марихуану, но испытает лишь тошноту; подписывает разные воззвания, как отсиживает часы на лекциях, увешанная примитивной бижутерией, изготовленной бездарными подружками; как намалюет декорации для любительского спектакля, — и все-все проделывает энергично, со страстью; этот инфантильно-интеллектуальный ребенок без чувства юмора, задавленный предрассудками, бессознательно жаждущий избавления от них.

— Вчера, во вторник, — продолжал я, — миссис Йомен после полудня увезла меня из карсонского аэропорта. Судя по всему, ваш брат исчез во второй половине дня в Понедельник. Мне это представляется несколько преждевременным.

— Наверно, так они запланировали. Я посещаю разные курсы. В понедельник после обеда была на семинаре «Массовая коммуникация». У Джона в понедельник до двенадцати две лекции по современной философии. И по философии в литературе. После обеда он свободен, я думаю, был с ней. Когда он не вернулся к девяти часам,

меня охватило беспокойство. Но я решила, что они договорились провести вместе ночь. В последнее время, по-видимому, это было пределом его мечтаний. Ждала, что вернется утром — во вторник у него лекции с десяти: В девять утра мне уже все казалось подозрительным. Я осмотрела квартиру. Не было чемодана, кое-чего из одежды, туалетных принадлежностей. Не оставил никакой записки, ни словечка объяснений. Не хватило простой порядочности предупредить на кафедре. Просто… сбежал как преступник. Как вы, наверное, знаете, машину оставил в аэропорте, и оба вылетели в Эль-Пасо. Наверное, нужно перегнать машину домой. Это сто километров отсюда. Меня все это просто выбивает из колеи, я оказалась в глупейшей ситуации. У меня был долгий разговор с деканом — он сочувствует мне, мы ведь здесь уже третий год. Конечно, из квартиры придется выехать. Но до-пятнадцатого ноября вроде можно еще пожить. Думаю, Джон к тому времени вернется. Сейчас я оказалась в каком-то вакууме, все валится из рук. Кто знает, что с нами будет.

— А вы работаете?

— Конечно. До обеда — в лаборатории справочных пособий. Канцелярская работа. Но сегодня я

свободна, на этой неделе там расширяют помещение, меняют кабель. Я готовлю материалы для дополнительных занятий «Произведения драматического искусства». — Она задумалась, потом продолжила: — Мы жили здесь довольно приятно, мистер Макги, пока в нашу жизнь не вошла эта женщина и не перевернула ее вверх дном. Мне вовсе не мешало, что я вела наше общее домашнее хозяйство. Сам Джон готов питаться консервами и одеваться как бродяга. Он не умеет заботиться о себе. И совсем не здоровяк. Эта женщина о нем не станет заботиться. И чего она на него нацелилась? Не могла найти себе какого-нибудь… шофера или полицейского, какого-нибудь мускулистого дурака, который выдавал бы ей то, в чем она явно нуждается?

— Вы все осмотрели, знаете, что взял с собой ваш брат?

— Уложил вещи и уехал. Конечно, забрал все, что ему нужно.

— Если я попрошу сделать то, что вам кажется напрасным, сделаете?

— Что именно?

— Вы проверили, не осталось ли здесь чего-то, что ему следовало взять непременно?

— Я, кажется, вас не понимаю, мистер Макги.

— Что-то, что могло здесь остаться, если вместо него собирали вещи другие. Чтобы создалось впечатление, что он собрал вещи сам и уехал.

— Вам не кажется, что это… какая-то мелодрама? — Ее мягкие, бледные губы насмешливо скривились. — Похищение?

— Если вам нетрудно, посмотрите.

— Пожалуйста.

На руку мне упал теплый солнечный луч. На стене висели яркие квадраты ткани с простым узором. Было слышно, как она выдвигает ящики и хлопает дверцами шкафов. Потом все утихло.

Она вдруг возникла на пороге — напряженная, словно готовая к удару. В руке держала черную коробку размером с небольшую книжку. Протягивая ее ко мне, беззвучно шевелила дрожащими губами, пока не выдавила:

— Не забрал…

Взяв протянутую коробку, я открыл ее — два шприца, запасные иглы, ампулы. Я захлопнул крышку.

— Он диабетик?

— Да. Конечно, ее он должен был забрать! Уколы инсулина он делает каждое утро. Он очень рассеянный, но уже понял, что с этим нельзя шутить. Когда забывал об уколе, несколько раз

терял сознание. Не понимаю, как он мог забыть коробку…

Она упала в кресло.

— Конечно, мог забыть. Но наутро обязательно вспомнил бы — укол входит в утренний туалет. Правда, у него есть рецепт, можно все купить в аптеке. Да, наверно, так и было.

— Кто-нибудь видел его при отъезде?

— Что? Не знаю. Нет, наверное. В понедельник после обеда здесь бывает немного людей.

— А где хранилась коробка со шприцами?

— В ванной, в шкафчике с лекарствами.

— А другие туалетные принадлежности оттуда забрал?

— Да… Понимаю, что вы имеете в виду. Все это очень… странно. Мне страшно. — Она нахмурилась. — Вы говорили, должно выглядеть так, что уехали вместе. Зачем?

— Не знаю.

Выражение ее лица вдруг изменилось. Я быстро спросил:

— О чем вы думаете?

— Не знаю. Вдруг кое-что вспомнила. В воскресенье мы опять поругались. Я ткнула его носом в то, что впереди Великая неделя: он увидится с ней в понедельник, вторник и в четверг. А он

ответил, что во вторник, то есть вчера, они не встретятся, вроде бы она будет занята. Если бы собирался уехать в понедельник…

— Он знал, что она встречается со мной.

— Куда же тогда он поехал?

— Куда его увезли?

— О, пожалуйста, перестаньте! Хотите еще сильней меня напугать?

— Как вас зовут?

— Изабелл. Изабелл Уэбб.

Подтянув ногой стул, я уселся напротив, глядя ей в глаза.

— Мое имя Тревис Макги, Изабелл.

Я схватил ее руку — раза два она попыталась ее выдернуть, но так и оставила в моей ладони, неподвижно сидя в кресле, глядя куда-то вперед, мимо меня.

— Почему вы ведете себя так странно? — спросила она наконец, облизнув пересохшие губы.

— Я не собираюсь вас запугивать. Хочу что-то сказать. Может, и не следовало бы, может, это вас поразит. Очень сожалею. Хотелось бы, чтоб вы держали себя в руках. Попытаетесь? Вот и хорошо. А теперь слушайте внимательно. Мона Йомен отвезла меня в пустую дачу за городом, на холмах. Вчера днем, в два двадцать пять, стояла

рядом со мной, как вы сейчас, но кто-то выстрелил из тяжелого дальнобойного ружья, попал ей в шею, и она мгновенно умерла. Я оттуда ушел, а когда вернулся с шерифом, труп исчез. Все следы заметены, уничтожены. Мне же вообще не поверили. Решили, что я пустил дымовую завесу, чтобы облегчить ей бегство с вашим братом.

Она непонимающе смотрела на меня. Удивительно длинные у нее ресницы.

— Но… они же улетели вчера. В час пятнадцать. Рейсом в…

— Рослая блондинка и очень высокий худой мужчина, оба в темных очках, сели вчера в самолет в час пятнадцать. Черт возьми, я же прекрасно знаю, что Моны Йомен в том самолете не было. В это время мы оба сидели в ее машине, взбираясь наверх к даче. Мы уже, собственно, были на месте. В списке пассажиров значится мистер Уэббер Джонсон с супругой. Джон Уэбб якобы. Чтобы скорее бросилось в глаза. Если бы он захотел скрыться тайно, выбрал бы себе такое имя? Оказался бы таким глупцом?

— Нет. Вы… говорите о нем в прошедшем времени…

— Он собирался встретиться с ней в понедельник после обеда?

— Н-нет. У него была куча тетрадей. Собирался поработать дома. Нужно было проверить задания. Когда я пришла с семинара, они лежали на столе. Я все передала на кафедру. Кто-нибудь пока будет его замещать.

Она сильно нервничала, но держалась изо всех сил.

— Изабелл, я точно знаю, что Мона мертва. Все выглядит заранее подстроенным. Вместо них улетела другая пара. Мона убита, и, если кто-то собирался инсценировать их совместный побег, им пришлось убить и вашего брата.

Закрыв глаза, она крепко сжала мою руку. Когда через несколько секунд открыла, взгляд был пустым, отупевшим от боли.

— Но это… странно. Зачем им это?

— Не знаю. Пока не знаю. Сейчас выясняют, ищут, где укрылась эта пара любовников. Потом, через какое-то время, все затихнет. Здесь, кажется, преобладает традиционное мнение, что где-нибудь они начнут новую жизнь.

— И ее муж тоже разделяет его?

— Не думаю.

Она взглянула на черную коробочку — я положил ее на стол рядом с креслом.

— Но ведь вот доказательство, правда? — Она

попыталась встать. — Надо же сообщить об этом в полицию…

— Подождите, Изабелл!

— Чего подождать? Если…

— Кто-то очень постарался создать впечатление, что они уехали.

— Тогда почему ее убили на ваших глазах?

— Не знаю. Может, было задумано иначе, но не вышло, и им пришлось импровизировать на ходу.

— Но если моего брата похитили…

— Где доказательства?

— Он оставил здесь шприц.

— Просто забыл. Купил другой в Эль-Пасо.

— Но…

— Ливингстон относится к округу Эсмерелда. Расследованием руководит шериф Фред Бакльберри.

— Он приходил вчера вечером со своим помощником. Около восьми. Рассказали мне о его машине, об их отлете. Потребовали, чтобы я немедленно сообщила, как только Джон даст о себе знать. Держались так… небрежно, насмешливо, свысока. — Склонив голову набок, она нахмурилась: — Что ж, теперь все кажется гораздо логичнее.

— Что вы хотите этим сказать?

— Не думала… что он в самом деле уехал с ней. По-моему, он все-таки достаточно разумен. Я старалась открыть ему глаза, уговаривала, чтобы прекратил встречи с этой женщиной. Здесь уже ходили всякие сплетни. А ему вовсе не была безразлична его репутация. Настолько-то я его знаю. Но если сюда кто-то явился… насильно утащил его… А он не переносил насилия… и сам не был силачом. Никогда никого не оскорбил, не обидел…

Прошедшее время. Наверно, она вдруг осознала, что говорит в прошедшем времени. Глаза ее наполнились слезами; тихо застонав, как от сердечного спазма, она скользнула с кресла, упав на меня, охваченная болью и жалостью. Я поддержал ее. Упираясь головой в мою грудь, она качала ею из стороны в сторону, всхлипывая, постанывая в голос, подсознательно впитывая ту малость утешения, которую дает физическая близость, пусть даже чужого человека, как я.

Но когда я стал похлопывать ее по спине, пытаясь успокоить, она окаменела, а потом отпрянула, как от корзинки с гадюками.

— Простите, — сдержанно и тихо сказала она, усаживаясь удобнее в кресле.

Вот тут я вдруг заметил такой чистый, темно-темно-голубой цвет ее глаз, какого в жизни не встречал. Тусклые волосы, упругое, белокожее тело, запах ванили и страх перед сексом. Забота о любимом брате — благородное убежище для женщины, не сумевшей реализовать себя. Вспомнил, с какой напряженной горечью она оценивала влечение брата к Моне, о главной причине их связи говорила как о смердящей ране. И последние два года здесь считала прекрасными. Сколько ей — двадцать пять, двадцать шесть? Хороший город, где пройдут последние годы надежд на замужество, иссякнут жизненные соки, и все под знаком благородного решения — ради брата. Конечно, Мона Йомен непременно должна была вызывать у нее отвращение. Мона шествовала по жизни, вызывающе неся роскошное тело и удовлетворяя его потребности.

— Вы знали Мону? — поинтересовался я.

— Он хотел, чтобы мы подружились. Ничего худшего не мог придумать. Она относилась ко мне снисходительно, как к умственно отсталому ребенку. Нет… просто представить не могу, что она мертва. Она была такой… вызывающе полной жизни, мистер Макги.

— Тревис. Или Трев.

— Это вроде обращения на «ты», я в этом не сильна. Нужно долго привыкать.

— Я предложил в виде помощи — не это главное. Надеялся упростить наши отношения, Изабелл.

— Я нелегко схожусь с людьми. Наверно… так воспитали.

— Где прошло ваше детство?

— Наши родители были художниками. Отец пользовался успехом, у мамы был доход от наследства. Мы жили далеко-далеко от людей. Школьные задания нам присылали по почте, а учили нас родители. Летом жили в Канаде, зимой — на маленьком багамском острове. Джон все время болел, и мы все тряслись за него. Меня здоровье никогда не подводило. Я научилась… придумала игры, в которые могла играть одна. Родители умерли три года назад, с разрывом в два месяца. Они были очень близки. Джон и я чувствовали себя как бы лишними, и это нас сблизило. А теперь… Что со мной будет?! Господи, как мне жить?!

Скользнув мимо меня, она подошла к столу, взяла в руки какую-то книгу, снова положила. Повернувшись ко мне, оперлась о стол.

— Кому нужно было его убивать? Не могу поверить. Вы знаете, да? Просто не верю!

— А насчет Моны?

— Д-да, в ее смерть поверю. Она была такая… резкая. Легко ранила людей. Но Джон совершенно безобидный. Даже после анекдота едва рассмеется.

— Как они, собственно, познакомились?

— Началось около года назад. Йомены приехали на вечеринку служащих университета. Нас тоже пригласили. Мистер Йомен пожертвовал университету какую-то сумму. Джон сидел рядом с миссис Йомен. Она делала вид, будто интересуется современной философией. Говорили о Хайдеггере, Броуди, Дилли, Сартре, Камю. Она из тех людей, которые умеют отпустить пару замечаний о вещах, понятия о которых не имеют. Когда-то в Париже встречалась с Камю. А Джона не остановить, если речь идет о его специальности. Она стала ходить на его семинары, записывала, читала. Так все и началось. Конечно, этот ее воображаемый интерес был просто хитрой уловкой. Я его предостерегала. А она не спешила. Сбила его с пути праведного в конце апреля. Явился однажды с фантастической сказкой, что-то лепетал об испорченной машине. Потом стала к нему сюда приезжать. Без тени стыда. Вовсе не скрывала своих чувств. Где уж Джону

обороняться! Такая ловкая, решительная. Но, наверное, и надоедливая.

— Изабелл, есть кто-нибудь, кто поживет здесь с вами? Или вы к кому-то переедете?

— Нет. А зачем?

— Не следует сообщать об этом шерифу.

— Потому что это недостаточное доказательство — то, что не забрал лекарство?

— И поэтому тоже. Все дело… очень умело подготовлено. Мне хотелось бы узнать побольше. И тайно. А если об этом раструбят, кончу где-нибудь дорожным рабочим. Что бы ни случилось с Моной и вашим братом, это всего лишь часть какой-то большой акции. Кое-что есть здесь сомнительное и в любой момент может взорваться.

— А вдруг моему брату нужна помощь?

Ее опять охватывала истерика.

— Изабелл, мы и так вынудим их что-то делать, если докажем, что вчера в том самолете они не летели. Пока все этому охотно верят, даже ее муж. Шериф немного сопротивляется, но не думаю, что его подкупили. Я убедил шерифа проверить мое заявление о смерти Моны. Если что-нибудь обнаружат, станет ясно, что ни один из них не участвовал в разыгранном отлете.

— Но для этого нужно время! Может, где-ни-

будь…

Кажется, мне не удавалось ее успокоить. Придется забрать с собой.

— Мне нужно побывать в карсонском аэропорте, надеюсь что-нибудь разузнать. А вам необходимо переправить оттуда машину брата, так? Может, поедете со мной?

После короткого раздумья она решительно кивнула.

— Подождите, я только переоденусь.

Глава 4

Прежде чем она заперла дом, я попросил показать, где обычно стоит машина. Это была крытая пристройка сзади, сбоку от кухни. От задних дверей шла подъездная дорога, боковые стены пристройки-гаража высокие. Если кто-то поджидал Джона Уэбба или зашел в дом в понедельник, можно было спокойно схватить, связать и увезти его. Ей я не стал говорить, что скорее всего его оглушили, прежде чем сунуть в машину. А в тех мрачных, пустынных просторах найдутся тысячи мест, где его можно запрятать без проблем.

Проверив, взяла ли ключи от машины, она заперла дверь. На ней была серая, чуть обвисшая юбка, желтая блузка и накинутая поверх нее вязаная кофта. В руках темно-серая сумка — потрепанная и солидная, как у пожилой дамы. На ногах колготки и черные лакированные лодочки без каблуков. Довершали туалет огромные, почти черные очки. Ее лицо теперь казалось совершенно невыразительным и крошечным.

Сидя рядом, она показывала дорогу, советовала, где можно развернуться, — сухим, бесцветным голосом, напряженно выпрямившись, сложив

руки на коленях. Ранимая жертва насилия.

— Где именно на Багамах?

— Что? А-а, вряд ли вы о нем слышали. Остров всего полтора километра длиной, а ширина — метров триста. Недалеко от Оулд-Малет-Кей.

— Южнее Эльютеры? Там очень опасные места. Масса коралловых отмелей.

— Значит, вы там бывали? — Голос ее показался совсем юным.

— Если не ошибаюсь, там стоит старый серый дом, изрядно потрепанный штормами, а рядом — небольшая, прекрасно защищенная бухта. Почти весь остров из вулканической лавы. Окна дома обращены на запад.

— Совершенно точно!

— Вы его продали?

— А он никогда нам не принадлежал. Королева сдала отцу в аренду. На девяносто девять лет. Вы же знаете, такая аренда не продается. Может перейти к прямым наследникам, а когда истечет срок, возвращается к основному владельцу. Мы с Джоном собирались когда-нибудь вернуться.

— Родители оставили вам что-то?

— Мама имела только пожизненную ренту. И не очень большую. У отца были вечные сложности с налогами, он постоянно тратил деньги на

сумасбродные проекты. Когда все пересчитали, нам с Джоном досталось каждому чуть больше девятисот долларов. Вы себе представить не можете, как я любила этот остров! Там есть кусочек с песчаным пляжем. В лунные ночи он выглядит сказочно — песок серебрится как снег. Мы все загорали дочерна — как коренные багамцы.

— Сейчас, глядя на вас, нипочем не поверишь, что когда-то вообще бывали на солнце.

— О, ребенком я им даже злоупотребляла. Теперь от него у меня аллергия на губах — распухают и трескаются. Не могу представить ничего более ужасного, чем жариться на солнце.

— Когда вы загорали в последний раз?

— Много лет назад.

— Уже нашли управу — химия творит чудеса. Есть кремы, не пропускающие никаких лучей.

— Неужели?

— Полная гарантия.

— Вы можете мне достать? Знаете, как он называется?

— Конечно.

— Может, вам это покажется… блажью. Но… если вы правы… если с Джоном случилось что-то страшное, мне будет легче пережить это где-нибудь далеко отсюда, поджариваясь до смерти и

беспамятства. Как от наркотиков. Мистер Макги, когда вы видели тот дом в последний раз?

— Два года назад, весной.

— Вы выходили на берег?

— Нет — рассматривал в бинокль. Двери и окна заколочены досками, но выглядят в порядке.

— Чтобы жить там, нужен, наверное, ремонт, придется прочистить трубы, цистерны и вообще. А сколько радости нам доставляла старая, но крепкая яхта! Четыре часа до Нью-Провиденс, и каждый раз с приключениями. Выждать погоду, ветер и еще до рассвета — в путь.

Когда она говорила о прошлом, голос звучал легко, эмоционально, раскованно. Я принял это к сведению. Чем больше о ней узнаю, тем легче ее успокаивать.

Набирая скорость на широких петлях автострады, я карабкался затем на взгорья, перевалив, свободно скатывался вниз, на чахлую равнину с редкими оградами с серо-зеленой травой и свободными участками, покрытыми кактусами и редким кустарником. Это была старая автострада номер 202, ею пользовались гораздо реже, чем новой — номер 100. Она пробегала через несколько поселков испанского стиля, продираясь по узким улочкам с изображениями кошачьих морд. Но-

вая автострада теперь облеплена закусочными, гаражами и автомобильными свалками.

По мере приближения к Карсону вдали проступали горы, которые, я заметил еще в самолете, окрашивались в пурпурные цвета, а у самых вершин виднелись белые полосы снега в расщелинах. Аэропорт находился на северной окраине города. Его здание — новое, небольшое — состояло сплошь из белых плит и цветного стекла. С двух сторон аэровокзала раскинулись просторные стоянки. Метрах в пятистах от здания стоял зашарпанный, раскаленный солнцем ангар, а все пространство вокруг него занято двумя десятками маленьких, блестящих самолетов, расставленных в определенном порядке на пыльной бетонированной площадке. На обеих стоянках было припарковано около сорока машин. Маленький красно-кремовый самолет как раз шел на посадку.

Мы подъехали в четверть первого.

— Нашей машины здесь нет, — заметила Изабелл.

— Какая она?

— Темно-красная «де сото». Не знаю, какого выпуска. Довольно старая. Нет, не вижу. А шериф говорил, что она здесь. Кто знает, может, Джон…

— Посмотрим, что удастся выяснить, — сказал я.

Оставив машину на стоянке, мы под солнечным зноем прошли в кондиционированную прохладу вокзала. Сразу за дверями стоял мужчина — в шоферской фуражке, с большим брюхом, сигарой во рту, маленькими, пронзительными глазками и очень важный на вид.

Я прошел было мимо, но вернулся, встал рядом.

— Простите. Мне нужно забрать машину, темно-красная «де сото». Ее оставили здесь вчера или позавчера. Вы не в курсе?

Он смерил меня взглядом с головы до пят, перекатив окурок в другой угол рта.

— Ее уже забрали, мистер.

— Простите, как?

— Как я говорю. Подцепили тросом и оттащили. Сегодня, часов в десять. Городская служба. Наверное, отправили к тем остальным, которые плохо запаркованы или ворованные.

Она встревожилась — засыпала меня вопросами, на которые мне нечего было ответить. Я сунул монету в телефон-автомат, а она не спускала с меня глаз, следя через стекло будки, крепко сжав губы, с непроницаемым лицом за черными оч-

ками. Центр городской полиции соединил меня с чиновником, тот передал следующему, и мне наконец сообщили, что машину они отогнали по требованию из округа.

— По-моему, что-то расследуют, — добавил служащий, — потому что предупредили, чтоб ни до чего не дотрагиваться. Мы послали своего парня присмотреть, так что она целехонькая, пусть в округе разглядывают. Больше ничего не передавали. Если хотите узнать, когда ее получите, обратитесь в канцелярию шерифа.

Выйдя из будки, я все доложил Изабелл.

— Что это означает? — всполошилась она. — Зачем им это?

— Возможно, они готовы допустить, что существуют две версии всей истории. Вчера вечером в присутствии Йомена я помимо прочего предложил шерифу осмотреть машину. Значит, он взялся за дело. Только ничего они не обнаружат. Отпечатки пальцев — это хорошо смотрится по телевизору. По-моему, пригодные для опознания отпечатки получаются только в одном из ста случаев и с каждой двадцатой машины. Человек поправит зеркало обзора, и на нем может остаться приличный отпечаток, если поверхность достаточно гладкая. Иногда остается след

на приборной доске. Но это в том случае, если вся машина протерта — и руль, и дверные ручки. Если нет других размазанных, наложившихся друг на друга отпечатков.

Она приподняла очки, склонив набок темную головку.

— Странная логика, вам не кажется? Если он в ней не уезжал, а вы утверждаете, что нет, зачем же пригнали сюда машину?

— Давайте что-нибудь поедим.

В углу была стойка с закусками и напитками. Сделав заказ, я отошел посмотреть расписание рейсов. На Эль-Пасо отправление в час пятнадцать. Самолет приходил с севера, имея три посадки.

Служащий в билетной кассе при близком рассмотрении оказался старше своей юношеской прически.

— На рейс номер два сегодня будет тот же экипаж, что и вчера?

— Не знаю. А в чем дело?

— Но это возможно?

— Наверное, да. В их запутанной системе смен я не разбираюсь.

— Экипаж заходит в здание вокзала?

— Стоянка всего пять минут. Прилетают вовре-

мя. Здесь будут примерно в час десять.

Вернувшись к остывшему гамбургеру, я рассказал ей о своей задумке. Пожалел, что дома у нее не взял фотографию брата.

Тогда она извлекла из серой сумочки цветной любительский снимок — она с Джоном на фоне университетского здания, улыбающиеся, щурящиеся от солнца. Брат был одет в светлый костюм, галстук съехал набок. Сказала, что снимались около года назад. Джон Уэбб оказался высоким, худым, бледным, со впалой грудью. Черные растрепавшиеся волосы. Приятная улыбка. Совсем не похож на мужчину, способного заинтересовать Мону, — никакой самоуверенности, напротив, чувствовалось в нем желание стушеваться. Впрочем, как знать. Может, после Кэба и Джаса сильных личностей ей уже хватило по горло.

Двухмоторный самолет совершил посадку немного раньше ожидаемого времени. Сошло три-четыре пассажира, столько же собиралось сесть. Подтянули трап, и я зашагал за пассажирами. Стюардесса с заученной улыбкой протянула руку за моим билетом — кукольная блондинка, форменная юбка плотно обтягивала пышные бедра, над верхней губой проступили бисеринки

пота.

— Я не из пассажиров, — предупредил я. — Хочу узнать: вчера вы обслуживали этот рейс?

— Да. Чем могу помочь?

Я показал ей фотографию.

— Помните этого мужчину? Высокий, темноволосый, худой. Был вместе с крупной блондинкой, оба в темных очках. Сели здесь и летели до конца.

— Да. Помню такую парочку.

— Мужчина был этот, с фотографии?

— Не знаю. По-моему, тот выглядел… крепче, сильнее, чем этот. Я их запомнила потому, что у меня с ними вышли… не то чтобы хлопоты. Было достаточно свободных мест. Те двое достали бутылку. В общем, ничего страшного. Но знаете, как бывает. Перед ними сидела пожилая дама. Она подозвала меня, возмутилась, говорила, что они неприлично выражаются. Я ее пересадила. Да они не очень-то и шумели.

Она посмотрела на часы.

— Помните, как они были одеты? Что-нибудь привлекло ваше внимание?

— У нее — светлое полотняное платье, красные босоножки на высоком каблуке и большая красная сумка, в ней и была бутылка. На него

обратила меньше внимания. Кажется, в темных брюках, легкой рубашке. У него длинная мускулистая шея и вот здесь, под ухом небольшой шрам. Подождите, они сидели на левой стороне, значит, шрам был с правой стороны шеи. Извините, но я должна…

— Очень благодарен. Как вас зовут?

— Хаузер. Мадлин Хаузер.

Я спустился по трапу, его тут же откатили, дверь задраили. Пока я шагал к зданию аэровокзала, самолет уже катился по взлетной полосе, и в спину мне ударил мощный рев и волна горячего воздуха.

Изабелл ждала меня у дверей. Я отвел ее к креслам у стены, обращенным к цветным окнам и взлетным полосам, мы уселись, и я рассказал, что узнал от Мадлин.

Печально покачав головой, она сказала:

— Это был не Джон. Ничего не сходится. На шее у него нет никаких шрамов. На грубость он не способен. Где же он? Что с ним? Вы сообщили полиции, что вам сказала стюардесса?

— Оставьте мне эту фотографию, ладно?

— Пожалуйста. Я могу дать объявление об исчезновении Джона? Может, дело сдвинется с места?

— Сначала нам нужно решить, что мы хотим сдвинуть.

Она стукнула кулаком по ручке кресла.

— Чего вы тянете? Теперь ведь это дело полиции. Может, мне следует позвонить в редакции газет. Боже мой, нельзя же сидеть сложа руки!

— Это лучше, чем носиться без цели и смысла.

— Вдруг его держат взаперти, он совсем один, ему плохо.

— Изабелл, стоит нам раструбить, что узнали, каждый, кто замешан в истории, укроется в норку и переждет. Нам необходимо узнать больше. Нужно хотя бы определить подозреваемых, кому выгодно и зачем это сделали. Все события не случайны, в них непременно есть своя логика. Нужно бы повидаться с адвокатом, которого она наняла. Он не из этого округа — из Беласко. А вот фамилии не знаю.

— Я знаю. Постойте, попытаюсь вспомнить. Я слышала, как Джон называл имя, когда говорил с Моной по телефону. На "М", что-то итальянское... Мацари. Точно, так его зовут.

— Где Беласко?

— Отсюда недалеко. Наверно, еще километров тридцать на восток.

В Беласко мы приехали двадцать минут тре-

тьего. Город казался раза в два меньше и древнее Эсмерелды. Там были крохотные площади со старомодными фонтанами, мавританские башенки, миссионерские церквушки, засохшее русло реки с ручьем на дне, осенние стайки туристов с фотоаппаратами и прекрасный вид на горы. Роган и Мацари разместились в старом желтом здании банка на главной площади. Девушка в их офисе сообщила, что Микеле Мацари сейчас в суде, напротив. Перейдя улицу, мы зашли в здание суда. В коридорах было жарко, душно и грязно. Мацари в рубашке с короткими рукавами стоял у питьевого фонтанчика, разговаривая с двумя мужчинами. Сопровождавший нас служащий подошел к нему, и Мацари, кивнув, через минуту направился к нам. Это был смуглый, невысокий крепыш с бычьей шеей и быстрой белозубой улыбкой, с намечающейся плешью на темени. Изабелл он смерил с головы до пят откровенно оценивающим взглядом искушенного знатока.

Рукопожатие было крепким и энергичным.

— Макги? И мисс Уэбб? О, мисс Уэбб! Джон — ваш брат? Ага, понятно. Это секретарша вам объяснила, где меня найти?

— Я сказал, что дело срочное.

— И действительно — срочное?

— Да, — решительно объявила Изабелл.

Извинившись, он подошел к служащему у дверей судебного зала и, что-то шепнув ему, завел нас в маленькую комнатушку рядом, явно предназначенную для свидетелей, — серо-бежевый кубик с золотистыми дубовыми стульями и столом. Мы присели к поцарапанному столу, и адвокат объяснил:

— Там идет процесс по гражданскому иску: автомобильная авария. Ненавижу эти вонючие тяжбы. Присяжные как раз определяют, что навесить моему клиенту. Может, у меня есть свободных минут пять, а может, и два часа, все зависит от их совещания. И что за срочное дело у вас? Полагаю, оно связано с Моной Йомен.

— Вчера пополудни ее убили, — сказал я.

Он не производил впечатление человека, которого легко выбить из колеи, но это известие его поразило. Изумленный, он недоверчиво возразил:

— Постойте, постойте. Такое даже старый Джас не в состоянии прикрыть. А я ничего не слышал.

— Преподносится так, вроде бы сбежала с Джоном Уэббом. Труп исчез. Уэбб тоже пропал. Похожая на них парочка вчера вылетела из Карсона.

— Возможно, это и были Мона и Джон Уэбб?

Изабелл вскинулась, протестуя, но я быстро заткнул ей рот и выложил Мацари все факты — выстрел из дальнобойного ружья, смерть Моны, ее труп у моих ног, коробка с инсулином, рассказ стюардессы, отбуксированная в полицию машина Уэбба.

Он присвистнул.

— Вот это цирк! Если б вы не впутались, Макги, у них все проскочило бы как по маслу. Извините, мисс, но они сами навели всех на мысль об их бегстве. Они никого не видели вокруг, кроме друг друга. А она не могла успокоиться, пока не захомутала меня, чтобы выколотить деньги.

— Это правда, что Джаспер Йомен ее обобрал?

Он пристально посмотрел на меня:

— Собственно, чьи интересы я должен представлять?

— Не Моны — она мертва.

— А вы при чем, Макги?

— Решение ее денежных проблем законным путем потребовало бы много времени. Да еще неизвестно, чем кончилось бы. Она надеялась, что я отыщу что-либо, чтобы сократить процесс. Оплатила мне дорогу сюда. Но мне не хотелось браться за такое поручение.

— Значит, теперь я представляю вас?

— Любого из нас обоих. Разумеется, если… кто-то вас еще не подкупил.

Мацари сдержал раздражение.

— Ваше право спрашивать, пожалуйста. Меня никто не подкупал. Иначе я был бы намного богаче. И не канителился бы с такими ничтожными процессами. Я независимый бедняк и весьма горжусь этим, если вас интересует. Конечно, вам нужен человек сведущий. Мона заявилась ко мне, так как я слыву независимым адвокатом. Плевал я на власти. Слава Богу, меня никогда не изберут на тепленькую должность.

— Итак, адвокат у нас уже есть. Первый вопрос, мистер Мацари.

— Мик.

— А я Тревис, это — Изабелл. Мик, Джас украл наследство?

— Украл — неподходящее слово. Взял из ее кармана и переложил в свой. Но целой армии ревизоров нужно не меньше двух лет, чтобы доказать это. Нет ничего очевидного. Разные сделки, продажа ценного имущества через подставные фирмы, а затем купля его за гроши. При умелом обращении то имущество сейчас могло стоить миллионов пять. Но все испарилось уже

несколько лет назад.

— И нельзя обжаловать?

— Не думаю, что отыщете хоть какие-то доказательства мошенничества. Джас — старый волк — уговорил всех сладкими посулами или просто обвел вокруг пальца. И все знали, что девчонка никогда не будет ни в чем нуждаться. Если хотел, он умел приворожить любого. Был известен как крутой парень, но честный. Может, проделал все это, чтоб упростить бухгалтерию, убрать ограничения, мешавшие вести дела. И потом здешняя атмосфера еще насквозь пропитана феодализмом. Женщина-подросток — неправомочна. С самостоятельной женой, располагающей собственными средствами, трудно поддерживать порядок. Весь этот запутанный клубок довести до суда невероятно трудно — потребуется масса времени и денег. И без конца станут откладывать. К чему ворошить то, что выглядит вполне пристойно? Понимаете? Да, правда, имущество перешло из рук в руки, но как — теперь черт ногу сломит.

— У него были затруднения?

— М-м, основательные. Ему неизбежно пришлось бы что-то продать, а это наследство было под рукой. Выпустил сразу много акций, но не повезло. Нефть, разработки, искусственное

волокно, грузоперевозки, небольшая авиакомпания. Скважины выдавали вместо нефти соленую воду, прибыли упали. Пока добывал лицензию на производство искусственного волокна, пришлось пройти через суд. На грузовых перевозках его нагрели профсоюзы, да еще один за другим развалились три самолета. Его деньги таяли, как снег под дождем.

— Всеми делами заправлял сам?

— Нет. Рядом с ним всегда был один юрист. Он уже умер. Том Клеймаунт. Продувная бестия, и еще есть здесь один туз, он был компаньоном Джаса во многих сделках. Уолли Руперт. Ясно как день — Уолли знал, откуда Джас брал деньги.

— Мик, напрашивается вопрос: имея в виду те финансовые махинации, как, по-вашему, решилось бы дело о наследстве, если смерть Моны была бы явной, доказанной? Если, к примеру, погибла бы в катастрофе?

— Интересный вопрос. Дайте подумать. В федеральном финансовом управлении есть документация о доходах за последние двадцать лет. Она была единственной наследницей Фокса. Могли бы задать весьма неприятные вопросы. Куда все подевалось, мистер? Думаю, Джасу Йомену пришлось бы попотеть. У них хватает людей,

чтобы копаться в документах, и они не столь деликатны, как местные службы. Если бто имущество даже нисколько не выросло в цене, и то можно предъявить иск на несколько сотен тысяч долларов. Что, собственно, с тем наследством произошло? Если Джас получил бы от местного суда хвалебную рекомендацию, пусть даже с печатью, на этот вопрос ему ох как нелегко ответить.

— Ясно. А что произошло бы, если бы она навсегда исчезла?

— Бесследно? Семь лет у федералов связаны руки. Потом нужно добиваться, чтобы ее объявили покойницей, и только после этого они могли предъявить свой иск на наследство, которого не существует.

— Кому-то понадобилось, чтобы она исчезла. Джасу?

— Не думаю. Не знаю. Не сходится способ, как это организовано. Джас — человек крутой, но это не его стиль.

— Кто-нибудь мог ее ненавидеть настолько, чтобы желать смерти? Может, шантажировала кого?

Он покачал головой.

— Невероятно. Не могу представить ее мертвой. В ней не было никакой злобности. Выглядела

зрелой женщиной, но в сфере чувств инфантильна. Вздыхала по Джону Уэббу как девчонка — ах, возвышенное, романтичное увлечение!

Изабелл возмущенно сорвала с глаз очки:

— Что вы придумываете! Это была примитивная, насквозь фальшивая, дешевая потаскуха!

Мацари смотрел на нее с удивлением:

— Мы говорим об одной и той же женщине?

— Возможно, вас и моего брата ей удалось провести, только не меня. Я ее раскусила. Гонялась за брюками, от них она прямо дурела.

— Изабелл, милая, — мягко заговорил Мацари. — Это ваш любимый брат и единственный родственник. Естественно, он для вас совершенство. Но, поверьте, Мона влюбилась в него как школьница. Джас это понимал. Он знал также, что рано или поздно ее блажь улетучится, и тогда ей захочется, чтобы все было опять по-прежнему, чтобы ее дорогой муженек-папочка обеспечивал ей место в обществе. Джас прекрасно понимал, что с вашим братом она надолго не останется. Оба они мечтатели. Оба прекрасные, чуткие, но для настоящей жизни еще не доросли. Джас смотрел на это сквозь пальцы, он ведь в конце концов старше на двадцать шесть лет. А Мона ничего не скрывала: хотела свободы, хотела немного соб-

ственных денег. И хотела выйти за вашего брата.

— Ей просто хотелось с ним переспать — и только!

— Это ведь вполне естественное следствие романтической любви, милая.

— Перестаньте называть меня «милая»!

— Тогда вот что, мисс Уэбб. Перестаньте судачить о том, в чем ни черта не смыслите.

— Что вы имеете в виду?

Он с любезной насмешкой ответил:

— Те, кто следит за нравственностью в литературе, в большинстве своем невежды.

До нее дошло моментально. Она пыталась изобразить возмущение, но это скорее было похоже на бегство. Изабелл хлопнула дверью.

— Я потерял так уже многих клиентов, — заметил Мацари.

— У нее это пройдет.

— А я нарочно ей врезал. Слепого или глухого ведь не станешь упрекать за физическую ущербность. Но она такая разборчивая недотрога, что, пока ее разогреешь, состарится для этих радостей. Очень печально. И еще хуже станет, когда ей придется смириться со смертью брата. Если вы здесь не рассказывали басни, то, думаю, его уже нет в живых.

— Скорее всего нет.

— И вашей мисс Уэбб придется нелегко. Невротики и ненавистники секса переносят такие утраты тяжелее.

— Надеюсь, постепенно и понемногу она свыкнется с той мыслью, может, даже переживет благополучно. Все мы психологи-любители. Да, безмерное обожание брата. Но сколько горечи замешано в это обожание? Впрочем, это не моя забота. И вообще это меня не касается. Можно бы и вернуться туда, откуда прибыл.

— Но вас все это разозлило, правда?

— Что ж, разозлило. Эти идиоты по-прежнему воображают, что я все выдумал. Не могли бы вы коротко охарактеризовать этого Бакльберри?

— С Фредом все в порядке. В школе занимался атлетикой. Прилежный студент. Очень красивая и очень амбициозная жена. Двое детей. Дипломная работа посвящена методам и приемам полицейской работы. Но шерифом быть долго не собирается.

— Хочет стать политическим деятелем?

— Нет. В округе Эсмерелда скопилась порядочная груда денег. Он частенько интересуется их оборотом. И знает, что к чему. Разбирается в предпринимательстве. Свою работу он делает, но не

выступит против денег, которые могут сыграть роль в его будущем. Трезво смотрит на жизнь.

— Вы допускаете, Мик, что за всем этим стоит Джас Йомен? Хотя бы потому, что Мона наняла вас, собиралась нанять меня и, значит, пыталась этим навредить ему.

— Было ли это серьезно? Она воображала, что да. Ей представлялось, как она стоит в зале суда, указывая перстом на Джаса, обвиняя его; а потом удаляется в сторону заходящего солнца с миллионом долларов в руках и возлюбленным профессором под боком. Пока я разбирался в ее претензиях, мне пришлось наглядеться на Монины капризы. Мона умела превращать жизнь мужа в ад, бывало, рвала на себе волосы, колотила посуду, орала на него. Джас просто пережидал, а через пару дней они уже выбирались на его старое ранчо, ездили верхом, плавали, развлекались, пьянствовали, осматривали лошадей, которых там выхаживают, и все кончалось постелью. По возвращении она раскаивалась, клялась, что капризы не повторятся, и так до следующего раза. Мона верила в то, что ей взбредет в голову, но ее реальностью был Джас — ее отец, друг, любовник. А все остальное было игрой, времяпрепровождением. Джас понимал, что ее заскоки

ненадолго. Но пока приходилось выжидать, его ведь тоже заедала ревность. Мог загнать Джона Уэбба на край света, но тогда тот представился бы жертвой, мучеником и для Моны стал еще привлекательнее. По-моему, он даже отпустил бы ее с Уэббом месяца на два, если бона попросила. Но ведь Мона и Уэбб идеализировали свое чувство: мол, это любовь до смерти. И такой двухмесячный уговор не делал ей чести. Джас не хотел выпускать ее из своих рук — и ради нее, и ради себя. Кто знает, с какими намерениями он женился на ней девять лет назад. Но получилось, видимо, по-другому. Человек предполагает, а Господь Бог располагает. Много чего она мне нарассказывала, да и сам нагляделся. В своих мечтаниях готова была изничтожить Джаса, но потом это разбило бы ей сердце.

— И при этом могла задеть кого-то еще?

— Если бы ей удалось! — Он пожал плечами. — Клеймаунт мертв. Тот старый судья тоже. Возможно, немного встряхнули бы Уолли Руперт, если бы при тщательном расследовании обнаружили, что он замешан.

В дверь постучали, и на пороге появился служащий.

— Прошу вас.

— Спасибо, Гарри. Тревис, если вы собираетесь еще говорить с Бакльберри и хотите, чтобы я присутствовал, это можно устроить.

— Спасибо, я подумаю.

— Дайте знать, — бросил он, торопясь к выходу и расправляя на плечах мантию.

Глава 5

Я нашел Изабелл у питьевого фонтанчика — она напряженно стояла у стены, не касаясь ее, вздернув подбородок, глаза скрыты темными очками.

Напившись и вытирая рот, я заметил:

— Мне понравился этот задиристый паренек.

— А вы негодяй. Конечно, ведь она оплатила вашу дорогу сюда. О чем вы там сговорились? Слагали оды этой шлюхе?

— Изабелл, дорогая, не пытайтесь грубить — вам это не к лицу. Вы похожи на девчушку, которая в нарядном платьице швыряется грязью.

— Не острите. Нечего покупать меня своей вонючей сентиментальностью. Мацари — самый обыкновенный грязный тип. Вы заявились сюда, чтобы подзаработать на деле миссис Йомен, так ведь? И вдруг она мертва. Теперь мне понятно, почему вы стараетесь спустить на тормозах, загладить историю моего исчезнувшего брата. Думаете, это помешает вам потихоньку тянуть из кого-то денежки. Вы уже придумали с Мацари, как организовать шантаж и держаться при этом в тени?

— Почему же вы не хотите быть с нами, Изабелл? Мы бы взяли вас в долю.

Она топнула ногой.

— Я требую, чтобы вы начали действовать официально!

— Если вы соизволите выйти, сядем в мою машину, доедем до Эсмерелды и там, с вашего разрешения, выложим все шерифу Фреду Бакльберри.

— Но… я думала…

— Идемте, дорогая мисс Уэбб. И учитесь понемногу узнавать жизнь.

— Фу, вы всегда так отвратительно уверены в себе?

До конторы шерифа, расположенной в здании окружного суда Эсмерелды, мы добрались в пять минут шестого. Шериф отсутствовал. Дежурный сообщил, что будет с минуты на минуту. Мы присели на скамейку в коридоре. Минут через пять он появился в сопровождении стеснительного на вид молодого человека в темных очках и светло-голубом костюме. Увидев нас, Бакльберри остановился как вкопанный, и юнец, поспешавший позади, чуть не врезался в него.

— Макги. Мисс Уэбб. — Шериф мельком оглядел коридор из конца в конец и только тогда пригла-

сил: — Заходите.

Мы прошли за ним через полные столов и людей закутки в самый конец, к его кабинету. Один из полицейских подскочил было с пачкой бумаг, но Бакльберри твердой рукой отстранил его и, впустив нас, плотно закрыл дверь. В кабинете лежал на полу голубой ковер, под цвет ему шторы, белые стены, тускло поблескивавшая металлом мебель.

Подойдя к столу и нажав кнопку переговорного устройства, скомандовал:

— Не беспокоить. — И сразу начал со знакомства:

— Мисс Изабелл Уэбб, мистер Тревис Макги — лейтенант Томпкинс. Он представляет криминальный центр в нашем округе. Прошу садиться. Вы явно хотите мне что-то сообщить или спросить о чем-то, иначе вас здесь не было бы. Но сначала говорить буду я. Возможно, так сэкономим время. Мы только что из больницы, из лаборатории патологоанатомов. Сегодня поисковая группа обнаружила на камнях возле дачи, примерно в двух метрах от места, где она, по вашим словам, упала, засохший кусочек легочной ткани. В лаборатории установили, что он и в самом деле вырван из легкого. В картотеке

больницы есть группа крови миссис Йомен. Удалось установить тождество. Еще: машину Уэбба запарковали в аэропорте в понедельник между полуночью и двумя часами утра. У меня на руках докладная техников, которых лейтенант Томпкинс направил в Карсон для осмотра машины. Она вся вычищена до блеска — никаких пятен, следов. Для следствия это пустой номер.

Он с вызовом посмотрел на меня, и было ясно, что у него и в мыслях не было благодарить за подсказку.

Что ж, я подставил ему другую щеку.

— Отличная работа, шериф. Коротко изложу, что у нас на сердце и языке. Джон Уэбб был диабетиком. Коробку со шприцем и инсулином оставил дома. Он держал ее в ванной, вместе с другими туалетными принадлежностями — те исчезли. Я побеседовал со стюардессой, которая вчера обслуживала тот рейс. Парочка, севшая в Карсоне, всю дорогу пила и сквернословила. У мужчины справа на шее заметила шрам — у Джона Уэбба ничего подобного не было. Эти двое лишь на первый взгляд напоминали миссис Йомен и мистера Уэбба. На женщине было светлое платье, красные босоножки на высоких каблуках, в руках — большая красная сумка. Мужчина одет

в темные брюки и легкую спортивную рубашку. Стюардессу зовут Мадлин Хаузер. Можете взять у нее письменные показания.

— Вам, видно, не терпится сунуть всюду нос, Макги?

— Совать нос! — с возмущением воскликнула Изабелл.

— Шериф, я привез мисс Уэбб, чтобы она забрала машину. Вы же сами ей сказали, где она. Машины там не оказалось. Мы перекусили, и я сообразил, что как раз прилетает самолет того самого рейса. Ну и решил сразу расспросить стюардессу, по свежим следам. Пока дня через три-четыре вы добрались бы до нее, кто знает, что она вспомнит, а одежду женщины уж точно не описала бы. Это было внезапное озарение, шериф.

Томпкинс, деликатно покашливая, попытался разрядить напряжение:

— Мне кажется, всякая информация… из любого источника…

— Я хочу знать, где мой брат! — звенящим голосом воскликнула Изабелл.

— Мне бы тоже этого хотелось, — проворчал Бакльберри.

— Вы не собираетесь искать его? — не отступала мисс Уэбб.

Шериф отбросил вежливость и официальность: он ведь сделал все, что мог. Это был хороший полицейский. Пусть я и втравил его в дело, использовав Джаса Йомена, все равно это был хороший полицейский.

— Мисс Уэбб, одумайтесь. Он уехал или его забрали в понедельник, во второй половине дня. Сегодня среда. Сегодня вы решили, что он не уезжал с Моной Йомен, но еще вчера в течение дня вы были уверены в обратном. Господь с вами, мисс Уэбб, округ Эсмерелда занимает больше десяти тысяч квадратных километров, и в это время года по любой дороге, даже по вшивому проселку, можно проехать. Все обнаруженные трупы опознаны, в больницах нет ни одного неустановленного лица. Я вылезал из кожи, чтобы раздобыть вертолет, с которого весь день разыскивали белую машину миссис Йомен, — пока безрезультатно. Вместо положенных ста человек в моем распоряжении всего шестьдесят. Чего, черт побери, вы от меня хотите? Немного опешив, она все же продолжала атаку:

— Шериф, я хочу официальной огласки. Чтобы вы передали сообщение по телевидению, радио, в газетах. Хочу, чтобы все знали, что Мона мертва и мой брат — исчез. Чтобы отправили на поиск

патрульных… чтобы его искали скауты… и пусть армейские части обыщут каждый сантиметр из этих десяти тысяч квадратных километров.

Откинувшись на спинку кресла и уперев мощные, волосатые руки в подобие талии, он, прищурясь, взглянул на нее.

— Мисс Уэбб, вы принуждаете меня говорить откровенно.

— Пожалуйста. По крайней мере хоть что-то.

— Я убежден, что речь идет об убийстве. Но у меня нет ни малейшей зацепки. В конце концов, нет даже трупа. Не хочу утомлять вас перечислением всего, чего я сначала должен добиться. Свидетельство эксперта по трупам, общее заключение с подписью государственного прокурора, обвинительный акт присяжных. Мисс Уэбб, полицейское чутье подсказывает мне, что лучше тихо продолжать расследование, и пусть виновник, кто бы он ни был, думает, что мы верим в совместный отъезд миссис Йомен и вашего брата в Эль-Пасо. Стоит нам начать трезвонить во все колокола, дело так запутается, что его и вовек не размотаешь. А преступники как сквозь землю провалятся.

— Значит, для вас главное — спектакль, который вам нужно разыгрывать, а не жизнь моего

брата?

— Мой нюх полицейского подсказывает, что ваш брат мертв. Если бы остался в живых, очутился в весьма плачевной ситуации. Думаю, он умер раньше, чем она.

Осев в кресле, прижав к губам ладонь, она расширенными от ужаса глазами смотрела на него.

— Если есть хотя бы один шанс из тысячи… вы не можете запретить мне передать все в газеты.

— Передайте, мисс Уэбб. Они в первую очередь проверят у меня — тут все схвачено. Я сообщу, что я собираюсь через час доложить Джасу Йомену: все проверили, и наши предположения подтвердились. Может, вызовете кое-какие слухи, мисс Уэбб, но ничего из них официально мы подтверждать не станем.

— Мистер Макги отправится со мной в редакцию и подтвердит.

Бакльберри сверкнул взглядом в мою сторону:

— Спросите его.

Она повернулась ко мне, и я с грустью отрицательно покачал головой.

— Мерзкий негодяй, — прошептала она.

— Дорогая Изабелл, такова реальность, о которой я вам напоминал. По-моему, я догадываюсь, какие шаги теперь собирается предпринять ше-

риф Бакльберри. Выслушаем его.

— Я, мисс, прочешу весь округ и выявлю высоких, худых брюнетов со шрамом на шее справа; найдем также всех грудастых блондинок, у которых есть светлые платья и красные босоножки. Если при этом что-то и упустим, разберемся позже, но с этих людей не спустим глаз, найдем хоть одного из парочки. И возьмем его в такой оборот, что станет на коленях молить, чтоб его выслушали. Если же поступить по-вашему, возможно, они никогда сюда не вернутся. И лучше держать в руках одного из них, чём десять тысяч скаутов, слоняющихся по округу. Проверим каждое дальнобойное ружье в этих краях. Завтра пошлю двух дошлых индейцев обыскать холм севернее над дачей. Прикажу выяснить в лаборатории, какую взрывчатку использовали для завала дороги и каково ее происхождение.

— Где мой брат?! — не желая вникать в то, что говорил шериф, вскричала Изабелл.

Вздохнув, он полез в ящик стола и, плеснув в стакан виски, подошел к ней.

— Я не пью!

— Господи, девочка, мы же не на вечеринке с коктейлями. Это лекарство — примите!

Схватив стакан и покосившись в мою сторону,

она выпила залпом и тут же поперхнулась, закашлялась.

— А чем заняться мне? — спросил я.

— Попытайтесь ее утихомирить.

— А кроме того?

— Кроме — ничего, держитесь в стороне.

— Почему вы не хотите сказать Джасу правду?

— Потому что шальной мужик мне такой же помощник, как и взбалмошная дамочка.

Изабелл с искаженным лицом вскинула руки, сжатые в кулак, закричала:

— Найдите моего брата!

— О Господи! — беспомощно произнес Бакльберри. — Что делать?

Казалось, что в этот момент ему больше всего хочется лечь головой на стол и расплакаться.

Я попытался подойти с другой стороны.

— Разумные доводы на нее подействуют, шериф. Это ведь истинная интеллектуалка. И недотрога, этакая мимоза. У них с братом не совсем здоровые отношения, какой-то ненормальный симбиоз. Ей двадцать шесть, потому и кажется взрослой. Но вы же сами видите — детские приступы буйства. У нее ограниченные контакты с действительностью. Весьма неуравновешенная особа, рано или поздно это доведет ее до психушки, проще всего

засунуть ее туда уже сейчас. Вы ведь имеете такое право? Мы с лейтенантом засвидетельствуем, что она ведет себя как опасный безумец. В самом деле, шериф, окажите любезность, да и мне развяжете руки. Кто-то ведь в самом деле считает, что это сфабрикованное бегство — достаточное доказательство, несмотря на то, что я был свидетелем смерти Моны. Но если окажется недостаточным, станут исправлять ошибки, и, возможно, одна из них — оставить меня в живых. Так что ради всех, в том числе и ради ее брата, будет самое лучшее, если вы смогли бы изолировать ее куда-нибудь на время и подержать на транквилизаторах.

Он-то видел, как я ему подмигивал, но она этого не замечала. Шериф охотно включился в игру:

— Отличная идея, Макги, поздравляю. Мисс Уэбб, в городской лечебнице вам будет обеспечен прекрасный уход.

В первые мгновения мне показалось, что я переборщил. Быстро, как невменяемая, она метала взгляд от одного к другому, третьему, и в ее удивительно голубых глазах мелькнул блеск подлинного безумства. Потом, крепко ухватившись за ручки кресла, она застыла с закрытыми глазами, опустив голову. Дышала громко, глубоко, так что округлая грудь вздымалась под желтой

блузкой. Через минуту дыхание выровнялось, руки расслабились, она, превозмогая себя, подняла голову и, глядя на Бакльберри, сдержанно произнесла:

— Разве не естественно, что судьба брата взволновала меня?

— Я понимаю, мисс.

— Конечно, вы разбираетесь в таких делах гораздо лучше меня, шериф. Я прошу только об одном. Обдумайте все. Жена Йомена мертва — ей вы ничем не поможете. Неизвестно, жив ли мой брат. Мне кажется, вы должны в первую очередь заняться им. Его увезли из дома. Похищение ведь считается преступлением во всех штатах.

— У нас нет доказательств, что его похитили. Только подозрения.

— Если вы дадите слово в первую очередь заняться поисками моего брата, обещаю, что буду… держать себя в руках.

— Даю слово, обещаю.

Взяв сумочку, она нерешительно поднялась, вроде бы собираясь уйти:

— Нельзя ли мистеру Макги отвезти меня домой?

— Как только что-то узнаем, мисс, сразу свяжемся с вами.

Я вышел вместе с нею. Она, пошатываясь, оперлась на мою руку, неуверенно двигаясь к выходу, но вдруг остановилась, прижалась спиной к стене и, склонив голову с закрытыми глазами, тяжело задышала.

— Ну-ну, все в порядке, — подбодрил я ее.

Все еще не открывая глаз, она сказала:

— Нужно еще привыкнуть к сознанию, что человек ничего не значит.

— То есть?

— Взглянуть правде в глаза всегда больно. — Она серьезно смотрела на меня. — Вы знаете, отец мой был изворотлив, как угорь, и совершенно посредственный художник, а мама очень неумна. А добросовестно преподававший брат как человек ничего собой не представлял. Когда он понял, что напрасно терял время, то огляделся по сторонам и нашел приют в третьеразрядном университете, как у Христа за пазухой. Так с какой стати шерифу о нем беспокоиться, считаться с ним? Жить иллюзиями гораздо легче, Тревис. Прекрасные родители, благородный брат, возвышенное признание, преданность. Загадочная принцесса с умной, печальной улыбкой. О Боже, Тревис, если человек лишается иллюзий, что у него остается?

— Пойдемте, Изабелл.

Взяв за руку, я повел ее к дверям.

— Что мне, по их мнению, делать? — причитала она. Я понимал, что она имеет в виду не полицию, — может, думала о родителях. А возможно, обо всех вместе — родителях, брате, знакомых, которые твердили когда-то: «Вы только посмотрите, что за умница эта девочка!»

Мы прошли с ней через площадь, залитую бронзовым светом заходящего солнца, к нанятому мною автомобилю, стоявшему в тени на боковой улочке. Я помог Изабелл сесть, а когда обошел машину и сел за руль, заметил, что ее сотрясает дрожь. Казалось, стоит ей разжать челюсти, и послышится дробь, выбиваемая зубами.

— Изабелл!

Она круто повернулась ко мне с перекошенным горечью ртом:

— Что вы понимаете в отношениях! Ненормальный симбиоз! Ограниченные контакты с действительностью! Как вы смеете притворяться, что распознаете интеллектуальный уровень? Это вы-то, мистер Макги, с вашим отвратительным, убогим высокомерием? Ах, вы такой умный, сообразительный, усвоили пару потрепанных, циничных фраз, и вот уже считаете себя вправе иронично относиться ко мне. И обращаетесь

со мной так бессовестно высокомерно и снисходительно! У вас на все готов ответ, а если не устраивает вопрос, пускаете в ход кулаки, тычки или презрительно изображаете, что вам просто смешны такие вопросы. Вы силач, но по-настоящему не стоите и мизинца таких, каким был мой брат.

Глаза ее расширились и затуманились.

— Был… — повторила тихонько. Она сама распяла себя на кресте и сейчас бессильно поникла на нем.

Безоглядно отдавшись горю, она уронила голову на колени, и сквозь стиснутые зубы порой вырывались свистящие всхлипывания. Не обращая внимания на слабое сопротивление, я привлек ее к себе на грудь, прижав голову к плечу, похлопывая по напряженной спине. Она прильнула ко мне, напоминая одинокого путника в тонущей лодке среди бушующего моря. Я успокаивал ее как ребенка:

— Ничего не поделаешь. Просто поплачь, дорогая.

Чувствовалось, как она старается превозмочь волнение, как нараставшее чудовищное напряжение наконец вылилось в громкие рыдания, напоминающие плач какого-то животного. Все

мускулы расслабились, она перестала сдерживаться, отдаваясь судорожным приступам отчаяния, хоть на мгновение высвобождаясь от той страшной тюрьмы, в которой существуют сложные личности, обреченные оценивать себя со стороны. Подбежала стайка мальчишек, которые уставились на нас через стекло, ухмыляясь, хихикая, жестикулируя, а затем исчезли. Ритмичные приступы плача теряли силу, девушка успокаивалась. С упорством больного или очень пьяного человека она постепенно отдалялась, отстранялась от меня, опустошенная и усталая.

Изабелл выпрямилась на своем сиденье. Выглядела жалко. Распухшее лицо пошло яркими пятнами. Она достала из сумочки пачку бумажных салфеток. Ее по-прежнему сотрясали рыдания. Волосы спутались, аккуратные волны рассыпались. Сейчас ей можно было дать все тридцать шесть, а не на десять лет меньше. Вынув зеркальце, она медленно, неловко попыталась поправить прическу, все еще всхлипывая. На плече у меня расплылось мокрое пятно.

Глядя на нее, я вспоминал, как возвращается на ринг боксер — настоящий боец. Его уложат на спину, вроде он уже выбыл из борьбы. Но при счете «три» он начинает шевелиться. Сбросит с себя

полотенце, встанет на одно колено. После «девяти» он уже стоит, шатаясь, качаясь из стороны в сторону, с глуповатой ухмылкой, но держится на ногах; гордость заставляет его замахнуться перчаткой на противника, а тот его снова уложит.

Выпрямив худенькие плечи, она сказала:

— Оказывается… даже силач может быть добрым.

В голосе звучала признательность, превозмогшая неприступную гордость.

— Традиционно подставленное плечо.

Искоса бросила на меня взгляд:

— Спасибо за плечо. — Она извлекла из сумочки темные очки, нацепила их. — Мне так стыдно, и, конечно же, я смешна.

— Потому что кто-то видел вас в таком состоянии? Позволено ли мне привести потрепанное, циничное замечание?

Она через силу улыбнулась.

— Пожалуйста, лучше не надо. И что я на вас так набросилась?

— Вы устали до изнеможения. Хотите кофе? Поесть чего-нибудь? Или выпить?

— Хочу домой, в собственную постель.

На площадь опустилась тень. Когда я выезжал из города, солнце уже скрылось за холмом и мест-

ность охватывал голубоватый сумрак. Изабелл задремала, прислонясь к боковой дверце, некрасиво свесив голову, руки на коленях, раскрытые ладонями кверху.

Когда я остановился перед коттеджем номер три, она проснулась, похожая на ребенка, когда его, спящего, привозят с экскурсии. Я проводил ее до дверей, она пробормотала, что все в порядке. Я пообещал позвонить, она автоматически кивнула, соглашаясь. Никак не могла засунуть ключ в замочную скважину, пришлось отпереть ей дверь. Обернувшись ко мне, попрощалась:

— Доброй ночи.

Я похлопал ее по плечу:

— Выспитесь хорошенько.

Она кивнула, секунду стояла неподвижно, а затем поцеловала меня в краешек рта — это был детский, автоматический поцелуй, неосознанное движение. Наверно, она вообще не задумывалась над этим. Зайдя в прихожую, зажгла свет и закрыла дверь. Полагаю, минут через десять она уже будет спать без задних ног. Было уже восемь часов. Двенадцатичасовой сон ей был сейчас полезнее всего на свете.

Маленький необычный клубок, который можно распутать с помощью нежности. Огромный

запас чувств. Но со всех сторон огражденный условностями.

Я отправился обратно в Эсмерелду. В моем мотеле уже оплакивали неполученные денежки, но им сразу полегчало, когда выяснилось, что у меня теперь есть машина. Приняв душ и побрившись, я переоделся и зашел в соседний ресторан, съел две бараньих котлеты из гриля. Подвыпившая девица в бумажной шляпе набрела на мой столик и серьезно отчитала меня за то, что не ношу значков. Я обещал исправиться.

Глава 6

Юго-западные кварталы относились к старой части города, и теперь там жили главным образом мексиканцы. Кварталы поновее и поинтереснее расположились на северо-западе, где местность была немного неровной. К резиденции Йомена я добрался в половине одиннадцатого. Она раскинулась на обильно орошаемой площадке, которая возвышалась над местностью, так что я, выйдя из машины, с подъездной дорожки увидел всю двойную ленту фонарей, окаймляющих дорогу к городу. Дом был низким, но большим, и вокруг цвело что-то очень ароматное. Большинство окон было темными. Я направился было к центральному входу, когда где-то сбоку открылась дверь и раздался голос Джаса:

— Макги? Идите сюда, старина.

Пройдя через небольшую террасу, я вступил за ним в просторный кабинет. Это было мужское помещение. Кожа и дерево, камень, книги и бар, письменный стол, витрина с ружьями; в большом, глубоком камине уютно потрескивали поленья. В руке у Джаса был стакан, и он предложил мне самому смешать выпивку. На широкой

стене за баром висел огромный портрет маслом Моны Фокс-Йомен. На ней было переливающееся темно-голубое платье с глубоким декольте. Сидя на скамейке, она со спокойной, уверенной улыбкой смотрела в комнату — женщина была лет на пять моложе той, что умерла на моих глазах.

Джас был в шлепанцах, серой фланелевой рубахе и выгоревших почти добела брюках. Я сел в кожаное кресло напротив него. Он заговорил:

— По средам вечером я бываю в Хлопковом клубе. Бифштекс и покер. Когда как, но чаще не везет. Вы играете в покер?

— Да, и тоже проигрываю.

— Эти вечера по средам обходятся мне тысчонки в три за год. — Он ткнул пальцем за плечо назад. — Кухарка, горничная, слуга и садовник, поди, сейчас у себя теряются в догадках — синьор патрон в среду вечером остался дома! А возможно, им наплевать. Правда?

— Мы сейчас играем в покер, мистер Йомен?

Он рассматривал меня. Кто знает, какая кровь течет в его жилах. Немного индейской — это уж точно, древнее наследство. Только теперь я обратил внимание на его руки — тяжелые, с крупными суставами и набухшими жилами. Когда-то познавшие тяжелейший труд, ни от чего другого

такими они не бывают.

— Почему вы думаете, что знаете правила?

— Не думаю. Просто догадываюсь. Здесь они еще имеют особый запах. Сила проявляется иным способом, что поделаешь — феодальная система. Что-то подсказывает мне, что этот одинокий рыцарь в тонких доспехах проиграет. Поэтому придется либо к нему присоединиться, либо не играть. Только не знаю, сдадут ли мне карты.

— Дела сейчас не так просты, как когда-то.

— Ничего нет простого.

— Этот ваш одинокий рыцарь, парень, прискачет, выберет себе замок и атакует его. Только, может, выберет такой, где водяной ров разрушен, подъемные решетки развалились, и там вообще никого нет.

— Значит, наш рыцарь не очень хороший наездник и боится драконов. А может, у него нет другого выхода.

— Думаете, я сделал вам вчера предложение?

— А разве нет?

— Если б у вас не было чего-то на уме, вы не пришли бы.

— Мистер Йомен, если я предлагаю вам карту, а вы ею не воспользуетесь, что ж…

— К черту, Макги, вы уже впутались в дело! Все

уже пришло в движение, и весь замок рушится.

Откинувшись на спинку кресла, я вертел в руках стакан.

— Она хотела нанять меня, чтобы я помог ей избавиться от вашей опеки. Обещала мне половину суммы, которую я смогу у вас оторвать. Обо мне узнала от нашей общей знакомой. Мне известно, что ее наследство вы промотали. Знаю, что были ее опекуном. Кажется, понимаю, почему вам было выгодно на ней жениться. Но чувствую также, что женитьба дала вам больше, чем вы рассчитывали.

— У вас очень своеобразный подход к делу, Макги.

— Я специализировался в качестве спасателя. Но ее предложение мне не хотелось принимать.

— Почему?

— У меня создалось впечатление, что ей хотелось от меня чего-то несбыточного. Словно принуждала себя к этой акции. По-моему, она, собственно, готовила трагическую сцену, во время которой отказалась бы от любовника. Слезы, прощай, милый, возвращаюсь к мужу, ничего другого мне не остается. Таким мне представлялись ее дальнейшие шаги. Она вздыхала бы здесь до тех пор, пока не убедила вас, что сердце ее раз-

бито, а потом вернулась бы на прежнюю колею. Понимаю, вы относитесь ко всему скептически, Джас. Спросите Микеле Мацари. По его мнению, это была просто романтическая игра. Думаю, игра кончилась, во всяком случае для нее. Не дали ей времени доиграть.

— Кто не дал времени?

— Те, кого сейчас выслеживает Бакльберри. Следы-то они не все замели, Джас. Ребята из лаборатории сегодня обнаружили улики. Клочок легочной ткани и тождественная группа крови. На том самолете улетели запасные игроки. Уэбб скорее всего тоже мертв.

Откинув голову на высокую спинку кожаного кресла, он выглядел так, словно в любую минуту может заснуть. В камине рухнуло полено, рассыпав искры. Допив стакан, он медленно поднялся. Подошел к ее портрету и, сунув руки в задние карманы брюк, смотрел на него.

— Знаете, старина, какую воду мы черпаем из этих глубоких колодцев?

— Не понимаю.

— Глубинную, вкуснейшую воду, сохранившуюся с тех времен, когда здесь были болота, озера, гигантские ящеры и папоротники с дерево. Когда мы ее вычерпаем всю, не останется ни капли.

Уже завтра все насосы могут заработать впустую и выкачивать из глубины только сжатый воздух. И дни этого края будут сочтены.

— Я этого не знал.

— Никакая это не тайна. Мы не думаем об этом. Такое знание ужаснет любого. Ведь и о собственной смерти человек никогда не думает, а она под боком. Никому ее не избежать. А сюда нанимают других, бурят новые скважины и выкачивают воду все быстрее и больше.

— Выглядит как-то глупо.

Повернувшись к бару, он налил еще и, не торопясь, вернулся в кресло.

— Черт возьми, но это и в самом деле глупо. — Он крепко провел ладонью по лицу от лба до подбородка. — Транжирство. Надежда. Откуда мне знать? Кажется, посмотришь — сразу ясно, что мир катится в тартарары. А взглянешь через минуту, и опять безоглядно надеешься, что перед тобой открыты сотни возможностей, и ты в любую минуту можешь действовать. Но однажды сразу навалится чересчур много забот. И все. Просто — сразу и чересчур. Парень, вчера я это понял. Я уже сорок лет играю в покер. Видел это по вашим глазам, по вашим губам. Этот Фреди Бакльберри! Боже мой! Сегодня вечером

позвонил мне. Милый Джас, все так и есть, как мы предполагали. Совершенно точно — улетела с профессором. Этот пигмей не знает, что прошлая ночь стала для меня решающей. Сегодня уже все равно. Вчера вечером я слегка напился. Сегодня будет так же, старина. Вчера я взял «крайслер», поехал в горы по тому серпантину — его придумал один горе-политик, а когда его построили, мне тоже перепало из государственных средств. Холодный месяц освещал все вокруг, а наверху, на ровной площадке, есть кусок дороги, так… километров шестьдесят, — прямой как стрела. Скорость была сто сорок, выключив фары, я пустился напропалую — огромная машина шла как игрушка. Наскочил на большого зайца, шум был как от выстрела. Убит наповал — выглядел страшно. И он тоже был из мяса и крови. Снял я ногу с педали и медленно скатился вниз, пока не наткнулся на хилое деревце. Посидел с минуту, потом вышел взглянуть на капот. Там оказалась вмятина, подсохшая кровь и светлые волоски. Счистил их — они были мягкие. Я прошел мимо дерева и стал смотреть на звезды. Твердил себе, что будет время — получу четыре туза сразу. Что еще почувствую вкус бренди и сигары после доброго бифштекса и испытаю наслаждение.

Убеждал себя, что я все тот же старый черт, что еще погарцую на женщине под собой, переживу минуты, когда кажется — вот оно, и пропади пропадом все остальное. Посвистывая, я сел за руль, развернулся и поехал по той же дороге — с зажженными фарами, медленно и осторожно, как старая дама. Я уже думал, что давно проехал то место, когда трупик зайца возник перед фарами, и я, дурак, остановился и зачем-то вышел. Крепко ему досталось, но шкурка была чистой, и тело не растерзано. Ладонями чувствовал, какой он еще теплый. Я его поднял и, перебравшись через кювет, опустился на колени; как собака лапами, вырыл ямку, положил его и еще прикрыл носовым платком, прежде чем засыпать землей. Господи, прямо как ребенок хоронит мертвую птичку. Утрамбовал землю и, еще стоя на коленях, взглянул на звезды, дивясь, какого дурака из меня разыграли. Понял, что все в мире имеет ценность. Покер и бренди, сигары и молодая девчонка. Все важно.

Допив, он отнес стаканы к бару и снова наполнил. Момент оказался неподходящим, чтобы отказываться.

Подав мне напиток, он сел.

— Знаете, что ярче всего отпечаталось в мо-

ей памяти? — Улыбка делала его значительно моложе. — Три года. Я прослышал о племенных кобылах на продажу и взял ее с собой в Монтану, где хотел их как следует рассмотреть. Там везде была свежая весенняя трава, все вокруг цвело. Мы поднялись на один холм и, перевалив через вершину, спустились по другой стороне. Те кобылки мне понравились. А ей не понравился парень, который их продавал. Господи Боже мой, каких только глупостей не совершаешь! Километра на три вокруг нас не было ни души. Вдоль ручья бродили пасущиеся кони. Мы пошли по травянистой ложбине. И тут вдруг стали орать друг на друга, едва не стукаясь носами. Она вдруг влепила мне затрещину, да так, что я отлетел. Обычно я замечал, когда она собирается на меня кинуться, но в тот раз застала меня врасплох. У меня был испорченный зуб, который тут же страшно схватило. Я врезал ей в ответ. Придя в себя, Мона опять размахнулась, а я снова ответил. Клянусь, мы раз шесть обменялись оплеухами, и мне уже стало смешно, когда заметил, как дергаются уголки ее рта. И тут мы зашлись от смеха, заливались, как дети. Не прошло и двух минут, как мы скинули с себя барахло и уже лежали среди цветов, словно юные любовники. Наверное, неприлично вспо-

минать такую непристойность? — Он нервно рассмеялся. — У нас обоих так распухли лица, что мы стали похожи на белок, прискакавших с орехами к дуплу.

Он подошел к камину, поворошил поленья.

— Любовь? Что такое любовь, черт меня подери? Я женился на ней, потому что рассчитывал на ее наследство. Она за меня вышла из-за того, что шла ко дну и ухватилась как утопающий за соломинку. Эта интрижка с профессором расстроила меня не больше, чем причуды любого знакомого, который строит из себя идиота. Отыскала того адвоката из Беласко, но тот сразу сообразил, что налетел на твердый орешек и, чтоб его расколоть, нужна куча времени. Потом напустила на меня сыщика, но стоило только намекнуть начальнику полиции, того быстро научили хорошим манерам. Теперь наняла вас, кто вы там есть? Специалист-телохранитель?

— По высшему счету — вроде Робин Гуда. Граблю злодеев, богачей.

— Много не зарабатываете.

— Джас, разве не кажется яснее ясного, что тот выстрел предназначался вам?

Поднявшись с кресла, он подошел к оленьим рогам, закрепленным в длинной подставке на

колесиках, и откатил ее в сторону. В стене был стальной сейф. Наклонился к нему, и я услышал звук набираемого шифра, потом скрипнула открывшаяся дверца. Он вернулся к креслу и вдруг без слов швырнул мне в лицо пачку денег. Я автоматически взметнул рукой, и пачка упала у моих ног. Это были пятидесятидолларовые купюры, склеенные банковской полоской с цифрой «5000».

— Не притворяйтесь. Я прекрасно знаю, что вас интересует в этой истории, Макги. Попытаюсь сберечь ваши усилия. Нечего морочить мне голову.

Я откинулся на спинку кресла, чтобы размахнуться ногой, и отбросил пачку в камин. Рассчитывал попасть, она туда и влетела, только приземлилась не в огонь, а рядышком с горящими поленьями.

— Не ломайте голову, Джас, над тем, что меня интересует.

Верхние купюры уже морщились и меняли цвет. От них потянулась тонкая ниточка дыма.

— Ставите свои условия очень забавным способом, парень.

— Киньте мне пачку побольше, мистер Йомен, уж я расстараюсь.

— Деньги для вас не имеют значения?

— Мне они очень нравятся. Просто я несколько щепетилен в отношении способа, каким их мне предлагают.

Наступило молчание. И лицо, и его индейские глаза оставались непроницаемы, бесстрастны. Угол верхней купюры почернел, и хоровод крошечных искорок стал выедать полукруг уголка.

— Черт возьми, ну и хитрая вы бестия, Макги!

— Я сказал, что в сложившейся ситуации могу кому-то быть полезен. Но не говорил, что торгую собой.

Помолчав, он встал, не спеша подошел к камину. Поднял пачку и, чтобы погасить искры, похлопал ею о брюки, отчего на них осталось черное пятно копоти. Подошел ко мне.

— Я правильно запомнил ваше имя? Тревис?

— Просто Трев.

Он осторожно положил пачку денег на подлокотник моего кожаного кресла.

— Трев, буду рад, если вы мне поможете. Пожалуйста, примите маленький знак моей симпатии и признания. Будь я моложе лет на двадцать, мы вышли бы во двор и минут сорок бодались бы до крови. Это единственный способ подружиться с таким высокомерным болваном.

Отойдя к своему креслу, он поднял стакан.

Вытащив из пачки обгоревшую купюру, я сунул деньги во внутренний карман куртки. От купюры оторвал обгоревший уголок и вложил ее в бумажник. И как ни в чем не бывало, словно и не было стычки, докончил свой рассказ о том, что мне стало известно, заключив словами:

— Бакльберри всего вам не объяснил, потому что думал — вы от этого сойдете с ума.

— А человек, похоронивший зайца и прикрывший его носовым платком, был в своем уме?

— Она бы очень хорошо поняла этого человека, Джас.

— Если я и способен сейчас думать, то только прикидывать, кто это сделал и зачем.

— Она случайно заметила, что в последнее время за ней следили. Думала, что по вашей инициативе.

— Я к ней кого-то приставил? Да что вы!

— Двое типов расспрашивали о Моне ту горничную, которая уволилась и вышла замуж.

— Долорес. Долорес Канари. Минутку. Теперь она миссис Эстобар. Жена Хуана Эстобара. Что, к дьяволу, они хотели узнать от Долорес?

— Расспрашивали о личных финансах вашей жены. Долорес и Мона предположили, что выяс-

няли ее возможности — хватит ли для внезапного бегства?

— Дружище, это вопрос, который мне незачем выяснять. Я уже давно решил не открывать для нее счет. Ежемесячно первого числа выкладывал ей полторы тысячи на личные расходы. Все покупки шли на мой счет, но так и так через две недели она уже была на мели.

— Но кто-то ведь расспрашивал об этом Долорес?

— Такие вопросы могут быть связаны с налоговым расследованием. Если вас хотят довести до суда после проверки налоговых уплат, нужно выяснить, сколько вы тратите на жизнь. Понимаете?

— Прошу прощения. Не совсем.

— Трев, положим, десять лет назад вы стоили сто тысяч долларов. Скажем, сейчас ваше состояние оценивается в шестьсот тысяч. Предположим, ваш чистый доход после вычета налогов составлял пятьдесят тысяч в год. Если вы тратите на себя за год тридцать тысяч, ваша настоящая стоимость сегодня — триста тысяч, а не шестьсот. Могут взяться за вас и доказывать на суде, что остальной доход в триста тысяч вы утаили от налогов. Преступление. Для него нет срока

давности. Ничего не упустят, могут проследить прошлые дела, вплоть до самого 1913 года, когда был принят закон о налогах. Черт побери, я же свои счета контролирую и думал, что все в порядке. Но, пожалуй, это выглядит так, будто мне хотят подготовить небольшое потрясение. И это в самом деле может стать потрясением, приятель! Они потратят года два, чтобы подготовить обвинение, а мне предоставят два месяца для защиты. Хм-м, странно.

— Что именно?

— Что меня это не волнует. Я сейчас должен бы кинуться к телефону, поднять на ноги Чарли Бейкера, заставить его по своим каналам выяснить, что затевают. Но мне, похоже, наплевать. Неуплата налогов мне сейчас создала бы настоящее пекло со страшными осложнениями. Но даже это не сдвинет меня с кресла.

— Джас, а вас есть чем прижать?

Пристально посмотрев на меня, он нехотя улыбнулся:

— Еще как! Я уже не один год жду, когда где-нибудь лопнет.

— Можно состряпать дело отчасти или полностью на основе того, что вы присвоили то наследство?

— Парень, если я прибрал деньги, которые Кэб оставил разбросанными тут и там, их же не объявишь как чистый доход, так ведь?

— Мацари сегодня сказал мне, что в своем романтическом запале она готова была выступить против вас, но потом непременно пошла бы на попятную.

Секундное недоумение на его лице почти сразу сменилось догадкой.

— Господи Боже, если ее подговорили и она выложила, что произошло с разными частями наследства, я окажусь в настоящем дерьме.

— Не поймите меня дурно, но разве это не мотив для вас?

Он пронзил меня взглядом, и я обрадовался, что мне никогда не приходилось его уговаривать — ни двадцать лет назад, ни сейчас. Это был высокий мужчина с крепким костяком, прочно обросшим упругими, могучими мускулами — древней ковбойской плотью, высушенной на солнце, грубой и надежной. Он, конечно, был известным рубакой и не раз поднимал бурю, которую как-то по-своему умел усмирять, иначе его здесь и не было бы. Кэб Фокс и Джас Йомен определенно были парочкой на загляденье.

— Кажется, я преждевременно отказался ду-

мать о вас дурно, — прошептал он с угрозой.

— Но вы не дослушали, Джас. Если это может служить мотивом для вас, значит, этот же повод есть у кого-то, кто связан с вами интересами и останется в выигрыше, если вас растрясут.

Было заметно, как он старался подавить гнев. Остывая, он мрачно произнес:

— Обычно я проворачиваю свои сделки один.

— Вы говорили о клоуне, который вертит тарелочки на разных палочках.

— Да-а, сейчас я в такой ситуации. От многого избавляюсь. Если хотите что-то сбыть, нужно основательно подсуетиться. Вложить деньги, чтобы вещь выглядела заманчиво. К примеру, если нужно выгодно продать старый дом, сделайте там новую кухню, так чтобы у жены захватило дух, и она не обратит внимания на ворчанье мужа из-за расшатанных полов. Пожалуй, раза четыре мне пришлось пускать в ход оборотные средства, чтобы основательно пустить пыль в глаза: Рассчитал, что через год расходы окупятся, как, например, с той племенной фермой, которая уже почти оправдала себя. Да и дом этот… Миллионов шесть-семь высвободил на кредиты, которые раз в пять увеличат капитал. Собирался все яйца сложить в одну корзину и прибрать к рукам одну

очень соблазнительную компанию, но об этом вслух не заикнусь даже сам себе, парень. Она владеет основными акциями в пяти разных областях банковского дела, имеет миллионов двадцать резервной наличности и только краткосрочные займы. Несколько ловких ребят работают в разных направлениях этого моего проекта, но никто из них не имеет представления, в чем дело.

— Хорошо. Если мы говорим о силе влияния, нужно знать, на что оно не распространяется. Кто принадлежит к сильным мира сего? Кроме вас?

— В основном те, с кем по средам я играю в покер в Хлопковом клубе. Бен Кендрок, Джо Гей, Том О'Делл, Фиш Эллери. Пол Тауэр. Ну, еще двое, которые не играют, — Уолли Руперт и Сонни Мадеро. Между нами говоря, в наших руках все: шахты, банки, радио и телевидение, месторождения, земля, транспорт, строительство, жилье, электроэнергия. А несколько сотен других подбирают оставшиеся крохи. Кое-кому из них помогаю тем, от чего хочу избавиться.

— Мацари упоминал Руперта как вашего компаньона.

Он поднял одну бровь.

— С ним деловых отношений у меня почти нет. Есть у него пара акций в моих предприятиях,

но когда я их сплавлю, нас ничто не будет связывать.

— Когда-то вы шли бок о бок, правда?

— Еще как! Сколько времени потели вместе, подставляя плечо друг другу. — Он насмешливо улыбнулся: — Половина рабочего времени уходила на то, чтобы следить друг за другом. Доходило до бешенства. Когда дела пошли на лад, нам пришлось весьма осторожно распутываться, чтобы не содрать кожу. Оба мы из породы одиноких волков.

— Джас, я задаю вопросы, чтобы уяснить ситуацию. Иногда незаинтересованным глазом можно кое-что заметить. Возможно, мой следующий вопрос покажется не имеющим отношения к делу. Если Мона предоставила бы людям из налогового управления подробные сведения и если на основе налоговой ревизии, как вы говорили, вас могли бы обвинить в мошенничестве, вам пришлось бы доказывать, что те украденные деньги пошли на предприятия, совместные с Рупертом, чтобы не отдуваться одному?

Он уставился на меня. Потом допил стакан и, поднявшись, неторопливо прошел к бару. Медленно смешал напиток, обернулся и опять пристально посмотрел на меня.

— Только не Уолли, приятель. Он — нет. Выбросьте это из головы.

— Джас, если они готовят обвинение, логично предположить, что обратились и к Уолли Руперту, так?

— Не знаю. Возможно. А может, и нет.

— И если они с ним говорили, то он сообразил бы, что вас обложили, и предупредил бы вас, так?

— Господи, конечно же!

— Вы упомянули какого-то Чарли с хорошими связями. Возможно, он знает, что Руперта уже расспрашивали. И если тот не предупредил вас, это кое о чем говорит, согласны, Джас?

Он взял стакан.

— В первую очередь он подумал бы о себе. Боже мой, все уже давно похоронено. Прошло столько лет. Многие, кто замешан в тех делах, уже на том свете. Мы ведь проделывали всякие очень ловкие махинации.

— Махинации?

Усевшись, он, помолчав, заговорил:

— Как исполнитель завещания, я продал крупный участок Кэба компании Икс-Игрек-Зет за пятьдесят тысяч. Этой Икс-Игрек-Зет были мы вдвоем с Рупертом, но, конечно, не по докумен-

там. Через какое-то время Икс-Игрек-Зет продала эту недвижимость компании АБВ за сорок пять тысяч. И опять это были мы с Уолли. Потом тот же участок продали уже реальному владельцу — снова пятьдесят тысяч, но это официально получили пятьдесят, а из рук в руки нам передали еще сто тысяч.

— И сколько всего вы на этом нажили, Джас?

— Поймите, дружище, ставкой для меня была жизнь, и для Уолли тоже. Начинали мы с пустыми руками, и нам нужна была наличность, чтоб защищаться.

— Сколько вы нажили?

Он молчал так долго, что я уже не рассчитывал на ответ.

— Ну, скажем, миллион четыреста. Мне досталось семьсот — восемьсот тысяч. Уолли — четыреста. Остальное пошло на взятки, мелкие денежные подачки. Но, разумеется, все это проскочило не сразу, ничего на ладошке нам не преподносили. Постоянно приходилось латать дырки, чтоб не потонуть. Собственно, все это приплыло к нам, когда мы уже перевалили за вершину холма. Хотя могло и не приплыть. Но все обошлось, и еще столько же добавили.

— Мона могла знать, что Руперт был завязан в

этих делах?

— Наверное, узнала от Мацари. Ловкий парень! Однажды, когда мы разорались друг на друга, несколько месяцев назад, она, помнится, выкрикнула, что Руперт и я — парочка преступников. А мне Руперт был необходим. Один я не смог бы устраивать такие дымовые завесы. Но и у него тоже было много своих сделок; те бумаги мы пускали в ход столько раз, что порой и сами не помнили концов. Но одно могу сказать вам, Трев.

— Что именно?

— Я всегда отчаянно рисковал и действовал круто. Однако то был один-единственный раз, когда я украл. Просто не было другого выхода. Эти деньги прямо просились в руки. Кэб не осудил бы меня, так как знал, что Мона и я всегда будем жить в достатке.

Его усмешка напоминала гримасу.

— Черт возьми, нужно все-таки позвонить Чарли Бейкеру, убедиться, что глупо сомневаться в Уолли.

Он подошел к письменному столу, где стоял телефонный аппарат с диковинными приспособлениями. Трубка аппарата была особенной — никто в комнате не мог слышать его разговор.

Примерно через пять минут он вернулся к своему креслу со словами:

— Чарли все разузнает. Сначала поломался для видимости, набивая себе цену. Прямо-таки карьерой рискует, лишь бы оказать мне любезность.

— Расскажите мне что-нибудь об Уолли Руперте.

— Сейчас ему шестьдесят. Вот вы говорили о феодалах. Клянусь, он один из них. У него нет и пяти друзей на свете, но Бог взамен вознаградил его семейством. В последние годы он пустил корни в сфере услуг. Торговля, прачечные, отели и мотели, магазины. Он, как племенной бык, сам производит и растит рабочую силу. Поселился в пятнадцати километрах отсюда и назвал свою усадьбу Рупертвилл. Женился совсем молодым — на Элен Холмс, у них родилось шестеро детей. Когда Элен умерла, взял в жены ее младшую сестру Катрин — вдову с двумя детьми. Их он усыновил, а она родила ему еще пятерых. Когда через двенадцать лет умерла и Катрин — дочери Холмсов не могли похвастаться здоровьем, — Уолли женился на семнадцатилетней мексиканке, собственной служанке. На Розе. Такая кругленькая, грудастая девчонка с огромными сверкающими черными глазами, и теперь с ней он нажил еще

девять отпрысков. Его старшему сыну сейчас, по-моему, лет тридцать девять, а самому младшему — три-четыре месяца. Двадцать своих детей и двое усыновленных. Если к детям прибавить их жен, мужей и внучат, Уолли окружен семьей человек в семьдесят пять, из них тридцать — сорок уже работают на него. Достаточно его взгляда, и все хлопочут как пчелки. Он распоряжается их жизнью и смертью. Для них он сам Господь Бог. Уолли резок, как бритва, хитер, как старый лис, толстый, с брюхом вроде барабана. И плюет на хорошие манеры. Когда он обращается к вам, кажется, у него болят зубы. В те далекие годы, когда мы с Кэбом тащились в одной упряжке и выкручивались, как умели, Уолли держался в сторонке, потихоньку делал детей и копил денежки. Но, как я уже сказал, не отхвати мы участок Кэба, от нас обоих не осталось бы следа… Нет, дружище, Уолли здесь ни при чем.

Он говорил не переставая. Об Уолли. И беспрерывно пил. Но чем больше пил-, тем точнее и выразительнее становилась его речь и тверже походка, когда направлялся к бару.

Провожая меня, Йомен поинтересовался:

— Вы в самом деле собирались сжечь эти деньги?

— Собирался.

— А если бы попали в огонь?

— Наверное, у нас было бы о чем вспомнить.

Могучей ладонью он хлопнул меня по плечу.

— Это мы запомним и так, парень, и так запомним! Мы с вами поладим. Понаблюдайте здесь немного. Я тоже навострю уши и разую глаза.

Глава 7

Домик Хуана Эстобара я нашел на тихой улочке, залитой лучами утреннего солнца, — небольшое строение, свежеокрашенное в бело-розовые тона, стоявшее вплотную к неровному тротуару. В тени раскидистых, запыленных деревьев боролись за жизнь несколько клочков травы, пробившейся сквозь корку земли. На крытой веранде красовались новенькие хромированные стулья и столик. Дома здесь стояли почти впритык. На улице играла гурьба ребятишек, в листве деревьев щебетали птицы, отовсюду доносилась музыка, а кто-то запустил на полную мощность телевизор.

Долорес Эстобар с любопытством разглядывала меня, приоткрыв затянутую сеткой дверь. В ее глазах сквозил чисто женский оценивающий интерес. Лет двадцати пяти, темноволосая, стройная и очень красивая. Одетая в голубые брючки, поверх которых выпущена широкая розовая блуза, — она была в положении.

— Вам что-то угодно?

— Вы Долорес Эстобар?

— Да. А в чем дело?

— Меня зовут Макги. Мне хотелось бы погово-

рить с вами о Моне Йомен.

— Слушайте, хватит уже надоедать.

— Мне нужно совсем другое.

— Что еще другое?

— Если хотите, позвоните мистеру Йомену, он от своего имени попросит вас уделить мне несколько минут.

— Ну, хорошо, хорошо, только я не представляю, где ее нужно искать..

— Но вы знаете, что она уехала?

— А кто этого не знает? Уже человек двадцать приходили сюда сообщить — сбежала с мистером Уэббом. Знаете, в таком месте, как у нас, газеты не нужны. Я и не подозревала, что она собирается уехать. Ничего больше не могу сказать.

— Мне хотелось спросить вас о другом.

— Н-но… я как раз глажу белье. Заходите.

Мебель сияла новизной. Квартирка содержалась в исключительной чистоте. Кухня оказалась неожиданно большой и походила на рекламную картинку, обставленная всякими мыслимыми и немыслимыми электроприборами и оборудованием.

— Чудесная кухня, правда? Свадебный подарок Мены. Подготовила ее вместе с Джонни, моим мужем. Как сюрприз. Когда мы вернулись из сва-

дебного путешествия, все было готово. Пришлось раздвинуть стену, увеличить площадь. Посмотрите, какой изумительный холодильник. Как в отеле. Выпьете холодного пива?

— Спасибо, с удовольствием.

Она подала мне пиво. Я сидел за небольшим столиком, за которым они, наверное, завтракали. Стоя над гладильной доской посреди кухни, лицом ко мне, она гладила белые рубашки.

— Не представляю, что я могу вам рассказать.

— Скажите, вы удивились, услышав о ее отъезде? И почему удивились?

— Конечно, меня это удивило. Я знала, что она связалась с этим мальчиком. Но, думаю, просто хотела подразнить мужа, чтобы он относился к ней серьезнее. Понимаете?

— Не совсем.

— Ну-у, мистер Йомен обходился с ней как с ребенком. Она-то и в самом деле не совсем повзрослела, а он ведь намного старше, знает жизнь, и ему просто смешно было, когда Мона важничала. Ах, он ее очень любит. Не поймите меня плохо. Я моложе ее на шесть лет, но почти всегда чувствовала себя старшей.

Она гладила манжеты рубашки, и все внимание было отдано им.

— Иногда что-то выдумывала. Играла. Но жизнь не театр. Ужасно жаль, что она не может иметь детей. В остальном это очень хороший брак. Вместе им было очень весело. И хотя он старше, я считаю его прекрасным мужем. И не подумала бы, что она уедет. Господи, такая глупость! По-моему, даже забираться в постель того профессора было глупо. Я, наверное, сумела бы ее уговорить, если оставалась бы с нею. Я взяла расчет в апреле, вышла замуж, и стоило мне вернуться из свадебного путешествия, она уже была тут как тут, вздыхала и все расписывала, какая у нее великая любовь с Джоном Уэббом, как серьезно он к ней относится — будто она ему настоящая жена. Вроде бы никогда не скажет Джасу, что изменила ему, но я-то прекрасно знала — при первой же стычке выложит, так оно и случилось. Когда потом пришла ко мне в гости, присаживаясь, сильно охала. Меня этот отъезд очень удивил еще потому, что от Джаса она точно не получила денег на дорогу, а она прекрасно знает, что без денег ей не обойтись, шагу без них ступить не может. Джас уже несколько месяцев ничего не давал. Наверное, поругались или она назло ему сбежала. Но могу поспорить, сейчас уже трясется от страха, жалеет.

— Кажется, у вас с Моной были хорошие, дружеские отношения?

— Да. Она знала, что я их не использую в своих интересах. Что не выдам ее никому. Мы ничего не скрывали друг от друга. Но настоящими подругами не были — ведь я работала на нее. Понимаете? А разговаривали мы часто, доверяли друг другу. Она вернется. Скажите мистеру Йомену, пусть не сомневается. Да он и сам знает. Устроит маленькое пекло, но примет ее. Задаст хорошую взбучку, она ее заслужила, и все опять пойдет по-старому. Просто не понимаю, зачем, собственно, она решилась на такую глупость. Почему бросила мужа, с которым жилось так хорошо? Клянусь, своими глазами видела: стоило ему дотронуться — и у нее уже дрожь в коленках и дышит часто-часто.

— Может, она вообще не уезжала с Джоном Уэббом?

— Господи, ведь любой об этом знает.

— Долорес, кое-кому известно, что она вообще не уезжала. По некоторым признакам кто-то убил обоих, а трупы спрятал.

Утюг застыл, и Долорес в изумлении уставилась на меня. Но тут же подняла его, озабоченно рассматривая рубашку, отставив утюг, подошла к столу. Села напротив, не спуская с меня глаз.

— Мистер Йомен никогда, никогда ничего такого не сделал бы.

— Я и не думаю, что это сделал он.

Она прикусила губу.

— Но тогда кто же? Глупости! — Она слабо усмехнулась: — Младшая сестра Джона Уэбба… такая чудачка… Мона о ней говорила… она бы на такое тоже не решилась. — Она покачала головой. — Вы, конечно же, ошибаетесь, мистер Макги, конечно. Все говорят, что они вдвоем улетели в Эль-Пасо.

— В самолете летела парочка, немного похожая на них.

Долорес испытующе смотрела на меня. Очень привлекательная женщина — с золотистой кожей, выразительными чертами лица, прекрасными черными глазами.

— Пожалуй, вы меня вдруг сбили с толку. Но я никак не могу представить Мону… мертвой. В ней столько жизни!

— Извините, Долорес, я так расстроил вас. Мне казалось, вы что-нибудь вспомните.

— Как-то она приехала сюда, пожаловалась. Ее донимали люди из налогового управления — так они представились. Наверное, действительно оттуда, но Мона вообразила, что их подослал Джас.

Вечно она все драматизировала. Бедный Джас! Если это окажется правдой, его просто подкосит.

— Зачем кому-то понадобилось разыгрывать бегство Моны?

Она непонимающе смотрела на меня.

— Не знаю. Может, чтобы отвлечь внимание.

Долорес проводила меня до веранды.

Когда я направился к машине, на другой стороне улицы остановился обшарпанный, запыленный грузовик. Из него вышли двое молодых мужчин в рабочих комбинезонах, постояли у заднего борта — высокие, загорелые силачи, с широкими индиано-латинскими лицами, настороженно-холодным взглядом.

Проходя мимо них, я понял, почему миссис Эстобар так старалась побыстрее избавиться от меня. На этой улице в такое время выглядит подозрительным, если красивую домохозяйку навещает незнакомый гринго. Коммивояжер, инкассатор, сыщик или друг дома? На всякий случай держи глаза открытыми, подожди, узнай, кто это был.

Есть предостаточно ловкачей, наживающихся на инородцах, придумавших массу способов обмануть. Неудивительно, что жертвы находят пути, как позаботиться о своих. Когда я свора-

чивал с улицы, подумалось: не дай Бог, если эти двое с грузовика дурно истолкуют мой визит.

На углу я снова оглянулся на дом миссис Эстобар — она кивнула мне с веранды. Проехав пару кварталов, из аптеки позвонил в резиденцию Йомена. Мужской голос сообщил, что мне нужно звонить ему в офис, дал номер. Там уже женский голос поведал: минуту назад вышел. Выяснив мое имя, она сказала, что застану его в Хлопковом клубе, в «Кендрик Армз» на Главной Восточной улице. Подняться нужно в специальном лифте.

Я уже видел это огромное здание, забитое конторами, сплошное стекло и алюминий на высоких колоннах из шершавого бетона. В обширном холле внизу стояла посеребренная скульптура золотоискателя в натуральную величину, ведущего нагруженного осла. Клубный лифт, о чем гласила надпись из серебряных буковок, поднял меня на тринадцатый этаж. Выйдя, я очутился в клетке из толстых стальных стоек. Дежурный, выслушав меня, что-то поворчал в телефон и только потом нажал кнопку. Двери клетки разъехались в стороны. Меня встретил невысокий мужчина и по оклеенному обоями коридорчику провел к другому лифту, доставившему нас на пятнадцатый этаж. Я шел за ним мимо душевых

кабинок, гимнастических залов, теннисных кортов, затем мы оказались в небольшом помещении с тренажерами, и мой проводник показал в противоположный конец, где Джас Йомен в трикотажных брюках, голый до пояса, упражнялся со штангой — тяжело дышал, пот струился по груди, а под кудрявыми волосами на плечах бугрились могучие мышцы.

Когда я приблизился, Джас бросил штангу и, сняв с вешалки полотенце, вытер лицо.

— Вместо пота из меня выходит лучшее виски, парень… Жду звонка от Чарли. Как вам здесь? Был у нас хороший старый клуб, но стоял на очень выгодном, дорогом участке. Так мы его продали, содрали оттуда панели, забрали оформление, сняли у компании Кендрика три верхних этажа и устроили здесь еще лучше. У нас лучшая кухня на сто пятьдесят километров в округе. Даже на триста. И самая лучшая выпивка. Ну-с, что вы надумали?

— Что возможна двойная игра, Джас. Сначала Мона, потом вы. У вас много козырей, поэтому они немного замаскировались. Допустим, она погибла в автокатастрофе. Вы стали бы помышлять о новом завещании.

Он помолчал, неторопливо потирая грудь, по-

том объявил:

— Даже если идея неверная, свои обгоревшие деньги вы заслужили, Трев.

— Кто наследники?

— Если что-то случилось бы с нами обоими, то, что останется после всяких отчислений, будет представлять внушительное состояние. Только ведь мы не вместе попали в аварию. Мона меня опередила. Сейчас я смутно представляю, как получилось бы. У Моны нет родственников. Моя единственная близкая родня — незамужняя кузина в Юме. Положим, если меня сейчас кто-то прихлопнет и я умру без завещания, наверное, обнаружатся ее претензии, когда потянется своими грязными лапами к моим деньгам. Потом у меня есть еще, кажется, девять страховок, нужно проверить. Знаете что? Скоро обед, поднимитесь на крышу — в бар, скажите Арманду, чтобы смешал вам виски. А я сейчас подойду.

Воспользовавшись лифтом, я добрался до крыши. Кресла были глубокие, выпивка отменная, вид открывался замечательный. Потягивая виски, я раздумывал, не стоит ли позвонить шерифу, передать пару соображений, чтобы расширить его кругозор. В остальном я не бездельничал: переселился в другой мотель, зашел в банк, по-

ложил в сейф четыре тысячи пятьсот долларов, заплатив за годовую аренду 7 долларов 70 центов. Мне нравятся сейфы. Когда получите деньги, подумайте об этом. Позвонил Изабелл Уэбб. Усталым голосом она сообщила, что спала хорошо, но чувствует себя еще более утомленной, чем вчера. Странный у нас получился разговор, ни к чему не обязывающий, полный длинных пауз. Я предложил навестить ее, как только выберу свободную минуту, и она без восторга согласилась.

Интересно, как продвинулся Бакльберри в поисках ее машины, розыске высокого худого незнакомца со шрамом на шее; что обнаружили индейцы в скалистых холмах возле дома, где умерла Мона. В утренних газетах я не нашел об этом ни строчки.

На крышу стали стекаться по одному или группками пышущие здоровьем и благополучием мужчины, заказывая аперитивы перед обедом. Я спросил официанта, где найти телефон. Он принес аппарат, включив в розетку на панели, предложил справочник. Немного помешкав, я набрал номер конторы Бакльберри.

Его подозвали, хотя он как раз собирался идти обедать.

— Поздравляю, Макги.

— Что вы имеете в виду?

— Утром у нас был небольшой разговор с Джасом. Очень хотелось разыскать вас, потребовать, чтобы вы не перегибали палку.

— Не перегибал палку?

— Черт побери, парень! Джас сюда, Джас туда, сидите же спокойно, не суйте нос не в свои дела! По городу будете передвигаться с сержантом Китерингом. Из города выезжать — только со мной. И если кто-то из нас обнаружит, что вы действуете как частный детектив, очень быстро утихомирим — у вас нет разрешения местных властей. Еще один такой фокус, как со стюардессой, и…

— Хватит кипятиться, шериф. Вы представитель закона. Это мне известно. Просто хотелось узнать, как продвигается следствие. И могу кое-что предложить.

— Слушайте, это уже наглость!

— По-моему, вам нужно позаботиться об охране Джаса.

— Джаса? Зачем?

— Мне так кажется.

— У меня хватает других забот.

— Есть что-нибудь новое?

— С чего бы я стал отчитываться… Ну ладно, черт вас возьми, примерно час назад обнаружили

ее машину. Туда отправился Томпкинс. Километрах в десяти от дачи, в противоположной стороне от Котон-Корнерс. Возле проселочной дороги, под каким-то деревом. Можете передать это Джасу, если встретитесь. После осмотра машину перегоним к нему. В остальном — ничего нового, только ведь никогда не знаешь, где что прорвется.

— Как долго вы сможете держать в тайне эти сведения, шериф?

— Пока не появятся обоснованные доказательства убийства, мистер умник.

— Если вам захочется что-то передать мне… И вообще я переехал в другой мотель — «Шалви».

— Ну и что? Можете себе позволить. — Он швырнул трубку.

Официант забрал аппарат, а ко мне широкими шагами уже приближался Джас с озабоченным лицом. Черные волосы топорщились после душа. Кивнув Арманду, он опустился в кресло рядом со мной.

— Не думал, что так задержусь. Чарли наконец кое-что разузнал за те деньги, что я ему плачу.

— И?..

— Уже почти год работают специальные комиссии. Собираются навалиться на меня в феврале. Чарли раздобыл какой-то список фамилий. Име-

на тех, кто уже допрошен, отмечены галочками, те, кто на очереди, никак не выделены. Уолли Руперт отмечен галочкой. Мона тоже есть в списке — без всякой пометки. И множество других имен, даже из глубокого прошлого. Всякие вонючие человечки, парень. Завистники, которым не за что любить старого Джаса Йомена. Люди, охотно кидающие грязь в других. Чарли сказал, что с началом атаки будет заблокировано все, чтобы я не сумел вывезти из страны, — банковские счета, ценные бумаги, сейфы, в общем, все. Работают вроде бы самостоятельно, без ревизоров, которые обычно проверяют мои финансовые дела и уплату налогов, но имеют доступ ко всему, в том числе старым документам и налоговым декларациям прошлых лет.

Ему принесли напиток. Откинувшись на спинку кресла, он отхлебывал из стакана и, улыбаясь, качал головой.

— Ох, и вскинулся же я сначала, парень, а потом сразу все прошло. Знаете, о чем я сегодня подумал? Смотрел на холмы, на ту дорогу, где похоронил того зайца. Что-то я закопал вместе с ним. Что-то очень важное. Может, чувство самосохранения?

— Откуда ж мне знать…

— Господи Боже мой, как мне не хватает этой взбалмошной женщины!

— Сегодня утром нашли ее машину в районе дачи у проселочной дороги. Осмотрят и пришлют вам. Больше никаких новостей.

— Я сказал Бакльберри, что мы с вами вместе беремся за дело.

— Знаю.

— Он не в восторге.

— И это знаю, Джас. Меня одно сбивает с толку. В этом городе все обо всем знают. А в газетах — никаких сообщений.

Он пожал плечами.

— Пусть вас это не смущает. Джейми де Врей — владелец газет, телевидения и радио. У него куча ловких ребят. И первое, что они усваивают, — публиковать только те сведения, которые им велят, ни больше ни меньше. Джейми поощряет инициативу в способах подачи материала, но не позволит никакой самостоятельности в отборе сообщений. По его мнению, это выброшенные деньги. Зачем стараться искать, если вам все диктуют готовое.

— Но если люди Бакльберри отыщут тело…

Лицо его исказилось горькой гримасой.

— Тогда он позвонит Джейми, и команда де Врея

подаст все в благопристойном виде. Я должен найти свою девочку! Хочу достойно похоронить ее. А того, кто это сделал…

Голос его оборвался, по телу прошла судорога. Хлопнув руками по кожаным подлокотникам, он продолжил:

— Идемте вниз, отведаем жареной телятины, парень, она здесь великолепна.

Обед прошел в молчании, и только когда подали отличный кофе, он заговорил:

— Займемся деталями. Что, если мы навестим вдвоем вечером Уолли Руперта?

— Вы думаете, это необходимо?

— Я должен действовать. Проверим, что раздобыл Чарли. Придется нажать на Уолли. Прижму его — посмотрим, что выйдет на свет.

— Когда?

— Приходите ко мне около восьми. — Поднявшись, он бросил на тарелку свою салфетку. — Я распоряжусь внизу. Пока вы в городе, можете приходить сюда как постоянный член клуба.

— Спасибо.

— Стоит захотеть спалить мои деньги, парень — и вы уже катитесь в первом классе.

Глава 8

До встречи с Джасом у меня оставалось шесть свободных часов. При выходе из «Кендрик Армз» меня охватило тревожное чувство, что за мной следят.

Прошагав несколько метров, я зашел в аптеку и, тут же вынырнув оттуда, круто повернул назад, но ничего подозрительного не заметил. Все прохожие были погружены в себя, как инопланетяне. Что ж, иногда тревожные звонки бывают и ложными. Не знаю почему, но я почувствовал себя обманутым.

А потом догадался. Я хотел, чтобы что-то случилось. Нужно действовать, а пока ситуация оставалась бессмысленной. Я очутился было в потоке, который тут же иссяк. Люди Джаса уже сейчас гонялись бы за Моной и Джоном Уэббом по всей Мексике.

Почему так важно, чтобы Джас Йомен верил, будто Мона жива? Зачем нужно было ее убивать? Почему оставили в живых меня, почему позволили вмешаться в тщательно разработанные планы? У меня вовсе не было уверенности, что мы с Джасом чего-то добьемся. События сами нач-

нут развиваться — и скоро. Начнут развиваться, когда обнаружат один из трупов. Бакльберри пустился по следу с завидным упорством. Ищет оружие, перебирает шеи со шрамами, рослых блондинок — живых и мертвых.

Я не верю в случайное стечение обстоятельств. Убежден, что человек в большинстве случаев сам создает возможности впутаться в события — хорошие или плохие. Что нужно не спускать глаз с людей на глухой улочке, как твердят полицейские. То есть с тех, кто уже был на мели, или как раз попал в переплет, или ему грозят осложнения — в качестве жертвы либо нападающего. Хороший полицейский вычислит таких типов и в густом уличном потоке; что-то их отличает от других прохожих.

По пути к отелю «Шалви» мне нужно было проехать мимо большой автобусной остановки. Пришлось остановиться перед красным светофором. Я обратил внимание на крупную блондинку, выходящую из автобуса. Щурясь от солнца, чуточку постояв, она повернулась и вялой, неуверенной походкой пошла в обратном направлении. Платье было помятым, волосы растрепаны.

И тут только мне бросилось в глаза, как она

одета. Светло-голубое бумажное платье, красные босоножки на высоких каблуках, красная сумка. Она была уже далеко, а я все торчал перед светофором, поэтому, когда зажегся зеленый, мне пришлось развернуться и проехать квартала два, чтобы обогнать ее. Остановившись у перекрестка, я выскочил из машины и ринулся ей навстречу. Она приближалась, покачиваясь, виляя бедрами.

Женщина не замечала меня, пока я не встал на ее пути. Лицо было серовато-бледным, вспотевшим. Вокруг припухших глаз темные круги. Черные корни светлых волос отросли почти на сантиметр. Она тупо взглянула на меня — без удивления, огорчения или автоматического кокетства. Просто смотрела и ждала, когда сможет пройти дальше.

— Не хотите, чтобы я вас подвез?

— Думаете, я тащусь по такой жаре на высоких каблуках целые километры для того только, чтобы сохранить форму?

— С автобуса?

— Да. Заснула, а какая-то подлюка стибрила из сумки кошелек, так что в самый раз, чтоб меня подвезти, клянусь. Не оставили даже мелочи позвонить дружку.

— У меня за углом машина.

Когда мы подошли и я открыл перед ней дверцу, она подозрительно осведомилась:

— А ты ничего не держишь за пазухой, приятель?

— Просто отвезу вас, куда скажете.

Помедлив, она кивнула и уселась. Захлопнув дверцу и обойдя машину, я скользнул за руль. Она назвала адрес. В закрытой машине от нее шел кислый запах пота. Платье спереди покрыто пятнами, руки грязные.

Дорога привела нас почти к моему бывшему мотелю. Она жила на боковой улочке, в одном из тех небольших одноэтажных домов, которые напоминают склад. Припарковались у заднего входа. Ступеньки вели на террасу по всей длине дома.

Выйдя из машины, она смотрела на меня, склонив голову и кривя губы с полустершейся помадой. По пути мы назвали друг другу имя — без фамилий.

— Трев, не стану притворяться. Я полуживая. От меня никакого проку, понимаешь? Хорошенько отмокну в горячей воде, отосплюсь. Только поставлю будильник, чтоб к девяти успеть на работу. Не могу же я взять двухдневный отпуск для отдыха, а потом заявиться такой вымотан-

ной. Вот была бы картинка, а? Но в другое время я вполне гожусь. Слушай, приезжай завтра к шести, получишь удовольствие, потом зайдем поесть и отвезешь меня на работу. Ей-богу, ты и не представляешь, какой хорошей я бываю.

— Я надеялся, ты угостишь меня холодным пивом.

Тяжело вздохнув, она пожала плечами.

— Что ж, заходи. Но предупреждаю: я страшно устала.

Квартирка была крошечная, незастланная постель, дешевая мебель. Она открыла для меня холодное пиво. Себе налила чистого джина, бросив кубик льда, покрутила пару раз бокал и выпила залпом. Горячая вода с шумом заполняла небольшую ванну за дверью. Она лениво бродила по комнате, сбросила туфли, стащила с себя светло-голубое платье. Без всякой надежды спросила, не могу ли я дать взаймы до получки — ведь ее обокрали. Я сказал, что могу. Закусив губу, она нерешительно сказала:

— Долларов тридцать.

— Можно и тридцать.

Схватив купюры, молниеносно сунула их в сумочку. Потом пошла в ванную, захватив бокал с новой порцией джина. Я допил пиво, взял в

кухонном закутке еще одну бутылку и, распахнув дверь ванной, оперся на косяк, отхлебывая пиво.

Она сидела на корточках в крошечной ванне, вода доходила лишь до ее белых, упругих бедер. Закрыв глаза, она массировала намыленную голову.

— Бетти, никак не могу вспомнить, — начал я.

— Что?

— Вспоминаю, где я мог тебя видеть?

— Ну, я в этом городе уже три года, а приехала из Кливленда. Сейчас уже около года работаю по ночам в забегаловке для механиков, дорогуша.

— По-моему, совсем недавно. Ты скажи, если ошибусь, Бетти. Не была ли ты в карсонском аэропорте в понедельник или во вторник?

Встав на колени, она окунула голову в воду, тщательно прополаскивая волосы; крупное белое тело было крепким, упругим, очень привлекательным. Усевшись опять на пятки, схватив полотенце, откинула мокрые волосы, вытерла лицо. Затем, вытянув ноги, уселась в пенной воде.

— Это было во вторник. Я тебя не видела, дорогуша.

— С тобой еще шел такой тощий верзила. Чернявый.

— Точно. Его зовут Рон. Мы вместе летели в Эль-

Пасо. Ох, это нужно рассказать, клянусь! Такая история! В самолете мы немного повеселились. А уж внизу он там знает всех девчонок. Только потом пошло все без всякого шика. Началась пьянка, и им уже было наплевать, что с ними делают. Для меня это было чересчур. Нужно ведь знать границу, верно? Что-то должно быть и для себя, да?

Я согласился. Она широко зевнула, как сонная львица.

— Клянусь тебе, с того вторника я не смыкала глаз, не считая автобуса, где меня обокрали. Тот проклятый шофер и пальцем не пошевелил.

— И часто вы так летаете?

— Нет. То был экстраслучай. Этого Рона я никогда раньше не видела. Бог знает, что за поездка. Какая-то услуга для кого-то. Рон должен был найти высокую блондинку и вылететь с ней из Карсона. В билете должны быть выдуманные фамилии. По-моему, какая-то дымовая завеса, Рон встретил того человека где-то в баре. Что ж, отпуск мне дали и расходы оплатили.

— Рон тоже вернулся?

— Нет. Собирался оттуда махнуть на побережье, так говорил, во всяком случае. Дал мне из тех денег, что получил, — пятьдесят долларов. Я и не

думала, что меня обчистят! Лучше бы я их растратила. Откуда же знать? Вечно нужно учиться.

Я решил, что пора прекратить расспросы. Бакльберри сделает это с большим эффектом и гораздо быстрее.

— Трев, дорогуша, почему бы тебе не устроиться поудобнее? Ничего, что у меня мокрые волосы?

Я посмотрел на часы.

— Что, если я заеду завтра?

Зевая, она кивнула.

— Как ни крути, тогда будет лучше, клянусь. Так устала, хоть плачь.

Закрывая за собой дверь, я посмотрел на номер — 11, Ферли Роул, 1010. Внизу на почтовом ящике была выгравирована изящная надпись: Элизабет Кент-Элверсон.

Приехав в «Шалви», я из своего номера позвонил Бакльберри — его не оказалось на месте. Уверяя, что дело не терпит отлагательства, я добился, чтобы его отыскали. Он позвонил через десять минут, и я преподнес имя, адрес женщины, улетевшей из Карсона под видом Моны Йомен.

— Ради Бога, Макги, окажите любезность, не суйте свой нос…

— Надеюсь, Фред, вы быстро с ней справитесь. В самом деле.

В наступившей тишине я почувствовал, как он силится сдержаться. Наконец раздался скрипучий сухой голос:

— Благодарю за информацию.

— Рад помочь. Правда, многого она не знает.

— Посмотрим.

— Разумеется, шериф. А как у вас? Есть новости?

— Нет!

— Приняли меры насчет охраны Джаса?

Он опять швырнул трубку.

Я был собой недоволен — своим дурацким обращением с образцовым представителем закона. С некоторыми людьми, если держишься за другой конец веревки, никогда не найти общего языка. Оба мы вели себя как собака и кошка, хотя мне казалось: стоило нам пару раз съездить друг другу по морде, и мы прекрасно поладили бы. Дразнить полицейского — глупая и опасная привычка.

Раздевшись, я отправился под душ, размышляя об Элизабет Кент-Элверсон. Простушка, но очень добрая. Одна из великого воинства полупрофессионалок. Хочет заработать, но в определенных границах. Правда, год от года границы все раздвигаются.

По крайней мере стало ясно, что Мону Йомен

убил не какой-то налетчик, как могло показаться. Бетти с ее Роном запутаны в дело совершенно случайно — небольшой вклад в задуманную кем-то маскировку. Правда, существовал маленький риск, что Рон возьмет деньги, а услугу не выполнит. О количестве участников можно только гадать. Могли справиться и вдвоем.

Наверное, причина кроется все-таки в деньгах. Они задают тон во всей округе. И в холле отеля «Шалви» деньги были предметом репортерских шуточек. Отблеск денег горел и в глазах девушки, продававшей в холле газеты.

Необходимо узнать, кто выгадывает во всей истории, и следы поведут к убийце или к тому, кто его нанял. В этом городе деньги толкали к безумству. Может, боялись, что нефтяная водичка вот-вот иссякнет. Хватай, что можешь, и уноси ноги.

Надев чистое белье, я растянулся на постели, и тут же зазвонил телефон. Звонила Изабелл Уэбб.

— Тревис?

— Как поживаете. Изабелл?

Она глубоко вздохнула.

— Не знаю. Сплошное ожидание. Не знаю, что думать. Окончательно дошла.

— Вы в городе?

— У вас в холле. Взяла у знакомых машину. Думала, если... если его найдут, то где-нибудь возле Эсмерелды. Вы не могли бы спуститься, поговорить?

— Буду с минуты на минуту. Подождите меня в коктейль-баре.

— Я сижу в холле, здесь и подожду.

Она поднялась навстречу, как послушный ребенок, когда я подошел. Одета в мышиного цвета блузку, серо-бурую юбку, солидные туфли. И по-прежнему лицо — за большими темными очками, с нервной натянутой улыбкой. Я усадил ее в темном углу коктейль-бара, уговорив выпить шерри.

— Так страшно в пустой квартире, — пожаловалась она. — И все время дежурь у телефона. Приезжали дамы из университета, но мне их сюсюканье действует на нервы.

— Нашли машину Моны.

— Знаю. Вам не мешает, что я пришла?

— Совершенно нет. Только примерно в четверть восьмого мне придется уйти.

— Куда?

— Вместе с Джасом Йоменом навестим кое-кого.

— Не хотите говорить, да?

— Есть тут сложности.

Сняв очки, она пригубила из рюмки.

— Теперь вы работаете на Джаса?

— Более или менее.

— Помогаете им прикрыть, что случилось с Моной и Джоном?

— Нет. Помогаю искать преступников.

— А что, если это сделал Джас?

— Тогда это самый отъявленный лгун, какого только я видел.

— А вдруг… вдруг мы так ничего и не узнаем? — Голос ее оборвался. — Я этого не перенесу… ничего не узнать. Что будет со мной? Не пугайтесь. Я буду держать себя в руках. Не как вчера. Во сне я видела Джона — мертвого. И когда проснулась, это чувство не исчезло. Он мертв — так и есть. Поэтому я смогла уйти из дома. Знаю, он уже никогда не вернется.

— Спокойнее, Изабелл.

— Все в порядке. Я просто хочу знать.

— Узнаем.

— Конечно. Вы, мистер Йомен и тот шериф. Узнаете. А может, вам уже все Известно.

— Изабелл, вас одолевают какие-то приступы, паранойи. Мир вовсе не ополчился против вас. Никакого заговора против вас не существует.

— Сегодня я просматривала бумаги Джона. Он застраховал жизнь на двадцать тысяч долларов — на мое имя. Если тело найдут, я получу эти деньги. И отдам половину вам, чтобы выяснили, кто виноват.

— Не нужно.

— Знаете, что я сделаю с деньгами?

— Нет.

— Та аренда ещё действительна. Вернусь на остров. Отец назвал его нашим именем. Приведу дом в порядок. Процентов с этих двадцати тысяч мне хватит. На всю жизнь. Господи Боже мой, не могу смотреть на людей. С меня довольно до самой смерти. А там мне будет хорошо. Это перевоплощение для меня невыносимо. Подожду, пока не стану чем-нибудь другим, Тревис.

Достав из кармана пиджака тюбик, купленный в парфюмерии, я положил его перед нею.

— Маленький подарок. Надежная защита от солнца для губ. Изабелл взяла тюбик, стараясь в полутьме разглядеть этикетку, а потом расплакалась.

Глава 9

Уверяла, что она вовсе не голодна. Я повел ее в гриль-бар, где Изабелл одолела огромный бифштекс, объяснив, что аппетит вызван рюмкой шерри. Наевшись, начала позевывать, клевать носом. В четверть восьмого я вручил ей ключ от номера, чтобы она поспала там, пока я буду с Джасом.

Несколько минут мне пришлось подождать, прохаживаясь по асфальтированной дорожке. Он приветствовал меня хриплым ворчаньем из-за руля своего огромного «крайслера». Обращаясь с ним, словно с гоночной машиной, Джас погнал его с места в карьер к северу — к резиденции клана Рупертов — в прохладных голубоватых сумерках с угасающим заревом на западе.

Меня охватило удивительное чувство нереальности, застарелое недоумение, что я, собственно, здесь делаю. Я не знал этого крутого старого метиса, не знал его жену и вовсе не собирался настолько вмешиваться в его жизнь. И не заметил даже, как утратил часть своей независимости. Но мне вовсе не улыбалась роль нанятого служащего. В моей арендуемой постели спала

очень странная девушка, а где-то в голубоватых сумерках слишком крепкий сон сковал рослую блондинку и некоего профессора.

— Не знает, что я еду, — пробормотал Йомен.

— Да?

— Он никогда не выезжает. Вечером всегда дома.

— Как мне себя вести там, Джас?

— Никак. Будьте рядом. Наблюдайте, слушайте. Потом скажете мне, насколько ему можно доверять и что показалось подозрительным.

— Вы же его знаете лучше меня.

— В отношениях с Уолтером Рупертом это ничего не означает.

Когда мы отмахали километров двадцать от города, мне пришлось выйти, чтобы отворить огромные ворота и, как только Джас миновал их, закрыть. Потом мы проехали еще почти километр, пока добрались до обширного комплекса домов, хижин, амбаров, сараев, хозяйственных строений. Джас остановился перед самым большим домом, и мы вышли. Всюду вокруг била ключом вечерняя жизнь. Из окон струился свет, доносилась музыка, голоса играющих детей, между домами сновали люди. Две машины удалялись по дороге, которая привела нас сюда.

Из полутьмы вынырнул парень, посветил фонариком.

— Мистер Йомен?

— Я к Уолли.

— Одну минуту, господа.

Вернулся через добрых пять минут.

— Я провожу вас в дом, будьте любезны подождать мистера Руперта. Как только освободится, он придет.

Парень завел нас в большую гостиную с двумя каменными каминами, с трофеями, развешанными по стенам, и глубокими кожаными креслами. Указав на небольшой бар в углу, предложил:

— Пожалуйста, выбирайте сами, господа.

Он удалился. Я смешал напитки себе и Джасу. Приняв стакан, он заговорил:

— Никогда не знаешь, как обернутся дела. Если бы мы остались в одной упряжке, он постепенно, старательно, как муравей, вытеснил бы меня из дела. Но все равно, черт возьми, друзей нужно предостерегать хотя бы из приличия.

Я что-то переспросил, но он меня не услышал. Через минуту громко хлопнула дверь — на пороге стоял огромный старик. Широкоплечий, с большим животом и могучей грудью. Одет как поместный князь — в черном костюме, белой

рубашке с темным галстуком. Набычившись, он смотрел из-под седых мохнатых бровей, сверкая лысиной под светом люстры. У него был орлиный нос, как у людоеда. От него веяло мужской силой и уверенностью человека, не знающего сомнений. Веяло энергичностью. Племенной бык, возглавляющий свое стадо. Три жены и куча отпрысков были совершенно естественным результатом заключенной в нем энергии.

— Я не очень люблю беспокоить людей, когда они куют свои деньги, — приветствовал его Джас.

Руперт, не спуская с меня взгляда, прошел в комнату, и я ощутил потребность за что-то извиниться.

— Познакомьтесь — это Тревис Макги, — продолжал Джас. — Работает у меня.

Вроде бы кончив меня разглядывать, Руперт подошел к бару и, наполнив стакан содовой без льда, заговорил:

— Я старался вспомнить, когда ты был здесь в последний раз, Джаспер.

У него был отвратный голос, очевидно, что-то не в порядке со связками. Все слова произносил одинаково невыразительно, как говорящий автомат.

— Когда умерла Катрин.

— Давно, — заключил Руперт, усаживаясь в кресло, причем лицо его скрывалось в полутьме.

Джас наклонился к нему.

— До нас дошла одна информация, Уолли. Власти собираются возбудить против меня дело о неуплате налогов. Атака предполагается фронтальная. Выяснилось, что ты сотрудничал с ними.

— Да.

— И ты не мог намекнуть мне об этом?

— Зачем?

— Черт возьми, хотя бы из вежливости!

Руперт, не отвечая, долго молчал, а потом сказал:

— Джаспер, когда-то давно мы помогали друг другу. Не из особой любви. Вместе проворачивали определенные дела. Чтобы выжить. Хотя это были опасные вещи. Нет закона, который определял бы, до какой черты можно жульничать. Сейчас каждый должен защищаться сам, мы не в ответе друг за друга. Ты спрашиваешь, почему я не предпринял какие-то шаги? Конечно. Но какие? Под присягой подтвердил все, что помню. Документов ведь не существует. Тебе это известно. Я согласился ни о чем не предупреждать тебя. Заключил

с ними договор, сделку, а она оказалась даже выгоднее, чем я рассчитывал. И теперь я чист перед законом, Джаспер. Меня они не тронут, и тюрьма по мне не плачет. Если тебя обвинят в мошенничестве, я буду свидетелем. Это входит в условия договора.

— Мерзавец! — прошептал Джас.

— Почему ты не смотришь на жизнь реально? Что мне оставалось? Разорить собственную семью, чтобы спасти приятеля? Не будь идиотом, Джаспер. Если бы ты был осторожнее, мог заметить, что они затевают, и вовремя принять меры. Может, и сейчас еще сумеешь выпутаться, если действовать осторожно и не привлекать их внимания.

— На это мне наплевать, — бросил Джас. Я заметил, что его слова смутили Руперта.

— То есть?

— Наверняка, Уолли, ты не все им сказал.

— Не понимаю.

— Наверняка рассказал им вещи, представляющие меня в худшем свете, но умолчал о сделках, в которых мошенничал сам. Если соберут побольше информации, они еще к тебе вернутся.

— Прошу тебя, Джаспер, говори вразумительнее.

— Они собирались говорить с Моной.

— Ну и что?

— Могла она порассказать о тебе? Мона и ее адвокат что-то раскопали.

— Ну и?..

— Они с ней не говорили.

— Значит, еще придут. Смотри, чтоб она не распускала язык. Что бы ни наболтала, тебе навредят больше, чем мне.

— Ты слышал, что она сбежала с тем учителем?

— Да, ходили слухи.

— Никуда они не уезжали. Кто-то убил обоих, но обставил дело, будто сбежали.

После долгой тишины Руперт произнес:

— Теперь понятно, почему ты не поленился сюда приехать. У меня не твой характер, чувства в таких делах ни при чем. Я говорю «нет». Если кто-то представлял для меня опасность и не было другого выхода, я мог бы и убить. Но те действовали так неумело. Раз ты узнал, что она не сбежала, значит, кому-то не повезло. Я не допускаю никакого риска, действую наверняка. Нет, Джаспер, Мона не была для меня опасна. Когда я начал свою игру, решил ничего не скрывать — даже сплетен, с которыми не имел ничего общего и о

которых ты никогда не узнаешь. Я понимал, что ты станешь драться. Только теперь их ничем не удивить, что бы ты ни говорил. Все хорошо продумано. Я плохой друг, по твоим меркам. Возможно, и ты не друг.

Джас, рывком поднявшись с кресла, мрачно смотрел сверху на Уолтера Руперта.

— Меня не запугаешь, Уолли. Многие дрожат перед тобой. Все твои люди тебя боятся, ты держишь их в страхе, чтобы, выполняли любое твое желание. Достаточно тебе дать знак — стреляют, не так ли?

— Нет, Джаспер.

— Откуда такая уверенность?

Руперт, прикрыв глаза, размеренно проговорил:

— Мне всегда известно про каждого, что он делает. Это моя забота. Некоторые мои сыновья пытаются хитрить. Мне очень жаль, что твоя жена умерла. Но ни я, ни мои люди не имеют с этим ничего общего. Доброй ночи, Джаспер.

Он не встал, не сказал ни слова, даже головы не повернул, когда мы выходили.

Я ожидал сумасшедшей гонки, но Джас повел машину очень медленно и осмотрительно.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил

он.

— Не знаю. Пожалуй, я ему верю. Такое впечатление, что… это очень незаурядный человек.

Джас фыркнул.

— Незаурядный! Другого такого свет не вынес бы.

— Наверное, он здорово подпалил вас в этой истории с налогами.

— Придется покрутиться.

— Не более?

— Возможно, все это вызовет немного вони. И кое во что мне обойдется. Я сберег большую коробку старой документации. Потяну подольше, насколько удастся, а если прижмут по-настоящему, сразу найду те бумаги. Среди них много подлинных, часть — сомнительных, а некоторые свидетельствуют о том, чего вообще не существовало. Это перевернет все следствие с ног на голову, им придется пойти на переговоры. Если их предложения меня не устроят, обнаружу где-нибудь на складе еще две коробки с документацией. Смогу дать работу хоть десятку государственных ревизоров и адвокатов. Может, до конца своей жизни. А там? Кому тогда будет до этого дело?

— Вы вдвоем были хорошая парочка — лиса и ласка.

— Придержите язык, парень!

— А что делали бедняжки из вашего окружения, когда вы что-нибудь проворачивали?

— Стояли по стойке «смирно». Эти всегда стоят навытяжку. Только свистни — и тунеядцы бегут к тебе, аж ноги подламываются. В этом мире или ты берешь, или берут у тебя. Цифры врут, и подсчитывают их обманщики. Позаботься о добром виски, удобной постели и красивой женщине, а остальным нечего забивать голову. Нас здесь, в этом краю, больше ста пятидесяти тысяч, каждому достанется солнышко, но на одного-двух оно посветит раньше, чем остальные поднимут голову с подушки. Так что греби поскорей, пока можно.

— Йоменовская философия.

— До сих пор действовала безотказно.

Он свернул на подъездную дорожку к дому, и, пока глушил мотор, я отреагировал:

— Да, видно, что действовала отлично, Джас. Вы в прекрасной форме.

Пока мы шагали к дверям, он ответил:

— Только не забывайте, как долго я пребываю в этой хорошей форме!

— Мне вы больше понравились, когда рассказывали, как хоронили зайчика, мистер Йомен.

— Не обольщайтесь. Просто я любил эту женщину.

Он остановился, повернувшись ко мне, а я вдруг заметил в полутьме, как метрах в трех за ним от кустов отделилась темная фигура, увидел блеск узкого лезвия в опущенной руке. У меня перехватило дыхание. Значит, нож сведет с ним счеты, разворотит внутренности. С диким криком я рванулся навстречу — это психологическое оружие, неожиданное и нередко эффективное. Оттолкнув плечом Джаса с тротуара, я сделал выпад влево и с размаху прыгнул направо, ударив ногами размытый силуэт. Крепко стукнув его обоими каблуками, перевернулся на четвереньки и снова взревел. Теперь мы оказались лицом к лицу: он, согнувшись и хрипя, хватал воздух, однако, опомнившись и не обращая на меня внимания, кинулся с ножом на Джаса. Тот, дважды выстрелив в лицо нападавшего, отпрыгнул в сторону, как матадор. Парень рухнул без сил, захрипел, задергался в судороге и затих. Нож звякнул об асфальт.

— Господи, ненавижу ножи, — просипел Джас.

Зажглись лампы в доме, послышались взволнованные голоса. Откуда-то примчались двое мужчин, кто-то включил прожекторы перед до-

мом. Мужчины были в форме.

— Мистер Йомен! Мистер Йомен, с вами все в порядке? Что случилось?

— Все нормально. Мне казалось, Фред велел вам охранять дом.

— Мы ведь и охраняли, клянемся!

— Давайте-ка взглянем, кто это.

Кроме прожекторов, зажглись фонарики. Из дома вышли слуги, боязливо держась в отдалении.

— Кто бы он ни был, с ним все кончено, — сказал один из помощников шерифа. — Это вы его застрелили, мистер Йомен?

— Потому что у меня в руке револьвер и этот нож был нацелен в меня? Почему вы сразу решили, что я его застрелил?

— Я же только…

— Молчите, — бросил Джас.

Я подошел поближе — его перевернули на спину. Молодой. Напомаженная прическа безнадежно погублена. Изуродованное лицо, судя по всему, принадлежало мексиканцу, об этом же свидетельствовали узкие брюки, грязная облегающая рубаха с оторванными пуговицами под хлопчатобумажной курткой. Много я их повидал на улицах города, стоящих у стен, уставившихся на вас взглядом, в котором сквозила задиристость

вперемешку с душевной слабостью, ленивыми движениями напоминавших повадки кошек.

Осмотрев его карманы, нашли почти сто долларов, скрученных и скрепленных резинкой. Восемьдесят восемь центов мелочью. Желтую пластмассовую расческу. На руке — золотые часы, показывающие время в разных столицах мира. Черные кожаные туфли на толстой резиновой подошве надеты на босу ногу. На пальце перстень из дешевого металла — две переплетенных змеи.

— Может, у него с головой было не все в порядке, если так ревел, — заметил помощник шерифа. — Ты его знаешь, Чарли? Я — нет. А вы его знаете, мистер Йомен…

— Никто не знает, — оборвал его Джас. — Включите радио и вызовите кого-нибудь, чтобы освободить мою территорию. Это мистер Макги. Он все видел. Мой дом за чертой города. Значит, это дело окружной полиции.

— Сэр, может, пройдете в дом и…

— Фред знает, где меня найти, мы с мистером Макги готовы в любое время ответить на вопросы. Поэтому пускай Фред сначала выяснит, что это за бродяга. Пошевеливайтесь! А вы идите в дом! Мигель, сбегай за простыней, прикрой его! Трев, пошли в комнаты, нужно выпить.

Мы зашли внутрь, Джас захлопнул дверь. Всюду горел свет. В камине были приготовлены поленья. Присев на корточки, он поджег дрова и, не поднимаясь, освещенный бликами огня, усмехнулся через плечо со словами:

— С вашим ростом, парень, двигаетесь вы вполне расторопно. В самом деле — молниеносно и очень эффектно. Напугали чуть не до смерти, когда врезались в меня и затрубили, как старый лось.

— Вы тоже времени не теряли.

— Я же не гангстер. Вы мне дали три-четыре секунды. В последнее время ношу его в кобуре за поясом.

Поднявшись с корточек и достав револьвер, протянул его мне.

Я убрал руки.

— Не стоит добавлять хлопот ребятам из лаборатории, Джас.

Отложив револьвер, он покрутил головой:

— Так орать!

— Криком можно сбить противника с толку. Тогда он действует инстинктивно. А иногда пускается наутек.

— Но вы старались сразить его насмерть?

— Если бы удалось.

Подойдя к бару, Джас приготовил напитки, подал мне стакан.

— Думаете, он действительно собирался меня убить?

— Судя по его действиям — да. Целился своей пикой прямо вам в сердце.

— Что ж, вы заработали надбавку.

— Как вам угодно.

В комнате плясали красные отблески. Он подошел к окну, раздвинул шторы.

— Укладывают тело в машину. В таких кварталах сирену в ход не пускают.

Посмотрев на часы, подошел к радиоприемнику возле бара и включил его, говоря:

— Десятичасовые вечерние новости. Сначала идут местные сообщения.

Раздался голос диктора:

«— …полагают, что это профессор Джон Уэбб из университета в Ливингстоне. Как сообщил шериф Фред Бакльберри, он пропал без вести утром в понедельник. Тело обнаружено сегодня к вечеру, когда рабочие окружной дорожной службы к юго-востоку от города разбирали завал на частной дороге, ведущей к даче мистера Джаса Йомена и его супруги. Работы велись по требованию шерифа, чтобы расчистить путь для

машины криминальной лаборатории, направляющейся к даче. Мона Йомен, очаровательная супруга Джаспер Йомена, гражданина нашего города, исчезла во вторник. В последний раз ее видели на даче Йомена. Не исключено, что она стала жертвой преступления. По словам шерифа Бакльберри, полиция не объявила об исчезновении профессора Уэбба и миссис Йомен, чтобы ей не мешали в расследовании. Дальнейшие подробности ожидаются в ближайшее время. Причина смерти профессора Уэбба пока не установлена. На этом мы заканчиваем местные сообщения и… простите, только что получена новая информация. Несколько минут назад перед резиденцией мистера Йомена был застрелен неизвестный. Подробности не сообщаются».

Джас выключил приемник.

— Все, с личной жизнью покончено. Теперь будем жить как в витрине на главной улице. Его нашли под глыбой. Значит, заранее подорвали и сбросили на него. Вот вам и причина смерти. И прекрасный способ спрятать труп.

Я попытался определить логику их действий. Тело засыпали обвалом не случайно. Можно было рассчитывать, что дорогу к такой заброшенной даче освободят не сразу. А когда завал все-таки

разберут, труп опознают. Надо же, бедняга профессор! Значит, он не уезжал с миссис Йомен! Тогда, наверное, и ее нет в живых! А если этому мерзавцу удалось бы воткнуть нож в того, в кого он целился, возможно, никогда не обнаружилось бы, что жена Джаса опередила его.

Глава 10

В двадцать минут двенадцатого я наконец покинул дом Йомена. Явился Бакльберри с помощником и стенографистом. Выглядел очень усталым. Заставил трижды повторить рассказ о событиях. Мне пришлось пообещать, что заеду к нему в контору подписать свои показания в пятницу после обеда. Ведь яснее ясного, что речь идет о самообороне. Не уложи его Джас двумя выстрелами, лезвие ножа разворотило бы ему внутренности.

Убитого не опознали. Сейчас выясняют его личность по карточке в Фениксе.

Бакльберри твердил усталым голосом:

— Джас, если б в карманах было пусто, это одно дело. Богатый улов. Ему понадобилась машина, бумажник. Но у него нашли сто долларов.

Джас в свою очередь втолковывал:

— Фред, рад бы тебе помочь. Но, клянусь, ничего не понимаю, как и все вы.

Я уже собрался уходить, когда Бакльберри сообщил, что после обнаружения профессорского трупа ему позвонила мисс Уэбб — очень взволнованная. Он попросил ее приехать, но та бросила

трубку.

Пришлось, не теряя времени, поторопиться в «Шалви». Не спуская глаз с дороги, я неотступно прокручивал в голове обстоятельства смерти Джона Уэбба. Когда мы с Моной Йомен перелезали через завал, тело Уэбба уже было под ним. Как заметил Джас, спрятали его необычным способом. Рассчитывая на то, что дорогу расчистят. И тогда обнаружат тело. А вдруг это был несчастный случай? Может, даже самоубийство — что-то вроде тех мрачных, кровавых историй, которые любят накручивать англичане. Ничего не происходит, а трупы вываливаются из шкафов.

Если имел место злой умысел, правомерен единственный вопрос. Предположим, Джас погибает от ножа бродяги, что из этого следует? Кто выигрывает? Некая пожилая дама в Юме? Клан Руперта? Не припрятан ли труп Моны в другом необычном месте, где его также обязательно обнаружат?

Оставив машину на стоянке отеля, я взял у администратора ключ от номера. Никаких записок для меня не было. Поднявшись, открыл дверь. Изабелл лежала на самом краю двухспальной кровати. На столе слабо светила лампа под оранжевым абажуром. Девушка была совершенно

одета, сброшены только туфли, ноги прикрыты желтым покрывалом. Под лампой я увидел клочок бумаги из гостиничного набора.

Странная записка. Без обращения и подписи. «Все потеряло смысл. Может, в новой жизни я окажусь немного счастливее. Когда все кончится, имущество передайте в фонд университета».

Ужаснувшись от страшной догадки, я в три прыжка оказался у постели. Руки ее были вялые и холодные как лед. Сердце билось слабо, дыхание едва угадывалось. Я затряс ее, стал бить по щекам, и она протестующе застонала. Бросившись к телефону, я попросил немедленно вызвать врача, заказал кофейник черного кофе. Чертыхаясь, зажег все лампы и отнес ее в ванную. Она никак не реагировала, напоминая тряпичную куклу. Снова затряс ее, заорал. Прислонив тело к ванне, схватил тюбик с кремом для бритья, намешал стакан теплой мыльной воды. Присев возле бесчувственной девушки, силком раздвинул стиснутые челюсти и, запрокинув голову, стал лить в глотку воду. Что-то пролилось на свитер, но появились слабые глотательные движения. Хоть этот рефлекс сохранился! Я намешал еще один стакан, влил в нее половину. Потом положил грудью на край ванны и, обхватив тело одной рукой, сунул

ей в рот два пальца другой руки. Шевеля пальцами, я уже пришел в отчаяние, когда наконец почувствовал, как напрягаются ее мышцы. Затем начались судорожные позывы рвоты, и хлынула мыльная вода, окрашенная содержимым желудка. Куда, черт побери, подевался доктор?

Перевернул ее, снова усадил на пол и, прислонив к ванне, раздел. С одеждой не церемонился, время дорого — что-то рвалось, трещало. Лифчик и трусики были такие же простенькие, без намека на кокетство, как ее солидные уличные туфли. Раздев девушку, посадил ее в ванну, пустил холодный душ и задернул занавеску. Послышались слабые стоны.

В дверь громко постучали, я рванулся открывать, сунув на ходу в карман записку со стола. Доктор, наконец-то! Я провел кругленького мужчину с усталым лицом в ванную и, выключив душ, вытер лицо Изабелл жестким полотенцем. Пока доктор щупал пульс, поднимал веки, я перечисляя принятые меры.

— Что она выпила?

— Не знаю.

— Посмотрите как следует, может, что и найдете.

В корзинке у стола валялся пузырек. Без этикет-

ки. Я отнес его доктору. Он высыпал на ладонь остатки порошка, понюхал, послюнил палец, попробовал на вкус.

— Барбитурат, — проворчал доктор.

Девушка захрипела. Порывшись в сумке, он достал одноразовый шприц, ампулу с желтой жидкостью и, протерев спиртом кожу на сгибе локтя Изабелл, сделал укол в вену.

— Нужно везти в больницу, — сказал он, поднимаясь с колен.

— Это обязательно?

— Ваша жена?

— Нет. Доктор, если речь идет об опасности для жизни, то, конечно, нужно везти в больницу. Но это очень нервное, чувствительное создание. Ее фамилия Уэбб. Сегодня вечером обнаружили труп ее брата.

Он поднял одну бровь.

— Что-то слышал.

— Я выполняю поручение Джаспера Йомена. В связи с его делом познакомился с этой девушкой. Если она попадет в больницу из-за попытки самоубийства, это наложит отпечаток на всю ее жизнь. Но если воспримет событие как несчастье, которое может случиться с каждым, для нее будет лучше. Разумеется, если ее жизнь вне опасности.

Прислонясь к раковине, он нахмурился. Открыл было рот, но тут доставили кофе. Наверное, это помогло ему решиться, и он понимающе кивнул, соглашаясь:

— Я ввел ей возбуждающее. Попробуем, удастся ли заставить ее ходить.

Мы поставили ее на ноги. Я надел на девушку свой халат, доходивший ей до пят, затянул пояс. Доктор влепил ей три звучные пощечины, прокричал в ухо:

— Вы должны ходить! Пошли! Шагайте!

Она повисла на мне всем телом. При ходьбе голова ее моталась, ноги подгибались.

— Неплохо, — сказал доктор, — пусть не останавливается. Вливайте в нее кофе, не давайте спать. Если понадобится, снова суньте под холодный душ. Заставляйте говорить. Пусть считает до сотни. Или повторяет алфавит. Что угодно. Я могу на вас положиться?

— Непременно.

Он оценивающе смерил меня с головы до ног.

— Я приеду в четыре утра. Если все пойдет нормально, можно будет уложить спать. К тому времени она станет молить о сне.

— Большое спасибо, доктор.

— Вы неплохо действовали до моего прихода. Я

загляну к дежурному администратору. Иногда бывают осложнения — вы ведь зарегистрировались как одиночка. — Он впервые улыбнулся. — Произнесу магическое имя — Йомен, и они оставят вас в покое. Вот номер моего телефона. Если исчезнут реакции, сразу звоните. Я ведь тоже рискую. Нет, нет, не останавливайтесь. Только ходить!

Подойдя к двери, он в некотором смущении поднял на меня глаза:

— Это очень красивая девушка…

— Я не страдаю некрофилией, доктор.

Точный термин, похоже, успокоил доктора. Вздернув голову, он удалился. А я с девушкой продолжал мерить комнату в длину и ширину. Волочил ее, стараясь, чтобы раз от разу все больше опиралась на собственные ноги, подхватывая, если была готова упасть. Хлестал по щекам и тряс. Заливал в нее горячий кофе, совал под душ. Ее все чаще сотрясала резкая дрожь. Но в чувство не приходила — выглядела как бездушный предмет. Утомительные и безрезультатные усилия. Безвольно двигалась, куда ее тащили, что-то бормотала так невнятно, что нельзя разобрать ни слова. Голова моталась из стороны в сторону.

Долго, больше часа, я саркастически тешил себя замечанием доктора о том, какая это красивая

девушка. Она была словно из теста, опухшая, бессильная, с синюшным лицом, мокрыми, слипшимися волосами, трясущейся челюстью, сквозь щелочки век тускло проглядывали пустые глаза. Когда я поставил ее в ванну, на струю воды она реагировала, как покорный поросенок, — мочилась стоя. Мне же удалось влить в нее огромное количество кофе. При ходьбе я легко удерживал ее одной рукой. И вдруг наступила перемена. Когда она стала засыпать, я в очередной раз сунул ее под душ, придерживая за плечи. Появилась реакция. Тело выпрямилось, от холодной воды прогнулась спина, напряглись мышцы. И тут я осознал, как прекрасно это женское тело — гладкое, округлое, крепкое; безупречные бедра, грудь и впалый живот подчеркивали изящество сложения. Несколько поспешнее, чем прежде, я обмотал ее влажным халатом. Она продолжала дрожать, и я счел это достаточным основанием, чтобы не повторять водные процедуры.

Около трех ночи, чтобы ускорить ее возвращение к жизни, я решил устроить еще одно испытание. Держалась она как пьяная, бормотала, недовольно ворчала. Но все еще не осознавала себя и не воспринимала меня. На двери ванной с наружной стороны висело зеркало. Поставив

перед ним Изабелл, я развязал на ней пояс и отшвырнул в сторону соскользнувший халат. Она тупо смотрела на отражение в зеркале. Хорошо мы выглядели там оба: длинный, костлявый Макги, а перед ним совершенно нагая девушка — босая, изящная, с небольшими, упругими грудями, между гладкими, нежными линиями бедер — мягкий, темный клинышек курчавых волос. Слипшаяся прядь волос закрывала ей один глаз. Ухмыляясь изображению в зеркале, прижав губы к ее уху, я произнес:

— Посмотри на ту красивую девушку! Видишь! Видишь эту красавицу?

Веки ее по-прежнему были полуопущены. Пошатнувшись, она вздохнула и вдруг широко раскрыла глаза. Тело ее напряглось. Слегка наклонясь. Изабелл одной рукой прикрыла живот, а другой — грудь. Потом с яростным шипением повернулась лицом ко мне.

— Ну как, красивая девушка? — снова спросил я.

— Что… что ты со мной делаешь? — Лицо ее покрылось меловой бледностью.

Я швырнул ей халат.

— Стараюсь вернуть тебя к жизни.

Торопливыми, неловкими движениями она

надела халат, завязала пояс.

— Но ведь… ведь я выпила все!

— Да, дорогая; именно это ты сделала.

— Джон умер.

— Пошли еще пошагаем!

Она не сдвинулась с места, пока я не подступил к ней, тогда потащилась по комнате, Подозрительно поглядывая на меня.

— Я устала, Тревис.

— Давай шагай!

— Который час?

— Больше трех. Шевелись побыстрее!

— Пожалуйста, дай мне прилечь на минутку. Ну пожалуйста!

— Шагай как следует.

— Господи, ты такой безжалостный! Мне плохо. Мне ужасно плохо! Мне нужно лечь. Действительно нужно!

— Не пойдешь сама — заставлю!

Я сидел в изножье постели. Изабелл старалась держаться в недосягаемости. Как только она замирала и глаза закрывались, я, потянувшись, хлопал пониже спины, это ее взбадривало.

Начала хныкать, упрашивать — я оставался неумолим. Притворялась, что теряет сознание, но тут же приходила в себя, стоило мне начать стя-

гивать с нее халат. Осыпала меня ругательствами — я и не подозревал такого богатого словарного запаса. Бранилась, фыркала, плакала, притворялась, упрашивала. Но — ходила. Да, ходить не переставала.

Ах, и в самом деле была достойна сожаления тоненькая, закутанная фигурка, эти глаза с темными кругами пылали ненавистью ко мне, она давилась кофе, я для нее был насильником, и хотелось бы знать, почему я не дал ей умереть. Ей незачем жить. И почему она должна терпеть насилие, затрещины, тычки, почему я ею помыкаю, унижаю ее? Да, моя дорогая, придется терпеть. Ты только шагай! Только двигайся!

Доктор вернулся в четверть пятого. Сообразив, кто он, Изабелл осыпала его возмущенными возгласами и угрозами. Совершенно не обращая на это внимания, он невозмутимо осмотрел ее, удовлетворенно бормоча что-то. Она сидела на кровати.

— Я требую соблюдать мои права! — воскликнула Изабелл. — Вызовите полицию!

Доктор, мило улыбаясь, ткнул ее розовым пальцем в плечо. Опрокинувшись навзничь, девушка вздохнула и стала тихонько, размеренно похрапывать. Он велел мне поднять ее,

разобрать постель, и я уложил ее, хорошенько укрыв одеялом.

— Теперь все уже позади, — довольно сказал он. — Очаровательная юная дама. Может, всего этого и не требовалось, но слава Богу, опасность миновала.

— Сколько я вам должен?

— Первый визит да сейчас… думаю, ста долларов достаточно.

Я выложил деньги, справившись, как долго ей нужно спать.

— Сколько захочет. Если проспит до полудня — прекрасно. Вы останетесь здесь?

— Я совсем выдохся, а она так и так уже вконец скомпрометирована.

В окнах проступил рассвет, я накинул на дверь цепочку, почистил зубы и, поцеловав ее в лоб, улегся рядом. Теперь ничто в ней меня не раздражало. Я гордился и восхищался ею. Добрый самаритянин Макги, ангел-хранитель женщин, оказавшихся в опасности. Возникло странное чувство покровительства. Теперь ты принадлежишь мне, дорогая детка, и в будущем я не потерплю никаких глупостей. Слышишь?

Глава 11

В полдень меня разбудил телефон. Я схватил трубку, стараясь не потревожить Изабелл. Девушка спала, повернувшись ко мне спиной; укутанная желтым одеялом, она казалась совсем маленькой, виднелась лишь темная копна волос.

Звонил Джас. Я попросил минутку подождать: она показалась мне подозрительно безжизненной. Обойдя постель, нагнулся — Изабелл спала сладким сном. Я опять взял трубку.

— Ну, как у вас дела, Джас?

— Вы еще только встаете?

— У меня была бурная ночь.

— Что случилось?

— Потом расскажу.

— Ну… как у меня… не знаю. Начинаешь думать, если что-то подтолкнет. У кого есть основания для такой ненависти? Ночью я размышлял об этом. Даже список составил. С ненавистью ведь как бывает: возможно, те, о ком и не подумаешь, что могут возненавидеть, потому что ты для них столько сделал, может, они-то как раз и ненавидят тебя больше других?

— Кого-то конкретно подозреваете?

— Мы с Кэбом Фоксом когда-то приударяли в этом краю. Откровенно говоря, я всегда думал, что имею право поразвлечься, а если нужно, охотно заплачу за приятные минуты.

Тут я вдруг вспомнил ту парочку у бензоколонки, куда я пришел, когда застрелили Мону. Вспомнил слова того парня: «…В наших краях и сейчас проживает не меньше сорока взрослых потомков с его голубыми глазами, и то если не считать мексиканцев. Кэб балдел от мексиканок».

— Мне за Кэбом было не угнаться, — продолжал Джас. — Ах, те влажные летние ночи, пикники на природе, запах горящих кедровых поленьев, кружки с самодельной водкой и огромные открытые машины, в которых мы тогда разъезжали, те горячие девчонки с шоколадной кожей, улыбающиеся, податливые, и мы с Кэбом, шпарящие на их языке, и…

Речь его оборвалась.

— Думаете о каком-нибудь конкретном типе из местных?

— Нет-нет. Ни о ком я не думаю. Ночью покопался в памяти. Пять или шесть раз потом навещали, просили помочь. Их, конечно, было побольше,

но другие быстренько выскакивали замуж. Или из гордости не обращались за помощью: Я никогда не отказывал. Улаживал все втихую, деньги получали наличными. В трех случаях вышло по-другому, одноразовой суммой не отделался. Выдавал пятьдесят ежемесячно. Или сорок. Как пособие на ребенка. Давно это было. Хотя можно было бы, наверно, проследить. Санчес. Фуэго. Пока только эти два имени вспомнил. Сейчас им, пожалуй, уже под тридцать. Не знаю. Вот такие раздумья одолевали меня ночью. У таких могла бы возникнуть ненависть.

— Да… могла бы.

— Потом вспомнил еще один случай, но это не телефонный разговор. А больше не знаю никого, кто мог бы затаить злобу. Знаете, парень, приезжайте в Хлопковый клуб, скажем, через час. Я пока поброжу по дому, освежу в памяти старые времена, всплакну о своей девочке. Оденусь, и встретимся в клубе.

Не успел я положить трубку, телефон зазвонил снова. Изабелл заворочалась и что-то пробормотала. Звонил Бакльберри. Сообщил, что исчезла Изабелл Уэбб, не знаю ли я, где она может быть. После секундного замешательства я доложил, что мисс находится в отеле «Шалви». Он хотел

говорить с ней. Пришлось сказать, что она выпила успокоительное и теперь спит, но потом сама позвонит ему, и он скрепя сердце согласился. Я сказал, что попозже подъеду подписать свои показания о том юноше с ножом. Бакльберри добавил, что в Фениксе выяснили его личность. Франциско Помпа — девятнадцатилетний правонарушитель, контрабандист и наркоман, отпечатки его пальцев обнаружили на угнанной машине, брошенной недалеко от дома Джаса.

Изабелл по-прежнему спала. Побрившись и одевшись, я собрал всю ее одежду, до последней тряпки, и вместе с солидными туфлями завернул в ее потрепанный свитер. Посмотрел предварительно на размер, обозначенный на туфлях, 5Б. Отыскал горничную, убиравшую соседний номер, и строго-настрого приказал не беспокоить спящую девушку. Отдал ей узел с одеждой: кому-нибудь авось пригодится, и она откровенно порадовалась.

Наскоро позавтракав, официально зарегистрировал Изабелл у дежурного администратора: кузина. Тот встретил сообщение с недоверчивым высокомерием, и мне пришлось ублажить его скромной купюрой. Затем я завернул в магазин на первом этаже. Тоненькая веснушчатая про-

давщица охотно согласилась помочь мне. Мы отобрали веселенький оранжевый костюмчик, кружевное кокетливое белье и сногсшибательную блузку. Продавщица забежала со мной в соседний отдел, помогла выбрать лодочки на высоком каблуке. Коробки и свертки я оставил в номере с запиской: вернусь около половины четвертого; если проснется, пусть закажет себе обед и позвонит Бакльберри; надеюсь, вещи из свертков окажутся ей впору.

Пока я ворошил легкомысленные вещички женского надушенного туалета, Джаспер Йомен был поглощен борьбой, как говорится, с лопатой гробовщика. Тяжелым сражением. Я восстановил события на основе полученных позже сведений. По дороге в Хлопковый клуб, сидя за рулем своего огромного «крайслера», он почувствовал себя плохо, стал задыхаться. Испугавшись, свернул к стоянке большого торгового центра, чтобы из ближайшей закусочной вызвать по телефону врача. С трудом въехав на стоянку, он вышел из «крайслера», и тут его схватили судороги. Домохозяйки, возвращавшиеся с покупками к своим машинам, наверное, принимали этого высокого, костлявого верзилу, — шатавшегося, дергавшегося, хватавшего воздух раскрытым ртом, — за

пьяницу, который набрался уже спозаранку.

Первая смертельная судорога скрутила его на широком тротуаре перед закусочной — он свалился, как кукла, отброшенная капризным ребенком. Он лежал на сером асфальте среди оберток от жвачки и окурков, с дергающейся головой и немеющим горлом, на окровавленном лице — выражение ужаса, глаза вылезают из орбит, челюсти намертво стиснуты.

Прохожие, сгрудившись вокруг на безопасном расстоянии, тупо смотрели на его мучения. Из закусочной выскочил было продавец, но тут же метнулся назад — к телефону. Судороги ослабели, и Джас, отдышавшись, слабым голосом попросил, чтобы ему помогли встать. Подняв, его отвели в закусочную. И здесь начался второй приступ. Он вырвался из рук, и неведомая сила швырнула тело на пол, выложенный цветной плиткой.

Он еще раз пришел в сознание, но сил уже не оставалось. Третий приступ начался, когда его укладывали в машину «скорой помощи». Несмотря на все принятые меры, через сорок минут он скончался. Токсикологам уже было ясно, что обнаружится при вскрытии. После необходимых анализов в лаборатории констатировали: он проглотил 0,2 грамма стрихнина, что вдвое пре-

вышает смертельную дозу. Яд попал в организм, вероятно, минут за тридцать до первого приступа, скорее всего с чем-нибудь, что приглушило его горечь, возможно, с очень крепким черным кофе.

Однако все это я сложил в единую картину гораздо позже. Отправившись в клуб, ждал его там. Потом вдруг поднялся шум, заговорили, что ему стало плохо, отвезли в больницу. Он умер за десять минут до моего приезда туда.

Глава 12

Возникла проблема судебной правомочности — представители города считали, что дело должно находиться в ведении округа, окружные чиновники утверждали обратное. Когда умирает важная особа, достаточно допустить малейшую оплошность, и можете распрощаться с карьерой. В конце концов дело передали округу и Фреду Бакльберри.

Он перехватил меня на стоянке больницы. Выражение лица его было скорбно-благостным, но я-то понимал свое положение. Без Йомена можно было сбросить меня со счетов. Он смотрел на меня, как кошка на свежую рыбку. Своего помощника Гомера Харди отправил со мной в отель, чтобы забрать малышку Уэбб и привезти нас обоих в управление округа, где находился также суд. Там мы должны дожидаться Бакльберри, разумеется, добровольно, — пока у него дойдут до нас руки.

В «Шалви» мы приехали в десять минут третьего. Харди не намерен был оставаться в холле — ждал в коридоре перед номером. Коробки и свертки я нашел опустошенными. Дверь в ван-

ную заперта, там шумела вода. Я постучался — Изабелл ответила, что сейчас выйдет.

Через пять минут она появилась. Все сидело на ней как влитое. С головы до ног выглядела ослепительно, костюмчик и блузка подчеркивали все, что прикрывали. Однако прическа оставалась бесформенно-строгой, и, конечно, тут же были нацеплены огромные темные очки. Губы не подкрашены, лицо чуть припухшее. Непроницаемые стекла очков были нацелены на меня.

— Где моя одежда?

— Как ты себя чувствуешь?

— Где одежда?

— Выбросил.

— И купил эти дешевые, вульгарные, кричащие тряпки. Большое спасибо.

— Дешевыми я их не назвал бы.

— Дешевые в том смысле, которого тебе, Тревис, никогда не понять.

— Радость моя, если тебе безразлично, жить или нет, какое имеет значение, что на тебе надето? Ты поела?

— Нет.

— Нам нужно ехать в контору Бакльберри.

— Никуда не поеду. Я отправляюсь домой.

— Там за дверью нас ждет полицейский. Уж он

позаботится, чтобы нас туда доставить.

Она как раз смотрелась в зеркало, поправляя юбку. Повернувшись, одарила меня подозрительным взглядом:

— Зачем?

— Джас Йомен умер.

— А при чем здесь я?

— Возможно, ни при чем. Бакльберри хочет убедиться.

— Не понимаю.

— Кто-то нанял убийцу, который должен был вчера его зарезать. Не получилось. А сегодня его отравили.

— Отравили? — отозвалась она слабым эхом.

— Не очень приятная смерть.

Она сжала пальцы у себя на горле.

— Мне его жаль. Я… я его ненавидела, раз не имел ни капли гордости, не знал приличий и позволял жене путаться с моим братом. Но… отравить — это ужасно.

В сопровождении полицейского мы спустились на лифте вниз. Я заметил, что мы должны поесть. Харди счел эту идею весьма сомнительной. Тогда Изабелл объявила, что ляжет на пол в холле, если не дадут поесть, пусть тогда в суд ее несут на руках.

Пришлось зайти в гриль-бар. Харди уселся было за наш стол, но я послал его подальше. Оскорбившись, он перешел к столу у дверей. Я заказал бифштекс с гарниром. Изабелл потребовала большой стакан апельсинового сока, две котлеты с гарниром и сверх того — картофель фри и чашку кофе.

Я наблюдал, как она постепенно и методично поглощает кучу заказанных блюд. Тишина становилась невыносимой. Резко потянувшись через стол, я снял с нее темные очки. Изабелл хотела вырвать их у меня из рук.

— Ну пожалуйста…

Глаза ее казались беззащитными, неуверенными, смятенными.

— Перестанешь за них прятаться — отдам.

— Прятаться? Мне нечего скрывать. Я еще не осознала случившееся. Не могу. Веришь ли, старалась все обдумать, но мысль как-то… уклоняется от всего.

— Все еще хочешь покончить с жизнью.

Быстро оглянувшись, она склонилась ко мне:

— Тс-с-с! Нет… не думаю. Не знаю.

— Рада, что я тебя вытащил?

— Наверное. Спасибо. Глупо так говорить — спасибо. Просто я подумала… возьмешь таблетки…

заснешь, и все кончится. Пойми, ты сделал все, что в твоих силах. Я хочу сказать, что твои усилия меня не огорчили. Любой на твоем месте поступил бы так же.

Нечего и пытаться понять ее. Человек, который обожал жизнь, мертв. Эта же хотела умереть, а сейчас объедается котлетами. Наверное, не стоит ее упрекать, но такая активность в сочетании с нежеланием жить выглядела исключительно глупо. Если отбросить морализирование, Джаспер Йомен был с головы до пят мужчина, а она — всего лишь девушка наполовину.

Чутко улавливая мое настроение, она склонила голову, приподняв вопросительно брови:

— Что с тобой, Тревис?

— Все отдает каким-то душком, Из.

— Не выношу такие сокращения… Я не все хорошо помню… — Лицо ее вспыхнуло румянцем. — Но… я была совсем раздета?

— Как выражаются в простонародье, была ты голенькая, какой сотворил тебя Господь.

Румянец потемнел от гневного возмущения.

— Как ты можешь быть таким жестоким и легкомысленным?!

Я посмотрел в пространство, пожав плечами:

— Давай ешь, золотце. Полицейский уже нерв-

ничает. Помимо всего прочего, я намеревался подействовать на тебя шоком. Получилось. Только не воображай, что для меня это было Бог весть какое удовольствие. Все твои женские штучки расположены в обычных местах. Не было никаких утех. Я спасал твою жизнь. Ноги у тебя подламывались, мычала нечленораздельно и вообще… никакой романтики.

Съежившись, она побледнела, зажмурилась. Жалкая, дешевая победа. Я вернул ей очки, но аппетит к ней не возвратился. Она скованно шагала рядом, словно удерживая между коленями монету. Гомер Харди не покинул нас в коридоре суда, а завел в комнатушку. Если что-то потребуется, можно постучать, предупредил он, запирая дверь снаружи.

Разговор не клеился — нам нечего было сказать друг другу. Время тянулось медленно. В коридоре было шумно, слышались чьи-то голоса.

Я наконец нарушил тишину:

— С твоим братом будет немало всяких хлопот.

— Я как раз думала об этом. Наши родители хотели, чтоб их кремировали. Джон тоже говорил о кремации. Членов нашего семейства хоронят в Уэстоне, в штате Нью-Хемпшир. Думаю, достаточно скромного отпевания в университетской

часовне. У меня есть знакомые в Ливингстоне — нужно только затребовать тело и сказать, чего я хочу. Но вот как переправить прах в Уэстон, не знаю. И еще страховка.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Спасибо, не нужно.

— Как себя чувствуешь?

— Очень устала. И совершенно опустошена.

Комнатенка без окон освещалась тусклыми лампочками. Металлические стулья с зелеными сиденьями, старые разорванные журналы, сладковатый запах мятного дезодоранта, заглушающий другие конторские ароматы. Она сидела, укрывшись за темными стеклами очков, тесно сжав колени, чинно сложив руки на сумочке.

Мои часы показывали пять минут шестого, когда пришел Харди и увел ее к Бакльберри. Через полчаса пришли за мной. Я удивился, застав его в одиночестве. Стенограммы допросов были приготовлены. Прочитав, я подписал все три экземпляра, как требовалось.

Он долго раскуривал трубку, попыхивая, пока не разогрелась как следует.

— Все жаждут крови, — произнес он наконец. — Кендрик, Джей, О'Делл, де Врей, Мадеро… все. Джас ведь один из них.

— А вы испортите себе карьеру, Фред, если придете к ним с пустыми руками, правда?

Он бросил на меня резкий, но не враждебный взгляд.

— Это меня не волнует. История очень запутанная. Речь идет о том, как скоро удастся размотать ее. Такие сложные вещи полагается делить на части. Но я хочу доказать, что справлюсь сам, Макги. И надеюсь справиться очень, очень успешно.

— Чем вы располагаете?

— Обширные, крепкие сети и несколько сообразительных судейских чиновников. Можешь хоть девяносто дней ловить рыбку на горячем солнышке. Такие сети я люблю — облегчают работу.

— Понятно, — сказал я, поднимаясь со стула.

— Куда вы?

— Навестить одного из этих судейских.

— Садитесь, черт побери!

Я уселся.

— Так мы не договоримся, шериф.

Он испытующе посмотрел на меня.

— Собираетесь жариться здесь девяносто дней? — вздохнул Бакльберри. — Пожалуй, не оставите меня в покое?..

— Как яд попал Джасу?

— С крепким черным кофе. Пил всегда горячий

и без сахара. Утром ему заварили в термосе, чтобы не остыл, пока он принимает душ, бреется и так далее. На дне остался сплошной стрихнин. Кофе заваривала и отнесла ему кухарка. Она вне подозрений. Вы ведь знаете расположение дома. У Джаса были свои тайные дела. Некоторых людей не должны были видеть, как они приходят или уходят. Для этого существовал тот боковой ход в его кабинет. Принес туда кофе и позвонил. Он не упоминал, что у него кто-то был?

— Нет.

— У него были подозрения, кому он перешел дорогу?

Я молча соображал. Зачем мне скрывать что-то от Бакльберри? Но ведь у меня только смутные подозрения, фактов почти никаких.

— Ну? — повторил вопрос шериф.

— Джас начал подумывать о своих детях, Фред.

Он вытаращил глаза.

— Не выдумывайте. У него нет детей.

— Официально — нет.

Я передал, что рассказал Джас о былых временах. Бакльберри слушал внимательно, его полицейский инстинкт работал в одном направлении с моим.

— А как насчет случая, о котором он не захотел

говорить по телефону?

— Имя не называл. Кто ж мог предвидеть?

Бакльберри помолчал. Потом, глядя в пространство, хлопнул кулаком по столу.

— Через какое-то время найдем тело Моны, тогда похороним обоих — Джаса и его жену. А когда дойдет очередь до завещания, заявится какой-нибудь паршивец с доказательствами — и неопровержимыми, — что является внебрачным сыном Йомена. Может ли он стать наследником? Не знаю точных законов. Что, если у него на руках письма Джаса? Тогда он его ближайший родственник.

— Значит, этот наследник наверняка имел свободный доступ к Джасу.

Бакльберри мрачно усмехнулся:

— В том числе и сегодня утром.

— Кто знает, осмелится ли открыть карты? — сказал я.

— Почему бы нет?

— Вся эта история — сплошная бессмыслица, Фред. Ничего не получилось так, как они рассчитывали. Может, у них в запасе одна только ненависть.

— Отсюда придется и плясать, — вздыхая, заметил тот.

— А еще от чего можно оттолкнуться?

Он покачал головой.

— Рон куда-то провалился. Второй труп никак не найти. Оружие, из которого стреляли в Мону, отыскать не можем. И Элверсон не может найти концов. Даже труп Уэбба ничего не добавил ко всему этому.

Он выпрямился и, потерев лицо огромной ручищей, потянулся к телефону.

— Что ж, выясним, не знают ли чего-нибудь его старые, быстроглазые приятели.

Помолчав, попросил меня:

— Выйдите на минутку, Макги.

— С удовольствием помогу вам, если это в моих силах. Джас дал мне деньги, а я их еще не отработал. Предоставьте мне возможность…

Он снял руку с трубки, посмотрел на меня.

— У некоторых людей есть особый нюх. И вокруг вас постоянно что-то происходит. Все равно ведь станете всюду совать свой нос, так ведь?

— Если вы не дадите мне тех девяноста дней.

Открыв нижний ящик, он пошарил в нем, отчего раздался тонкий звон, вытащил что-то блестящее и швырнул мне в лицо, Я успел протянуть руку и поймал золотистый значок.

— Поднимите правую руку и повторяйте за

мной.

— Как в вестерне?

— Точь-в-точь как в кино, Макги. У меня есть полномочия.

Я произнес присягу и превратился в официальное лицо. Сунул значок в карман. Временный помощник шерифа Тревис Макги. Меня могут убить при исполнении служебных обязанностей, тогда округ Эсмерелда объявит мне благодарность посмертно, и, пока шериф вышеназванного округа не освободит меня от должности, буду получать пять долларов в месяц или соответственно часть этой суммы за меньший срок. Я подписал официальный контракт и вышел в коридор. Изабелл послушно и смиренно поднялась со скамьи мне навстречу.

— Чего бы тебе хотелось?

Она отвела меня к окну.

— Тревис… я подумала, не мог бы ты отвезти меня домой, в университет, если тебе не трудно.

— Туда ходят автобусы.

— Пожалуйста. Если ты откажешься, это… будет выглядеть странно. Я сказала шерифу, что ты меня отвезешь. Не говорила о том, что я… сделала.

Краска смущения начинала заливать ее с выреза в блузке.

— Так что он думает, будто я… мы… думает, что…

— Для этого ему нужно обладать самой буйной фантазией, дорогая.

— Пожалуйста, не будь такой злюкой. Я уже кое-что сделала для Джона. И не хотела… — Тут она отбросила смиренность и, вздернув подбородок, выпалила: — К черту, не хочу быть одна! Если ты не способен понять, почему…

— Хорошо, хорошо. Только мне еще нужно задержаться. Я отвезу тебя. Или хочешь вернуться в отель? Там ты зарегистрирована, кузиночка.

— Кузина?

— Нужно ведь было что-то сказать администратору.

Круто повернувшись, она села на скамью, объявив:

— Ни за что на свете с тобой не пое… не вернусь в отель.

— Настоящее фрейдистское поведение.

— Хватит твоих потрепанных, заезженных комментариев. Ты просто невоспитанный мужлан.

— Сейчас ты ведешь себя гораздо естественнее, золотко.

Она поинтересовалась, посадят меня в тюрьму или только допросят. В ответ я показал свой

новенький значок. Она покрутила головой, демонстрируя, что свет перевернулся с ног на голову.

Пришлось ждать. Я сходил к автомату за кока-колой, купил газету. Первая страница была отведена Джасу. Потом нас обнаружили репортеры, накинулись, ослепили вспышками, засыпали вопросами; нам пришлось спасаться на телефонном коммутаторе, куда им вход был заказан. Мы для них были Сестра убитого профессора и Загадочная фигура.

В конце концов появился Бакльберри с бумажным стаканчиком кофе. Прислонясь к стене, посмотрел на нас.

— Вы сказали ей, что мы сейчас расследуем? — осведомился он.

— Когда вы отвезете меня домой? — вмешалась Изабелл.

— Мисс Уэбб, говорил вам брат что-нибудь, о чем он узнал от миссис Йомен? Что у Джаса Йомена есть внебрачные дети?

— Разумеется, нет!

— Не кипятитесь от любой сплетни, мисс. Что-нибудь подобное объяснило бы его отношения с миссис Йомен.

— Таких доводов я не знаю!

— Н-да, наверно, нет.

Повернулся ко мне.

— Макги, пойдемте взглянем на карту.

Я зашел опять в его кабинет. Палец ткнулся в название небольшой деревеньки к северо-востоку от Ливингстона. Барнед-Уэлс.

— Когда повезете ее домой, заверните сюда. Столько сплетен мне нарассказали, аж голова гудит. Завтра начнем проверять документацию в банке, не думаю, чтобы Джас очень уж тщательно заметал следы. Фиш Эллери уверяет, что там живет женщина, с которой он был связан больше всех. Вроде было это лет двадцать пять назад, еще при жизни Кэба. Тогда ей было семнадцать — восемнадцать, мексиканка с изрядной примесью индейской крови, горячая гордая девушка. Значит, сейчас ей сорок два — сорок три года. Вспомнил ее девичью фамилию — Эмпер. Джас, говорят, едва-едва не потерял голову. Путешествовал с ней, делал подарки, держал при себе почти целый год. Вот и все, что знаем. Правда, Барнед-Уэлс и не деревня даже, просто поселок.

— Хоть дорога там есть?

— В него упирается проселочная двадцатипятикилометровая ветка, идущая от шоссе номер 100. В поселке живут люди, обслуживающие

тамошние ранчо, уже не из нашего округа. Молодежь оттуда уезжает. Несколько хижин, лавочка. Бензоколонка и часовенка из необожженного кирпича. Эта Эмпер, возможно, уже давно в гробу или куда переехала. А может, вы ее найдете, но она ничего не скажет.

— Надеюсь, у вас есть следы и получше?

— Есть. Я уже направил своих людей. Возвращайтесь, если что-то узнаете. Я еще буду здесь.

Глава 13

В половине девятого мы с Изабелл остановились перекусить в ресторане мотеля на южной окраине города. Я рассказал ей о новых направлениях в расследовании, повторил, что сказал мне Джас и какое поручение дал шериф. Она не реагировала.

— Тебя это не интересует? — спросил я.

— Наверное. Тревис, эмоционально я опустошена. Сегодня такой странный день. И это ожидание. Как в аэропорте при пересадке. Да, я, конечно, хочу знать, кто убил моего брата. Сейчас у меня такое чувство, словно он умер много лет назад. Или как будто я знаю, что он вот-вот умрет. Он в этой истории был всего лишь ни в чем не повинным зрителем.

Она хмуро смотрела на меня через стол — темные очки сняла.

— Попытка самоубийства — это особый поступок. Так или иначе, все равно что-то в себе убьешь. Может, способность глубоко чувствовать. Не знаю. Я сама себе чужая. Нужно обдумать, кто я и кем стану. Словно я порвала со всем на свете. И при этом ощущаю такую необычную…

неуместную радость. Каждую минуту. Как будто электрическая искра проскакивает, как радость в ожидании каникул. И ведь нет никаких причин. Кто знает, что-то случилось… с моим мозгом.

— Попробую отгадать. Может, рада, что осталась в живых?

— Не исключено. Во всяком случае, пробовать снова не стану.

На автомобильной карте эти двадцать пять километров к Барнед-Уэлсу представляли собой тонкую пунктирную голубую линию, отходящую от автострады номер 100 километрах в десяти севернее Ливингстона. Я сбросил скорость, чтобы не прозевать проселочную ветку, запомнить местность для обратного пути.

— Возьми меня с собой, — попросила Изабелл.

— Зачем?

— Не знаю. По крайней мере хоть что-то сделаю. Если ее найдешь, может, со мной она будет более откровенной.

Так мы и свернули. Узкая дорога из песка с гравием тянулась по выжженной солнцем земле, и в эту ясную звездную ночь местность четко вырисовывалась с обеих сторон. Мы ползли по дикому марсианскому краю, дорога, петляя, продиралась между нависшими скалами, песчаными холмами

и кактусами. Машина тряслась, подпрыгивала и кренилась, фары высвечивали то здесь, то там жестянки от пива или красные заячьи глаза. Потом дорога плавно спустилась в широкую долину вдоль величественно возвышавшихся кактусов, подобных трубам органа, и устремилась к далеким огонькам, трепетавшим у подножия черной горы в конце долины.

Весь поселок Барнед-Уэлс состоял из одной широкой, но короткой незамощенной улицы. Все уже спали. Огни, которые мы видели, оказались газолиновыми фонарями. Одна лампа висела под крышей веранды перед лавкой, где на перилах, ступеньках и стульях сидела кучка мужчин. Они пили пиво. На перилах стоял радиоприемник, включенный на полную мощность. Остановившись перед бензоколонкой, я вышел. При моем приближении музыка сразу смолкла. Их было девять человек — все средних лет и старше. Под ярким светом лампы тени были непроницаемы, краски исчезали, так что безмолвная, неподвижная группа напоминала передержанную черно-белую фотографию.

Остановившись перед верандой, я поздоровался:

— Добрый вечер.

Никто не отозвался. Вместо ответа кто-то сплюнул через перила.

— Мне нужна помощь.

Никакого ответа.

— Я ищу женщину, которая жила здесь двадцать пять лет назад. Не знаю, какая у нее теперь фамилия. Девушкой она звалась Эмпер. Была знакома с Джаспером Йоменом.

Теперь сплюнули двое. Может, контакт улучшается. Это были суровые ребята в грубой рабочей одежде, с обветренными лицами, крепкими от тяжелой работы фигурами.

— Джаспера Йомена вчера убили.

Сообщение вызвало шум, движение, шепот.

— Я у него работал, — продолжал я. — Выполнял особые поручения. Мне показалось — лучше поспрашивать самому. Не хотелось бы приехать сюда с шерифом, чтобы что-то узнать о той женщине.

Один из мужчин отодвинулся поглубже в тень, что-то шепнул. Мальчишка, которого раньше я не заметил, быстро перемахнул через перила и ринулся по улице в темноту, стуча босыми пятками по утрамбованной дороге.

— Она еще живет здесь?

— Подождите, — произнес самый старший.

Минуты через три мальчишка вернулся. Подошел к старику, довольно долго шептал что-то.

— Можете идти к той женщине, — сказал старик. — Ее муж не возражает. Мальчик вас проводит.

Я подозвал из машины Изабелл, и мы направились за мальчишкой по широкой, темной улице. Когда глаза привыкли к темноте, в конце улицы я заметил часовню. Возле часовни свернули налево. Мальчик показал на домик из необожженного кирпича и, ничего не сказав, удрал. Двери были открыты, и изнутри шел оранжевый свет. Палисадник перед домом был окружен заборчиком из частокола, окрашенного белым. Я постучал в распахнутую дверь.

Появилась женщина, посмотрела на нас и, сказав: «Заходите», направилась в дом. Голос звучал резко — это был приказ. Мы вошли в маленькую, почти пустую комнату, за которой шли другие.

— Моя фамилия Сосегад, — сказала женщина. — Когда-то давно я жила с Джасом Йоменом. Садитесь, прошу вас.

Роста была небольшого, казалась почти квадратной, но не толстой, а скорее коренастой. Черноволосая. Ее блестящее, оливкового цвета лицо своими резкими чертами напоминало мужское.

Большая грудь и объемистый живот обтянуты выцветшим ситцевым платьем в цветочках.

— Как он умер?

— Его отравили.

Она поморщилась.

— Кто это сделал?

— Не знаю. Пока.

Я почувствовал, что кто-то зашел. Когда обернулся, в комнату как раз вступили двое мужчин — молодые, могучие детины с мягкими, кошачьими движениями. Прислонились к дверному косяку. Один из них быстро сказал что-то на местном испанском наречии, я не разобрал ни слова. Женщина ответила резко и сердито.

— Мои сыновья, — объявила она нам с гордостью. — Вы работали у Джаса?

— Да.

— Он велел что-то принести мне, когда умрет?

— Нет.

— Не имеет значения. Разве я когда-нибудь что-то просила? Нет! Он сам давал, потому что ему так хотелось. — Помолчав, она склонила голову к плечу. — Тогда зачем вы здесь?

— Расследую, кто убил Джаса и его жену. — Поколебавшись, я добавил: — Он однажды при мне упоминал вас.

Ее лицо засияло.

— Да? И что говорил?

— Что тогда, давно, относился к вам очень серьезно.

— Да, так оно и было. Господи, я была такая красивая! Кто сейчас поверит? Вот это был мужчина! Словно дьявол во плоти! И очень любил меня. Наверное, женился бы, если бя захотела. Ошибка вышла.

Вздохнув, она опять пронзила меня взглядом.

— Кто это с вами?

— Мисс Уэбб. Моя фамилия Макги. Люди, убившие Джаса, убили и ее брата.

Она нахмурилась.

— И вы думаете, мне что-то известно? Разве я могла позволить тронуть пальцем такого мужчину?! Он был добр ко мне! Кто его заставлял давать деньги на того ребенка? Никто! Любил ее так же, как я. Разве не взял ее к себе в дом? Вышла замуж за хорошего человека. Всегда давал деньги на платья, ученье, на докторов — на все. И теперь купил ей такую большую кухню, какой я в жизни не видела. Относился к ней как отец. У меня есть его письма, где говорит о ней как о своей дочери. Он мне доверял. Я бы ему никогда не навредила…

Быстрый поток испанских слов за моей спиной оборвал ее. Как у любого американца-южанина, мое ухо привыкло к этому языку, но когда кто-то не хочет, чтобы его поняли, хорошо, если разберете одно-два слова. Она слушала с недоверием на лице, которое перешло в гнев. Ответила коротко и резко. Парень заговорил снова. Теперь она произнесла что-то очень тихо.

— А как относилась к нему Долорес? — спросил я.

— С любовью, — с большим достоинством ответила бывшая Эмпер. — Как она еще может относиться к собственному отцу?

Прикусив губу и покосившись на сына, спросила:

— Кто-нибудь знает, что вы поехали ко мне?

Такой вопрос — как сигнальная лампочка тревоги. Задала его очень неумело, ясно было, что этого потребовал сын. И вообще, все события развивались до сих пор абсолютно бессмысленно. Убийство — не игра для любителей, для внебрачной служанки и ее сводных братьев. Пока я осмысливал все это, мой ответ запоздал:

— Меня направил сюда шериф Бакльберри.

Запоздалый ответ прозвучал неестественно и фальшиво, как и ее вопрос. Промедление на-

казуемо.

Изабелл, сообразив, в чем дело, бросилась мне на выручку:

— Да, шериф знает, что мы отправились сюда.

Почувствовав за спиной движение, я огляделся и увидел, что парни удалились. Ощутил холод в затылке. Женщина казалась очень расстроенной. Я был уверен, что ко всей истории она не имеет никакого отношения.

— Ваши сыновья живут здесь? — очень вежливо спросил я.

— Что? Нет. Эти двое, Чарли и Пабло — нет. Приехали навестить. Наверно, месяц назад. У них сейчас нет работы, а живут они в Фениксе. Их фамилия Канари — от моего первого мужа. Эту же фамилию мы дали и Долорес. У меня еще три маленьких девочки — их зовут Сосегад. Сеньор Канари умер — такой был благородный человек. Мой теперешний муж — Эстебан Сосегад — до конца своих дней прикован к постели, лежит там, в задней комнате. Его придавило трактором. Слава Богу, у него была страховка, как-нибудь перебьемся. Вот если бы Джас мне что-нибудь оставил, было бы легче. Но раз нет… — Она пожала плечами.

— Письма Джаса хранятся у вас?

Она очнулась от раздумий:

— Что? А-а, конечно.

— Можно мне взглянуть на них?

Женщина молча встала и вышла. Изабелл с тревогой спросила:

— Все в порядке?

— Не знаю. Не волнуйся.

Вдруг из глубины дома раздался крик. И тут же вбежала сеньора Сосегад — как разъяренная львица, по ее смуглому лицу текли слезы.

— Пропали! Все до единого! Пустая шкатулка. Письма, наши фотографии, где мы смеемся и такие счастливые. Снимок Джаса с Долорес на руках! Все пропало! Кто, кто их забрал?

Больше от нее ничего не узнаешь — она была в отчаянии от потери своих сокровищ. Правда, когда мы уходили, нашла в себе силы пожелать доброй ночи. По единственной улице поселка мы вернулись к лавчонке, где по-прежнему горела лампа, но уже никого не было. Таинственная и тревожная тишина царила в неподвижной прохладе спящего поселка. Посадив Изабелл в машину, я скользнул за руль и сжал ее руку.

— Может случиться всякое, — тихо произнес я. — Те двое мне очень не понравились. И тот вопрос не понравился. Давай попробуем унести

ноги побыстрее, так что держись. Если крикну, тут же ложись на пол.

— Х-хо-орошо.

Я завел мотор, развернулся и с места в карьер рванул назад по дороге, по которой ехали сюда. Надо бы зажечь фары, но я раздумал — на этой равнине достаточно света от звезд, усеявших чистое небо. Машина была отличной, я выжимал из нее все возможное. Боялся, что Изабелл ударится в панику, однако она держалась, только лицо покрыла смертельная бледность. Я не сказал ей, что меня тревожило. По правую сторону прямо над дорогой тянулась туманная полоса — при полном безветрии это могла быть только пыль, поднятая машиной, движущейся где-то впереди нас.

Когда по серпантиновым кольцам, петляющим по скалистому холму, я вылетел на вершину и перевалил через нее, мне пришлось затормозить. Довольно далеко впереди стоял грузовик с выключенными фарами, перегораживая дорогу. Изабелл тоже заметила — я почувствовал ее взволнованное дыхание. Выбрали хорошее местечко: по обеим сторонам дороги высились крутые скалы. Я дал задний ход и, высунув голову в боковое окно, следя за дорогой, покатился вниз, назад. Раздался треск, и что-то обожгло локоть

руки, держащейся за руль. Неожиданная атака ошеломила меня: машина налетела на придорожную глыбу, я выровнял руль, но ее тут же занесло на другую сторону, мы чуть не перевернулись, и машина со скрежетом остановилась — задние колеса висели в воздухе.

Схватив Изабелл за руку, я вытащил ее из машины через свою дверь. При свете ярких звезд пологий спуск был виден как на ладошке. Я потащил ее к обочине — к высоким скалистым утесам, отбрасывающим глубокую тень. Девушка тяжело дышала, спотыкалась на высоких каблуках. Укрывшись в тени, прижав ее к себе, я оглянулся. Покидая машину, успел заметить, что смотровое стекло с моей стороны было прострелено, его покрывала паутина трещин, значит, разглядеть что-то с внешней стороны было нельзя. Пусть думают, что мы в машине. Рядом тяжело вздыхала девушка. Вглядевшись в обочину, я увидел четкие следы, оставленные нами в полосе наметенного песка. Нужно немедленно уносить ноги — только по скалам. Нагнувшись, я снял с Изабелл туфли и, обломав каблуки, вернул обратно.

— Попробуй так. Нам нужно смываться.

Она держалась молодцом. Мы петляли между расщелин, стараясь держаться неосвещенных

уголков. Послышался крик одного из них, второй отозвался. Дьявольски близко. Делая круги, чтобы нас не видели ни с дороги, ни из машины, мы добрались до подножия скалы, которую я надеялся одолеть. Приказал Изабелл держаться за мой пояс, не отставая ни на шаг. Карабкаясь почти на четвереньках, мы поднялись по склону пятидесятиметровой скалы. Перевалив через гребень, оказались в большой песчаной ложбине шириной метров десять и около двадцати в длину. При ночном освещении песок казался совершенно белым, а красноватые днем скалы сейчас выглядели черными.

Заглянув через гребень, увидел огоньки их фонариков — разглядывали наши следы на песке. Ничего, на скалистом подъеме их не будет. Наверняка полезут наверх. И в этих краях они чувствуют себя как дома, чего обо мне не скажешь. Они вооружены. К тому же со мной женщина, которая едва дышит. С двух сторон ложбину окружали груды глыб высотой метров десять, но перелезть через них можно. С третьей стороны громоздился голый утес с узкой высокой расщелиной вроде пещеры.

— Делай так, как скажу, — шепнул я Изабелл. Крупными шагами мы прошли по песку к рас-

щелине. Пещерка оказалась довольно глубокой. По дороге я подхватил ветку. Потом, аккуратно ступая по прежним следам, вернулись на старое место. По склону с приличной скоростью карабкались две темные фигуры, несколько раз сверкнул стальной отблеск. Я велел ей добежать до груды валунов, забраться наверх, а сам, двигаясь за ней, быстро заравнивал веткой наши следы. Вот-вот над гребнем покажется голова, а мы все еще на открытом месте.

— Стой! — раздался резкий оклик, и я тоже услышал далекий шум мощного мотора.

Голоса парней Сосегад в безмолвной тишине звучали очень отчетливо.

— Старый Том возвращается домой, — сказал один из них. — Наш грузовик стоит поперек дороги.

— Оставайся здесь — дальше не лезь. Пойду отгоню его.

Благословив в душе старину Тома, я кончил заметать следы и, забросив ветку подальше, вскарабкался наверх. Изабелл притаилась между валунами, громоздящимися бесформенной грудой, словно какой-то великан набрал в горсть сотни этих камушков и высыпал на вершину скал. Здесь были тысячи укрытий. Я затащил ее в

одно из них и приказал сидеть не двигаясь.

— А ты?

— Если мне не повезет, заберись в самую незаметную щель и не вздумай пикнуть. Рано или поздно приедет Бакльберри. Ты должна остаться в живых.

Я прошел по кругу к вершине скалы с расщелиной. Подполз, заглянул вниз, на склоне холма — скорчившаяся темная фигура застыла среди камней с красной точкой сигареты. Я вернулся на прежнее место, точно над впадиной. Отсюда были четко видны наши следы, ведущие к расщелине. Пошарив вокруг, выбрал три камня — острый обломок длиной с полметра и два тяжелых валуна величиною с футбольный мяч. Послышался звук мотора, который скоро затих. Потом сразу заурчал приближающийся грузовик, на минуту остановился -

раздались голоса, и шум мотора стал удаляться в сторону поселка Барнед-Уэлс.

Я не шевелился. Странно все-таки устроен человек. Хотя я был изрядно напуган, мне вдруг стало смешно. Женщина, пещера, бегство и арсенал из смертоносных камней. И это после ста тысяч лет прогресса человечества. Представил себе картину, как тащу Изабелл за волосы. Вероятно,

это считалось бы выражением симпатии.

Выглянуть снова через край скалы я не решился — слишком заметен силуэт на фоне звездного неба. Опять послышался звон металла и тихие голоса. Второй уже приближался к поджидавшему братцу. О чем говорили, не понял. Насколько я разбирался в ситуации, их поведение казалось вполне логичным. Сколько уже раз они заработали электрический стул? Проще убить любознательную парочку, стащить вниз, сунуть в багажник. Машину отбуксируют подальше от этих мест, затолкают в расщелину, завалят камнями и смоются. До рассвета уже будут в постели.

Послышался голос — удивительно близко, совсем рядом:

— Смотри, Пабло, следы ведут прямо в пещеру.

— Как ты думаешь, есть у него оружие?

— Если было бы, он внизу среди скал подстерег бы нас и врезал.

— Он вроде бы парень не промах; как тебе кажется?

— Ладно, кончай! Эй! Эй, ты! Выходи вместе с девчонкой, ничего вам не будет!

Подождали — полное безмолвие.

— Иначе войду сам, буду стрелять!

— Чарли, может, там внутри есть другой выход?

— Давай фонарик. Зайду туда сам.

Я немного отступил от края и, схватив обеими руками острую глыбу, присел на корточки. Подняв камень высоко над головой, нацелился на того, который, согнувшись, светил фонариком в расщелину. Второй, стоявший метрах в трех сзади, реагировал молниеносно — пуля ударилась о камень, который был уже на уровне моей груди, и отлетела в темноту. Почувствовав толчок, я разомкнул руки и откинулся назад, успев подумать, не помешает ли выстрел поразить мою цель. Послышался чмокнувший звук тяжелого удара, словно спелая дыня шмякнулась о цементный пол.

Плотно прижавшись к земле, выждал: он ведь не знает, что промазал. Пусть думает, что попал. Целься он чуть повыше, вмазал бы точно в голову.

Тишину разорвал мучительный стон. И тут же дикие крики:

— Сукин сын проклятый! Ты убил моего брата, разбил ему голову! Теперь сдохнешь сам!

— Проваливай домой, Пабло. Тебе это не по зубам, парень!

На мгновение наступила тишина. Лихорадочно хватая камни, извиваясь среди них, как змея, я швырял их вниз не глядя, стараясь поразить его наугад. Потом отполз метра на три в сторону, заглянул в ложбину: он карабкался по склону вверх. Очередной булыжник, пущенный мною, попал парню в бедро, и он свалился на песок, успев выстрелить. Потом ловко, как кошка, скользнул мимо лежащего тела, став для меня недосягаемым.

— Эй, слышишь меня? — заорал он.

— Вполне.

Переведя дух, он продолжил:

— Я не идиот какой-нибудь — мне ты голову не пробьешь.

— Ну и убирайся отсюда.

— Как бы не так! Пусть только развиднеется, я в твоей шкуре наделаю дырок. Ты же брата моего убил! Теперь знаешь, что тебя ждет, — есть о чем думать всю ночь. Когда утром до тебя доберусь, перед смертью еще увидишь, что я сделаю с твоей женщиной.

— У тебя слишком заметная башка, Пабло. Как у твоего брата.

— Меня ты не подманишь наверх, чтоб опять кидаться камнями. Мне отсюда все видно, а с

той стороны тебе не спуститься. Я-то и в темноте хорошо вижу.

Сначала оба мы орали изо всех сил, но постепенно перебранка становилась спокойнее.

— Кто из вас, из обоих смельчаков, застрелил Мону Йомен? Ты или твой раздрызганный братец?

— Меня не запугаешь. Я ее убил. Точное попадание, согласен? И оружие получше, не то что это. Ты был на очереди, только гильза застряла и спуск заело.

— Надо же, какие умельцы! Ничего до конца довести не могут! Запороли дело, а?

— Теперь увидишь! Хороший конец — делу венец.

— Это вам сестричка подкинула идею? Она вам мозги вправляла?

— Долорес все очень ловко придумала!

— Такая же безмозглая, как и ты, Пабло!

— Ты так думаешь? Долорес нам сказала, что Мона наняла тебя, наверно, для того чтобы прикончить старика. Поэтому пришлось сначала застрелить Мону, но он об этом не должен знать, чтобы не успел изменить завещание. Ты считаешь это глупостью?

— Убивать людей всегда глупость.

— Долорес не глупая. Это она выведала у Моны, как лучше всего избавиться от профессора. Нужно обставить так, будто сбежали оба. Хорошая мысль, верно? От профессора мы узнали, что Мона повезет тебя на дачу. Вот и место выбрали что надо. Слышал бы ты, как он упрашивал, умолял о пощаде. И все три минуты, пока не свалили на него те глыбы, визжал как бешеный.

— Отлично задумано! Светлые головы. Такие же, как ваш покойный дружок Помпа. Или те дурачки, которых вы отправили самолетом в Эль-Пасо. Все вы погорели. Ты такой же покойник, как твой брат, только пока не знаешь об этом!

— Не волнуйся. Все идет нормально. Прихлопну вас обоих, припрячу и на несколько годков испарюсь отсюда. У Долорес есть дошлый адвокат и бумаги на руках, она запросто докажет, что Йомен был ее отцом. Похороню и вас и Чарли. А она станет богатой. Через пару лет заявлюсь и тихонько наведаюсь к ней.

— Она тебя не дождется, Пабло. И богатой ей не бывать. Потому что дала старому мистеру тот черный кофе. Бакльберри выяснит, где достала стрихнин. Наверное, вы принесли. На ранчо его используют против мышей, так ведь?

Звезды бесстрастно смотрели вниз. Где-то

очень далеко завывала собака. Кто-то копал мне могилу.

— Ну ты и ловкач! А кто видел Долорес? Никто!

Однако в голосе его появились оборонительные нотки, выдававшие неуверенность, возможно, и страх.

Не понимаю таких людей. Что это — крестовый поход? Муж, жена, ее любовник, наемный убийца и один из братьев — все мертвы. Что привело в действие эту кровавую карусель? А идиот Пабло старается еще увеличить число трупов от пяти до семи. И если штат захочет осуществить свое представление о справедливости в этих джунглях, семеро превратятся в девять покойников. Во имя чего?

— Пабло.

— Жаль, не могу достать тебя ножом.

— Мне кое-что пришло на ум. Долорес знала, что ее отец Джас. Работала у них, прислуживала ему и Моне. Целые годы. Потом уволилась, вышла замуж. И вдруг ни с того ни с сего… все закрутилось.

— Заткнись, падла! И слава Богу, что закрутилось.

— Она потребовала, чтоб вы помогли?

— Чтобы она разбогатела. Почему бы нет?

— Но ведь Йомен к ней хорошо относился, порядочно, правда?

Он рассмеялся визгливо, издевательски:

— Хорошо, порядочно! Чересчур порядочно! Как раз из-за этого! Сколько такой порядочности можно вытерпеть?

Я видел, что парень уже несет околесицу.

— Где труп Моны?

— Найдется. Его не проглядишь.

— Хочу спросить еще вот о чем. Там, в доме вашей матери, было темно. Вас обоих я плохо разглядел. Но сдается, где-то уже вас видел.

— Нас можно увидеть где угодно, — заявил он с напускной лихостью. — Я тебя там хорошо разглядел в бинокль. С шестикратным увеличением. Каждый волосок виден. При полном безветрии. Пятьсот метров.

— Вы припарковались на улице, где живет сестра. Чуть подальше от ее дома, верно?

— Что ты выдумываешь, дурак?

— Ведь это не имеет значения, Пабло.

Помолчав, он сказал:

— Она тогда была готова убить нас за то, что явились средь бела дня. Чарли хотел рассказать ей, что мы договорились с Помпой, похвастаться, как он управляется с ножом. Она еще всплакну-

ла. Только представить себе: плакала по тому старикану.

Я осторожно пошарил вокруг, нащупал камень, пришедшийся по руке, — тяжелый, его можно швырнуть, как гранату. Вероятность попадания невелика, но все же лучше, чем ничего. Он сидел на подъеме склона, метрах в тридцати от меня. При броске придется привстать, рискуя, что заметит мой силуэт.

Сосчитав до трех, я размахнулся, швырнул первобытное оружие. Мгновенно, как только камень вылетел из рук и я пригнулся, раздался выстрел, и что-то чиркнуло по спине — почувствовал горячее. Реакция у парня что надо. Послышалось, как мой камень стукнулся о скалу и покатился вниз. Он несколько раз окликнул меня, однако я не отзывался, надеясь, что поднимется проверить, попал или нет. Послышались шаги. Приподнявшись над краем скалы, я увидел, что он удаляется по песчаной ложбине к противоположному склону и скоро исчезнет. Нашел себе подходящее место. Если сунемся наружу, окажемся на виду, как тараканы на столе. Значит, он уверен, что другого пути для отхода у нас нет.

Поворачиваясь на четвереньках от края скалы, я вдруг почувствовал теплое прикосновение, от

которого сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Она возникла как призрак — я ощутил ее свежее дыхание.

— Такая стрельба и крики, — шепнула Изабелл.

— Я же сказал, чтобы ты делала только то, что скажу…

— Не надо! Я придумала… может, как-то сумею помочь…

Она выпустила из рук камень. Я оттащил ее от края, и мы затаились. Не стоит дразнить его, чтобы не начал палить наугад. Я рассказал Изабелл, что случилось с одним и куда подевался другой. Большую часть нашего короткого диалога с Пабло она слышала, так как подползла уже достаточно близко.

— Что будем делать? — спросила Изабел.

— Не знаю. Нужно что-то придумать — какую-нибудь неожиданность. Когда настанет утро, он не промахнется.

— А у того, второго, тоже было оружие?

— Этот взял его. Я слышал, как звякнуло, когда забирал пистолет.

Я отослал ее назад, к прежнему укрытию — нагроможденные валунам над ложбиной, где лежал покойник.

Посмотрел вниз на темное тело, распростертое на песке. Подобрался к самому краю и, оттолкнувшись, соскользнул вниз, тут же прижавшись к скале. Пабло, вероятно, утратил бдительность. В чистом пустынном воздухе сильнее флюидов смерти ударил мне в ноздри запах убитого врага.

Я осмотрелся. Рядом со входом в расщелину обнаружил дешевый фонарик, осветил на миг размозженный затылок Чарли. Потом погасил его, привыкая к темноте. С брезгливостью хозяйки, убирающей из огорода дохлую змею, сунул руку в карман тесных брюк. Пригодиться мог только карманный нож и широкий кожаный пояс от промасленных джинсов. Сдерживая отвращение, перевернул труп, чтобы добраться до пряжки.

Осторожно и торопливо взбирался обратно наверх, стараясь скорее отойти подальше от трупа. Нашел Изабелл за валунами. Отойдя подальше, уселся, прислонясь к камням.

— Как ты себя чувствуешь… после того как убил его?

— Глупый вопрос!

— Извини. Просто… странно сидеть с тобой… после этого.

— Ну, скажем, я испытываю разные чувства,

золотко. Капля удовлетворения, потому что у него был пистолет, а у меня — камень, и я распорядился им очень удачно. Затем какая-то печаль из-за никчемности смерти. И пожалуй, немного иронии. Ну а в целом — ощущения, как у мальчишки, убившего воробья.

Она схватила меня за руку.

— Я рада, если это так. Рада, что ты такой искренний, чистосердечный.

— Подожди тут. Пойду посмотреть, что внизу.

Вид открывался неутешительный. Мы находились на крутом, обособленном холме, с почти отвесной, стесанной стороной, как на высоченной, двенадцатиэтажной табуретке, где наверху громоздилась насыпь из валунов. Я разглядел далеко внизу петляющую дорогу. Моя машина возле обочины выглядела как букашка, метрах в пяти-шести от нее стоял грузовик. Казалось, в них можно попасть плевком. Растянувшись, на животе, я внимательно осмотрелся вокруг, но никакого выхода не увидел.

Я вернулся к Изабелл, съежившейся у валуна. Камни уже отдали солнечное тепло, и ночь стала холодной.

Усевшись рядом, я обнял ее одной рукой.

— Как-то нужно его прижать, Из.

— Найти бы место, где он не сможет воспользоваться оружием.

— И откуда не смог бы нас выкурить. И где мы смогли бы что-то придумать.

Двигаясь на четвереньках, как дети, мы стали искать такое место в нашем большом каменном загоне. Изабелл тихонько окликнула меня. Приблизившись, я нашел ее перед треугольным отверстием, образованным двумя огромными глыбами. Она вопросительно смотрела на меня. Просунувшись внутрь, я посветил фонариком — там было просторно. Заполз целиком. На глубине метра площадь основательно расширялась. Это нельзя было назвать пещерой — просто пространство между двумя столкнувшимися глыбами. Дно шло под уклон градусов в тридцать и заканчивалось узким углом под нависшими скалами. В длину укрытие тянулось почти на три метра, и в самой глубине сбоку обнаружилась выемка, где может уместиться один человек, так что, заглянув в пещеру, его не увидишь. Что ж, неплохое укрытие, но в то же время и потенциальная ловушка.

Почти два часа мы готовили свою крепость, причем Изабелл сделала несколько дельных предложений. Она же держала фонарик, пока я

нарезал пояс погибшего на тонкие полосы. Если по вашему следу идет хитрейший и опаснейший охотник, то преследуемая жертва должна готовиться к обороне. Возле укрытия я отыскал ветку упругого, волокнистого дерева толщиною с мое запястье. Очистив, воткнул ее в трещину сбоку от входа — там, где он начинал расширяться. Посредине я прикрепил веревку из переплетенных полосок кожи от пояса Чарли и перекинул через скальный выступ наверху. Теперь, если оборвать натянутую веревку, согнутый шест трахнет посетителя — вот вам первая неожиданность.

Я осторожно прополз ко входу под шестом и уничтожил наши следы, однако не слишком тщательно. Это была другая хитрость. Из веселенького костюмчика Изабелл я заранее вырвал лоскуток и нацепил на скалу у входа. Если он хороший следопыт, а я на это рассчитывал, то заметит его в утреннем свете. Хотя мне не верилось, что он начнет охоту в темноте, на всякий случай заготовил сигнальное устройство: загородил вход еще одной веткой — ему придется ее отбросить, чтобы проникнуть внутрь. А к ветке привязал металлические части от корпуса фонарика — даже при самом осторожном движении раздастся звон.

Еще мы собрали кучку камней подходящей величины, и уж больше ничего не оставалось делать. Без фонарика в пещере царила кромешная тьма. Еще раз обсудив свои действия при его появлении, мы попытались лечь, упираясь ногами в противоположную стену. Я обнял Изабелл — она дрожала от холода. Лежать было неудобно, и через минуту я сменил положение: уселся полулежа, опираясь спиной о скалу, привлек ее к себе на колени и укрыл пиджаком.

— Так лучше? — шепнул я.

— Кажется.

Все еще дрожа, крепче прижалась ко мне, уткнувшись в шею и обхватив руками. От нее пахло ванилью. Было приятно, как от сказочного фильма в детстве. Постепенно дрожь исчезла.

Конечно, ситуация сыграла свою роль. Все ее составные: ночь, смерть, страх, близость, безопасное укрытие. Мужчина и женщина в естественной близости. Это была замороченная прогрессом девица, страшившаяся мужчин, эротики, радостей, надежд, принимая все это за посягательство злых сил на нее. Но теперь надо всем одержал верх страх. Она доверчиво прильнула ко мне, дыша глубоко и спокойно. Однако я понимал, что при малейшем моем дви-

жении все ее комплексы оживут снова. Если бы я сумел притвориться, что близость девушки мне безразлична, ее доверчивость укрепилась бы. Но в тесном объятии во тьме пещеры женское тело влекло, волновало, и мне все труднее было сдерживать растущее физическое желание, хотя я сознавал, что это вспугнет ее. Момент, когда она заметила мое состояние, я почувствовал сразу — почти перестала дышать, напряглась. Но потом, глубоко вздохнув, совершенно расслабилась, ноги безвольно раздвинулись, раскрылись. Рука моя скользнула к бедрам, и они задрожали, словно крылышки бабочки. Дыхание ее участилось. Я отыскал нежный рот, и в первое мгновение ее губы казались такими же покорными и жаждущими, как и тело, но потом ее охватили прежние страхи, она напряглась, отвернула голову и, отталкивая меня, прошептала:

— Нет. Ох, нет.

Я тут же разомкнул объятия и почувствовал, что это ее удивило. Снова заботливо поправил пиджак и, похлопав Изабелл по спине, сказал:

— Из, как только мы отсюда выберемся, если вообще выберемся, и если я опять обниму тебя, достаточно одного слова. Всегда будет достаточно, стоит тебе сказать — нет. И все кончится.

Поэтому говори так не по привычке и не со страху. Скажи, если в самом деле так думаешь: нет. Слух мне пока не изменяет.

Она помолчала, переваривая услышанное.

— Я всегда думала… что мужчина…

— Вроде дикого зверя? Лучше с ними не связываться? Любой мужчина — насильник, да? Детка, все это басни. Встречается, не спорю, пара-другая таких безмозглых парнишек, но мужчины не такие. Конечно, кому приятно получить от ворот поворот. Но силой здесь ничего не добьешься. Только одно словечко — нет. Этого достаточно. И можешь сказать так в любую минуту, пока мы, прости за выражение, не совокупились. И тогда ты вольна поступать как хочешь.

Она содрогнулась.

— Не могу. Просто не могу. — И, помолчав, добавила: — Но догадываюсь, какое это наслаждение. Никогда бы не подумала. Мне казалось, Тревис, очень опасно испытать нечто подобное.

Она широко зевнула, и через несколько минут ее сморил сон.

Глава 14

Я проснулся, вздрогнув, как от удара, и она тут же открыла глаза, устремив взгляд на светлеющее отверстие входа, потом отодвинулась в сторону. Я пополз к отверстию и, проверив за крепленный шест, протиснулся под ним, выглянул из укрытия. Солнце еще не взошло. Сероватый сумрак и красный оттенок огромных скал образовывали какой-то пурпурный свет. Меня охватила неизъяснимая тоска. Какой глупый конец всех моих глупостей! Умереть в пурпуровом краю. Так далеко от сверкающей морской глади и красавиц яхт! Счастье отвернулось от меня. Если пуля ударится в камень вместо моей груди, это будет его прощальным подарком.

Я не говорил Изабелл, чего больше всего опасался, — Пабло может спуститься к грузовику и возвратиться с взрывчаткой и парой детонаторов. Я отложил ветку с металлическими пластинками — наше сигнальное устройство. Оно нам больше не потребуется. Меня так и подмывало выйти наружу, но он мог затаиться рядом и прострелить мне голову. Вытянувшись назад и посмотрев на Изабелл, я приложил палец к губам, и она пони-

мающе кивнула.

Наши приготовления выглядели по-детски. Забились в щель, как зайцы. После сна на камнях ныло все тело. Следующие двадцать минут показались вечностью. Серый сумрак окрасился розовым светом, позолотился восток, когда совсем близко послышался звук задетого ногой камешка. Я ждал, что он станет звать нас, но по-прежнему было тихо. Сквозь щели наверху в нашу пещеру сочился слабый утренний свет.

Вдруг рядом послышались шаги и сдавленные ругательства, а потом — странные звуки. Парень что-то забрасывал камешками и песком. Это нечто бесшумно скользнуло в отверстие и застыло с торчащей головой у самого входа, свернувшись кольцом. Хвост неистово дрожал, издавая характерное стрекотание. Розоватый язычок мелькал в воздухе. Изабелл вскрикнула от ужаса.

Змея была больше метра в длину, толстая, как женское предплечье. Изабелл не пришлось отталкивать — она сама забилась в небольшую выемку в глубине пещеры. Я подхватил дубинку, загораживавшую ночью вход. Кожаная полоска еще держалась, хотя металлические остатки от фонарика уже отвалились.

Гремучая змея не нападает с расстояния больше своей длины, и у нее очень слабое зрение. Я осторожно попятился, на ходу сделав из полоски кожи на дубинке свободную петлю, и нацелился на гадину. Голова ее качалась, но со второго раза ремешок удалось набросить. Когда я уже затягивал петлю и приподнял с земля ядовитую тварь, Сосегад наугад четырежды пальнул в отверстие. Пули вмазали вверх и в боковые скалы. Изабелл они тоже не задели.

Криво улыбаясь, чтобы успокоить Изабелл, я отпрыгнул назад, подтащив яростно дергающуюся в петле змею, и отчаянно застонал. Изабелл вытаращила испуганные глаза, а я издал еще один хриплый вопль, одновременно целясь карманным ножом в кожаную веревку, удерживавшую поперечный шест, который должен был обрушиться на голову Пабло.

Изабелл мгновенно сориентировалась.

— Ты убил его! — завопила она изо всех сил. — Кровопийца проклятый!

Пабло видел, что змеи у входа уже нет, и ползал он отменно. Загребая одной рукой, держа перед собой пистолет, он готов был при малейшем движении стрелять и в змею, и в женщину, и в меня.

Я уже сказал, что полз он мастерски, а я перерезал ремень с опозданием, и освободившийся шест трахнул его не по голове, а по заду, обтянутому тесными джинсами. Он вскрикнул отболи и неожиданности. А меня освободившимся концом ремня хлестнуло по лицу, и я, потеряв равновесие, шлепнулся на четвереньки вместе с ножом и дубинкой со змеей в петле. Изабелл, горя желанием помочь, швырнула камень, шмякнувший меня по колену. Я потянулся к бандиту, стараясь вырвать оружие, но тут же заметил, как выскользнувшая из петли змея молниеносно метнудась к подбородку Пабло. Лицо его побелело, он содрогнулся и растянулся навзничь. Изабелл истерически закричала. Змея, на мгновение застывшая было над мертвецом, скользнула к выходу и исчезла. Изабелл, дергаясь и стуча зубами, бросилась мне на шею.

У грузовичка ключи были оставлены в зажигании. На полпути к автостраде нас встретили две патрульные машины из окружного управления, мчавшиеся в Барнед-Уэлс. Стоя на пыльной дороге, объясняя полицейским, где искать трупы, я заметил, что пурпурные краски местности поблекли. Наш холм высился темным силуэтом в лучах утреннего солнца. Место, где людей засти-

гает смерть, не для нас. Не для Макги, и не теперь. Все позади, как в дурном сне, — удар по спине, свист ремня, бросок Изабелл камнем не по тому месту, и, наконец, ужасная расправа мерзкой гадины.

…В то воскресенье около полудня в кабинет Фреда Бакльберри была доставлена Долорес Эстобар-Канари. Она решительно отказалась от услуг адвоката. Шериф понимал, что вынужден действовать очень осторожно. Долорес была красива, только что вышла замуж, в положении, и ее муж Джон Эстобар подавал надежды как серьезный политический деятель от латиноамериканского населения округа Эсмерелда. Шерифу пришлось согласиться, чтобы он присутствовал в кабинете. Сдерживая гнев, Джонни сидел рядом с женой, нежно держа ее за руку. В помещении было полно народу: Бакльберри, его помощник, стенографист, прокурор округа, адвокат Джаса, супруги Эстобар и я.

Ее невозмутимость и чувство достоинства были поразительны.

— Шериф, судя по всему, эти ужасные преступления совершили Пабло и Карлос. Все мы потрясены, особенно моя мать. Я редко виделась со сводными братьями. Сколько еще повторять?

Я представляю все таким образом: в Фениксе они оказались без средств, явились сюда и решились на убийство, чтобы сделать из меня богачку, а затем потребовать часть наследства Джаса. Я с детских лет знала, что он мой отец. Мона не догадывалась. Да, я прислуживала в их доме, но никакой ненависти не испытывала. Если хотела, могла бы получить образование, он все оплатил бы. Но учеба мне не по нутру. Он со мной был добрым. Я его не любила, но и ненависти, не было. По-своему он был замечательным. Многие мужчины на его месте не стукнули бы палец о палец ради внебрачной дочери.

— Вы знали о письмах, которые хранила ваша мать? — вежливо спросил Бакльберри. — И насчет фотографий?

— Конечно. Их, наверное, забрал кто-то из братьев. Это были настоящие дикари. Бог знает что вообразили. Может, считали, что помогают мне. Такая глупая, бессмысленная затея. Ваши люди, кажется, обыскивают мой дом. Но я даже не представляю, как выглядит стрихнин.

— Но вы навестили Джаса в тот день, когда он умер, верно?

— Да. Я же сама вам сказала. Он позвонил, попросил, чтобы я приехала. Но самого его уже не

было дома. Можете проверить у прислуги.

— Сколько можно спрашивать об одном и том же? — вмешался ее супруг.

— Она ведь не отказывается отвечать, — сдержанно отреагировал шериф. — Однако, Долорес, ситуация выглядит так. Ловкая сообразительная особа могла подойти к боковому тайному входу, и Йомен впустил ее. Налила чашку кофе — хорошо знала его привычки. Отравив хозяина, удалилась, выждала неподалеку, а затем возвратилась, делая вид, будто только что подъехала. И обеспечила себе алиби в глазах прислуги.

— Я должна доказывать, что ни в чем не виновата? — высокомерно спросила Долорес. — Мне казалось, наоборот, вы должны доказывать чью-то вину.

— Как случилось, что ваши братья прекрасно знали об отношениях миссис Йомен и мистера Уэбба?

— Об этом многие знали — они ведь ничего не скрывали. Боже мой, если бПабло и Карлос остались в живых, они бы вам ответили. Я же могу только догадываться. Клянусь, не нужны мне деньги Джаса. Мне хватает того, что мы имеем. И я впервые в жизни по-настоящему счастлива.

— Оставьте наконец ее в покое, — снова вме-

шался Эстобар.

В глазах Бакльберри застыла безнадежность. Если ее не прижать, вывернется без всяких последствий. Даже мне начинало казаться невероятным, чтобы она оказалась замешанной в этой истории. Однако было в ней нечто странное, неестественное. Подчеркнутое самообладание, сдержанность. Я же помню, как она нервничала, выпроваживая меня из своего дома. Кровь и сталь, огонь и гордость. Несчастного Джаса, вероятно, смертельно ненавидела, если уготовила ему такую смерть. Что-то мелькнуло в мыслях. Вот это ее заденет за живое. Пабло в ту ночь, наверное, не лгал. Был уверен, что у меня не будет возможности повторить его слова.

— Разрешите мне сказать? — обратился я к Фреду, и все уставились на меня.

— Пожалуйста.

Я откашлялся, напустив на себя взволнованный и смущенный вид.

— Не знаю, но мне все кажется, Фред, что-то осталось невыясненным. Когда я работал на Джаса, мы не раз пили вместе. И всякое обсуждали. Я ведь мало его знал, но считал порядочным человеком. Дело в том… не знаю даже, как выразиться… не могу поверить, что миссис Эстобар его

дочь, он говорил о ней как… ну вроде она была очередной женщиной в его доме, вы понимаете, что я имею в виду.

Наступила тишина, а потом она на меня кинулась, стараясь выцарапать глаза. Муж, схватив ее за запястья, завел руки за спину. Долорес рвалась ко мне с искаженным, нечеловеческим лицом.

— Да, — прохрипела она, — когда однажды я задержалась у него. Этот мерзкий старик, отец, которого я боготворила. Он пил. И меня заставил пить. А потом я помогла ему лечь в постель. И он меня изнасиловал, негодяй. Не сознавал, кто я. Так напился! Я для него была просто женщиной в постели. А ведь я его любила как своего милого папочку.

Выпрямившись, она повысила голос:

— Он втоптал меня в грязь! Осквернил! О-о, это я написала насчет налогов. И они много раз приходили — я рассказала все, что запомнила, каждый их трюк, о которых они говорили, а я подслушала. Рассказала Моне, чтобы ему передала, чтобы он не знал покоя и корчился, как червяк. Своих братьев я могла подговорить на что угодно. Они-то думали, что из-за денег. Убейте его жену, говорила им, пускай страдает. Я хотела, чтоб сам он жил подольше, но не хватило терпения ждать.

Выпил свою чашку, похлопал меня по щеке и сказал: спасибо, дорогая моя девочка. Что это, по-вашему? Разве это не ужас?! Вас это не убило бы?

Обведя нас затуманенным взглядом, тихо повторила:

— Вас это не убило бы?

Всхлипнув, муж подхватил падающее тело. Никто из нас не смел поднять глаза.

Через десять недель, в воскресный вечер, я лежал, растянувшись на махровом полотенце, на маленьком пляже острова Уэббов. День выдался отличный, чудесный — такие выпадают нечасто. Жаркий, безоблачный, и слабый ветерок лишь сгонял с тела песчаных мух. В тот день мы опять немного поработали в доме. Я почистил трубки в старом керосиновом холодильнике, теперь запах стал меньше. Потом отправились нырять, выловили четыре огромных лангуста, сварили и съели с консервированным маслом, запивая пивом. Дремали на солнышке, плавали, когда становилось жарко, потом вернулись в прохладный старый дом и на большой кровати, принадлежавшей ее родителям, отдавались неспешным и сладким любовным играм, а затем — крепкому сну до самых сумерек.

Я открыл глаза — Изабелл плыла к берегу.

Лунный свет играл в светло-зеленой воде, разрезаемой плавными сильными взмахами ее рук. Встав на ноги, побродила у берега и, сверкая обнаженным телом, откидывая с лица мокрые пряди, направилась ко мне. Никогда не встречал людей, которых загар покрывал бы так быстро; она напоминала индианку-карибу. Днем была похожа на негатив — с белой мазью от солнца на губах. Все тело медово-бронзовое, нигде ни полоски, ни пятнышка.

— Долго же ты плавала, — заметил я.

— Я просто задумалась, милый.

— О чем?

— Ах, обо всем, что случилось с той наивной дурочкой, которая хотела исчезнуть с лица земли. Может, ты еще не забыл ее? Ту, которая жила ради своего обожаемого брата.

— Немного помню. Вспоминаю и девушку, которая всегда говорила «нет».

Она мягко рассмеялась.

— Ах, эта! Так она ведь была чокнутая!

После бесчисленных хлопот, связанных с похоронами, наследством, страховкой, сдачей квартиры, упаковкой багажа, мы отправились на старом седане на восток, проезжая за день несколько километров, выбирая окольные,

малоезженые дороги. Путь от Ливингстона до Форт-Лодердейла занял у нас более двух недель. Она потребовала делить все расходы поровну. И среди ночного стрекота сверчков в номерах мотелей или в старых деревянных домах заброшенных городков я держался так, чтобы она освоилась, и немедленно прекращал всякие попытки, стоило ей хрипло, сдавленно произнести свое «нет». Если бы я настаивал, все вернулось бы к самому началу. Она должна привыкнуть, что всегда так и будет, что решение и выбор неизменно останутся за ней самой. Через какое-то время с нее уже можно было снять пижамную куртку, а спустя несколько ночей — и трусики. Иногда она сидела в старой колымаге расслабленная, с потемневшими голубыми глазами, проводя весь день в полудреме. А в другие дни была натянута, словно струна, болтала, щебетала, смеялась, запрокидывая голову. Я не морочил ей голову дешевыми обещаниями, не сулил райского блаженства, так как знал, что из-за своей дурацкой скованности она всегда придет к половинчатому решению.

В общем, я был на высоте. Благородный рыцарь. Правда, у меня основательно дрожали руки, постоянно не ладилось с желудком, я слишком

много курил, осунулся, казалось, нижняя часть живота была наполнена железным ломом, и при неожиданных звуках подскакивал как ошпаренный, но в остальном я был на высоте.

Ей нужно было самой одержать верх над своим дьяволом. Для нее это было чем-то вроде пропасти, но сознание, что в любой миг можно остановиться, придавало ей смелости, и с каждым разом она подходила все ближе к краю. Одной дождливой ночью в очередном мотеле почва у обрыва рухнула, и она с тихим пронзительным стоном сдалась. Мы оставались там три дня и три ночи. Одежда была неизбежной необходимостью лишь в те краткие моменты, когда мы спускались поесть. На еду мы набрасывались с прожорливостью барракуд. Затем, крепко переплетая объятия, погружались в невинный сон, напоминающий детство. Глядя друг на друга, часто ни с того ни с сего заливались смехом. Ссоры всегда кончались ласками, любовной игрой и ее апофеозом.

— …А о теперешней девушке? — спросил я. — О ней ты тоже думала, пока плавала?

— О ней я думаю целыми днями.

Она повернулась ко мне, опираясь на локоть. Лунный свет серебрил ее лоно в глубокой лож-

бинке, очерчивая волшебные линии бедер. Я обвел кончиками пальцев чарующие очертания. Собственно говоря, все можно свести к этим естественным, природным выпуклостям. Все самое важное. Однако ирония, цинизм могут превратить касания в самую дешевую грубость. Все зависит от подхода, отношения.

— И какие выводы сделала?

— Я все свела к одному. Когда худой, шоколадного цвета девчонкой я носилась по этому крошечному острову, мне казалось, он создан для меня. Верила: когда наступит час, жизнь распахнет передо мной свои объятия. Бог знает куда это все подевалось, почему я замкнулась в себе, почему везде видела только зло. Психиатр, наверное, разобрался бы в таком превращении. Но сейчас те чувства вернулись, я снова живу полной жизнью. Конечно, за это я благодарю тебя. Хотя нельзя сказать, что ты всегда был уж такой благородный.

— В самом деле, не был?

Она фыркнула.

— Макги, ты очень умелый и хитрый соблазнитель. Выждал, пока я сама себе вырыла яму. Из человеколюбия? Как бы не так, коварный искуситель. Что, если эта фигура была бы похуже? Или

глаза чуть-чуть косили? Что тогда, милый?

— Н-ну, я разглядел скрытые достоинства, Из. Понимаешь, одни люди от природы способны прекрасно провести хук левой, другие уже появляются на свет с умением ловко забрасывать мяч, а остальные хлопают ушами. Мне же показалось, что, если бы ты как-нибудь…

— Глупости. Ты не можешь говорить серьезно?

— Если хочешь. Не так уж сладко мне пришлось. Но я видел, что тебя пожирает тоска. И почувствовал, что люблю тебя.

— Можно говорить откровенно?

— Пожалуйста, прошу.

— Трев, что-то самое важное во мне — наверное, мое тело, кости и кровь — никогда добровольно не отпустят, всегда будут жаждать тебя, держать любой ценой.

— М-м-м…

— Не бойся, дорогой. Все остальное во мне внушает, что это глупость. Оба мы никогда не станем единым целым. Ни на какой основе. Слишком мы разные. Я отношусь к рассудительному типу характера. В действительности, несмотря на теперешнюю ситуацию, я очень трезвая, спокойная, серьезная женщина. Ты же — очаровательный язычник, мистер Макги. И я глубоко благодарна,

что ты меня довел до состояния язычества. Мне это нужно было, чтоб справиться со всем, что произошло. Чтобы войти в норму. Но такая жизнь нормальна скорее для тебя, мне она, пожалуй, никогда не покажется естественной. Я человек долга. Настоящего долга. Созидающего ценности. Возможно, это пуританская ограниченность, но я не в состоянии уклоняться от этого чувства долга, да и ты, пусть в меньшей степени, но в высоком смысле, не можешь его игнорировать. Ты многое в себе подавляешь, но во имя долга делаешь гораздо больше, чем я.

— Просто у меня больше практики.

— Нет. Причина гораздо глубже. Милый, я тебя поглощаю. Не могу насытиться тобой, как ты, вероятно, заметил. Спасибо тебе. Но я тебя не люблю. Ты, мой друг, открываешь мне особую страну. Только я уже вижу мелкие признаки конца. Ты ведь помышляешь об отъезде. Нет, не говори, когда именно.

— В один прекрасный день.

— Я приду в отчаяние. Выплачу все глаза. Сердце изойдет кровью. Но буду знать — так тому быть.

— Что собираешься делать?

— Не знаю, дорогой. Пока еще думаю… Останусь

здесь. Одна. Моторная лодка по понедельникам будет доставлять из Нассау продукты. Одиночество меня не пугает. Поразмышляю о жизни — спокойно, без лишних волнений. Может, решусь на что-то серьезное, Трев. И найду мужчину, готового жить на мой манер. Где-нибудь. Как-нибудь. Пожалуйста, сейчас я знаю, что мне искать и как. Но ты всегда останешься в моем сердце — ведь знаешь.

— Если тебе что-то понадобится…

— Конечно, дорогой.

Потянувшись всей божественной шоколадной плотью, она широко зевнула.

— Куда пойдем, милый? К тебе или ко мне?

— Помнится, сегодня утром ты сетовала, что твоя единственная зубная щетка лежит у меня в душевой.

— Хорошо.

Схватив ее за руку, я помог ей встать, и мы отправились в воду. Доплыли до уютной бухточки, где на двух якорях покачивалась моя яхта — «Утраченное сокровище». Когда мы с ней добрались до стоянки яхты, Изабелл ни в какую не соглашалась оставаться на яхте с моими многочисленными приятелями, хотя понимала, что к ней отнесутся со всем уважением. Поэтому я два

дня посвятил яхте, чтобы выйти в открытое море. К счастью, прогноз погоды оказался благоприятным, чтобы отважиться пересечь Гольфстрим. У меня стояли два небольших, но надежных дизельмотора, и «Утраченное сокровище» была гораздо больше других яхт приспособлена к плаванию в море. Изабелл начала получать удовольствие от свободного хода в море гораздо позже — когда мы взяли курс к Бимини.

…Сбавив темп, мы ступили на палубу. Я запустил генератор, чтобы включить свет и воду. В просторной душевой кабинке мы быстро помогли друг другу смыть с тела соль, так как запас воды на яхте был ограничен.

Когда позже я любовался ею, пока она чистила зубы, покосившись на меня в зеркале. Изабелл сквозь пену проговорила:

— Что же будет с нею?

Вопрос этот звучал часто и стал для нас неким обрядом. Один и тот же вопрос и такой же ответ. Эта мысль не покидала нас, оставаясь предметом разговоров. Об остальных мы не говорили — о рослой, светловолосой женщине, чье тело нашли в великолепном склепе, который Джас Йомен поставил для своей родни, для себя и своей жены. Не говорили ни о несчастном брате, похороненном

под завалом взорванной скалы, ни о пожилом мужчине, расставшемся с жизнью среди наслаждений и радостей уик-энда, ни о разбитом черепе и скользкой мерзости гремучей змеи.

— Тяжелая ситуация. Суд состоится только после родов. За это время все уляжется. Я думаю, ее оправдают в убийстве второй степени. То есть старого мистера. А об участии в других не хватает доказательств. Надеюсь, она сознается. Чтобы, мне не пришлось являться в суд.

— Сколько ей дадут?

— Наверно, лет десять, а потом пожизненный надзор.

Вздохнув, она посмотрела на меня и, вновь склонясь над раковиной, продолжала чистить зубы. Это были наши злые духи, но жизнь с ними приобретала какую-то сладость, ибо они напоминали, что жизнь вообще случайный кратковременный дар. А если жизнь сладка, то любовь страшна.

Когда позже она вздохнула и погрузилась в свой уютный покойный, глубокий сон (это был знак: все, что она могла предложить, уже отдано), я вышел из каюты и выбрался на палубу, где голышом распрямился под биллионами звезд. Может, виной всему наш разговор. Но сегодняш-

ние ласки впервые обрели горький привкус неминуемой разлуки. И в дальнейшем привкус станет все более явным.

Возможно, перед отъездом я скажу Изабелл — во всяком случае попытаюсь, — как она по-своему изменила меня. В Эсмерелду приехал совсем другой человек, с испорченными нервами, преследуемый чувством вины, угрызениями совести; был уверен, что до самой смерти останется одиноким бойцом. Теперь его мучила совесть. В этой истории — нет. Угрызения — крайняя степень самообмана.

А пока в безмолвном свете звезд я немного поразмышлял о том старом мистере. О старом Джаспере Йомене. Он мучился действительно страшной виной, тем нестерпимым стремлением к самоуничтожению, которое отвергается всем миром. Может, он умирал с радостью и, возможно, понимал, что убила его Долорес. Может, приветствовал суровую кару от ее руки. Может, в минуты, когда приходил в сознание, он намеренно сдерживался, не называл ни ее имени, ни как она это совершила. Что-то хотел искупить, но знал, что никогда не искупит всего. Вот и я не сумею всего исправить. И наверное, ты тоже, мой друг.

Цена убийства

Пролог

Прошу внимания всех членов комиссии. Позвольте восстановить физические детали первого убийства.

Он стоял метрах в трех от нее. Нам известно, что она, обернувшись, выдернула ящик с ножами. Однако убийца бросился на нее, прежде чем она успела достать нож, правой рукой сжал ее шею сзади. Точно не знаем, что делал левой рукой, возможно, держал ее за талию, но скорее всего, схватил заднюю часть… мм… платья в области таза. Затем, господа, поднял ее и со страшной силой ударил лицом об угол плиты.

Предполагаю три рентгеновских снимка черепа и две фотографии трупа, свидетельствующие о телесных повреждениях. При тщательном исследовании переломов и ран на лице можно с одинаковой уверенностью утверждать, что он ударил ею не менее пятнадцати раз, или, что ударов было только два. Уже после первого она потеряла сознание, а может, и умерла. Ее вес составлял пятьдесят два килограмма. Если предположить, что каждый удар занял две секунды, напрашивается вывод: этим мертвым,

бесчувственным телом он слепо бил об угол плиты целую минуту. Не свидетельствует ли это о безумии?

А теперь прошу тишины. В течение этой минуты представьте себе всю картину убийства. Итак!

1
Ли Бронсон

В арендуемом особнячке на Аркадия-стрит, 1024 в жаркий октябряский день, в субботу пополудни Ли Бронсон, вытащив на крытую веранду столик для бриджа, проверял сочинения по английскому языку, написанные на уроке в пятницу сорока учениками 2А класса.

Сидел он в плетеном кресле, одетый в легкую рубашку, мятые брюки цвета хаки, на ногах — старые теннисные туфли. Веранда располагалась по фасаду дома, и от взглядов прохожих ее скрывала густая стена зелени. Вдоль Аркадия-стрит росли высокие деревья, их корни вспучивали асфальт на тротуаре, и по нему кое-где змеились трещины. Ветви простирались почти до середины улицы, отбрасывая летом прохладную тень на газоны перед деревянными особнячками.

Отрываясь от работы, он мог наблюдать часть тротуара и улицы. Слышал доносившийся уличный шум: урчание моторов, визг и шорох покрышек, фырканье маленькой девчушки и стрекот газонокосилки из дома напротив.

Ли Бронсону было двадцать девять лет — высокий, широкоплечий, со стройным торсом, могучими жгутами мышц, соединяющих шею с плечами, узкий в бедрах и с тонкой талией. Держался прямо, двигался легко и быстро. Коротко подстриженные каштановые волосы, спокойные, чуть близорукие серые глаза. Несмотря на сухие, решительные черты выражение его лица обычно было спокойным, терпеливым, с налетом смутной печали, а в минуты веселья уголки губ горько опускались. Очки в черной оправе, которыми он пользовался при чтении, делали его похожим на ученого. Уже третий год он преподавал в Брунтонском колледже, в соответствии с контрактом вел английский язык и физкультуру. Кроме того, выполнял обязанности помощника тренера по легкой атлетике, относясь к ним чрезвычайно серьезно, поэтому и сам был в прекрасной форме.

Работа с детьми ему нравилась — давала ощущение твердой жизненной цели. Он с удовольствием наблюдал, как растут и меняются дети, чувствуя и себя причастным к этим переменам. В минуты уныния вынужден был признаваться себе, что без радости, доставляемой работой, жизнь его стала бы невыносимой. В такие минуты он четко сознавал, в какой капкан так слепо угодил

— в надушенную ловушку. Шелковую, опутывающую, как паутина, удушливую. В ловушку по имени Люсиль.

Он взял следующее сочинение. Класс был новый, он пока еще привыкал связывать фамилию с внешностью. Джилл Гроссман. Забавная пугливая мышка, почти альбиноска с прыщавым личиком, в очках с голубой оправой. Но ее сочинение свидетельствовало о таланте. Он с удовольствием предложит ей посещать внеклассные занятия, которые проводил у себя дома с некоторыми учениками.

Однако в этом году Люсиль переносила такие домашние встречи с еще большим трудом, чем в прошлом. Она считала бессмыслицей все, что человек делал бесплатно, для собственного удовольствия. В такие вечера Люсиль ускользала в кино.

Поставив оценку за сочинение Джилл и приписав рецензию, в которой предостерегал ее от чрезмерной цветистости и педантичности, взглянул на часы — уже четыре. Возможно, Люсиль не забудет купить упаковку с холодным пивом, о чем он ее попросил. Хотя вряд ли. Был уверен, что принесет с собой нечто иное — вечные попреки: как это противно — вместе с Рут, ее лучшей подру-

гой ходить на общественный пляж, а ведь вполне можно стать членами Гроун-Ридж-клуба — он же совсем недорогой, и попасть туда легко — там прекрасный бассейн, вечером вода подсвечивается; она сможет брать с собой Рут, и всю зиму было бы куда ходить на танцы. А они отказываются от членства в клубе, конечно же, потому, что он ее не любит — единственное объяснение.

Муж воспринимал ее такой, какая есть: растолковать Люсиль, что такое хозяйственные расчеты, было попросту невозможно — от цифр ей становилось скучно. Любая попытка разъяснить ей их финансовое положение неизменно превращалась в повод начать все сначала.

— Раз мы настолько бедны, что не можем вступить ни в один, даже самый дешевый клуб, почему не напишешь новую книгу и не заработаешь какие-нибудь деньги? Ты ведь уже написал книгу, разве нет? Можно писать для телевидения, или кино, или для крупных журналов, так ведь? Если бы ты не таскал сюда этих чокнутых детишек, мог бы сочинять и зарабатывать, чтобы мы жили лучше. Но ты не хочешь, чтобы у меня были красивые вещи. Ведь правда? Тебе на это просто наплевать.

Бесполезно объяснять, что его единственная

книга потребовала целого года творческого труда и принесла ему «Фантастический» аванс в двести пятьдесят долларов и «огромную» сумму в сто восемьдесят долларов и тридцать четыре цента после окончательных расчетов. Бесполезно пытаться говорить, что нет у нее бог весть каких достоинств, ради которых он поменял бы нынешнюю среду на ту, о которой мечтала Люсиль. Его творческие тылы представляли дети. Правда, ухаживая за Люсиль, сам слишком часто подчеркивал — он *писатель*. Вот и дал ей в руки оружие, которым она неустанно пользуется.

Он как раз собирался проверить последнюю письменную работу, когда кто-то застучал в раму затянутой сеткой двери слишком сильно, раздраженно и нетерпеливо. Со своего места Ли увидел только вздувшиеся на коленях серые брюки и кусок белой рубашки.

Пока он, отодвинув стул, собирался встать, дверь распахнулась и посетитель вошел — коренастый мужчина, толстый, но с худым лицом и впалыми скулами, что странно не вязалось с объемистым туловищем. Фетровая коричневая шляпа с залоснившейся от пота ленточкой сдвинута на затылок. Грушевидный нос прочерчивала сеть красных прожилок, резко выделявшихся

на синевато-бледном лице. Вокруг маленьких голубых глазок — отеки и темные пятна. Через согнутую левую руку перекинут снятый пиджак. Левая кисть в белой грязной перчатке явно была протезом. Массивные черные туфли покрыты пылью, а походка тяжелая, неуклюжая.

Это мог быть пронырливый коммивояжер-неудачник. Или тип, болтающийся по барам, затевая задиристые, неумные споры. Но тревожный звоночек в подсознании, сопровождавший его с детства, зазвучал в полную силу. Подавив тревогу, Ли сухо спросил:

— Что вам угодно?

— Вы Бронсон?

Ли кивнул. Мужчина, вытащив и раскрыв бумажник, поднес удостоверение:

— Кифли. Из отдела по надзору.

Усевшись без приглашения в плетеное кресло, отдышался и, сдвинув шляпу еще На сантиметр дальше, сообщил:

— Каждый день обещают, что станет прохладней. Что последняя волна жары вот-вот схлынет. А все по-прежнему.

— Вы пришли из-за Дэна?

Кифли посмотрел на него с жесткой, ленивой снисходительностью, под которой скрывалась

циничная насмешка:

— Из-за кого ж еще? В этой семейке есть еще одна черная овца? Может, я что-то упустил?

— Я думал, он на попечении Ричардсона…

— Ага, был у Рича, теперь — под моим надзором. Так-то, Бронсон. Еще четыре месяца назад, до несчастья с рукой, я был полицейским. Один несовершеннолетний сопляк, стащив у брата военную сорокапятку, решил ограбить магазин самообслуживания. Только подвернулся счастливчик Кифли, схлопотал пулю в руку, и ее так раздраконило, что уж никто не смог спасти. Возможно, вы читали об этом.

— Кажется, вспоминаю. Того парня вы убили, да?

— Получил от суда оправдание, новый стол в отделе по надзору и протез. Раз я был полицейским, мне передали самые трудные случаи. Так я и получил под надзор вашего брата Дэнни. Когда вы видели его в последний раз?

— Мне нужно подумать, мистер Кифли. Я приехал сюда после того, как выпустили под условный надзор. Было это в мае нынешнего года. А потом мы виделись дважды. Последний раз в июле, могу назвать точную дату — двадцать пятого.

— Откуда такая точность?

— Он пришел на другой день после моего дня рождения — принес подарок.

— Что за подарок? Дорогой?

— Кожаный пенал с ручкой, карандашом и ластиками.

— Мне нужно посмотреть.

— Он в колледже, в моем кабинете.

— Как вы думаете, сколько стоил?

— Долларов тридцать.

— Что говорил о своих делах?

— Не много. Может, я смогу скорее помочь, если вы объясните, в чем дело?

Вытащив из кармана рубашки сигарету, Кифли приложил спичку к коробку и одной рукой зажег ее.

— Ловко? Научила меня сиделка в больнице.

— Отлично.

— Я могу удержать спички и в искусственной руке. Видите? Только так дольше. Вернемся к Дэнни. Вы бы его стали покрывать, а?

Ли смотрел на ленивую, хитрую ухмылку Кифли.

— Мой ответ имеет значение?

— Возможно.

— Я не в силах доказать, что не покрывал. Вы говорили с мистером Ричардсоном?

— Наболтал кучу чепухи — любит красивые слова. Все социальные служащие обожают высокие фразы. Но вы, Дэнни и я родом из Синка, знаем что почем. Нам не нужны красивые фразы, так?

Синк — так называли тридцать городских кварталов в Хэнкоке. Когда-то Бруктон был самостоятельным городком возле Хэнкока. Но город у озера, преуспевая, разрастался и поглотил Бруктон. Синк был самой старой частью города, он строился еще тогда, когда Хэнкок был маленькой оживленной пристанью у озера. Истоки такого наименования района города уже давно забылись. Эти тридцать блоков были зажаты в долине между старыми доками, складами и железнодорожными депо. Здесь рождались и подрастали самые отчаянные уголовники Хэнкока. Потом появился новый проект, бедняцкие кварталы сравняли с землей, и от былого Синка осталась лишь узкая полоска домов.

— Наше детство там не назовешь легким, — заметил Ли.

Кифли, соглашаясь кивком, спросил:

— Вас было только двое братьев?

— Да, Дэнни и я. Он на три года старше. Моему отцу принадлежала половина паровой баржи. Умер, когда мне не исполнилось года.

Кифли осклабился.

— Был в дымину пьян и свалился в воду между доком и баржей с рудой. Ему стукнуло тридцать девять, а вашей матери тогда было двадцать три. В девицах ее звали Элвит Шарон, ее родители держали охотничий домик в северном Висконсине; ваш отец познакомился с ней, когда там охотился, и удрал с невестой. После смерти Джерри Бронсона вышла замуж за Руди Фернандеса. Бронсон не оставил ей ни цента. Руди был рабочим на пристани и постоянно ввязывался в драки. Сразу после женитьбы его избили до полусмерти. Тогда они перебрались в Синк. Когда Руди очухался и взялся за прежние штучки, его прихлопнули. Все это есть в досье. Потом Элвит связалась со слюнтяем по имени Каули, однако о регистрации брака нигде нет ни строчки. Когда вам было двенадцать, а Дэнни — пятнадцать, Каули умер от сердечного приступа. Втроем вы жили в третьеразрядной конуре на Ривер-стрит, 1214, на третьем этаже. Элвит на полставки работала официантской, а на полную была пьяницей. И вы, парни, тащили домой деньги, по крайней мере столько, чтоб удержаться на плаву.

Опустив глаза на свою правую руку, Ли сжал ее в кулак.

— Пожалуй, вы изучили нашу биографию досконально, Кифли.

— По картотеке тех самых социальных служащих, парень. Они обязаны знать, почему юноша вроде Дэнни не может… поладить с действительностью. Но там, внизу, это выглядело слишком реально, так ведь? Дэнни бросил школу в шестнадцать, начал зашибать у Ника Бухарда. Когда ему было девятнадцать, приносил достаточно денег, чтобы Элвит вообще не работала. Я уже тогда к нему приглядывался — ловкий был бездельник. Всем этим социальным служащим я мог бы сразу сказать, что его ждет.

— Он был старший. Я думал…

— Хватался за все, где можно было быстро заработать. Именно у Ника, большого босса, — Кифли хихикнул. — Ник хорошо позаботился о парнях Бронсона.

— Обо мне — нет. Я с ним не имел ничего общего.

Кифли удивленно раскрыл глаза:

— Разве? Тогда вы учились в школе, считались самым известным спортсменом. Я думаю, когда Дэнни подзалетел в первый раз и его на два с половиной года упекли в холодок за угон автомашин, Ник каждую неделю посылал вам деньги.

— Посылал. По договоренности между ним и Дэнни. Я с этим не имел ничего общего. С Ником я говорил. Он… хотел вытащить меня из Синка.

— Помогал вам просто по доброте? На вас завели дело, парень. Нападение. Обвинение сняли — адвокаты Ника постарались.

— Никакого нападения не было, мистер Кифли. По ночам я подрабатывал на складе универмага колониальных товаров. Когда я однажды возвращался домой с работы, меня задержали. Ободрал костяшки пальцев об ящик, а тогда как раз разыскивали ребят, разгромивших гриль-бар.

— Звучит разумно, — спокойно сказал Кифли.

Ли бросил на него резкий взгляд — тот держался спокойно, вроде бы сонно, почти приветливо.

— Ник Бухард был не такой уж плохой человек, — заметил Ли.

— Еще бы, черт побери. Помог вам кончить школу. Ясно, не был плохим.

— Все немного не так, как вы изобразили, мистер Кифли. Я получал стипендию за футбол. И Дэнни иногда присылал кое-что. Ник тоже посылал иногда двадцать, иногда пятьдесят долларов, и всегда с письмом, чтобы я истратил на развлечения. Думаю, что он… что я ему нравился. Первые два года я успешно играл в футбол. Потом

ухудшилось зрение, меня поставили в защитники, затем я получил травму.

— Говорите, я не прав? Тогда скажите мне, что случилось с вашей матерью. Расскажите сами.

— Это имеет значение?

— Расскажите, давайте, парень. Своими словами — это же ваша профессия.

— Что ж, было это, когда я учился на втором курсе в университете. В декабре. За год до этого Дэнни увез ее из Синка, снял другое жилье. А тогда она вернулась… навестить старых друзей. Ночь была холодная. Она много выпила, упала в аллее, и когда ее нашли, было уже поздно. Я ездил на похороны.

Кифли кивнул.

— В деле записано так же, парень. А на следующий год Ник сбрендил, решил прикрыть синдикат, они его и прикончили, однако так, чтобы выглядело все как самоубийство. Потом появился Кеннеди, и боссом стал он. Ему показалось, что Дэнни чересчур сочувствовал Нику, в результате братик ваш загремел второй раз в тюрягу.

— За то, чего он не сделал.

— Это вы говорите. И не забудьте, парень, за то, что он сделал.

Бросив сигарету на пол веранды, Кифли растер ее туфлей.

— Для обоих бронсоновских ребят было бы лучше, если бы Ник оказался умнее и удержался в седле.

— Не понимаю, что изменилось бы для меня.

— Ну как же! Ведь он хотел помочь вам выбраться из Синка. И помогал, пока вы не кончили колледж.

— Допускаю, Дэнни это было не по душе. Но после школы я вовсе не стал футбольным громилой, который хочет служить у Ника или ему подобных. Я окончил колледж с хорошими результатами.

— Знаю, знаю, — со скукой оборвал его Кифли. — Потом вас ранили и наградили в Корее, а когда вернулись, за счет армии кончили Колумбийский университет. Понимаю, вам повезло.

Однако Ли знал, что поступал так, как считал необходимым он сам. После курса лечения в Японии его отправили на санитарном судне домой, и он пришел в себя, когда встали на якорь в Сан-Франциско. Принял твердое решение уйти из армии. Записался в Колумбийский университет й, одолев тяжелейшие препятствия студенческой судьбы, получил диплом.

Именно тогда он порвал все свои рассказы и наброски романа. Написал более семидесяти страниц совершенно новой вещи. У него было триста долларов. В посредническом агентстве ему сообщили, что в Бруктонском колледже есть вакансия — место учителя. Отправившись туда для переговоров, он подписал контракт. Летом до начала учебного года, работал в дорожном строительстве, чтобы войти в форму. Через неделю изнурительной работы стал привыкать и смог продолжать писать книгу. Строительная фирма вела новую ветку шоссе в южном Мичигане, с жильем там было туго, и он снял комнату на ферме супругов Дитерих. На ферме жили три их сына, старшая дочь служила в страховой конторе в Бэтл Крик. Во второй половине августа приехала домой в отпуск. Звали ее Люсиль, и ему она показалась очаровательнейшим созданием.

В декабре того года после нескольких поездок в Бэтл Крик в старом «плимуте», купленном специально для этого, когда он проработал достаточно, чтобы удостовериться, что работа ему нравится и он способен выполнять ее хорошо, когда получил 250 долларов аванса за свою книгу, — в фермерской усадьбе Дитерихов на второй день Рождества состоялась его свадьба с

Люсиль. Медовый месяц провели в Нью-Орлеане. Неожиданное свадебное путешествие получилось благодаря подарку Дэнни — прислал пять новеньких шуршащих стодолларовых купюр, завернутых в листок с фирменным знаком отеля. На обертке Дэнни нацарапал: «Развлекайтесь, детки». Он отсутствовал полтора года. Теперь опять возвратился в Хэнкок, и, казалось, дела у него наладились.

Ли Бронсону исполнилось тогда двадцать шесть. Свою работу он полюбил. Правда, жалованье было невелико, но зато вышла его книжка. Станут появляться другие сочинения, и наступит день, когда можно выбирать: учительствовать дальше или нет. У него жена, на которую оглядываются все мужчины. Тогда в декабре жизнь казалась ему сказочной.

Дэнни снова арестовали в марте, как раз когда они с Люсиль сняли дом на Аркадия-стрит и убрались из комнаты тестя, забитой старой мебелью. Ли навестил брата до начала судебного процесса. Дэнни был непривычно угрюм и мрачен. Неделю назад ему минуло тридцать лет, и он с горечью жаловался на жизнь.

— Уже третий раз меня сцапали, и ни разу, Ли, я не сделал того, в чем меня обвиняют. А теперь

хуже некуда. Ты только представь: приехал в город — к Сонни. Сижу в баре, слегка под мухой, но никого не трогаю. Было часа четыре. У меня в баре свидание назначено на пять. Народу никого, пусто, только у стойки сидит парочка — ругаются. Я на них вообще ноль внимания, тяну помаленьку свое пойло. Та бабенка из себя не уродина, вот уж нет. Пьют и грызутся между собой. Вдруг она подходит ко мне, садится, хватает за руку — вроде чтоб я заказал ей выпивку. Мне-то что — заказал. Ты же знаешь, заведение приличное, обслуживание вежливое, никаких скандалов. А тут слезает с табуретки и мужик. Она его в упор не видит, говорить отказывается. А он прямо бандит — моего веса, может, лет на пятнадцать старше. Начинает ее хватать, пожалуй, слишком грубо. Я ему говорю — полегче, приятель, бармен тоже его успокаивает. А ему хоть бы что: трясет меня за плечи, потом как размахнется. Головой я дернул, но он мне врезал прямо по макушке. Черт возьми, не повезло: на черепушке никаких следов от удара. И сейчас больно, но ничего не заметно. С меня хватило. Загнал я его в угол — бац, бац! Сунул раза четыре или пять. После последнего пришлось его поддержать. Но никаких ударов ниже пояса, никаких финтов коленями. Отхлестал

его по-джентльменски, надавал затрещин только по морде, вот он кровью и умылся. Оставил я его валяться, забрал шляпу, прибавил доллар на чай и отвалил. Меня там не очень знают. Но, понимаешь, вернулся к пяти на свидание. Стоило сунуть нос, меня и зацапали. Говорю — недоразумение, где там… Оказывается, нападение. Того индюка зовут Фитч, личность известная — банкир из Детройта, когда приезжает, всегда торчит в этом баре. Говорят, время от времени дает Сонни в долг. Так вот все завязалось, и верят только им троим, они единственные свидетели. Пришел я, оказывается, пьяный, стал приставать к его жене. Он начал возмущаться, и бармен велел мне убираться. Тогда я, значит, избил банкира и смылся. Ну, подпортил я ему циферблат, задал работы дантисту, но ничего больше ведь. Передал все Кеннеди, а тот отступился, говорит, слишком горячо. Может, решили — не стою таких хлопот. И теперь я опять за решеткой. Господи, Ли!

Вот что с ним тогда стряслось. Заработал год плюс десять. Есть такой чудной приговор — после года каталажки выпускают условно под надзор. И все зависит от доброй воли его надзирателя и всего отдела по надзору: легче легкого засунуть его обратно на полных десять лет.

Дэниел Бронсон пробыл в заключении два с половиной года без одного месяца. Сразу после освобождения он приехал к Ли. Теперь это был замкнутый, полный горечи человек. Еще в тюрьме он нашел себе место в транспортной фирме, владелец которой сам в юности отбыл срок и теперь охотно брал на службу бывших заключенных или поднадзорных. Ли поинтересовался: может, он просто хочет одурачить служащих отдела по надзору, подыскал себе ширму, а сам возьмется за старое?

— Ну нет. С меня достаточно, братишка.

— В самом деле?

Дэнни зло усмехнулся:

— Вероятно, по-твоему, поздно? Что ж, жилось мне прекрасно. Но вряд ли теперь захочу снова сесть на хлеб и воду.

Ли помнил, как удивили его новый словарь и безупречное произношение Дэнни, помнил также, что от брата не ускользнуло его удивление. Все еще усмехаясь, он сказал:

— Не удивляйся, братик. Никогда, надеюсь, я не был слюнтяем. А теперь выучился и правильно говорить, и прилично одеваться. Раньше все было о'кэй, пока я не разевал свой глупый рот. На этот раз в Элтоне я времени не терял. Пусть у меня нет

твоих званий и титулов, но теперь меня нелегко одурачить. Занимался английским языком, читал, братишка. Наверно, книжек сто прочел.

— Мне все еще не понятно, что ты задумал.

— Мне тоже — пока. Только на побегушках у Кеннеди я не останусь. Рано или поздно меня посадили бы в четвертый раз и стал бы рецидивистом. Семь с половиной лет из тридцати двух я провел за решеткой. А теперь стану подыскивать что-нибудь приличное, осмотрюсь, пока же буду тянуть лямку у Грэнуолта, получать жалованье. Если Кеннеди вздумается затянуть меня снова, пусть себя не утруждает. Я от их организации, кроме, неприятностей, ничего не имел. Попробую жить своим умом.

Это происходило в мае. Потом он заезжал в июне — все еще работал у Грэнуолта. Но когда они виделись последний раз в июле, положение Дэнни явно изменилось: прибыл в «седане» последнего выпуска — весьма дорогом, благородного серого цвета. Одет был в костюм из искусственной замши, с узким вязаным галстуком, в дорогой рубашке. Ли только что вернулся с занятий на летних курсах, когда Дэнни появился на дорожке, ведущей к дому, с нарядно упакованным свертком под мышкой. Ли еще

подумал тогда: если не знать прошлого Дэнни, его можно принять за молодого преуспевающего коммерсанта. Ростом немного ниже младшего брата, более коренастый, волосы светло-русые, волнистые.

При близком рассмотрении иллюзия рассеивалась. Бросались в глаза и мелкие шрамы на лице, и острый, холодный, жесткий взгляд — от него исходило то ощущение тревоги, которое распространяют вокруг себя опасные личности. Испугавшись, что Дэнни опять попал в историю, Ли засыпал его вопросами. Брат с улыбкой уклонялся от ответов, и Ли с удивлением отметил: он упорно отказывался говорить о своих делах, словно они не отвечали тому образу, который он создавал.

Значит, он все-таки что-то затеял — именно поэтому Кифли явился сюда в такой жаркий день. Посетитель казался спокойным и рассудительным. Однако он упорно пытался объединить Ли и Дэнни в одно целое.

— Послушайте, мистер Кифли. Дэнни пошел по кривой дорожке. И начал очень рано. Может, ему уже и не поможешь — не знаю. Но я-то не ступил на такой путь, и вы не пошли. Мы ведь из Синка выбрались.

Кифли приподнял одну бровь:

— Мы?

— Мы с вами, мистер Кифли.

— Ну-ка, посмотрим. — Он ткнул пальцем в сторону Ли, потом — в свою грудь. — Валите нас в одну кучу? Не выйдет!

— Почему?

— А потому, что я оттуда выбрался сам. Вас же из Синка выкупили. За вонючие деньги вашего двуличного брата и такие же доллары его преступного босса. Если хотите с кем-то сравняться, так скорее с Дэнни — не со мной.

Ли, прежде чем его охватил гнев, был потрясен, ошеломлен страшной, необъяснимой горечью и злобой, прозвучавшей в словах Кифли. Стараясь сдержать возмущение, он произнес:

— У меня создалось странное впечатление, мистер Кифли, что мы занялись воспоминаниями. Сидите у меня на веранде, в купленном мною кресле, стряхивая пыль на пол, который я сам натирал. Вы — служащий из отдела по надзору. Я — учитель в педагогическом заведении штата. Ради Дэнни я держался с вами вежливо. Если у вас есть еще вопросы — спрашивайте. Однако с этой минуты выбирайте выражения и помните, как себя вести.

Кифли долгие секунды молча мерил его тяжелым взглядом. Затем, ухмыльнувшись, сказал:

— С этой минуты… иначе — что?

— Спрашивайте!

— Конечно, только сначала кое-что вам скажу. Мне без конца твердят, что это свободная страна. Меня совершенно не трогает, когда вы тычете мне в нос свою образованность. Абсолютно не трогает. Но в этом мире есть раздел. Забор, понимаете? Я с одной его стороны. А парни Бронсоны — с другой. На вас обоих заведены досье. У него похуже. Буду говорить с вами, как с любым по ту сторону забора. У меня есть право говорить, с кем хочу. И вы будете плясать под мою дудку. А если не затанцуете и я почую — от меня что-то скрываете, зайду в эту вашу школу, сниму шляпу и очень вежливо и очень нудно стану допрашивать о вас. И если после моего ухода там останется хоть кто-то, не знающий, что ваш брат трижды сидел за решеткой, что он оплатил ваше учение ворованными деньгами, — для нас обоих это будет дьявольской неожиданностью. Узнают и то, что брат нарушил условия надзора, скрывается неизвестно где, подкупая вас роскошными подарками. Узнают, что и вас таскали в полицию, подозревали в ограблении и обвинение сняли

потому только, что за дело взялся пронырливый адвокат, работавший у Ника Бухарда. Если после этого от вас не избавятся, будете ходить на допросы, и я позабочусь, чтоб вас вызывали как можно чаще и как раз в часы уроков. Жалованье, полагаю, вам платят за них. Если надеетесь за такое учение по-прежнему получать денежки, что ж, можете дальше болтать о моих выражениях и поведении. Для Джонни Кифли вы — один из парней Бронсонов, а оба они — вонючки. Все!

Ли теперь понял, что гнев для него слишком дорогое удовольствие. Роскошь. Подравнял стопку письменных работ на столике, с огорчением заметив, как трясутся руки. Он сообразил — этот Кифли не совсем нормален и вполне способен выполнить свои угрозы. Только ради ощущения, что сломал налаженную жизнь Ли Бронсона. Возможно, до потери руки он был просто крутым полицейским с умеренными садистскими наклонностями… Ли понимал, что у него нет влиятельных знакомых, не к кому обратиться, чтобы избавиться от Кифли. Оставался единственный выход — изображать покорность, смирение. Унизительное чувство, хотя он внушал себе: только чтоб успокоить безумца.

Покосившись на стопку листков, заговорил

ровным голосом:

— Приехал двадцать пятого июля после полудня. Был прекрасно одет, вероятно, уже не работал у Грэнуолта. Приехал в серой машине, новой, из последних выпусков — может, «додж», может, «плимут». Пробыл с половины четвертого до половины шестого. Мы выпили. Я интересовался его работой. Не сказал. Дал понять, что ушел с прежнего места. Я спросил, знает ли об этом Рич. Ответил, что все улажено. Спрашивал, вернется ли к Кеннеди, ответил, что нет.

— Вот видите, можете быть пай-мальчиком, только все это болтовня. Ведь он ваш брат. Непременно сказал бы, что затевает.

— Могу лишь дать вам слово — ничего не говорил. Моя жена все время была с нами, она подтвердит.

— Где она?

— Должна, прийти с минуты на минуту, немного запаздывает.

— У меня достаточно времени.

— Не рассчитывайте на нее, мистер Кифли. Она не привыкла…

— Вы что, забыли, Бронсон! Я знаю, что делаю. Где сейчас Дэнни?

— Не имею представления.

— Так или иначе, мы его выловим. Нарушил условия надзора — значит, отсидит остальные семь лет и семь месяцев. И ничто на свете его не спасет.

— Одно могу вам сказать: здесь какое-то недоразумение. На него это непохоже, Дэнни умнее.

Кифли презрительно фыркнул:

— У этого паяца нет ума. Кто отсидел три раза, не бывает умным. Вот я — умный. Рич и другие в отделе завалены такими делами. Им приказали передать мне нескольких, самых отпетых. От Рича ваш брат и еще несколько перешли под мой надзор. Рич мне о них нарассказывал — все ведут себя как ангелы. Дэнни Бронсон завязал, с ним никаких проблем, он исправился, в нем проснулась совесть. Пх-хе! Спрашиваю Рича, когда Дэнни должен отмечаться, а тот говорит: регулярно докладывает по телефону. Поинтересовался, проверял ли его на службе, а тот — мол, не хочет доставлять людям неприятности слежкой. А я сперва отправился проверить, где Дэнни живет. Оказывается, из той вшивой дыры уехал в начале июля. Вот уже нарушение: смена места жительства без уведомления и разрешения. И никакого нового адреса! Навестил я тогда Грэнуолта. Да, Бронсон. Работал у нас шесть недель, в конце

июня уволился. А Рич уверен, что по-прежнему служит там. Значит, этот Дэнни хитрец, но, решил я, слишком долго дышит свежим воздухом, придется вернуть его за решетку, чтоб одумался. Походил по городу, порасспрашивал, кто ее видел. Никто. А он тем временем, как положено, позвонил Ричу. Разговор был местный. Я накануне просветил Рича, как этот дошлый вонючка водит его за нос. Может, Рич поплакался ему в трубку или попрекнул бедняжку за то, что подвел приятеля. Телефонный разговор состоялся в прошлый понедельник. Я по-прежнему ищу Дэнни. Теперь он в розыске, есть приказ об аресте. Других своих поднадзорных я привел в чувство. Стоит им меня увидеть, вежливо встают и говорят: «Сэр». Рич и ему подобные слишком нянчатся с ними. Я Дэнни достану. Встанет передо мной на колени, будет скулить, умолять, но вернется в Элтон за нарушение надзора и, клянусь богом, там останется. Твой мудрый братец не имеет крупицы разума, Бронсон.

— Я могу сказать одно, Кифли: честное слово, не знаю, где он.

— *Мистер* Кифли.

— Мистер Кифли.

— Попробуйте еще раз, профессор, и побольше

чувства!

— Мистер Кифли.

— Уже лучше. В последний раз, значит, виделись двадцать пятого июля?

— Именно.

— Повторите еще раз и добавьте «сэр».

— Именно, сэр.

— Делаете успехи, профессор. Вы уверены, что не встречались с тех пор?

— Совершенно уверен… сэр.

— Что это за бумаги у вас, Бронсон?

— Сочинения, сэр. По английскому языку.

Приподнявшись, Кифли потянулся и взял верхнюю работу — сочинение Джилл Гроссман. Секунд двадцать читал его, хмурясь, шевеля губами. Затем пренебрежительно отшвырнул листки на стол.

— Чему вы, черт возьми, их учите? О чем это?

— Боюсь, вы в этом не разберетесь.

— Разные люди разбираются по-разному. Думаете, родители этих детей вас поймут? Или ваша мать? Протоколы свидетельствуют, что она была пьяницей, на полставки — официантка, а еще на полставки — шлюха, которая замерзла на улице в Синке.

Рука Ли лежала на колене, скрытая столеш-

ницей. С недрогнувшим лицом смотрел он на ухмыляющегося Кифли, но пальцы судорожно сжались. Слышал даже звук, с каким кулак врезался бы в наглый оскал, ощутил, как напрягается плечо. Чувствовал — Кифли знает, что с ним творится, четко осознает, как его довести до взрыва. Однако в критический момент он услышал визг тормозящих покрышек и тяжелый толчок — именно так, по-сумасшедшему, останавливала машину на подъездной дорожке Люсиль.

— Ваша жена? — спросил Кифли. Ли ограничился кивком, боясь, что голос откажется повиноваться. Кифли развалился в кресле. Ли почувствовал слабость и дурноту от напряжения. Прозвучал приказ «гостя»:

— Оставайтесь на месте, профессор. Она сама сюда придет, так ведь?

— Да, придет сюда.

— А дальше? Учитесь говорить.

— Сэр.

Было слышно, как Люсиль вошла, как стучат по полу деревянные подошвы, а затем ковер заглушает шаги. Появилась на веранде, капризно выговаривая:

— Дорогой, ты должен что-то сделать с машиной. Когда я остановилась, чтобы высадить Рут,

мотор заглох, и я…

Заметив Кифли, она осеклась. Пронзив гостя быстрым, испытующим взглядом, мгновенно пришла к выводу, что он не представляет интереса. На лице Люсиль появилось выражение высокомерия и безразличия, предназначенное любому, кого она относила к людям второго сорта.

— Люсиль, это мистер Кифли. Из отдела по надзору — Дэнни его подопечный.

Безразличие исчезло с ее лица, уступив место любопытству и настороженности.

— Добрый день, — вежливо произнесла она.

— Привет, Люсиль, — отозвался Кифли, без всякой вежливости оставаясь сидеть.

Пройдя мимо них, Люсиль уселась на перила веранды, вытянув и скрестив длинные, гладкие ноги. На ней был темно-голубой купальник, бледно-голубой пляжный халатик из фроте, деревянные подошвы босоножек держались на узких белых ремешках. Руки глубоко засунуты в карманы короткого халатика, распахнутого у ворота. Волосы цвета темной меди старых монет были тщательно уложены в кудри не крупнее тех монет, они создавали ореол воодушевления и отваги, как у римского юноши. У Ли мелькнула

мысль, что за три года супружества она почти не изменилась. Красивое личико сохранило детскую мягкость, большие голубые глаза не поблекли, нос задорно вздернут, губы полные, мелковатые зубы безукоризненно белые. Точно такая же, как три года назад, — одна из самых заметных женщин, каких он встречал. Безмятежная жизнь сохранила нежную шелковистость кожи. Длинные ноги демонстрировали плавность линий, мягкие выпуклости и впадинки, которые у других женщин лишь обозначены, у нее бросались в глаза.

А вот руки она старалась спрятать — маленькие, с пухлыми, короткопалыми ладошками и глубоко вросшими, некрасивыми ногтями.

Люсиль отлично загорела, казалось, золотистый блеск проступает изнутри, сквозь кожу. Голубоватые белки глаз сияли отменным здоровьем. И все же кое-что изменилось. Узкая талия уже не представляла разительного контраста с нежной полнотой бедер: в поясе уже наметился тонкий слой жира. Располневший подбородок подчеркивал невыразительность лица. Округлая, высокая грудь чуть великовата, уже не так упруга. А вокруг рта обозначились скобками капризные морщинки.

Вспомнилось, как однажды в мае она заходила к нему в школу, но они разминулись, и ему пришлось догонять ушедшую Люсиль — она передвигалась короткими, быстрыми шажками, виляя бедрами, обтянутыми красным платьем. Обогнав двух парней, наступавших ей на пятки, он услышал жадный, сдавленный возглас: «Ух ты черт! Она же прямо для этого создана!»

Те слова запали в душу, ибо — как ни странно — подтверждали, что он сам себя одурачил. Люсиль с самого начала была сплошным обманом. Ослепленный очаровательным личиком и фигуркой, он наделял ее всем, что надеялся в ней найти. Взгляд широко расставленных глаз излучал честность. Ее фермерское детство и служба в страховой конторе свидетельствовали об энергии и чувстве собственного достоинства. Даже в ее банальнейших замечаниях он усматривал мудрость. Ее неутолимый сексуальный голод не мог быть ничем иным, как только любовью.

Не хотелось верить, что такое совершенное лицо и тело наделены столь убогой мыслью. Убеждал себя — это окружение лишило ее возможностей роста. Его речи она слушала с сияющими глазами, заинтересованно и с тем вниманием, которое могло быть вызвано только

врожденной интеллигентностью и тонкостью, не имевшей пока условий для развития. Но Ли поможет ей расти, совершенствоваться и найдет в этом радость.

Он был упрям, и потребовался целый год, чтобы осознать совершенно четко, какое безнадежное дело он затеял. Первенец и единственная дочь Дитерихов, она была безобразно избалована. Всегда считалась особенной — прекрасный младенец, очаровательный ребенок, красивая девочка. В среде, где красота так высоко ценится, этого было достаточно, чтобы ее лелеяли и обожали. Она уверилась, что представляет собой особую ценность и должна получить все лучшее в жизни. Родители предоставили ей все, что имели. Работы по дому она не знала — не застилала даже собственную постель, не убирала комнату. В школе была посредственностью в кучке одноклассников без интеллектуальных запросов. Зато в мечтах видела себя известной актрисой, певицей или кинозвездой, не предпринимая, однако, ни малейших усилий для их воплощения.

В конце концов даже работа в конторе была тоже каким-то обманом. Школу она бросила в предпоследнем классе, и два следующих года бездельничала: вставая за полдень, мыла волосы,

слонялась по дому в ожидании сумерек, когда внизу засигналит заехавшая за ней машина и доставит на вечеринку. Скука выгнала ее наконец в Бэтл Крик. После шестинедельных курсов в коммерческой школе, отнюдь не обремененная знаниями, она поступила в контору к дяде, брату матери, главному управляющему одной фирмы. Ли помнил многозначительное замечание дяди Роджа; «Люсиль стала украшением всей конторы». Затем с усмешкой добавил: «Парни увиливают от поездок по штату, у меня появились новые заботы. Но если нужно кого-то заставить раскошелиться, достаточно поручить Люсиль».

Последней иллюзией, с которой он расстался, стала мечта о любви. Не в пример многим красивым женщинам, Люсиль отличалась темпераментом, ненасытной сексуальностью. Но преследовала при этом единственную цель — собственное удовлетворение. Он для нее был всего лишь удобным инструментом для совокупления, но никак не партнером. Она охотно употребляла неизбежные выражения из словаря влюбленных, но произносила их автоматически, бездумно, как затверженный урок.

Ли понимал, что как человек он в ее глазах ничего не значит, хотя для нее, собственно, никто

ничего не значил. Жила исключительно для себя, и любой, кто оказывался в орбите жизни Люсиль, воспринимался лишь как предмет из воздвигнутой ею оранжереи. Если «предмет» соответствовал ее представлению о себе, принимала. В противном случае — просто игнорировала.

Оказалась неумелой хозяйкой, скверной и ленивой кулинаркой без фантазии. Ли в конце концов вынужден был признать, что она глупа, ленива, бесчувственна, жадна, легкомысленна и удивительно груба. Надеялся, что с появлением ребенка Люсиль изменится, но когда выяснилось, что детей не будет, одновременно с чувством вины испытал облегчение. Жил с ней рядом без радости, как и она с ним. Но о разводе не помышлял, чувствуя себя ответственным за жену. И представляя, какой она станет лет через двадцать — толстой, расплывшейся, сварливой — ощущал тяжесть в груди и сердечный спазм. Ясно было, что Люсиль может помешать и его карьере, хотя сейчас это не так уж важно. На торжественных празднествах в колледже ею восхищались, как игрушкой, а если она раскрывала рот, изрекая пустяки и пошлость, предпочитали называть это остроумием. Люсиль — жена-куколка.

Особенно угнетало то, что ей удалось убить в

нем желание писать новый роман — все попытки кончились крахом. Претило ему даже сознание, что она дома, раздражали безразличная скука на лице, недовольные, многозначительные вздохи — чувствовала себя обманутой, считая, что живут слишком бедно. Люсиль не знала цены деньгам и не умела с ними обращаться, но была уверена, что ей следовало тратить гораздо больше, чем он приносил в дом. Ее желания были детские: сверкающая машина, членство в клубе, норковая шуба, путешествия, платья, прислуга на целый день и настоящие изумруды. Ничего подобного Ли, разумеется, не мог ей предоставить, значит, он ее обманул. И ее семейству тоже казалось, что Ли — обманщик.

Не имея возможности заняться тем, о чем мечтал, Ли заполнял свободное время внеурочной работой. С радостью брал на себя любые обязательства, чтобы избежать бесконечных вечеров, когда они поглощали очередную мороженую гадость, купленную в кулинарии, — так называемый «телеужин», и он пытался читать в маленькой полутемной гостиной, пока Люсиль жила в вымышленном мире голубого экрана.

Супружество превратилось в постоянное вооруженное перемирие. Где-то в глубине души тлела

надежда, что Люсиль по глупости или со скуки впутается в какую-нибудь отчаянную историю, которая избавит его от обязательств, и он вздохнет спокойно. Однако, хотя он и подозревал, что дома лишь очень немногие из ее смазливых знакомых не вкусили с ней плотских утех, теперь, пожалуй, она хранила верность. Почти все время проводила с Рут — пухлой брюнеткой, женой торговца машинами, живущей в трех кварталах от них, тоже на Аркадия-стрит. Рут была из того же теста: послушав минут пятнадцать их разговор, он испытывал неудержимое желание, запрокинув голову, взреветь, словно раненый гризли.

Ли смотрел, как Кифли с холодной издевкой и напускным удивлением разглядывает Люсиль.

— Кажется, Дэнни, ваш родственник, дал деру, — небрежно сказал Кифли. — Когда вы его видели в последний раз? И не косите на мужа, смотрите на меня и отвечайте.

— Ах да, я должна подумать, ведь это было так давно, Ли, кажется, в твой день рождения, помнишь?

— Я же велел не смотреть на него.

— Простите. Прямо игра какая-то. Приезжал на другой день после дня рождения Ли, когда ему исполнилось двадцать девять. Мне двадцать

четыре. Подождите! Что-то принес… Не пом… а-а, тот письменный набор. Не понимаю, зачем притащил такую ерунду.

— Больше его не видели?

Широко раскрыв голубые глаза, она, как ребенок, торжественно покачала головой:

— Нет, мистер Кифли, с тех пор мы вообще не встречались.

От напряжения у Ли пересохло в горле. Люсиль постоянно лгала, изворачиваясь неумело, убого. Куда ты девала деньги? Ах, дорогой, наверно, выпали из кармана. Опять новые туфли? Ты с ума сошел, уже целый год их ношу! Почему ты мне не сказала, что звонил доктор Эпинг? Он не звонил, честное слово. Всякий раз неестественно широко раскрывала глаза, так же торжественно качала красивой головкой, слегка надувая полные губы. Он наблюдал такие сцены неоднократно и сейчас не сомневался, что Люсиль солгала Кифли. Тот, достав сигарету, зажег спичку одной рукой. Встал.

— Ладно, вы повторяете то же, что сообщил ваш муж, миссис Бронсон. Похоже, говорите правду.

Направившись было к дверям, вдруг круто развернулся, спросил:

— А чем Дэнни занимается, Люсиль? Какая у

него работа?

— О, понятия не имею, честное слово. Он нам не говорил.

Кифли, стоя в дверях, прикусил нижнюю губу.

— Иди в дом, дорогуша, — велел он Люсиль.

Ли обратил внимание на странную покорность жены. Никогда не слушалась, если ей приказывали. Кифли кивком подозвал его, и Ли, поднявшись подошел.

— Ты все же порядочная свинья, а?

— Это вопрос… сэр?

— Не кипятись — бесполезно. Для меня ты нуль. Могу раздавить, как мокрицу. Теперь слушай, что будешь делать. Ждать, и если услышишь от Дэнни хоть словечко, тут же доложишь мне. И будешь поворачиваться очень быстро, Бронсон. Если нет — станешь самым жалким парнем в штате. Этот человек в розыске, ясно? Если утаишь что-то, есть законы — и я позабочусь, чтоб они касались тебя.

Кифли выровнял шляпу. Встряхнув пиджак, перекинул его снова через левую руку. Спустившись по ступеням, дошел до тротуара и, оглянувшись, поднял руку в издевательском прощальном жесте.

2
Джонни Кифли

Когда Кифли обернулся второй раз, за дверью, затянутой сеткой, Бронсона уже не было. Нужно пройти четыре квартала, и, хотя шел шестой час, жара не уменьшилась. Однако, вспомнив Ли Бронсона, Кифли испытал удовлетворение.

Такой же негодяй, как и его брат. Прячется за свое высшее образование, но все равно мерзавец. Есть два сорта людей: одни с досье, другие — без. Не считаются только нарушители дорожных правил. У всех остальных в душе живет преступник. Дайте Ли Бронсону подходящий случай — и будет воровать, как любой другой.

У Кифли глубоко в памяти запрятана улочка. Отпечаталась в мозгу, когда все произошло, и останется там до конца его дней. Грязная улочка в Синке, узкая тропинка между кучами по колено из отбросов, наваленных с обеих сторон вдоль стен домов. Ни одно окно не распахивалось на этой улочке.

После смерти отца Джонни с двумя младшими детьми поместили в сиротский дом, прожил там

три года. А потом его забрал к себе дядя. Моуз Кифли держал в Синке лавчонку с разным товаром, на доходы от которой жила вся семья — он сам, жена, две дочери и приемный сын, помещенный в заднюю комнату. Джонни Кифли исполнилось девять лет, когда дядя взял его из приюта. Моуз был могучий, хмурый, задавленный работой бедняк, и Джонни его боготворил. Лавочка открывалась в семь утра и торговала до одиннадцати вечера шесть дней в неделю, а в воскресенье с полудня до девяти часов. Моуз изводил себя, жену, дочерей и Джонни каторжным трудом. Подбирал отходы с фермерского рынка — подпорченный товар. Джонни и теперь помнит слизь и вонь гниющего картофеля, вспоминает, как в сарае за лавкой выбирал уцелевшие клубни. Скудные доходы от торговли составляли единственный источник существования шести человек. Джонни ходил в школу, крутился в лавке и, измотанный до изнеможения, засыпал как убитый на раскладушке в сарае. Был мал ростом, худой и щуплый, вечно простуженный, с напряженным и серым от дурного питания лицом.

Днем Моуз выставлял перед лавкой лоток с фруктами. На углу находилась автобусная остановка, и скромный товар иногда находил

покупателей. Однако хозяину приходилось вести непрерывную войну с бродячей бандой подростков, хозяйничавшей в этом районе. У них были дозорные, дающие знак, когда у лотка никого не было. По их сигналу налетала вся стая, хватая груши, персики, дыни, яблоки, апельсины. Джонни знал их — учились в одной школе. Вожаком был Ред Энли, а среди остальных — Джил Ковалсик, Хэнк Рильер, Стаб Роулинз, Тэдди Дженетти и Пит Кэси. Все учились в седьмом и восьмом классе, хотя Реду исполнилось уже семнадцать и выглядел он как взрослый мужчина. Вся компания держала в страхе младших школьников. Доставалось иногда и Джонни Кифли, хотя он был настолько тщедушен и запуган, что издеваться над ним было скучно.

В полиции Моузу сказали: смогут что-то предпринять, только если он задержит кого-нибудь из налетчиков. Моуз после долгих размышлений поставил в дверях картонный ящик с дырками, чтобы видеть улицу, и скрылся в лавке. Было это в субботу, и, когда банда с воплями набросилась на фрукты, Моуз, крича и ругаясь, выскочил из своей засады. Он успел схватить за плечо Хэнка Рильера и стал осыпать его затрещинами. Джонни выбежал тоже. Шел мелкий дождь. Хэнк

был сильный парень. Увидев внезапный блеск широкого лезвия ножа, серого, как небо, Джонни закричал. Нож был острый, как бритва, — рассек грязный фартук, потрепанные брюки и плоть живота, располосовав ее от края до края сантиметров на тридцать. Хэнк Рильер, перебирая тонкими ногами, съежившись, умчался прочь. А Моуз, держась обеими руками за живот, склонив пепельное лицо, почувствовал, даже увидел, как вываливаются серые и красно-белые внутренности. Опустившись сначала на колени, тут же уткнулся лицом в землю, испуская глухие крики, словно идущие издалека. Он умер от шока на операционном столе, когда с тротуара смывали остатки его внутренностей.

Джонни Кифли, с сухими глазами, такой же далекий, как крики Моуза, сказал полицейским, кто и как это сделал, сколько всего было налетчиков, — видел Роулинза и Дженетти. Их арестовали. Всем было по шестнадцать лет. Рильера за убийство приговорили к пожизненному заключению. Роулинза и Дженетти судили тоже. Дженетти получил десять лет, а Роулинз, отец которого был человек со связями, отделался условным сроком. Однако еще до суда Джонни Кифли затащили на ту улочку, которая стала частью

его существа. Энли, Ковалсик и Кэси приволокли его на ту улочку, на которой не распахивалось ни одно окно. Его не убили, нет. Хотя если бы смогли предугадать: убей они его, насколько изменится их судьба, то, конечно, сделали бы это. Привязав к железной опоре пожарной лестницы, заткнули ему рот и, сорвав одежду, обрабатывали более трех часов. Джонни нашли висящего без сознания, и врачи в больнице, куда его доставили, пришли в ужас, изумляясь тому, что он еще жив. Сняли проволоку, которой был опутан, извлекли из тела осколки стекла и мелкие ржавые гвозди, наложилы швы, попытались смягчить боль от тщательно выжженных букв на коже и удалили корни выбитых зубов.

Когда Джонни, наконец, смог отвечать на вопросы, он сказал, что не знает, кто его изуродовал. Незнакомые. Нет, опознать не сможет. В глазах десятилетнего мальчишки не осталось ничего детского, и вообще с этого времени с детством было покончено. В шестнадцать лет он покинул приют. С третьей попытки сдав экзамены, в 20 лет пробился в полицию. После годичного испытательного срока Джонни удостоился звания патрульного.

После двух лет в должности дорожного инспек-

тора его перевели в отдел ограблений, повысив до патрульного 3-го класса, — это был потолок, до которого он дослужился. Джонни не относился к полицейским, получающим повышение, — не любил, когда ему приказывали, постоянно подвергался взысканиям за чрезмерную жестокость при задержании. Однако никогда не брал взяток — ни цента. Сослуживцы считали его честность даже преувеличенной, болезненной. Он снимал комнату в Синке. Ни разу не был женат, никогда не имел времени для обычных проявлений дружбы. В свободные от службы часы бродил по Синку — безжалостный охотник, вооруженный и настороже. Стрелок он был выдающийся. В периоды немилости ему для патрулирования отводили самые дальние окраины Хэнкока. Однако, едва кончалась служба, он опять слонялся по Синку.

В тот страшный день тридцать два года назад на узкой улочке он пережил удивительные превращения: душа оделась в непроницаемый стальной панцирь, внутри которого бурлила все разъедающая кислота. Для начала в списке значилось шесть имен: Энли, Роулинз, Рильер, Дженетти, Ковалсик, Кэси. Рильера забили насмерть во время тюремного бунта. Кифли находился в приюте, когда Роулинз, украв машину, на стотридцатики-

лометровой скорости врезался в перила моста.

Первым он убил Реда Энли. По официальным сведениям, Энли учинил скандал в баре, относившемся к участку патрулирования Кифли, который в те минуты не нес служба. Тем не менее Кифли арестовал Реда. Когда он сопровождал его в участок, Энли вырвался и попытался сбежать. Патрульный Кифли с криком «Стой»! выстрелил в воздух, а потом нацелился Энли в ноги. Выстрел пришелся выше, прошив нижнюю часть позвоночника. Энли, разъездной коммивояжер, трижды подвергавшийся суду за мелкие нарушения, умер в больнице через тридцать шесть часов.

Остались трое.

Пита Кэси, разыскиваемого полицией за угон машин и вымогательство, патрульный Кифли выследил в квартире на третьем этаже в респектабельной части Хэнкона. Кэси был вооружен — ранил полицейского Кифли: пуля оцарапала левое бедро. Кэси умер по дороге в больницу с тремя порциями свинца в нижней части живота.

Теодора Дженетти, возвращавшегося поздней ночью с работы на мелкой фабрике, патрульный Кифли арестовал. Кифли докладывал потом, что Дженетти «держался подозрительно» и он решил

отвести его на допрос. Дженетти уже отсидел шесть лет в Элтоне. Когда он выхватил нож, патрульный Кифли избил его до бесчувствия. Дженетти предстояла операция — у него был проломлен на затылке череп, но на следующий день он скончался от сильного кровоизлияния в мозг. Патрульный Кифли получил взыскание и на шестьдесят дней был остранен от должности.

Оставался один Джилберт Ковалсик, ходили слухи, что он уехал на Запад. Кифли служил полицейским уже четырнадцатый год, когда Ковалсик вернулся, приехал в отпуск — был профсоюзным деятелем в доках Лос-Анжелеса. Через четыре дня после приезда его тело выловили в озере. Вскрытие показало, что Ковалсик был замучен насмерть.

Все были мертвы, но воспоминание об улочке не покидало Кифли и не тускнело. Те шестеро на том свете, но, казалось, на их место приходят новые.

Кифли был здоров, не имел связей в министерстве и потому при очередной мобилизации во вторую мировую войну оказался в армии. Призывали тогда тридцатилетних. Как полицейского, его определили в армейскую полицию. В Лондоне в сорок четвертом за зверское избиение трех

английских летчиков-добровольцев, находившихся в отпуске, его разжаловали из сержантов и отправили в армейский лагерь для штрафников. Здесь Кифли с тремя другими штрафниками оказался замешанным в историю смерти двух добровольцев, сидевших за мелкие кражи, но всех четверых освободили.

В 1947 году патрульный Джон Кифли был разжалован на неопределенный срок за избиение мужчины, которого задержал в машине, числившейся украденной. Кифли и его сослуживец Ричард Бенедикт узнали номер авто и приказали остановиться. По вине диспетчера машину не вычеркнули из списков украденных, хотя она была найдена и возвращена владельцу. Хозяин машины мистер Пол Келер, техник местной радиостанции, попытался объяснить все Кифли, когда его вытащили из машины. Кифли превратно истолковал раздражение техника и при задержании сломал ему три ребра и челюсть.

К своим обязанностям Кифли смог вернуться после пяти месяцев отстранения от должности.

Через девять лет ему ампутировали левую руку, после того как пуля раздробила кисть, в результате он был признан неспособным нести службу. Ему назначили пенсию и определили

сотрудником отдела по надзору за условно освобожденными.

Он стоял на углу, ожидая автобуса. Ныла культя — там, где соединялась с протезом, чесалась кожа под ремнями. Перед глазами опять возник тот парень с бледным лицом, вытаращенными глазами, трясущийся, а у ног на полу валяется пистолет. Снова ощутил боль от пальцев до локтя левой руки, проследил, как прицел накрывает цель, почувствовал отдачу в правой руке, увидел аккуратное черное отверстие посреди белого лба парня, отброшенного к стене и сползающего по ней на огромный автоматический пистолет.

Ощущая тяжесть служебного оружия в кармане, представил Ли Бронсона — на коленях, с избитым лицом, ему хотелось услышать, как он умоляет, забыв высокие фразы, на обретенном вновь языке трущоб Синка. Умоляет, как все. Как молил Ковалсик.

Вдали показался автобус, проплывая сквозь зной по Шерман-бульвару. Кифли впитывал порами жизнь города — потеющего, вздыхающего, готовящегося к сумраку и ночной мгле. Все-таки слишком быстро, чересчур рано их выпускают. Им следует выходить из-за решетки для того только, чтоб уразуметь, что снаружи

та же тюрьма, только просторнее. Встретятся с Джонни Кифли и узнают, какие решетки у этой просторной тюряги.

Автобус, идущий в центр, был почти пустым. Войдя и предъявив удостоверение, Кифли прошел в конец автобуса к одному из сидений, обитых красной искусственной кожей. Дэнни Бронсон еще узнает, насколько прочны решетки его новой тюрьмы. Пока не появится, Кифли время от времени будет с радостью названивать его брату. Глаз с него не спустит. Он был слегка разочарован, когда Бронсон так легко сдался, — трясется за свою работу. Большой мерзавец, но мягкотелый. В конце концов, как только поймаю Дэнни и отправлю назад в Элтон, не мешает покрутиться вокруг младшего братца, прощупать его. И обязательно поговорить еще с Люсиль.

Прикрыв глаза, он представил себе ее загорелые ноги: как она мягким движением согнула их, опершись ангельским личиком на колени, вспомнил изящные лодыжки.

Заметил, как профессор дорожит своим местом и как она хочет, чтобы муж удержался на службе. Никто из Бронсонов не имеет право на такой лакомый кусочек, как Люсиль. Судя по всему, Бронсон воображает, что имеет такое право, но

многое свидетельствует об обратном. Он для Люсиль слишком серьезный и степенный — негодяй с печальным лицом и кучей высоких фраз. Еще одна свинья из Синка, которая заслуживает, чтобы ее зашвырнули назад в грязь. Видно, в Бруктонском колледже не очень задумываются, кого принимать на службу.

Волнующее видение загорелых ног повлияло на его ближайшие планы: сначала заглянет в участок, потом заскочит в отель, где работает Тэльяферо, постращает его, посмотрит, как тот станет потеть. Рано или поздно Тэльяферо попадется, как попался и Джадсон. Господи боже, как Ричардсон заступался за Джадсона! Можно подумать, он ему сын или еще кто. Вспомнил сцену в канцелярии Рича, как тот размахивал руками, как запотели стекла его очков:

— Но Кифли! Вы должны быть осмотрительны! Соблюдайте законность. Терри Джадсон уже восемнадцать месяцев ни в чем не замечен. Через четыре месяца с него снимут надзор. У него жена.

Кифли снисходительно ответил:

— Вы хотите, Рич, чтобы я плевал на инструкции? Черным по белому написано: если поднадзорный идет в общественное место и там

выпивает, то он нарушает правила. Я его видел своими глазами. Есть показания официанта, который обслуживал, и парня из той компании.

— Но Терри в этой компании играет в кегли, и пил он одно пиво.

— Это общественное место, где продают алкоголь. Даже если он пил кока-колу.

— Я требую, Кифли, оставить парня в покое. В ваши обязанности не входит преследование этих людей.

Теперь уже Кифли вышел из себя:

— Ричардсон, я сюда пришел не для того, чтоб выслушивать, как мне поступать. Явился сообщить, что накрыл Джадсона. Сунул под арест и завтра буду свидетельствовать против него. Я наблюдаю за своими людьми, вы — за вашими.

— Я тоже выступлю свидетелем.

— Как хотите, — отрезал он, выходя. Закон есть закон. У него доказательства — представил их. Терри Джадсону пришлось вернуться в тюрьму, чтобы отсидеть весь срок. А на Ричардсона суд почти не обратил внимания.

Значит, сегодня вечером позабавится с Тэльяферо, а потом заглянет к Конни Джадсон. Эту здоровую пышную брюнетку совершенно сразило возвращение мужа в тюрьму. Он тут ни при чем,

если она вообразила, будто Кифли может вытащить его на волю, и была готова оплатить услугу вперед. Правда, огня в ней оказалось немного, да чего выбирать однорукому? Ее тяжелые, веснушчатые ноги не сравнить с ногами профессорской штучки, но все равно было приятно лежать там, покуривая, вспоминая, что Терри в тюрьме, а засунул его туда он. Плакала не слишком громко.

К чему вы придете, если их не прижать? Тем более, что Джадсон всего лишь еще один мелкий жулик. Привычка выписывать непокрытые чеки, которую он заимел в подпитии, не исчезает, даже когда он протрезвеет.

Болела кисть, та, которой уже не было. Порой казалось, что ее упрятали под тяжелый, холодный камень.

Черт с ним, с этим мальчишкой!

Эти скоты ничего больше и не заслуживали, как только немедленную смерть, поганую смерть. Такую, какая досталась Ковалсику.

— Я их всех достану, Моуз, — шептал он про себя. — Всех прикончу за тебя.

Он не забывал сдержанной ласки руки, взъерошившей бесцветные волосы, потрепавшей по голове тщедушного мальчишку в приемной сиротского дома.

И чувствовал подступающие рыдания, представляя серое лицо и бессильно уложенные руки Моуза.

— Всех, Моуз, одного за другим.

У Моуза было лицо Христа.

А они его так мучили.

Все его мучили: Бронсоны и Тэльяферо. И солдаты в лагере его оскорбляли и поплатились, крича от боли, когда дубинка дробила коленные чашечки.

Кифли сражался со всей несправедливостью мира, со всеми, кто помогал держать нож, выпотрошивший внутренности Моуза на грязный тротуар в Синке. В его воспаленном воображении даже Ли Бронсон помогал держать тот нож.

Когда он вышел из автобуса, губы его шевелились, а в глазах светилось тихое безумие. Стукнул протезом по бедру, чтобы новой болью заглушить застаревшую.

3
Люсиль Бронсон

Она застыла в гостиной, безуспешно стараясь расслышать, что Кифли говорил мужу, но в тишине небольшого дома различала только тяжелое биение собственного растревоженного сердца. Невозможно узнать, что именно известно Кифли. Не понравился его взгляд — недобрые, хитрые глазки обшарили ее фигуру с выражением, которое было очень хорошо ей знакомо.

Пройдя в спальню, она сняла халатик, швырнув его в кресло. Купальник уже почти высох. Сбросив босоножки, выскользнула из купальника и, зайдя в ванную, положила его на край ванны. Постояла перед зеркалом, разглядывая полоски на груди, оставленные тесным лифчиком.

Возвратись в спальню, метнулась к шкафу, чтобы достать белье, но раздумала, решила не одеваться — встретить Ли нагой на случай, если Кифли что-то знал и сказал ему об этом: Но нет, она не верила, чтобы Кифли мог узнать.

Было это всего два раза. Правда, если Ли узнает, вряд ли ему станет легче от того, что произошло

это только дважды, а первый раз вышло просто случайно. Нечто подобное может произойти совершенно просто, и никто в этом не виноват. Единственные последствия оставил первый раз: припухшая снаружи и треснувшая изнутри губа там, где немного выступает зуб, о котором дантист сказал, что его не видно, а выровнять очень трудно. Передние-то зубы у нее ровнехонькие, она и в детстве не носила пластинку.

Усевшись перед трюмо и опершись пяткой о столик, Люсиль смочила ватку растворителем и начала снимать старый лак с ногтей на ноге.

Мистер Кифли никак не мог прознать, что она еще два раза виделась с Дэнни. Первый — две недели назад — нет, больше чем две недели, тогда была пятница, значит, две недели прошло вчера. Поранил ей губу, и когда Ли заметил, она сказала ему первое, что пришло на ум: доставала со шкафа шляпную коробку, та выскользнула и стукнула по губам.

Ведь такое с кем угодно может произойти. У нее и в мыслях не было ничего подобного — ни пятнадцать дней назад, ни накануне, в четверг. Но он, возможно, уже задумал это в четверг, потому что машину не оставил перед калиткой, как раньше.

Она вспоминала, как все произошло, когда

Дэнни появился в то утро, в пятницу. Разложила гладильную доску, гладила полосатую юбку — ту, с косой плиссировкой, которую каждый раз нужно отглаживать. А в гостиной был включен телевизор. Когда гладишь, вполне можно слушать программу: если что-то интересное, быстро подбежишь к экрану, посмотришь минуту-другую, потом опять к доске. Помнится, она гладила ту юбку потому, что в половине второго должна была прийти Рут, они собирались посмотреть новый фильм, и Люсиль хотела надеть ее, так как было ужасно жарко, а в ней прохладно, тем более что машину взял Ли и придется ехать автобусом, а потом еще пешком до кинотеатра. Поэтому выбрала ту юбку. Белая блузка достаточно прилегающая, можно идти без бюстгальтера, пускай Рут острит, что у нее груди болтаются. Сама-то она если не наденет лифчик, все у нее висит до пояса. Странно, что Эрл не купит для Рут подержанную машину, раз уж у него бизнес такой, вполне можно достать приличное авто, но похоже, он, как и Ли, трясется над каждым центом.

Было чуть больше одиннадцати, может, четверть двенадцатого, и юбка была почти отглажена, когда послышался знакомый скрип средней из трех ступенек, ведущих к маленькой веранде

сзади дома, а вслед за этим в дверях появился высокий мужчина. Лицо его скрывалось в тени, так что она его не узнала, даже когда он произнес: «Привет, Люсиль».

Она направилась к двери, но человек уже входил, и тогда она узнала Дэнни, брата мужа. Они не были хорошо знакомы, встречались два-три раза, всегда при этом был муж, и братья в основном говорили о людях, о которых она раньше и не слышала. У нее возникало при этом странное чувство одиночества, тем более что она думала только о том, что тот трижды сидел в тюрьме, что в действительности он настоящий гангстер. Помнится, когда Ли рассказал о брате ее родителям, как они расстроились, хотели даже отменить свадьбу. Конечно, Ли мог промолчать, не трепать людям нервы, но он уж такой — выбирает прямой путь, поступает так, как находит правильным, не считаясь с окружающими.

Когда Дэнни вошел, она сообщила, что Ли нет дома, не приедет и на обед, в пятницу у него плотное расписание. Только Дэнни это не интересовало, он уселся на край стола, сказал — пусть продолжает гладить.

Сидел молча, и она чувствовала себя неловко — в старых джинсовых шортах и линялой жел-

той майке. Попыталась разговорить его, вышла выключить телевизор, вернувшись, хотела продолжить вопросы, но он мрачно молчал, словно не слыша. На нем были красивые светло-серые брюки с острой стрелкой, с темной строчкой по бокам и на карманах, голубая рубашка с короткими рукавами оттеняла мускулистые, загорелые руки; сигарета в его пальцах выглядела крошечной и удивительно белой.

Она догладила юбку, повесила ее в шкаф. Когда складывала гладильную доску, ожидала, что Дэнни поднимется, поможет ей, но он не шевельнулся, вообще не замечал ее, упершись взглядом в линолеум.

— Может, выпьешь пива? — спросила она. — Или кофе?

Он опять не ответил, но, видимо, принял какое-то решение, отщелкнув сигарету через кухню к плите, взглянул на нее.

— У меня возникла проблема, Люсиль, и ты можешь помочь.

— Но я…

— Помолчи, пока я не кончил. Но сначала несколько вопросов. Ты сможешь кое-что утаить от Ли?

— Я… ну… думаю, смогу.

Резкий, острый взгляд:

— Уже приходилось скрывать от него что-нибудь?

Она почувствовала, как краска заливает лицо:

— Д-да.

Он встал.

— Я затеял одно дело, и мне необходимо принять меры для защиты.

Достал из кармана брюк конверт — продолговатый, заклеенный — похлопал им по руке.

— Нужно спрятать это в надежном месте. Ли я не могу передать — слишком хорошо его знаю: откроет конверт, ради моей же пользы якобы, и может совершить какую-нибудь глупость. Ты сумеешь спрятать так, чтобы он не нашел? И ни словечка ему?

— Д-да, Дэнни.

— Это страховка, чтоб со мной ничего не случилось. Предположим, мне придется иметь дело с человеком, который способен так разъяриться, что потеряет здравый рассудок. Тогда со мной может что-то случиться. Как только услышишь такое, передай это в полицию. Здесь интересное чтиво, можешь открыть и прочитать перед тем, как им отдать. Но пока я жив, не открывай.

— Конечно.

— Я говорю серьезно. Хотя сомневаюсь, чтобы меня тронули, пока есть эта страховка. Если все пойдет, как я задумал, как-нибудь заеду и заберу ее. Сделаешь это для меня?

— Хороши, Дэнни, спрячу, — она протянула руку, но он не отдал конверт.

— Мне нужно знать, где спрячешь. Сначала покажи мне это место.

Она имела в виду свой тайник — старую сумочку, висевшую на задней, внутренней стенке шкафа. Дэнни прошел за ней в спальню и, когда она показала, покачал головой:

— Не подходит. Вдруг тебя не будет дома, и кто-то сюда вломится — заберет сумку.

— А если под матрац? Ли там не увидит.

Он посмотрел на нее с сожалением:

— Дай мне оглядеться, милочка. Подыщу что-нибудь получше.

Дэнни прошелся по дому, Люсиль — за ним. Остановились на кухне. На полке на стене стоял ряд жестянок с надписями о содержимом, на каждой картинка с тремя уточками. Он открыл крышку самой большой — с надписью «Мука».

— Не похоже, что ты часто печешь.

— Не очень.

— Тогда подойдет.

Жестянка была наполовину полной. Приблизившись, она наблюдала, как Дэнни засовывает конверт на самое дно. Стряхнул с руки муку:

— Готово. Поставь на место.

Потом предложил сигарету, дал прикурить и уперся в нее взглядом:

— Конверт не открывай.

— Не буду, сказала же.

— Повторяю еще раз. Ты жена моего брата, но конверт для меня важнее. Важнее, чем ты, дорогуша. Если в один прекрасный день я за ним заеду и он окажется вскрытым, я тебя как следует обработаю. Понятно?

— Сначала просишь о любезности, а потом угрожаешь, что изобьешь.

— Хочу убедиться, что ты поняла. Я рад… что ты это сделаешь для меня. Ты единственная, на кого я могу положиться. Я немного… растерял старые связи.

Глядя на него, она представляла себе, каково ему было сидеть в тюрьме, обратила внимание на то, как красиво, свободно и беззаботно он держится, не как Ли. Вот уж странно, что два брата могут быть такими разными. И в мыслях не было, что между ними что-то произойдет, но… произошло. В те минуты, пока друг на друга смотрели,

она уже знала, что это случится. В доме царила тишина, и оба хранили молчание. Она понимала, что следует отвести взгляд, однако продолжала смотреть в его глаза, и он не отрывал взгляда. Почувствовала, как участилось ее собственное дыхание, заметила его вздымающуюся грудь, светлый завиток жестких волос между шеей и воротом голубой рубашки. Слышны были только жужжание холодильника, далекий уличный шум и голоса детей, игравших на заднем дворе.

Она ждала, когда Дэнни обнимет ее, но не могла представить, что это произойдет так стремительно и он схватит ее с такой грубостью. Напуганная, вспомнив о Ли и своем браке, она, извиваясь, стала отбиваться. Вырвавшись, чуть не упала, налетев на шкаф, чувствуя, как там падает посуда. Тогда-то он и ударил Люсиль по губам, и она, застонав, упала ему на грудь. Дэнни втащил ее в спальню — хныкающую, расслабленную, бессильную. Обращался с ней грубо, пренебрежительно — Ли никогда себя так не вел, вроде бы казнил ее.

Она уже готова была поклясться, что такое обращение не вызовет в ней отклика, и тут ее охватила стремительная, нарастающая, слепящая волна наслаждения.

В полном изнеможении, не в силах пошевелиться, она оставалась лежать, наблюдая из-под полуприкрытых век, как он приводит в порядок костюм, затягивает потуже пояс, как, стоя над ней, отвернувшись, раскуривает сигарету. Затем, осыпая проклятиями и ее, и себя, назвал их неприглядные действия словами, которых она никогда прежде не слышала. Напомнив о конверте, ушел: слышала его тяжелые шаги в кухне, потом хлопнула дверь на веранде, стукнула дверца машины, и взревел мотор отъезжающего автомобиля.

Через минуту она поднялась и, набросив халат, позвонила Рут, сообщив, что разболелась голова. Приняла горячую ванну, сменила шорты, майку и, заправив скомканную постель, достала опять гладильную доску — снова взялась за утюг. По лицу ее катились слезы — она их вовсе не замечала. Собственно, это был даже не плач: слезы хлынули непроизвольно, вдруг. Так же было с ней когда-то очень давно, когда машиной задавило ее собачку Тэффи. Она старалась не думать о песике. Делала уроки, болтала с подружкой по телефону, и вдруг ни с того ни с сего катились слезы, и тогда она вспоминала про Тэффи.

После того раза Люсиль так часто представляла себе Дэнни, что сама уверовала, будто думает о

нем ежеминутно. А когда вспоминала эпитеты, которыми он награждал себя и ее, испытывала жадное вожделение.

Однако позавчера, когда он появился снова (она, покончив с обедом, сидела на веранде, просматривая журналы), Люсиль до смерти перепугалась. Дэнни опять проник через заднюю дверь и, без малейшего шума пройдя через комнаты к веранде, окликнул ее. Сердце, заколотившись, готово было выпрыгнуть из груди.

Она вошла в комнату, но от волнения не подымала глаз.

— Мне бы нужно сразу догадаться, — начал Дэнни, — как только впервые увидел тебя.

— О чем это?

— Прекрасно понимаешь о чем. Из всех мужиков на свете он единственный, кого ты смогла подцепить, Люсиль.

Только теперь она посмотрела в лицо, на котором играла злая усмешка.

— Это ты меня заставил.

— Верно, Люсиль, — заставил.

— Почему бы тебе не забрать свой конверт и не убраться отсюда?

— Потому что пока не хочется. Хочу, чтоб припрятала еще и это, — он протянул незаклеенный

конверт. Вот — загляни в него.

Увидев пачку пятидесятидолларовых купюр, она уставилась на него изумленными глазами:

— Что это?

— В моей игре меняются ходы: появились осложнения с надзором. Придется кое-что подправить в намеченных планах. В конверте тысяча долларов — что-то вроде задатка. Деньги на дорогу, и самое надежное место для них — здесь, во всяком случае, я так считаю. Сделаем так. Если все проскочит, заеду забрать первый конверт, а этот тогда можешь оставить себе. Если появятся проблемы, заберу оба конверта и придется чертовски быстро уносить ноги. Этот конверт спрячь в той сумке в шкафу, которую мне показывала. Если все провалится, я буду покойник. Тогда деньги бери себе, а первый конверт переправь в полицию.

Молча кивнув, она направилась в спальню. Дэнни, пройдя за ней, проследил, как она прячет конверт в сумку. Когда Люсиль повернулась к нему, словно в ожидании похвалы, наткнулась на холодный, презрительный взгляд. Бросившись к Дэнни, вскинула руки ему на шею. Тот попытался разомкнуть объятие, встряхнул ее за плечи — цепкие руки держали не отпуская. И она уже

знала, что передумает. Все было, в общем, как в первый раз, только теперь он ничего не сказал, не закурил у постели. Сунул в рот сигарету лишь в дверях, обернувшись, глядя на ее наготу, будто на грязь под ногами, и исчез. В этот раз дверь на веранде закрылась бесшумно, и отъезжавшей машины не было слышно. Люсиль искупалась, расправила постель, надела чистое платье. Потом, достав конверт с деньгами, разложила двадцать бумаг в причудливые узоры на постели — тихо напевая, забавлялась деньгами, пока не подошло время, когда возвращается Ли. На этот раз не было слез, напротив, Люсиль с удовлетворением констатировала, что вроде бы сквиталась с Дэнни, не понимая, правда, как именно.

Перебирая в памяти события, она сняла лак со всех ногтей на ногах и принялась покрывать их свежим. Начала с мизинца. Сидела расслабившись, касаясь щекой внутренней стороны согнутого колена. Услышав шаги, посмотрела в боковую половинку трельяжа. Ли стоял в дверях, опираясь о косяк, засунув руки в карманы мятых брюк, с холодным, озабоченным выражением на лице.

Обратив все внимание снова на ноги, Люсиль осторожно заработала кисточкой.

— Кажется, твой брат попался, — обронила она.

— Да, у него неприятности. Возможно, они возникнут и у нас.

— С чего бы это? Какие?

Услышала, как он прошел за ее спиной, как скрипнула постель, на которую он уселся. Резкий голос мужа испугал ее:

— Брось заниматься этой чепухой и повернись сюда! Мне нужно с тобой поговорить.

— Минутку, я сейчас…

— Немедленно, черт возьми!

Сунув кисточку во флакон, она с громким, демонстративным вздохом повернулась к нему.

— Не понимаю, чего ты злишься.

Лицо ее оставалось безмятежным, но глаза испытующе оценивали поведение мужа — что сказал ему Кифли?

— Почему ты не оденешься?

— Я плохо выгляжу или еще что?

— Не прикидывайся, Люсиль. Оденься.

Она одарила его насмешливым взглядом. Сексапильно-насмешливым — так смотрела Грейс Келли на Гэри Гранта в том фильме, где он играл похитителя драгоценностей, которого обвинили в краже, хотя вором был кто-то другой,

пользовавшийся его методами, а он уже давно оставил воровство и теперь хотел доказать, что не виноват. Люсиль и Рут взяли этот взгляд на вооружение, и Рут уверяла, что у Люсиль он получается в точности. Достаточно чуточку опустить веки, искоса глянуть вверх и улыбнуться так, чтобы уголок рта был опущен. Медленно, но упруго потянувшись, Люсиль подтащила за рукав брошенный халатик и, скользнув в него, кокетливо расправила воротник.

— Теперь лучше, дорогой? — томно осведомилась она.

— Ты солгала Кифли, — раздалось в ответ.

Она смутилась: Ли выглядел необычно — сейчас был похож на Дэнни. Люсиль выкрикнула:

— Если этот тип наговаривает на меня, так это вранье!

Ли устало произнес:

— Люсиль, я не надеюсь, что ты поймешь, но все же попытаюсь втолковать. Сейчас мы обеспечены. Так или иначе я занимаю определенное положение и пользуюсь каким-то уважением.

Она воспользовалась его словами для атаки:

— Конечно, ты имеешь все, тебе всего хватает. Лет через десять ты, может, станешь зарабатывать столько, сколько получает хороший

плотник. Я не могу купить паршивые румяна, чтобы ты не попрекнул — сколько стоят…

— Глупости. Но послушай: Кифли не совсем нормален, что-то в нем сдвинуто. Он вел себя так, будто… будто я обыкновенный преступник, которого он должен уличить.

— А ты не разъяснил ему, дорогой, какая ты страшно важная персона в Бруктонском колледже?

— Для Кифли это не имеет значения, — он не обращал внимания на ее издевку. — До сих пор я не понимал, что ошибся, возвратившись сюда. Не подумал о Кифли. Если ему захочется сделать мне пакость — сделает. Использует Дэнни как орудие. Может пустить в ход и… что-нибудь другое, случившееся давным-давно. Может представить это так, что будет выглядеть гнусно. Пока мы будем держаться в стороне, не думаю, что он станет пакостить. Поэтому страшно важно, чтобы мы ни во что не были замешаны. Конечно, Дэнни он арестует, или его изловит кто-то другой, и Кифли сядет нам на шею. Конечно, это плохо для Дэнни, но он сам виноват. Люсиль, я тебя слушал и видел, что Кифли ты соврала. Знаю, когда ты врешь, — я уже не раз тебе это доказывал. Ты не умеешь лгать. Обычно я не обращаю внимания,

не хочется ссориться. Но сейчас это серьезно, пойми же наконец. Теперь от этого многое зависит. Когда ты видела Дэнни в последний раз?

— Как я сказала мистеру Кифли — сразу после твоего дня рождения.

— Прекрати, Люсиль. Виделась с ним и позже. И я это должен знать — сейчас же.

Она поняла по глазам мужа, насколько все серьезно. Ошеломленная, судорожно соображала, что ему рассказать: немыслимо ведь открыть всю правду. Но кое-что все-таки нужно сказать, чтобы его успокоить. Придется назвать детали, подробности для правдоподобия. Впервые она испытала чувство острой вины за то, что вытворяла с Дэнни. Это и в самом деле ужасно — с родным братом мужа. Жаль, что нельзя сделать как в фильме: перекрутить, чтобы стало лучше, чем в действительности. Ничего подобного раньше она не делала, и в мыслях такого не было. Рут об этом много болтала, но ведь все только слова. Собственно, Ли сам — виноват, что так случилось. Воображает, что можно сунуть ее в эту вонючую дыру на Аркадия-стрит, выдавать смехотворные суммы, и она здесь будет таять от счастья! Если вы привыкли к веселью, всяким приятным развлечениям, никто не смеет требовать, чтобы

приспособились к жизни, где и университетская вечеринка становится великим событием.

— Так я жду, — настойчиво повторил Ли. — Выкладывай.

Мысль ее работала на полных оборотах: перебирала, приглаживала, заметала.

— Ну хорошо. Виделись мы. Но я ему обещала… Он вздохнул:

— Мне нужно услышать все. Начинай.

— Ладно. Вчера прошло две недели. Видела его только один-единственный раз. Было утро, я гладила, а он зашел через черный ход — выглядел мрачным, озабоченным. Я сказала — тебя нет дома, а он обратился с просьбой. У него, мол, неприятности, и ему нужно, чтобы я кое-что припрятала в доме. Тебя не хотел просить, потому что начнешь выспрашивать и так далее. Ну, я и пообещала.

— Потом он приходил за тем, что оставил?

— Нет, был здесь только в тот единственный раз. Это еще здесь.

— Давай принеси.

Она встала, чтобы направиться в кухню за банкой с мукой, но вспомнила, как Дэнни требовал не раскрывать конверт, чем пригрозил ей, если ослушается. Поэтому подошла к шкафу и, раз-

двинув вешалки с платьями, достала из сумки конверт с деньгами. Кляня себя за глупость, за то, что не догадалась припрятать для себя часть, швырнула конверт Ли. Купюры разлетелись по воздуху, опустившись у его ног и на постели, а ей хотелось смеяться до слез, видя его изумление.

Медленно собрав бумажки, сосчитав, Ли вложил их в конверт.

— Тысяча долларов. Для чего?

Она снова уселась перед зеркалом.

— Говорил, какие-то осложнения, и это деньги на дорогу, если у него ничего не выйдет. А если все получится, можем их оставить себе. И если его убьют, тоже можем взять.

— Какие осложнения — не сказал?

— Ты же его знаешь.

— Это все?

— Дал конверт, чтобы спрятала, велел тебе даже не заикаться и уехал.

— Машину оставлял перед домом?

— Нет. Не знаю, где оставил. Зашел через заднюю дверь. Я гладила на кухне. Ушел тоже через заднюю дверь.

— Ты говорила об этом с кем-нибудь? Небось рассказала своей Рут?

— Никому не говорила.

Ли сидел нахмурясь, похлопывая конвертом о ладонь. Ну прямо вылитый Дэнни.

— Что думаешь делать? — спросила она.

— Не знаю. Пытаюсь представить, как отнесется Кифли, если я расскажу ему, что…

— Ведь это твой родной брат!

— Знаю, Люсиль. Очень хорошо знаю. Но я должен быть уверен, что Кифли не разнюхает про этот… случай. Пожалуй, придется рискнуть.

— Положить его обратно?

— Спасибо, я сам позабочусь. Ну почему, Люсиль, ты не рассказала мне сразу?

— Я же обещала Дэнни — дала ему слово.

— Ты моя жена, и мне не нравится, что Дэнни впутал тебя в историю.

— Куда ты положишь конверт? Вдруг он придет за ним, когда тебя не будет дома?

— Скажешь ему, чтоб подождал, и позвонишь мне, а я приеду, как только освобожусь.

— А если он будет спешить?

— Что ж, очень плохо. Должен ведь я знать, что происходит.

Выходя из спальни, обернувшись, он сказала:

— В семь часов у меня собрание, как насчет ужина?

— Интересно, как ты себе это представляешь?

Целый час выспрашиваешь обо всем, а потом надеешься, я нажму волшебную кнопку и ужин через две секунды опустится на стол. Я просто дурочка. Думала, хоть в субботний вечер имею право ожидать, что повезешь меня куда-нибудь ужинать…

— Ладно, хватит. Перехвачу по дороге сэндвич.

Когда он опять зашел в спальню, она обрабатывала другую ногу. Быстро приняв душ, он переоделся. Когда Ли собрался уходить, почти все ногти были накрашены.

— Вернусь, наверно, около половины девятого, — сказал он.

— Хорошо, — небрежно бросила Люсиль не оборачиваясь.

— Можем тогда съездить в кино.

— Еще лучше.

— Подумай об этом, — он положил ей руку на плечо, а Люсиль подставила щеку для поцелую. Хотел было что-то сказать, однако, раздумав, вышел из комнаты. Она слышала, как слабо хлопнула дверь, заурчал мотор, и его звук стал удаляться. Комнату заполнили голубоватые сумерки. Позвонила Рут — никто не поднимал трубку. Раздраженная, прошла в кухню, сделала бутерброд и съела его стоя, не присаживаясь.

Снаружи доносился визг и шум драки соседских детей. Выпив стакан молока, принялась искать деньги. Через полчаса она пришла к выводу, что Ли спрятал конверт в ящике своего стола — в среднем, и ящик заперт. Довольно долго она старалась открыть его загнутой спицей, однако, разочарованная, вынуждена была отступиться.

Включив телевизор, прокрутила шесть каналов, выключила. Порылась в сумочке, обнаружила два доллара с четвертью. Надев темно-голубое платье, направилась к автобусной остановке. Дверь не заперла, не оставила никакой записки — пускай покрутится. И в кино пусть идет один. Увидев приближающийся автобус, почувствовала, как подступают слезы. Ночь была полна людей, и все они развлекались. Одна Люсиль была как отверженная.

4
Дэнни Бронсон

В воскресенье четырнадцатого октября Дэнни проснулся в семь утра. Опять ему снилась тюрьма, сплошные каменные стены, решетки, голые лампочки и ночные звуки. Сон не исчезал и после пробуждения, понадобилось несколько томительных секунд, прежде чем он сориентировался во времени и в пространстве, узнал балки потолка над головой. Приподнявшись на локте, взглянул на часы и закурил первую сигарету.

Он лежал в большой, удобной постели — радиоприемник у изголовья, полочки с книгами, выключатели. Улегшись на спину, лениво попыхивая сигаретой, прислушивался к медленному току крови после хмельной ночи. Слишком много пойла, сверх меры сигарет и, пожалуй, некоторый избыток крупной брюнетки, миссис Друсилы Катон, которая, доставив его на эту роскошную укромную дачу, в ответ ожидала частых проявлений чувственного интереса.

Друсила же объяснила Дэнни, с чего эта хижина так роскошно оборудована и изолирована от ми-

ра. Тридцатилетняя Друсила была второй женой шестидесятилетнего Бэрта Катона. Бэрт построил дачу давно, еще при жизни первой миссис Катон. Когда-то он купил тысячу шестьсот акров леса, чтобы разбить его на участки. Однако поскольку Этель, первую миссис Катон, было невозможно переносить без систематических забав на стороне, он в великой тайне построил эту дачку — место для личных, специфических развлечений, о котором не прознала бы подозрительная Этель. Гнездышко находилось в восьмидесяти пяти километрах от Хэнкока — восемьдесят по шоссе номер девяносто, а еще пять по узкому проселку. Последний километр представлял уже частную полосу гравия. Распорядился подвести электричество, построить земляную плотину, и речушка превратилась в двухакровый пруд, затем привез аж из Толедо архитектора, который, вероятно, инстинктивно уловил требования Бэрта Катона. Строители из ближайшего городка выполнили все работы. Дача возвышалась на холме над прудом, из дома открывался превосходный вид на округу с другими холмами в отдалении. Здание имело форму параллелепипеда, и было в нем всего две большие комнаты — гостиная и спальня. Между ними шел узкий коридор, в одном конце

которого находилась маленькая кухня, а в другом — небольшая ванная.

Многочисленные окна в спальне и гостиной позволяли любоваться рукотворным озером. С деревянными панелями, оригинальным освещением, темной мебелью, изумительными цветовыми контрастами, переполненным баром в уголке, превосходной звуковой аппаратурой, низкими столиками, большими пепельницами — дом полностью отвечал запросам Катона. Уже поверхностный взгляд не оставлял сомнений в том, для чего он предназначался: огромная постель, обилие зеркал в спальне, отсутствие комнат для гостей, никаких помещений для прислуги. Друсила рассказала, что Бэрт привез ее сюда после смерти Этель, но еще до свадьбы, что в здешней округе он известен под именем мистера Джонсона и что один из шкафов набит фривольными, прозрачными халатами, пижамами, ночнушками.

Дом в последние годы жизни Этель служил Бэрту Катону убежищем, где он мог укрыться от ее укоризненных взглядов, укромным местечком, о котором она не знала и не могла его накрыть. Пару раз он приезжал сюда один, но обычно появлялся в сопровождении женщин.

Когда Этель Катон в возрасте шестидесяти одного года скончалось, оставив мужа, женатого сына и замужнюю дочь, Бэрту Катону исполнилось пятьдесят шесть лет. Коренастый, смуглый, смахивающий на медведя, громогласный, мужественный, общительный, с необузданными капризами, он пользовался в Хэнкоке авторитетом и занимал определенное положение. Хотя все знали, что Этель принесла мужу солидное приданое, не менее хорошо было известно, что сообразительный, хваткий, порой жестокий Бэрт и сам основательно приложил руки к делам. Поговаривали, ее состояние возросло втрое.

Через два года после смерти Этель пятидесятивосьмилетний Бэрт Катон без особого шума женился на Друсиле Дауни, двадцативосьмилетней дочери Кол-дера Дауни, непрактичного дельца из хорошей семьи, который испытал некоторое смущение, когда ему представили зятя, старше его самого на восемь лет. Однако с радостью был готов избавиться от Друсилы: это была уже третья ее свадьба. Первая настигла ее в семнадцать лет, и жертвой оказался боксер с весьма неподходящим прозвищем Розовый Леопард. Супружество завершилось разводом. Вторично вышла замуж в двадцать два года за

тихого юношу двадцати шести лет, многообещающего юриста крупной фирмы в Хэнкоке, и брак прервался через три года, когда молодой супруг наложил на себя руки.

Колдер Дауни надеялся, что Бэрт Катон справится с Друсилой — предполагал в нем силу, которая одержит верх над его дочерью. Темноволосой, беспечной, с пышными формами и горячей кровью — женщиной, которая слишком много пила, ездила с сумасшедшей скоростью, постоянно занимала деньги у родственников, ложилась в постель с любым, кто приглянется, одевалась, как вздумается.

Через два года после свадьбы, после продолжительных и бурных медовых недель, проведенных в отделанном заново особняке, у Бэрта Катона случился инфаркт. За четыре месяца врачи поставили его на ноги. Он похудел на двадцать килограммов, седина покрыла каштановую некогда шевелюру, и выглядел он сникшим, одряхлевшим настолько, что страшился даже нагнуться за шляпой, свалившейся на пол. Это был тот год их жизни, когда Друсила достигла точно половины его лет. Инфаркт превратил Бэрта Катона в старика, часто размышлявшего о смерти и не находившего в себе сил, чтобы при-

мириться с ее неизбежностью. Для человека с его интеллектом он поразительно долгое время жил с глубоким убеждением, что не принадлежит к смертным. За время вынужденного отдыха его деловые операции, и раньше весьма сложные, запутанные, оказались под угрозой. У него всегда с избытком хватало энергии ежеминутно держать под контролем большинство коммерческих начинаний. А за недели, проведенные в постели, сорвалось несколько серьезных, выгодных сделок. Он не снабдил детальными инструкциями свою юридическую службу — в результате консультанты ничего не предпринимали. Еще до болезни суммы налогов поглотили всю полученную накануне прибыль, ему пришлось даже расстаться кое с чем из недвижимости, чтобы заплатить хотя бы часть налогов.

Постепенно возвращаясь от врат смерти, Бэрт обнаружил что к жене, которую раньше боготворил, теперь не испытывает никаких чувств. Ему уже не требовалось подчинять ее своей воле. Знал, что слишком много пьет, бесится со скуки, ввязывается в разные истории. Казалось невероятным, что менее года назад, выведенный из терпения, он перекидывал ее через колено и, не обращая внимания на крики, проклятия, удары,

задирал юбку, стягивал нейлоновые трусики, со смехом и явным наслаждением хлестал крепкой ладонью по молочно-белым ягодицам до тех пор, пока боль не пересиливала у виновницы злость и она не рыдала с покорностью и раскаянием ребенка, сознающего, что наказание заслужено. Несколько дней после того она с особой осторожностью садилась на стул и была необычайно послушной и любящей. Тогдашний Бэрт сожалел даже, что не применял в свое время этот мудрый способ усмирения в отношении Этель.

Оправившись после инфаркта, он передвигался теперь осторожно и тяжело, как ходят старые и боязливые люди, и представлялось невероятным, что когда-то умел держать Друсилу в узде. Теперь она казалось еще крупнее и выше, вроде и голос стал громче. Не обращая внимания на ее причуды, старался не слышать, не замечать жену, желая одного — чтобы оставила его в покое. Друсила не входила в разряд вещей необходимых и серьезных. Серьезными и важными стали заботы о деньгах, спокойные и логичные размышления о них.

Теперь он много времени проводил с Полом Вэрни, которого тоже постигли крупные неудачи в делах. Обоим было ясно: необходима экстра-

ординарная, но надежная операция — такая, которая за чрезвычайно короткое время принесет очень высокую прибыль, и прибыль наличными, недосягаемую для налоговой инспекции.

Никакие иные сделки не имели для них смысла.

Пол нашел такой способ и завязал необходимые контакты. Бэрт Катон боялся рисковать. Еще больше страшился доконать сердце постоянным напряжением и волнением: никогда еще он не брался за такую опасную и незаконную операцию. Но пересилил себя. Пол взялся за дело. И однажды вечером Бэрт, измученный депрессиями, опасениями, в поисках понимания и поддержки, рассказал все Друсиле.

А через две недели та рассказала Дэнни, правда, открыла ему не все. Просто ей хотелось его поразить, передала в общих чертах. Не собиралась раскрывать подробности, имена, однако в конце концов, нервно хихикая от возбуждения, выложила все.

Дэнни, загасив сигарету, выбрался из огромной постели. Подойдя к окну, посмотрел на градусник снаружи — семнадцать. А вода еще холоднее, наверно. Миновав гостиную, вышел нагишом на маленькую террасу, выложенную плиткой. На

камнях, светлой доске металлического столика, плетеных стульях — всюду лежали пламенеющие октябрьские листья. Он спустился по тропинке к озеру — могучий, крепкий мужчина со светлой растительностью на теле. Пробежавшись по пристани, без колебания бросился в ледяную воду, равномерно работая руками, доплыл до середины и, не теряя темпа, вернулся на берег. Дрожащий, вбежал в дом, кутаясь в большое полотенце с монограммой «К». Побрившись, надел шоколадного цвета брюки, белую спортивную рубашку и желтый кашемировый жилет, подаренный Друсилой.

Тщательно приготовив обильный завтрак, вынес поднос на террасу, на солнышко. Целый час протянул за кофе с сигаретами, заставляя себя успокоиться, пересилить волнение. Вэрни придется принять его правила, будет вынужден участвовать в его игре — у него нет выбора. А для Дэнни речь идет о многом. Все должно получиться; и он тогда уедет подальше от вездесущего ничтожества Кифли.

Он всегда мечтал о такой возможности. И никогда не верил, что будет настолько близок к ее достижению. Пока Дэнни в мае не выпустили, он многое передумал. Раздумья были окрашены го-

речью: сознавал, как немногого добился в жизни. В тридцать два года ему нечем гордиться. Знал, что Кеннеди в конце концов снова затянет в свою шайку — для него найдется грязная работа. Всегда ведь нужен громила за несколько долларов в неделю. И в конце неизбежно, неумолимо маячила четвертая отсидка. И клеймо рецидивиста. И долгие, долгие годы заключения. Кеннеди ничего не стоило поручить своим пронырливым юристам обеспечить надежного адвоката. Но ради Дэнни он не пошевельнет и пальцем.

Оказавшись на свободе, стал служить у Грэнуолта, очень осторожно и тактично отвергая все предложения парней Кеннеди. Но бежали недели — и его охватывало недоброе предчувствие, что рано или поздно придется вернуться в организацию. Другого выхода он не видел, хотя придумывал и отвергал дюжины планов, как провернуть операции в одиночку.

А затем в последнюю неделю июня попал на вечеринку, устроенную одним из местных чиновников, у которого были прочные связи с Бухардом и Кеннеди. Поэтому увидел здесь много знакомых лиц. Парни Кеннеди полагали, что его возвращение в родное стойло — всего лишь вопрос времени. На вечеринке он встретил Друсилу

Катон — случилось это уже в конце веселья. Спутник ее напился до бесчувствия, и его пришлось уложить в спальне рядом с другими потерпевшими. Друсила оказалась крупной, красивой, полной жизни тридцатилетней брюнеткой с решительным характером; ее голос и манера речи напоминали ему Кэтрин Хепберн.

Со стаканами в руках они вышли на террасу, с которой открывался вид на город и озеро, и Друсила бесстрашно уселась на широкую бетонную ограду на шестнадцатом этаже. Он слушал ее болтовню сначала с умеренным интересом, затем — с нарастающим волнением. Спутника, с которым сюда пришла, она едва знает. Ее муж Бэртон Катон. Дэнни было известно только то, что он намного старше жены, имеет деньги и положение в обществе. Она сообщила, что Катон перенес тяжелый инфаркт и теперь настолько занят собственным пульсом, что на нее не остается времени. Вечеринка совершенно восхитительная, как и люди, которых она здесь встретила, гораздо интереснее, чем наскучившие приятели ее круга. Откровенно говоря, эти приятели рядом с гостями на вечеринке выглядят людьми вроде без крови. Правда ли, что этому Элу Элтамиру отстрелили левую руку? Дэнни рассказал, как

ему ее ампутировали из дробовика двенадцатого калибра во время дебатов профсоюзных деятелей, а она с восторгом выспрашивала подробности, трепеща от возбуждения. Чувствовалось, что она пресыщенна, легкомысленна, непостоянна и не может жить без встряски и скандалов. Но уяснил, что за ней стоят деньги.

Так что, когда заинтересовалась им самим, не стал скрывать реальных фактов, как сделал бы с женщиной другого склада. Сказал правду, да еще и приукрасил. Придумал даже нелепое кровавое прошлое. На самом-то деле совершил лишь одно убийство, да и то случайно, ненамеренно. Бухард приказал как следует проучить контрабандиста, посягнувшего на выручку. В полутемном помещении, где шла расправа, Дэнни не совсем сориентировался: удар пришелся не в челюсть, а в горло, и бедолага задохнулся. Проблему удалось решить, бросив труп под колеса медленно тащившегося товарного поезда, однако Бухард остался недоволен; зато потом обнаружилось, что «случайность» весьма благотворно подействовала на других мошенников. В другой раз Дэнни, поскольку он хорошо водил машину и знал местность, отправили за двумя специалистами, которым надлежало позаботить-

ся насчет спекулянта Бермана. Тот, узнав, что у него нашли неизлечимую форму рака, захотел не только помириться с Богом, против чего Ник не имел ни малейших возражений, но и задумал получить очищение перед присяжными на суде, а это уже была процедура, с которой Ник никоим образом не мог согласиться. Наиболее серьезным из тех двоих доставленных снайперов оказался мрачный, сонный паренек невысокого роста по прозвищу Гороховый Стрелок. Дэнни, сидевший за рулем, услышал глухой треск, не громче щелчка пальцами, а через час, когда ставил машину в гараж, узнал, что Бермана, который как раз пил дома в кухне кофе, настигла пуля, угодившая точно в раковину правого уха. Принимая во внимание его заболевание, выстрел можно было считать просто хорошей услугой.

Однако Друсиле Катон Дэнни в красках живописал все три отсидки и кровожадные приключения, приводя красноречивые подробности из баек людей своей профессии, которых вдоволь наслушался за всю жизнь. И заметил: чем больше приписывал себе кровожадности, тем сильнее трепетала от восторга Друсила и теснее прижималась горячей ногой к его бедру, пока они беседовали на террасе. Вот она — удивительная

быль, о которой приходилось слышать, — восхищение сексуально агрессивной дамочки из хорошего семейства, которую охмуряет громила, убийца или игрок.

Овладел ею в ту же ночь на шерстяном пледе, расстеленном возле ее машины километрах в двадцати за городом. Был с нею груб, нетерпелив, потому что догадывался — именно этого она ждала от него. И убедился: как женщина она весьма требовательна.

Последующие вечера проводили вместе. В конце недели он уволился с работы, отказался от снятой квартиры и первого июля переселился на дачу. Принимая во внимание инфаркт, казалось в высшей степени невероятным, чтобы Бэрт Катон еще когда-нибудь приблизился к даче. Дэнни, собственно, понимал, что он всего лишь здоровый производитель на содержании у богатой женщины. Ничего иного она от него не ожидала, однако в случае с Друсилой Катон это его назначение превращалось в задачу поистине героическую. Первого июля ей выплатили проценты с капитала за полгода. После уплаты долгов осталось еще достаточно, чтобы купить ему новую машину, столько одежды, сколько не имел за всю жизнь, заполнить дачу морем

выпивки и большими коробками с продуктами и сверх того дать на карманные расходы. Никогда еще он не жил лучше и никогда не испытывал такого одиночества. Ситуация не стала той прекрасной возможностью, которую представлял в мечтах, но все же было лучше, чем тянуть лямку у Грэнуолта.

Разумеется, чтобы их отношения устраивали обоих, следовало уточнить позиции. Он объяснил ей, что, принимая во внимание долгую память его недругов, для его здоровья полезнее пожить в такой изоляции. Кроме того, можно обдумывать план большой акции. Друсила сказала: дачу ему предложила потому, что ею никто не пользуется. Выносливость у нее была поразительная. Выскальзывая из постели в час ночи, она возвращалась сюда же в восемь утра — свежая, нетерпеливая, пышущая здоровьем, с ненасытным требованием его ласк. Дэнни Бронсон начал было подумывать, надолго ли его хватит.

А потом выяснилось, что до его великого шанса рукой подать. Как-то, расспрашивая любовника про большую аферу, которую он якобы обдумывал (ей не надоедало слушать истории о преступном мире), Друсила сказала:

— Знаешь, на самом-то деле это несправедливо.

Такого, как ты, сразу же в чем угодно заподозрят. А вот *уважаемые* люди, вроде Бэрта и Пола Вэрни, выберутся из любой подлости, и никто об этом не узнает.

— Ты о чем это?

— Они что-то затевают. Все зависит от того, удастся ли им избавиться от тех денег. Сумма громадная.

Когда Дэнни стал допытываться, о чем идет речь, Друсила изобразила таинственность и неприступность. В последнее время она начинала им помыкать, распоряжаясь, приказывая. Хозяином положения он был лишь вначале, когда обращался с ней повелительно и грубо, хотя относился к такой манере как к игре: казалось, ей это нравится, она этого ждет. Однако сейчас совсем другое дело.

Много времени не требовалось — нервные центры и болевые точки у женщины те же, что у мужчины. С подъемом волны настоящей боли нахлынул страх, отразившийся на пепельно-сером лице; совершенно покорная его воле, она на едином вздохе выдавала поток фактов. Потом, держа ее за плечо, мягко подвел к огромной постели — она двигалась, как ослабевшая, очень старая женщина. Когда боль отпустила, заставил

ее повторить снова, переспрашивая, уточняя, пока не убедился, что знает все, известное ей. Этот суровый допрос совершенно преобразил Друсилу, сделав ее покорной и любящей. Дэнни снова стал господином и повелителем.

Вначале он собирался действовать не торопясь, осторожно; пользуясь бесценной информацией, полученной от Друсилы, доить Вэрни и Катона постепенно, чтобы не вызвать переполоха. Регулярно звонил Ричардсону, как и положено человеку под надзором.

И тогда в его игру вмешался Кифли. Внезапно, совершенно неожиданно Дэнни стали разыскивать за нарушение правил надзора, он опять превратился в преступника, которому придется отсидеть больше семи лет. Когда выйдет из тюрьмы, ему будет сорок. Если и была на свете единственная истина, то она звучала так: «Никогда больше меня не засадят в тюрьму».

И это изменило его подход к Вэрни и Катону. Он должен заработать на их деле много и быстро. Нужно прижать их, но в то же время позаботиться о своей защите. Письмо из жестянки с мукой на кухне Люсиль — одна подстраховка. Тысяча, которую оставил у нее в четверг, — другая. Вспоминая Люсиль, он каждый раз чувствовал

себя запачкавшимся, грязным. Похотливая дура, Ли заслуживает лучшей жены, чем эта щедрая потаскушка. Уставилась на него и прямо упрашивала, ясно — когда женщина так смотрит, значит, приспичило. А он, слабак жалкий, не смог удержаться. Господи, только бы Ли не узнал! Впрочем, рано или поздно поймет, какая у него жена. Подвернется ей кто-нибудь другой — все равно догадается.

Вэрни должен приехать в два. Еще час ожидания. Есть время хорошенько обдумать, как все преподнести. Этот тип не теряет самообладания, надо отдать ему должное. Дэнни в четверг заодно заехал в город и в четверть десятого позвонил Полу Вэрни в контору, упросил несговорчивую секретаршу соединить с ним лично.

— Меня зовут Бронсон. Вы меня не знаете, мистер Вэрни. Хотелось бы как можно скорее встретиться с вами по поводу очень серьезного дела.

Голос у Вэрни оказался глубоким, дикция — безукоризненной.

— К сожалению, я очень занят, мистер Бронсон. Вы не могли бы сказать, о чем пойдет речь?

— Я назову два имени, может, вы сообразите. Катон, Роувер.

Никакой реакции.

— Вы меня слышите, мистер Вэрни?

— Да, я слушаю, Бронсон. — Глубокий голос оставался безмятежным. — Могу принять вас в десять.

Контора Вэрни находилась на шестом этаже, табличка на дверях гласила: «Пол Д. Вэрни, адвокат». Контора небольшая, тихая, обставленная скромно и по-деловому. Секретарша благоговейным шепотом объявила:

— В эту дверь, мистер Бронсон. Вас ждут.

Друсила описывала его таким образом: «Высокий, худой, мрачноватого вида. Очень солидные манеры, одевается немного старомодно. Сообразительный, глаза хитрые, глубоко посаженные. Уже не один год ведет дела вместе с Бэртом. Сейчас-то ему подрезали крылышки налогами, и Бэрту тоже. Начислили огромную сумму за последние пять лет, да еще добавили штрафы».

Вэрни встретил Дэнни, сидя за рабочим столом. Облик его точь-в-точь совпадал с характеристикой Друсилы. Однако Вэрни оказался намного моложе, чем представлял себе Дэнни — лишь чуть за сорок, а он-то рассчитывал увидеть поблекшего, слабого старца. Несмотря на худобу, руки у него были крепкие, плечи могучие, и,

по-видимому, на здоровье он не жаловался.

— Садитесь, мистер Бронсон. Ваше сообщение звучало весьма загадочно. Признаюсь, заинтересовало меня. Сигару?

— Благодарю.

Дэнни, откусив кончик сигары, выплюнул его на ковер и прикурил от серебряной зажигалки — подарок Друсилы. Откинувшись в кресле, улыбнулся и в деталях обрисовал операцию, задуманную Катоном и Вэрни, не спуская при этом глаз с собеседника. Однако лицо его оставалось невозмутимым, даже губы не дрогнули.

— И откуда вы взяли этот любопытный сюжет?

— От жены Катона: он ей все рассказал.

Вэрни кивнул:

— Понятно. Если этот сюжет оказался бы реальностью, каким представляется ваш следующий шаг?

Дэнни четко изложил свои требования. Вэрни опять совершенно небрежно кивнул:

— Если этот сюжет случайно соответствует действительности, вы, надеюсь, понимаете: я не могу дать ответ немедленно, сразу.

— Что ж, понимаю. Думаю, что вы навестите меня.

— Где вы живете?

— На даче у Катона.

Впервые в глазах адвоката промелькнуло удивление, которое, однако, сразу исчезло.

— В воскресенье? Около двух?

— Отлично, мистер Вэрни. Только хочу внести ясность в один вопрос: я позаботился о защите — со стороны властей. Изложил всю историю в письме и оставил его в надежном месте. Стоит только мне не выйти на связь, оно окажется в полиции.

— Разумная предосторожность, мистер Бронсон.

— И я так думаю.

— Итак, в воскресенье.

Дэнни был неприятно удивлен сдержанным, небрежным отношением адвоката к своей персоне. Задетый его железным самообладанием, повинуясь минутному порыву, он выпалил:

— Люди вашей профессии получают от клиента аванс. Я тоже не имею ничего против небольшого задатка. В качестве проявления доброй воли.

— Сколько, мистер Бронсон?

— Тысяча.

Вэрни кивнул. Они вдвоем зашли в банк неподалеку. Дэнни подождал, пока Вэрни получил по чеку и, вернувшись к нему, вручил конверт

с двадцатью купюрами по пятьдесят долларов. Затем не удержался:

— По крайней мере, согласитесь, что я не ошибся со ставкой.

— Мы обсудим это в воскресенье, мистер Бронсон.

— Приезжайте один. Дорогу знаете?

— Я уже бывал там. До свиданья, мистер Бронсон.

Вэрни приехал сразу после двух — в черном, массивном «додже». Услышав шум автомобиля, Дэнни направился его встречать. Припарковавшись рядом с машиной Дэнни, Вэрни вышел — в темно-синем помятом костюме и серой шляпе.

Руки, разумеется, они друг другу не подали. Присели за светлый металлический столик на террасе. Дэнни предложил кофе — только что заваренный, и Вэрни ответил, что выпьет чашку с удовольствием, спасибо, без сливок, сахар не надо. Дэнни вынес из дома поднос с чашками, кофейником. Вэрни держался так, словно представлял клиента по делу, лично его не интересовавшему.

Разлив кофе, Дэнни уселся.

— Мистер Бронсон, я долго обдумывал ваше предложение. Мистер Катон ничего не знает, с

ним я не советовался. По-моему, будет разумнее, если мы спокойно обсудим всю ситуацию сами и придем к обоюдно устраивающему решению.

— Пустой разговор!

— Полагаю, вы разумный человек. Надеюсь, обладаете определенной интеллигентностью, чтобы объективно оценить обстоятельства.

— Я слушаю.

— Мистер Катон и я сейчас оказались в исключительно неблагоприятной финансовой ситуации. Мы вместе начали рискованную операцию, и, кроме того, каждый из нас заинтересован в других сделках. Основная проблема для нас — безошибочный расчет времени. Мне удалось убедить служащих налогового управления предоставить отсрочку, не объявляя арест на состояние и недвижимость. Мы решились на эту опасную операцию, о которой вы разузнали, потому только, что она дает единственную возможность получить крупную сумму наличными.

— Противозаконную возможность.

— Разумеется. Однако до вашего звонка риск оставался допустимым. По нашим подсчетам, поделив доход от этой операции, мы не только уплатим задолженность налоговому управлению, но и сможем сделать вложения в другие

выгодные начинания, которые обеспечат новые прибыли. А теперь давайте посмотрим, что произойдет, если удовлетворить ваши требования. Налоговую задолженность не выплатим. На движимое имущество и недвижимость будет наложен арест. Мистер Катон и я останемся без единого цента, и наши дальнейшие заработки окажутся абсолютно блокированными. А человека без денег запугать весьма трудно, мистер Бронсон. Нам с мистером Катоном удалось наскрести резервные шестьдесят пять тысяч наличными, скажем, на непредвиденные расходы. Можно было использовать их для уплаты налогов, однако мы предпочли вложить их в известную вам операцию. Принять ваши требования означает не только лишение всяких надежд на доход, но и полную потерю шестидесяти пяти тысяч. Скажу вам откровенно: я не говорил о вас до сих пор с мистером Катоном главным образом потому, что, боюсь, это его убило бы.

— Черт возьми, Вэрни, не понимаю, к чему вы клоните?

— Взываю к разуму. Если будете упрямиться и жадничать, как дурак, не получите ничего.

— А вы с Катоном отправитесь за решетку. Я-то уж был там. Уверяю, вам не понравится.

— Возможно. Сомневаюсь, что Бэрт дожил бы до приговора. А я смогу найти немало способов, чтобы избежать осуждения. Это риск, на который я готов пойти.

Дэнни изучал непроницаемое лицо собеседника, стараясь угадать, не берет ли он его на пушку.

— Что вы предлагаете?

— Терпение. Дайте нам закончить операцию по нашему плану. Будем действовать постепенно, без особого риска. Таким образом мы надеемся получить полную номинальную стоимость, то есть двести шестьдесят две тысячи наличными. Вы получите третью часть — что-то больше восьмидесяти семи тысяч. Очень кругленькая сумма, мистер Бронсон. Собственно, это больше, чем вы получили бы, если бы завладели всей суммой и попытались продать ее целиком. Не забывайте: мы получили всю сумму всего за шестьдесят пять тысяч. Говорю вам вполне откровенно, это щедрое предложение, и советую принять его.

— Разве это не будет глупостью с моей стороны? Что мне делать, когда вы эти деньги пустите в продажу? Как докажу свое право на треть?

— Мы составим подробное признание, за подписью моей и мистера Катона. Получив свою

долю, вернете нам документ. Кроме того, мистер Бронсон, деньги могут оказаться недосягаемыми, как вы хорошо понимаете. Что мне, к примеру, помешает сжечь их? Может, лучше это, чем сесть в тюрьму?

— Я скажу вам, Вэрни, почему игра пойдет по моим правилам. И почему играть иначе я не собираюсь. Во-первых, на меня объявлен розыск. Приезжая в город, я уже рискую и больше там не появлюсь. Меня разыскивает полиция за нарушение закона о надзоре. Задолжал штату больше семи лет. Бронсон — мое настоящее имя. Дэнни Бронсон. Говорю это потому, что вам это ничего не дает. Во-вторых, я уже все спланировал. У меня есть связи в Чикаго, достану там новый паспорт — и очень быстро. Точно знаю, куда отправлюсь. Полечу в Турцию, деньги заберу с собой. Мне их незачем продавать — использую там по номинальной стоимости. И никакой опасности, что турки меня выдадут.

— Принимаю к сведению. Но учитываете ли вы, что по сути прояснили позиции в наших переговорах?

Вэрни впервые улыбнулся — широко, но зловеще холодно.

— Что вы имеете в виду? — встрепенулся Дэн-

ни.

— Не позволю себя разорить. Не остановлюсь ни перед чем — клянусь. Клянусь всем святым на свете, Дэниел Бронсон. Либо вы предлагаете разумные условия, либо я уничтожу деньги. И тогда у вас появится возможность отсидеть свои семь лет, Катон сможет умереть, а я сумею постепенно выплатить долги. Меня вы не запугаете. Я решил это сразу же, положив трубку после вашего звонка.

Дэнни посмотрел в глубоко посаженные глаза:

— Сожгите их, Вэрни. Избавьтесь от них. Прекрасно знаете, какие это горячие деньги. Уже более трех лет — самые горячие в Штатах. Мне достаточно стукнуть парням из ФБР, и на вас насядет куча профессионалов. Они разнюхают, от кого вы получили деньги. Докажут, что они у вас были. И тогда уж вообще не будет иметь значения, сожгли вы их или нет. Хотите продолжать такую игру?

Вэрни, откинувшись на стуле, произнес дрогнувшим голосом:

— С вами трудно иметь дело, Бронсон.

— Мы уже обменялись ходами, я знаю — вы загнаны в угол, но не хочу, чтобы совершили какую-нибудь глупость — ни вы, ни Катон. По-

нимаю, следует что-то оставить и вам, согласен. Мне нужно двести тысяч. Сто девяносто пять могут быть из тех горячих, а пять — нормальные, которые можно использовать всюду, в небольших купюрах. Вам останется… посмотрим, сто тридцать две тысячи меченых долларов. Можете избавиться от них через свои каналы, удвоив при этом свой вклад.

— Этого не хватит.

— Должно хватить. Черт побери, если вы действительно влипли, почему бы не прижать Катона, возьмите все, что останется, делайте, как я. Хуже не будет.

— Этого не хватит.

— Я предлагаю шанс, используйте его.

Вэрни приподнял густую бровь:

— Или…

— Или я уничтожу вас, не задумываясь, что будет со мной. Семь лет пролетят быстро. Доставите мне деньги сюда, в среду. И не жмитесь — ни центом меньше. Только умерьте фантазии, я ведь сказал уже — все описал и укрыл в надежном месте.

Вэрни, опустив глаза, долго рассматривал руки с крепкими костяшками. Наконец кивнул:

— Хорошо.

— В среду.
— В среду, после полудня.
— Я после этого здесь не задержусь.
— Миссис Катон уедет с вами?
— Собирается.
Вэрни поднялся:
— Глупая, ничтожная женщина.

Дэнни смотрел, как «додж» удаляется по дороге из гравия, сворачивает на проселок и исчезает за деревьями. Вернувшись в дом, бросил в стакан два кусочка льда, налил виски. Зашел в спальню и, ухмыляясь себе в самое большое зеркало, молча выпил.

5
Пол Вэрни

Хотя осложнения у Вэрни возникли год назад, ему казалось — неудачи преследуют его всю жизнь. Для преодоления любой неприятности требовалось раз от раза все больше усилий. В прошлом он привык полагаться на Бэрта Катона с его общительностью, оптимизмом, ясной и смелой мыслью.

Однако того Бэрта уж нет, а вместо него остался помеченный смертью старик, полный опасений, слезливый, подавленный депрессиями. Как он мог совершить такое безумство — проболтаться Друсиле? Ведь они готовили акцию в абсолютной тайне, со всеми предосторожностями.

Езда за рулем отвлекала, успокаивала, и, возвращаясь в Хэнкок, он вспоминал, как гордился тем, что взялся за дело с исключительной предусмотрительностью, не оставив ни единого следа. Никто не в силах доказать, что он на машине ездил в Талсу и вернулся с деньгами в багажнике. Уже больше трех лет люди ломают голову, что стало с деньгами из дела Роуверов. В то время,

когда все разыгралось, он внимательно следил за сообщениями в газетах. Если бы кто-нибудь тогда сказал ему, что он станет обладателем тех денег, он пришел бы в ужас.

Кэлвин Роувер — богатый житель Хьюстона, из коренных, наживший миллионы на нефти, участках для ранчо и транспорте, рослый, сердечный человек, который лишь в сорок лет женился на очень красивой девушке из Форт Уэрта. Через год с небольшим после свадьбы у них родились мальчики-близнецы, а еще через два года — дочка. Роуверу принадлежало летнее поместье в холмистом краю к северу от Сан-Антонио — большой, но скромный дом на 15-акровом участке земли в излучине реки Гуадалупе, недалеко от городка Бандера. Часть земли он приказал оборудовать под посадочную площадку и в жаркие месяцы летал в офис и возвращался на личном самолете. Одним августовским утром, в среду, вместе с ним в Хьюстон полетела и жена, чтобы пройтись по магазинам. Дети остались в летнем доме с поваром, горничной, там же находились трое рабочих с подрядчиком. Мальчикам было тогда девять, девочке — семь лет.

Около полудня близнецы исчезли. Один человек сообщил, что видел старый фургон, стоявший

на подъездной дороге к Роуверам. Было это, наверно, часа в два. Марку машины не разглядел — стояла далеко, сколько внутри людей, не обратил внимания. Он вообще забыл об этом случае и вспомнил только в полночь, когда его опрашивал капитан дорожной инспекции. На следующее утро недалеко от места, где стоял фургон, обнаружили обрывок коричневой оберточной бумаги, придавленный камнем. На нем чернилами было написано: «Если хотите видеть своих детей живыми, соберите полмиллиона долларов в мелких купюрах и ждите, пока не дадим знать».

Роувер с большим трудом достал требуемую наличность — так, чтобы не привлечь внимания газетчиков. Полиция работала тщательно, оперативно, и после положенных семи дней было подключено ФБР. Похитители не объявились. На совещании штаба по розыску решили подготовить другие деньги, которые потом можно будет опознать. Заказали полмиллиона совершенно новых купюр достоинством в десять, двадцать, пятьдесят долларов, заменив ими деньги, собранные Роувером. Денежные знаки подвергли механической и ручной обработке, чтобы они казались старыми, бывшими в употреблении, перемешали для нарушения последовательности

номеров серий и упаковали. Надеялись, что при таком количестве похитители вряд ли способны заметить последовательность серий. Деньги уместились в два больших чемодана.

Через десять дней после похищения в контору Роувера пришло письмо. Отправлено из Далласа. Ни бумага, ни конверт, подвергнутые экспертизе, не дали никаких сведений. В письме излагался план передачи денег, настолько продуманный и неуязвимый, что его так никогда и не сообщили журналистам. Похитители обещали: как только получат деньги, мальчиков отпустят в каком-нибудь большом городе. Полиция, бессильная что-либо предпринять, согласилась на передачу выкупа, которая благополучно и состоялась на двенадцатый день после похищения. Три страницы с номерами серий тихонько разослали по всем банкам. Прошло две недели, а мальчиков не отпустили.

Их трупы обнаружили в полутора километрах от городка Вандерпул, почти в тридцати километрах от летнего поместья Роуверов. Обоих мальчиков убили, проломив череп, бросили в мелкий ручей, небрежно прикрыв камнями и песком. Вода и ветер оголили детскую ногу, и на каменную могилу наткнулся местный пастух.

После этого убийство обсуждалось со всеми подробностями, за исключением того, что номера купюр переписаны.

Деньги объявились в банках города Янгстаун, в Огайо. Следы привели к юноше, ездившему в небольшом фургоне с пенсильванским номером. Он арендовал фермерский домик под Оранжвиллем, недалеко от границы Пенсильвании. Когда ферму окружили, завязалась перестрелка, в ходе которой один полицейский был серьезно ранен, а трое обитателей дома — юноша, пожилой мужчина и молодая женщина — убиты. Все состояли на учете в полиции. Молодая пара числилась среди наркоманов. Один из чемоданов, в котором оказалось более ста шестидесяти пяти тысяч, доставили в полицейский участок Янгстауна.

Слухи о другом чемодане: найден он или нет, если да, то какова его судьба, — противоречили один другому. Информация о переписанных номерах денежных знаков попала в газеты, на радио, экраны телевизоров. Полицейские службы штата, округа, городские вели интенсивное расследование в сотрудничестве с федеральной полицией. Второй чемодан, если он в самом деле существовал, отыскать не удалось. Одни утверждали, что в похищении были замешаны, по

меньшей мере, еще один или двое участников, а потом группа разделилась. Другие считали — оставшиеся деньги присвоил кто-то из полицейских. Но если и остались соучастники, они, конечно, осведомлены, что не смогут воспользоваться добычей.

Пол Вэрни и не думал о тех деньгах, когда к нему заявился Роджер Диксон. Они были хорошо знакомы, даже близки, будучи студентами юридического факультета, но потом, после выпуска, связь оборвалась. Диксон в Детройте занялся уголовным правом, дела его шли в гору до самого 1949 года, когда Роджера привлекли к ответственности за взятки городским властям. Его изобличили, лишили должности и, наложив штраф, исключили из коллегии адвокатов. Вэрни узнал об этом из газет, удивившись легкомыслию Диксона.

Минуло уже, пожалуй, два месяца после инфаркта Катона, когда Вэрни как-то вечером, приехав из конторы в частный клуб, где занимал комнату, обнаружил, что в холле его дожидается Роджер Диксон. От него веяло благополучием и самоуверенностью. Они поднялись в покои Вэрни.

Комната Пола отличалась старомодным уютом

и удобствами. Они выпили виски.

— Старина Пол, — начал Диксон, — выглядишь в точности, как я и предполагал. Оправдал собственные надежды. Я не раз думал, что ты, пожалуй, с рождения ощущал себя самодовольным холостяком. Что случилось с Мелиссой?

— Мы поженились. А шесть лет назад с ней произошел нервный срыв, начались припадки. Сейчас она в специальном заведении. Мальчика тоже здесь нет — в школе. Ему сейчас пятнадцать.

Вэрни ожидал естественной реакции — сочувствия и симпатии. Однако Диксон, насмешливо, даже язвительно улыбаясь, заметил:

— И ты наслаждаешься каждой минутой их отсутствия?

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что хорошо тебя знаю. Впрочем, оставим это.

— Ты выглядишь весьма преуспевающим, Роджер.

— Конечно, тебе известно, что у меня были неприятности. И ты разочарован оттого, что не встретил меня на углу с жестянкой для подаяния.

— Ну почему же, я рад, что дела твои идут хоро-

шо. Диксон с неприятной усмешкой подтвердил:

— Еще бы, разумеется, рад. Славный старина Пол. Всем он желает самого лучшего. Но меня-то не проведешь. Тебе ни до кого никогда не было дела. Мы ведь жили в одной комнате, Пол. Возможно, другим еще не удавалось проникнуть за твой фасад, только не мне. Не знаю, что тебя изуродовало, но когда мы познакомились, ты уже весь состоял из неживой материи.

— Извини, я не стану слушать подобные вещи.

— Станешь, Пол. Будешь слушать, потому что мне известно — ты крепко сел на мель, еле-еле унес ноги от обвинений в нарушении закона и сейчас прекрасно соображаешь, что я пришел с выгодным предложением, на котором ты сделаешь деньги. Так уж не мешай, дай выложить все, чего мне давно хотелось.

— Ты всегда был чересчур эмоционален.

— В отличие от тебя, Пол. Эмоции для тебя не существовали. Я же видел, как ты добиваешься своего. Холодный как автомат. Ни сожалений, ни преград, никакой этики.

— Дисквалифицированный юрист читает мне лекцию об этике.

— Речь идет об этике в человеческих отношениях. Стоило кому-то или чему-то оказаться на

твоем пути, ты безжалостно с ним расправлялся, сметая с дороги. Никогда не встречал я такого бесчувственного, хладнокровного, страшного честолюбия и тщеславия… Мне хотелось выяснить, что тебя сделало таким, каким ты был и остался.

— Тебе не кажется, твоей речи не достает оркестрового сопровождения?

— Не мешало бы включить заранее. Итак — безграничное корыстолюбие, плюс исключительный эгоизм, плюс неумолимый, методичный интеллект. Мне бы сразу понять тебя и держаться подальше. Тогда ты, может, и не пожелал бы жениться на Мелиссе. Она тебе понадобилась потому только, что была нужна мне.

— Мелисса выбрала сама.

— Она тебя не знала. А я следил за тобой, Пол. Денег и положения ты добился, как можно было предвидеть, очень быстро. И потом пошел в гору. Рвался вверх и наконец поскользнулся, словно осел на льду. Когда я узнал об этом, в ту ночь я на радостях напился, Пол. Отметил событие. И ставил выпивку всем подряд: пейте за полный крах Пола Вэрни — самого крупного мерзавца на свете!

— Ты по-прежнему слишком чувствителен, Роджер. Вот упомянул методичность моего ин-

теллекта. Напрашивается естественный вопрос. Похоже, ты меня… осуждаешь. И при этом даешь понять, что готов сделать мне выгодное предложение. Значит, предложение сомнительное, верно?

— Логичный вывод. Но я в этом деле всего лишь посредник. Когда выслушаешь всю историю, поймешь, почему мы совершенно естественно вышли на тебя. В душе ты готов нарушить закон, но в глазах общества относительно чист. Безнравственный человек, но сообразительный проныра. Злобный, но отважный. Я всегда признавал твои достоинства. Главная задача — все обдумать, спланировать, и с этим ты справишься. Можешь отхватить двести тысяч свободных от налогов долларов. Повторяю, я только доверенное лицо — передаю предложение. Будь моя воля, близко бы тебя не подпустил, если бы знал, как обойтись. Но ты прямо создан для такого дела.

Вэрни сложил бледные, крепкие кисти:

— Слушаю.

Диксон, придвинувшись со стулом, понизил голос:

— Помнишь дело Роуверов? С деньгами? Они не объявились. И остаются горячими, всегда будут в розыске. Триста двадцать семь тысяч — все бу-

мажками по двадцать, пятьдесят долларов. Тогда ночью их заграбастал полицейский из округа, отвез их километров на пять подальше, сунул в кусты, а на следующее утро забрал. Сидел на них почти год, боялся трогать, даже не раскрыл чемодан. В конце концов продал их за десять тысяч нормальных, чтоб не страдать от бессонницы. Купил их один спекулянт из Кливленда, но, чуток поразмыслив, был страшно рад, когда неделей позже удалось сплавить моему приятелю в Детройте за пятнадцать тысяч. Мой клиент надеялся посидеть на них пару лет, и, когда деньги поостынут, рискнуть пустить их в дело. А они не остыли. Ему сейчас срочно нужна наличность, поэтому — продает. Цена — восемьдесят.

— А почему ты обратился ко мне?

— Их невозможно продать обычным способом — никто не хочет связываться. Если перекупщика схватят, ему трудно доказать, что в похищении он не замешан. Примерно месяц назад мы все обсудили. У меня возникли кое-какие идеи, одна из них — ты.

— Какую пользу извлеку из этих денег я?

— Ты чистый. И Катон тоже. Вы оба способны рисковать. Ты можешь вывезти их из Штатов. Черт побери, оба можете ехать куда вздумается,

вывозить понемногу. В конце концов можно положить их в сейф — в Южной, Средней Америке, в Мексике. Там их можете вложить в дело. Предположим, в Рио ты идешь в пять, шесть банков. Эти деньги ведь можно обменять на другую валюту, а затем — опять на доллары. Через несколько месяцев меченые вернутся в федеральный резервный фонд. Но тогда уже невозможно будет проследить, откуда они.

— Почему ты сам не займешься этим?

— Потому что мне трудно достать паспорт для выезда. И нет законного предлога для деловых поездок. А у тебя с Катоном есть акции Панамской пароходной компании и двух небольших южноамериканских авиалиний.

— Откуда, черт побери, тебе это известно?

— Ого, Пол, впервые услышал, как ты выругался. Пусть тебя не волнуют источники моих сведений.

— Те акции практически ничего не стоят.

— Но они у тебя есть.

— Разве не может кто-нибудь из твоих… сообщников выехать из Штатов?

— Вокруг этих денег, Пол, царит какой-то суеверный ужас. Неразумный, согласен, однако так обстоят дела. Мой приятель, который готов их

спустить, три месяца назад был во Франции. Захватил с собой пятьдесят тысяч, но извелся от страха и привез назад нетронутыми, а весь горячий улов перепрятал в надежное место. Надеюсь, ты достаточно трезво смотришь на жизнь и не страдаешь суеверностью?

— Сколько получишь ты?

— Десять процентов.

— Почему бы ему не забрать весь улов и не переселиться куда-нибудь в другие края?

— Он патриот: ему нравятся молочные коктейли и кондиционеры. И ведет еще кое-какие игры. Устраивает?

— Я… должен подумать.

— Не упусти шанс. Деньги достанешь?

— Не сразу. В данный момент вряд ли. Может, вместе с Катоном сложимся, если он согласится.

— Согласится, если соображает, как ты, Пол. Я так и сказал месяц назад своему приятелю: нужно продать кому-то из легальных. Здесь чересчур рискованно пускать их в дело. Тысячи три, может, истратишь, а потом какой-нибудь буквоед в окошечке банка сверится со списком. Когда начнется охота, ты и не узнаешь. Станут затягивать сеть, используя каждую купюру как след, обложат, как свора собак зайца.

— Как мне с тобой связаться?

— Остановился в отеле «Хэнкок». Буду ждать.

— А как я узнаю, что это действительно те деньги?

Может, мне всучат гору фальшивых бумажек?

Диксон ухмыльнулся:

— Чтобы развеять сомнения, дружок, возьми одну из этих пятидесяток и проверь в банке.

— Но…

— Деньги те самые. Получишь список на трех страницах тех номеров серий, можешь проверить. За каждый свой доллар купишь три… нет, четыре.

Катон, без сил покоившийся в постели, выслушав, пришел в ужас. Потребовалось целых два часа, чтобы его уговорить, и когда Пол уезжал, тот был при последнем издыхании. Зато Вэрни добился четкого представления о пределе их возможностей: Бэрт дает сорок, он двадцать пять тысяч, и больше у них не остается ни цента. Шестьдесят пять тысяч.

Диксону предложил шестьдесят. Тот сначала рассмеялся, потом расстроился и, наконец, пришел в ярость. Пол не уступал. Диксон отправился на телефонные переговоры. Вернувшись, объявил: не менее семидесяти. Пол предложил

шестьдесят пять, предупредив, что это максимум. На этот раз Диксон отсутствовал дольше, а когда возвратился, сказал:

— Ладно. Отлично, просто как в сказке. Аукнулись мои десять процентов — дает только пять. Вместо восьми тысяч получу паршивых три с четвертью, а он заработает всего на тысячу с четвертью меньше, чем если бы отдал за семьдесят. Ладно, записывай: Хоган, 68681. Готово? Это заведение в Талсе. Позвони в любой день на будущей неделе прямо из Талсы. Спросишь Джерри. Эти шестьдесят пять тысяч наличными имей при себе — не в тысячах. Когда подойдет Джерри, спроси, где можно купить хороший, обкатанный «кадиллак». Он назовет адрес и там с тобой встретится.

— Талса!

— Город как город. Где-то в Оклахоме. Вряд ли тебе понравится — мало кто его хвалит.

Прощаясь, оба понимали, что видятся в последний раз. Диксон, испытующе, с любопытством глядя на Вэрни, произнес:

— Для тебя, вероятно, это было серьезным испытанием.

— Что именно?

— Когда тебя выбили из колеи. Первый удар в

твоей жизни, настоящее потрясение, Пол. И как ты — грыз ковер или бегал по комнате?

— Чувствовал себя обманутым.

— Больше, Пол. Испытал шок: весь мир для тебя перевернулся. Как смели укротить единственного на свете Пола Вэрни! Удивляюсь, как ты не покончил с собой. Или не сошел с ума. По-моему, ты не Из тех, кто способен примириться с крахом. Знаешь, я порой вспоминаю минуты, когда тебе хоть в мелочах кто-то вставал поперек пути. Ты был готов на убийство.

— Ты всегда отличался буйной фантазией, Роджер.

Диксон вздохнул:

— Оказывается, плохо тебя знаю. Ты вернешься — загребешь кучу денег. Оттянешь смерть Катона, добьешься успеха любой ценой. А у меня останется единственная маленькая надежда: никогда больше с тобой не видеться.

— Думаю, ты сможешь это устроить, Роджер.

Никому не сказал, куда едет. В конторе объявил, что отправляется на рыбалку. Катон с лицом покойника дотащился до банка и, приказав принести сейф в кабину, достал всю наличность, затребованную Полом. Слава богу, у обоих в резервном фонде не оказалось тысячных банк-

нот — одни сотенные и немного по пятьдесят долларов. Вэрни положил деньги — две пачки толщиной сантиметров по десять, стянутые каждая резинкой, — на самое дно ручного чемоданчика. Ночью обдумывал предстоящие действия, а наутро, вложив каждую пачку в коробки от сигар с надписью «до востребования», отправил почтой на имя В. В. Уорда в отель Талсы, где под этим именем заказал номер.

Через три дня, приехав в Талсу, позвонил в отель и, выяснив, что коробки получены, распорядился положить их в сейф отеля. Поселившись в номере, получил на них квитанции и послал их сам себе в Талсу до востребования. Затем, когда уж ничего больше не смог придумать для подстраховки, зашел в телефонную будку, набрав номер, спросил Джерри и понес чепуху насчет обкатанной машины.

Вечером его подобрали на темном углу в нескольких квартала от отеля: посадили на заднее сиденье между двумя молчаливыми личностями. У водителя на голове была баскетбольная шапочка, не скрывавшая оттопыренных ушей, его силуэт временами освещался летящими навстречу фонарями, когда они выехали за город и на приличной скорости помчались в

неизвестность. Остановившись наконец, шофер вышел из машины, отворил ворота, снова сел за руль и подъехал к самому дому. Вэрни заперли в маленькой комнатушке, где стоял дешевый темно-синий чемодан с широкой серой полосой, набитый деньгами. Проверил номера серий по списку, полученному от Диксона, — деньги выглядели настоящими. Попробовал было пересчитать, но бросил, понимая, что здесь все. Постучал в дверь — его выпустили. В темном коридоре с ним заговорил приземистый тип, лицо которого разглядеть было невозможно.

— Устраивают?

— Да.

— А ваши где?

— Получу их завтра после девяти.

— Тогда оставайтесь здесь на ночь, завтра вас отвезут в город, и когда они будут в ваших руках, привезут обратно.

— Нет.

Помолчав в недоумении, парень спросил:

— Что же вы предлагаете?

— Эти заберу с собой. Ваши люди могут быть рядом. Утром передам им свои деньги.

— Нет, так не пойдет.

Вэрни осенила новая, более удачная мысль:

— Отвезите меня сейчас в город. Завтра в десять встретимся где-нибудь в людном месте, выбирайте сами. При встрече решим, где произвести обмен.

Они встретились перед большим магазином, Вэрни узнал чемодан. Лицо приземистого типа оказалось бесстрастным, и весь он слегка напоминал индейца.

— Если место назовете вы, может, там заготовили мне ловушку, то же можно думать обо мне. Так куда пойдем?

— Возьмем такси.

— Здесь нет стоянки, придется ловить по пути. Надеюсь, появится — я весь в поту.

Через минуту показалось такси. Остановив его, Вэрни огорошил таксиста вопросом:

— Куда вы отвезли последнего клиента?

— За город. А в чем дело?

— Где ближайшее общественное здание — большое, куда вы возили пассажира?

— Что за чертовщина? Куда я?… на вокзал.

Вэрни посмотрел на приземистого — тот кивнул.

— Везите нас туда, пожалуйста.

На вокзале они направились в мужской туалет, заняли по кабинке. Вэрни, усевшись на унитаз

с чемоданом на коленях, открыл его. Поворошил пачки до самого дна, чтобы убедиться, что верхний слой не является обманным. Захлопнув чемодан, вышел. Из соседней кабины раздался резкий окрик: «Берегись! Стой там, чтоб я видел твои ноги». Вэрни услышал шорох разворачиваемой бумаги. Ждал минут пять, чувствуя, как по рукам стекает холодный пот. Дверь раскрылась, и приземистый вышел, крепко держа под мышками коробки от сигар. Вэрни ожидал каких-то слов, однако парень, ограничившись коротким кивком, исчез. Вэрни торопливо последовал за ним, держась метрах в двадцати сзади. Увидев, что тот зашел в телефонную будку на другом конце вокзала, быстро вышел на улицу и, подозвав такси, велел отвезти в гараж при отеле. Заперев чемодан в багажнике, вывел «додж» из гаража и остановился перед входом в отель. Через десять минут он уже выезжал из города. Тревога отпустила его лишь после того, как, миновав Бартлсвилл, он выехал на шоссе номер 75, идущее на север. Кажется, пронесло. В багажнике лежало триста двадцать семь тысяч долларов. Катон, хотя из шестидесяти пяти тысяч ему принадлежало сорок, согласился поделить добычу поровну.

Договорились, что можно рискнуть и положить

деньги в сейф. Катон опять велел отвезти его в банк. Запершись в одном из малых боксов, они тщательно пересчитали деньги. Катон захотел разделить их пополам, чтобы каждый сам хранил свою долю.

— Было бы лучше все деньги сложить в мой сейф.

— Нет уж, спасибо.

— Пошевели извилинами, Бэрт. Сейчас ты чувствуешь себя хорошо. Но за спиной, как ни говори, инфаркт. Что, если ударит снова? Суд постановит открыть твой сейф — представь себе ситуацию.

— А если сделать по-твоему и я… со мной случится беда, тебе здорово повезло бы, правда, Пол?

— Не очень-то красиво, с твоей стороны, говорить подобные вещи.

— И все же сделаем по-моему, Пол. По крайней мере, у тебя появится причина поторопиться с обменом.

Вэрни не смог его уговорить. Условились, что Пол в ноябре и декабре совершит длительную поездку, взяв с собой по пятьдесят тысяч из доли каждого, и проведет операции по двойному обмену их капитала в пяти штатах Южной Америки. Отмытые таким образом деньги в январе они

используют для уплаты налога с доходов. Пол устроит фиктивный перевод пая из недвижимости, чтобы объяснить, откуда взялись наличные. К тому времени Катон, поправив здоровье, тоже предпримет деловую поездку и отмоет еще такую же сумму. А летом Пол позаботится об оставшихся деньгах. К осени они выплатят всю задолженность налоговому управлению; и у каждого еще останется не очень большая, но весьма кругленькая сумма. Чересчур дотошная проверка фиктивных документов по переводу недвижимости в наличные могла бы вызвать неприятные вопросы об источнике доходов, но такой контроль вряд ли возможен. К тому же, когда Пол выполнит свою миссию в Южной Америке, Катон — в Средней и, наконец, Вэрни произведет обмен в Европе, у них появится большое преимущество во времени на случай расследования по поводу происхождения денег. Смелый рассудок и холодный расчет на каждом этапе операции обеспечат успех.

Вэрни оставил машину в гараже клуба и, войдя через задний ход, поднялся лифтом на третий этаж в свою комнату. Возвращаясь с дачи, он испытывал глубокое беспокойство, так как езда не позволяла сосредоточиться, отвлекала от четких,

целенаправленных, методичных размышлений, что, собственно, и отличало его характер. Кроме того, опасения, страх выводили из душевного равновесия: перед глазами маячила хитрая, упрямая физиономия Дэнни.

Теперь Вэрни готовился к взвешенным, холодным рассуждениям, от которых сейчас зависит все. Облачившись в поношенную домашнюю куртку, он уселся в глубокое кожаное кресло лицом к окну. Небо над городом было затянуто облаками, и в комнату просачивались серые сумерки.

Болтливый, больной муж. Жена больного мужа, выбравшая неподходящего партнера для сексуальных забав. Жизненная эпопея Бронсона. Подорванное здоровье Катона. Семь лет, которые Дэнни задолжал штату. Его письменное сообщение для собственной защиты, подстраховки. Таковы факты. Вэрни исследовал каждый из них, перебирая один за другим, оценивая, изучая последствия. Несомненно, существует способ, как добиться, чтобы отдельные факты состыковались, если к ним добавить новые. И в результате должна возникнуть единственно приемлемая картина.

Основное положение: опасная ситуация, любой

ее поворот может привести к смерти Катона. Следовательно, первый необходимый шаг — забрать деньги из его сейфа. Катону нужно предъявить спокойные, логичные доводы.

Сказать Бэрту, насколько опасно пренебрегать возможностью, что сейф могут открыть по решению суда. Объяснить, что такая возможность является источником постоянной угрозы. Убедить, что гораздо разумнее держать деньги не только в более надежном, но и доступном месте. Например, в конторе Пола Вэрни.

Решил, что этим следует заняться немедленно, завтра же.

Как только все деньги окажутся в безопасном укрытии, он может выплатить Бронсону двести тысяч. Если не найдет другого решения.

А иное решение, если оно существует, зависит от третьего лица — того, кому Бронсон оставил письменное признание. Кто это может быть? Принимая во внимание прошлое Бронсона, его досье в полиции, маловероятно, что банк или адвокат. Личная связь. Кто-то пользующийся доверием. Бронсон должен быть уверен, что тот не вскроет конверт и не узнает о действительных масштабах вымогательства. Невероятно также, чтобы он доверился уголовнику. А порядочный человек, в

свою очередь, не захотел бы связываться с ним и прятать конверт, рискуя быть замешанным в подозрительные махинации. Логично предположить — кто-то другой. Родственник? Женщина?

Женщина. Голое предположение, но его стоит основательно проверить. Бронсон по характеру способен внушать женщинам страх и покорность, и эта его черта усиливает опасность: если с Дэнни что-то случилось бы, она скорее всего поступит именно так, как велел он.

Как вычислить женщину? Наблюдение за Бронсоном исключается. Выяснить его контакты невозможно. А кто знает его связи? Бронсон сказал, что нарушил закон о надзоре и его ищет полиция. Значит, кто-то непременно его разыскивает. Заставить Бронсона назвать преследователя? Вряд ли — Дэнни не из слюнтяев. А как насчет тех, кто осуществлял надзор?

Предположим, сотрудник отдела по надзору в курсе контактов Бронсона и проверил их. Можно получить информацию от такого человека? Вполне вероятно, если использовать правдоподобную, логичную, убедительную ложь. Кстати, секретарша, конечно же, записала Бронсона в книгу посетителей.

И что из этого следует? Предположение, что

удастся установить связи Бронсона и конверт с исповедью можно устранить.

Единственный способ защиты от Бронсона — убить его.

Это была последняя часть головоломки. Рассматривал ее, проверяя, займет ли необходимое место. Дача изолирована от мира. Бронсон — могучий, увертливый и догадливый. Очень мало времени. Этого парня вряд ли чем остановишь, да и то ненадолго. Деньги потребовал в среду, после полудня — семьдесят два часа.

Альтернативой были бедность и позор.

Он попытался взглянуть на себя со стороны — выяснить, способен ли отнять у кого-либо жизнь. Сразу же похолодели руки. Однако рассудок подсказывал разумные доводы: Бронсон — уголовник, его разыскивает полиция — обществу от него никакой пользы, одни расходы. Смерть Дэнни, конечно, не потребует тщательного расследования: естественно предположить, что убит кем-то из его же преступного круга. Если бы риск состоял только в этом, то Бронсон представлял бы собой удобную жертву. Но наибольшая трудность состояла в том, что, судя по виду, убить его будет не легко. Хотя, с другой стороны, полагаясь на свою подстраховку, он непременно утратит

бдительность.

И все же осуществить это можно лишь в том случае, если запрятанное письмо будет обезврежено, а Бронсон об этом не узнает.

Вэрни понимал, что ситуация запутанная и сложная. Но имела одно преимущество: наиболее опасный и неотвратимый шаг следовало совершить в самом конце. Сначала нужно попытаться предпринять остальные меры. Если не удастся найти конверт, выяснить, у кого он хранится, единственный выход — заплатить Бронсону. А вот если найти и уничтожить письмо, придется ликвидировать и самого автора.

Он снова прошелся по своим выкладкам. Имеет смысл убивать Бронсона, если не завладеть его исповедью? Только если пойти на отчаянный риск: после смерти Бронсона хранитель письма прочтет сообщение и может захотеть сам использовать для шантажа… придется убрать с пути и его.

Итак, еще раз хорошенько проверить. Действовать необходимо быстро, но осмотрительно, обдумывая каждый ход. Любой шаг становится основой и гарантией для следующего.

6
Джон Кифли

Кифли заказал сосиски с капустой и за едой оглядывал ресторан, раздумывая, кто бы мог дать сведения о Вэрни, с которым у него на два часа назначена встреча. Его сбивало с толку, почему тот упомянул Дэнни Бронсона.

Дым в ресторане можно было резать ножом, как и плотный гул голосов. Кифли знал более половины посетителей — здесь собирались служащие окружной и городской полиции, журналисты, политики, чиновники из суда. Иногда он обедал вместе с ними за одним из больших столов, слушал, но сам помалкивал. Однако чаще усаживался один за маленький столик у стены против длинной стойки бара. Не важно, что его не приветствовали, как большинство остальных, широкими улыбками, грубыми шуточками и похлопыванием по плечу. Никогда не стремился к популярности, считая такое желание неестественным и смешным.

Кифли почти заканчивал обед, когда появился мужчина, которого он знал достаточно хорошо, —

пятидесятилетний здоровяк Билл Слатер. Начав с патрульного, он очень скоро дошел до детектива, изучая право в вечерней школе. Его определили в особый отдел, которым руководил окружной прокурор, а после окончания учебы Билл был назначен его заместителем и оставался на этой должности вот уже более десяти лет, несмотря на перемены в руководстве.

Слатер уселся у стойки, и Кифли, подойдя сзади, похлопал его по плечу. Обернувшись, тот нехотя улыбнулся:

— В чем дело, Джонни?

— Можно тебя на минутку?

Бросив приятелям у стойки, что сейчас вернется, Слатер с кружкой темного пива подсел к столику Кифли.

— Билл, один из моих поднадзорных удрал. Дэнни Бронсон. Тебе ничего это имя не говорит?

— Да нет, ничего особенного. Один из ребят Кеннеди. Такой блондинистый силач?

— Он самый. Бросил работу, отказался от квартиры и унес ноги. У меня для него повестка. С Джонни Кифли эти шуточки не пройдут.

Слатер хмуро посмотрел на него.

— Может, ты забыл, Джонни, что больше не служишь в полиции?

— У меня свои инструкции. И правила. Но я о другом хотел спросить. Позвонил мне один адвокат, в два часа с ним встречаемся. Говорит, речь пойдет о Бронсоне. Пол Вэрни, знаешь его?

Слатер удивленно поднял брови:

— Знаю, не очень хорошо, правда. Скользкий тип. Едва не вылетел из коллегии адвокатов, потом ввязался в махинации с недвижимостью. Именно Вэрни и Бэрт Катон расчистили и обработали тот большой участок, который потом продали компании «Вулкан Эйркрафт». Сейчас он больше занимается юридическими вопросами. Ходил по грани, но ребята из налогового управления подрезали ему крылышки. Нет, сомнительным адвокатом его не назовешь. Но изворотливый.

— Что у него общего с Дэнни Бронсоном?

— Понятия не имею. Вряд ли Дэнни использовал бы его в своих махинациях.

— Бронсон не будет жульничать — вернется в Элтон.

— Почему бы тебе не вернуть туда всех, Джонни? Пристроили бы к тюрьме новое крыло побольше. Крыло Кифли. И налоги станут побольше. Ты уже не в полиции, Джонни. Знай свое место.

— Обращаюсь с ними так, как заслуживают. И не стану рыдать, если им не нравится.

Слатер встал, хотел было что-то сказать, но потом, просто пожав плечами, вернулся к стойке. Было видно, как он что-то говорил двум знакомым, и те оглянулись посмотреть на Кифли.

За десять минут ожидания в высокомерной атмосфере маленькой приемной Вэрни Кифли вынужден был против воли признать, что адвокат, пожалуй, более важная персона, чем ему хотелось бы. Когда секретарша наконец пригласила Кифли в кабинет шефа, его охватили те же дурные предчувствия, которые он испытывал перед вызовом на ковер к начальнику отдела полиции.

Вэрни оказался выше, чем он ожидал, — высокий, важный и надменный. Рука была крепкой и холодной.

— Я все пытался представить, что у вас общего с Дэнни Бронсоном, — усевшись, начал Кифли.

— Бронсон звонил мне и утром в четверг посетил мою контору, мистер Кифли.

— Приходил сюда! Он был в городе?

— Сидел в том же кресле, где сейчас сидите вы.

— Что ему, черт побери, было нужно?

— Мне показалось, он напускает на себя какую-

то… таинственность, я бы сказал, был охвачен смятением. Правда, позже сообщил, что его ищет полиция. Похоже, меня он нашел совершенно случайно, по телефонному справочнику. Хотел передать мне на хранение какой-то документ. В заклеенном конверте. Объяснил — нужно положить его в сейф конторы, и если с ним что-то случится, по-моему, намекал, что вдруг, к примеру, его убьют, — тогда я должен передать конверт полиции.

— Конверт у вас? Давайте его?

— Минуточку, мистер Кифли! Я задал несколько вопросов, касающихся его особы, попытался выяснить характер документа, предлагаемого мне для хранения. Ответы были очень уклончивы. И я в конце концов отказался выполнить его просьбу, несмотря на предложенный щедрый гонорар. Его поведение наводило на мысль, что он замешан в нечто противозаконное.

— Взятка! — с горечью воскликнул Кифли.

— Я посоветовал обратиться к кому-нибудь другому. Он держался… грубо. Сегодня утром я просто из любопытства позвонил в полицию и узнал, что его разыскивают в связи с нарушением закона о надзоре, порекомендовали обратиться к вам. Мне подумалось — информация такого рода

могла бы заинтересовать вас.

— Я очень благодарен, мистер Вэрни, за ваше сообщение. Дэнни ускользнул от меня. В конце июня бросил работу, а между тем поговаривали, что живет хорошо. Во всяком случае в июле преуспевал, и это меня удивило. Я ведь служил в полиции, пока меня не ранили. И теперь еще пользуюсь полицейскими каналами — попросил ребят поспрашивать своих осведомителей, что они услышат. И ничего! Бронсон ведь один из людей Кеннеди, его в городе знают. Но никто с ним не виделся, неизвестно, чем теперь занимается, — избегает всяких контактов. До прихода к вам я выяснил одно: последний раз в городе Бронсон появлялся двадцать пятого июля. Мне уж казалось, что исчез окончательно. Человек с таким прошлым, и вдруг нет никого, кто бы о нем что-то знал, — это противоречит здравому смыслу. Не могу представить себе, на какие шиши так разжился.

— А теперь вы что-то подозреваете?

— Да. Похоже, шантажирует кого-нибудь из толстосумов. Основательно доит. Возможно, действует в одиночку, а может ему помогает какая-нибудь женщина. Не исключено, что орудует прямо здесь, в городе.

— Он с кем-то встречался двадцать пятого июля?

— С братом — Ли Бронсоном. Пришел поздравить с днем рождения, принес подарок. Его брат живет в Бруктоне на Аркадия-стрит, преподает в Бруктонском колледже. Я у него был в субботу. Говорит, что после того раза его не видели

— Вы полагаете, что, возможно, там он оставил конверт, который предлагал мне?

— Не знаю. Может быть. Стоит, наверно, поприжать брата и его жену. Конечно, мог там оставить. Выглядит вполне логично. Ну, если эта парочка меня водила за нос, клянусь…

— Постойте, мистер Кифли. Мне припомнилось еще кое-что из его слов. Я должен был вспомнить раньше — вдруг это поможет вам в розыске. Как я уже говорил, он стал грубить, кричать на меня. У него, мол, хватает друзей, есть у кого оставить. Назвал два имени, не знаю, помогут ли они вам. Одно — кажется, Фред, а второе — совершенно уверен — Томми.

Кифли заерзал в кресле:

— А фамилии?

— Не называл.

— Черт, опять набегаешься. Дьявольщина! Наберется пятьдесят, шестьдесят парней с та-

кими именами. Уже сейчас с ходу могу назвать человек пятнадцать. Ужас! Ничего не поделаешь, придется всех перебрать. Похоже, он нацелился на жирный кусок. Если сумеет провернуть, то исчезнет надолго.

Еще раз поблагодарив Вэрни, Кифли отправился в центральную картотеку полиции. Через пятнадцать минут его запрос был оформлен, затем в течение часа были отобраны карточки известных местных уголовников по имени Фред и Томми, и Кифли получил список из сорока девяти фамилий вместе с последними адресами. Пятеро отбывали срок, их можно исключить. Следующих восемнадцать он отбросил как чересчур юных. Логичнее предположить, что Дэнни захочет довериться более зрелым, солидным людям. Оставалось двадцать шесть.

Кифли надеялся на вечер. Его опрос будет вполне законным. Некоторых из списка он знал не один год. И никто из них при виде его не обрадуется. Он с ними потолкует — о разных вещах, пока у них голова не пойдет кругом. А потом врежет. Как будет лучше?

— Дэнни Бронсон нам кое-что сказал — за час перед смертью. Вроде бы у тебя его конвертик. Выкладывай!

Да, так будет хорошо. На это любой среагирует — достаточно, чтобы выдал себя и проговорился. Достаточно, чтобы Джонни получил след для поисков. Так хорошо, как если бы он оставался полицейским. Даже в некотором роде лучше, гораздо лучше.

7
Люсиль Бронсон

Тот вторник был серым, дождливым, безнадежным, и Люсиль показалось, что вся дальнейшая жизнь так мрачна, как затянутое тучами небо. Ее разбудил привычный шум отъезжавшей машины Ли. Повернувшись на другой бок, попыталась заснуть, однако сон не возвращался: начала вспоминать, каким холодным и сдержанным стал муж после того, как узнал про злополучные деньги и отобрал их. С тех пор ни разу до нее не дотронулся, не поцеловал — смотрел словно на пустое место, не замечая.

Усевшись в постели, Люсиль потянулась, зевнула, потом одной рукой стала растирать округлый животик под старой пижамной курткой мужа, в которой спала, а пальцами другой — расчесывала волосы. Взглянув в окно, с отвращением застонала. В воскресенье пляж был открыт в последний раз — заканчивался сезон. Впереди опять паршивая, бесконечная зима. А она так любит нежиться в горячих солнечных лучах. Так приятно ощущать негу, покой, когда в полудреме,

расслабившись, растянувшись на песке возле Рут, неторопливо и бесконечно разговариваешь, рассказываешь…

Может, Ли позволит приобрести кварцевую лампу. Солнце, конечно, не настоящее, но хоть что-то. Рут станет приходить сюда, устроят домашний пляж, и загорать можно голышом — без противных полосок от бретелей и лифчика.

Дотащившись до ванной, машинально расчесала щеткой волосы, почистила зубы, накрасила рот. Страшно не хочется одеваться в такой мерзкий день. Ради Ли вообще не имело смысла наводить красоту. Когда в субботу она вернулась домой к полуночи, муж вместо того, чтоб метаться в волнении по дому, наброситься с криком, когда, наконец, появилась, — просто спокойно спал в постели.

Натянула вельветовый костюм бирюзового цвета — Ли в минуты хорошего настроения называл его боевым снаряжением жены: комбинезон с короткими рукавами и шортами до колен, с широким поясом, украшенным металлической пряжкой, и молнией от ворота до паха.

Сварив кофе и поджарив гренки, она уселась к столу, потянувшись за газетой. Покончила с новостями раньше, чем допила вторую чашку. За

окном все еще лил дождь. Рассеянным взглядом скользнула по кухонным полкам, жестяным банкам, остановилась на самой большой и вдруг почувствовала где-то глубоко внутри странный озноб, подступающий к горлу, перехватывающий дыхание.

А почему бы нет?

Это Дэнни виноват в том, что Ли так изменился, — это он впутал ее в историю. Дэнни тогда был как безумный зверь, заставил ее, вынудил изменить мужу. Никогда не нарушила бы верности Ли, ни за что на свете, если бы Дэнни, не избил ее, не раскровенил рот и не заставил сделать это. Она тогда испытала такой ужас, что даже кричать не могла.

Это его ошибка, и теперь, может всю жизнь ей придется корить себя.

А раз так, почему бы не открыть конверт, не посмотреть?

Постепенно ей уже стало казаться, что на кухне нет ничего, кроме желтой банки с этими дурацкими уточками и надписью «Мука». Пыталась оторвать взгляд, но глаза упрямо возвращались к жестянке. Наконец, она вскочила, заперла заднюю дверь и, схватив с полки банку, поставила ее на плиту. Нащупав в мягкой массе конверт, выта-

щила и похлопала о края, чтобы стряхнуть муку.

Ничего же не случиться, если она посмотрит.

Белый продолговатый конверт — заклеенный, а поверх клапана шла еще прозрачная полоска клеящей ленты. Попыталась подцепить уголок полоски — она отходила, но одновременно сдиралась бумага с конверта. Прощупала конверт, и ей показалось, что внутри всего один лист бумаги. Перебрала все способы, как открыть, но мешала эта клейкая полоска — Дэнни сразу догадается, а его Люсиль боялась.

И тут ей пришла в голову счастливая мысль. Вбежав в гостиную, выдвинула ящик стола с письменными принадлежностями Ли. Вот они — продолговатые, белые конверты. Приложила один из них к запечатанному: почти одинаковые, разве чуть побелее и подлиннее. И клейкая лента в маленькой катушке была точно такой, как на конверте Дэнни.

Глубоко вздохнув, она разорвала конверт, вытащила лист обычной бумаги и, развернув его дрожащими руками, стала читать строчки, написанные шариковой ручкой скверным почерком Дэнни:

«Тому, кому полагается знать.

Бэртон Катон и Пол Вэрни держат в руках

остаток денег от выкупа Роувера. Мне об этом сообщила миссис Катон. Собираются вывезти их за границу. Перекупили через Детройт, а получил их Вэрни в Талсе. Имя связного в Детройте — Диксон. Попытаюсь забрать у них деньги, и если со мною что-то случится, значит, сделал это кто-то из них. Пусть мое сообщение прочитает сержант Бен Викслер. Он знает, что о таких махинациях я не стал бы болтать попусту.

Дэниел Бронсон».

Ошеломленная, непонимающая, Люсиль прочитала письмо еще раз. Будучи заядлой читательницей светских рубрик, она знала имя Бэртона Катона. У него молодая жена, раньше ее фамилия была Дауни. С первым мужем произошло несчастье, и она опять взяла девичью фамилию. Ездила верхом — лошади у нее великолепные. Но кто такой Вэрни, Люсиль не знала. Кажется, это имя она слышала, возможно, в связи с какой-то благотворительной акцией, Красного Креста или еще чего-нибудь такого.

Вложив письмо в новый конверт, прикрепила клейкую полоску точно так, как была на старом. Согнула конверт пополам, помяла, чтобы выглядел как первый. Скомкав разорванный конверт, бросила в небольшой камин и подожгла. Пока

он горел, сбегала на кухню и, сунув заклеенный заново конверт в муку, поставила банку на прежнее место. Когда вернулась в гостиную, в камине мелькали последние язычки пламени. Она бросилась в большое кожаное кресло, поджав под себя ноги. Кто же не помнит ту ужасную историю Роуверов, тех несчастных детишек-близнецов? И о деньгах все знали. Да… и денег было страшно много — сотни тысяч.

Но как Дэнни сумел познакомиться с миссис Катон, и почему, скажите на милость, она все ему рассказала?

Дурного настроения Люсиль как не бывало. Какая великолепная, ослепительная новость. Она завладела ее существом, можно без конца обдумывать, рассматривать со всех сторон, стараясь понять, оценить. И использовать.

Она ничуть не сомневалась, что Дэнни завладеет деньгами. Этот тип, который к ним приходил, разыскивает Дэнни, хочет отправить его обратно в Элтон. Дэнни это знает. Когда получит деньги, ему придется уехать подальше, где его никогда не схватят. Прежде чем уезжать, он заедет за конвертом. Как только заедет, значит, деньги при нем.

Она в волнении, не замечая, обгрызла ноготь на пальце до живого мяса. Оказывается, ни о чем

больше Люсиль так не мечтала, как об отъезде с Дэнни. Ее брак — ловушка, и этот крошечный, вонючий домишко тоже вроде капкана. Такой унылый быт не для нее. Жизнь ведь должна проходить весело, в удовольствиях, пусть даже немного рискованных.

Уже представляла себе рядом с Дэнни в лоджии их апартаментов в отеле, откуда открывался восхитительный вид на темно-голубое море. Как появляются два официанта с завтраком на сервировочном столике. У одного из них в руках — ведерко с шампанским на льду. Оба одеты в красивую форму роскошного, фешенебельного отеля.

Когда официанты удалятся, Дэнни посмотрит на нее и, улыбаясь, скажет: «Согласен, дорогая, ты была права». Дэнни немного изменился: похож на Гэри Гранта.

— Пожалуй, это называется шантаж, — говорит она. — Ты ведь не хотел меня взять с собой, но пришлось.

Они весело смеются, пьют шампанское, потом спускаются на пляж, а вечером гуляют по спокойным улочкам, заходят в полумрак магазина, и он покупает ей изумруд. Стараются не думать о Ли, но когда вспоминают, их охватывает печаль.

Этих денег столько, что им хватит на всю жизнь.

Когда Ли приехал обедать, она чуть не расхохоталась, наблюдая его изумление при виде нарядно накрытого стола.

— Что-нибудь отмечаем? — спросил он.

— Разве нужно что-то отмечать? Просто подумала, тебе понравится красиво убранный стол.

Не могла же она сказать, что за оставшееся время постарается сделать столько красивых, приятных вещей, сколько успеет. Не могла ему также открыть и то, как страстно желает, чтобы времени оставалось поменьше.

Ли снова уехал в колледж, а Люсиль, убрав со стола, в нетерпении слонялась по дому: бесцельно бродила из угла в угол, ломая пальцы, пытаясь даже напевать. Ветер за окнами усилился, дождь перестал, похолодало. Набрав номер Рут, долго болтала по телефону. Подружка скучала, и Люсиль чувствовала: стоит только намекнуть, как Рут прибежит. Но тогда Люсиль вряд ли удержится от соблазна поделиться потрясающим открытием, ведь даже сейчас едва-едва не выпалила все в трубку. И они продолжали разговор о фильмах и кулинарных рецептах, телевизоре и покупках, а потом занялись выяснением, отчего

у Рут постоянно пересыхает во рту.

Ли заявился в четыре с кучей тетрадей для проверки, сказав, что займется ими немедленно, так как вечером должен встретиться с доктором Хогтоном — это заведующий кабинетом английского языка в колледже.

Муж корпел над тетрадями в гостиной и управился к ужину. С усталыми глазами, мрачный, за едой он почти не разговаривал.

Когда с ужином было покончено, она, подняв глаза, обнаружила, что Ли пристально, с каким-то странным выражением, смотрит на нее.

— В чем дело? — забеспокоилась она.

— У тебя здесь не очень много развлечений, Люсиль.

— Я ведь не жалуюсь.

— Столько интересного в мире. Господи, если подумать: мне бы чуточку свободного времени, как бы я им воспользовался…

— Ну конечно. А я тут болтаюсь без дела. Так себе, дурочка…

— Не будем ссориться, пожалуйста. В последнее время этого было предостаточно.

— И все я виновата… понимаю.

— Прошу тебя, Люсиль.

— Ну хорошо, хорошо.

— У меня есть идея, думаю, тебе понравится. В нашей канцелярии требуется помощник. Пять дней в неделю, с утра до полудня. Платят двадцать долларов в неделю. Я поговорю с Рэнди, надеюсь…

— Забудь об этом. Если думаешь, что я согласна таскаться туда спозаранок и надрываться каждый день, ты абсолютно…

— Понятно, — устало произнес он. — Покончим с этим.

Встав из-за стола, Ли аккуратно сложил салфетку и с минуту молча смотрел на нее.

— Мне казалось, тебе станет лучше, если займешься каким-нибудь делом. У тебя нет ни склонностей, ни воображения, чтобы выбрать себе хобби, увлечение. Вот я и понадеялся, что это поможет избавиться от чепухи.

— Какой еще чепухи? О чем ты?

Он пожал плечами:

— Откуда мне знать? Пожалуй, я думал — это немного поможет нашему браку.

— Ты будешь поражен, насколько улучшится наш брак, если нам не придется считать каждый паршивый цент. Если нам не придется жить в таком…

— Глупости!

Этот взрыв ярости напугал ее, она даже не смогла ответить. Слышала, как достал из шкафа в прихожей пальто, хлопнул дверью. Затем раздался удаляющийся рев мотора и только тогда, поднявшись, стала носить посуду на кухню.

Подумаешь, что он о себе воображает — да кто он такой? И на кого разорался? Какое имеет право? Ведь именно она — потерпевшая сторона в этом браке. Она выходила замуж за писателя. Преподавание просто хобби, временное. А он боится писать. Сколько долларов приносит любая халтура, написанная для телевизора? Тысячи и тысячи. А его единственную книжку едва осилила, и то от нечего делать. А те рецензии, которые он перечитывал, правда, теперь бросил. «Тонкий, свежий талант. Подающий надежды молодой автор». Когда ему стукнет шестьдесят и он получит ничтожную пенсию, и тогда останется этим молодым, подающим надежды автором. Нет у него смелости, амбиций, пробивной силы. Вот и сейчас отправился к старому Хогтону лизать ему туфли. Ужас!

Небрежно, второпях вымыв посуду, она ставила ее — еще блестевшую от несмытого жира — на место.

Когда зазвенел дверной звонок, подумала, что

пришла Рут. Наверно, собирается вытащить ее в кино, или у них опять испортился телевизор. Сдернув фартук, наспех пригладив волосы, Люсиль быстро прошла через комнаты и распахнула входную дверь. На пороге стоял высокий, худой мужчина. Ветер трепал его темное пальто. Выглянув, она не увидела у тротуара машины.

— Миссис Бронсон? — Голос был глубокий, спокойный, серьезный.

— Да.

— У меня к вам небольшое дело. Можно войти?

Она заколебалась. Не коммивояжер — говорит как джентльмен. Отступив, впустила его в маленькую прихожую.

— Мистер Бронсон дома?

— У него какая-то встреча, только что уехал. Наверно, еще не скоро вернется. Что вам угодно?

Он направился в гостиную — ей пришлось идти следом. Странно, почему не снял шляпу? И кожаные перчатки. Вообще какой-то странный, наверно, не следовало так неосмотрительно впускать незнакомца.

— Не могли бы вы сказать свое имя? — спросила она с легкой дрожью в голосе.

— Я обещал оказать услугу приятелю. Нашему общему другу. Он попросил меня заехать и за-

брать кое-что, отданное на хранение.

Он в упор смотрел на нее с высоты своего роста. Она облизала пересохшие губы.

— Я… не понимаю, о чем вы говорите.

— Понимаете, миссис Бронсон. Мне нужен конверт, который оставил вам брат мужа. Принесите его, пожалуйста.

— Это… он вас прислал? — спросила она, тут же спохватываясь, что проговорилась.

— Да, он попросил. Ему небезопасно появляться в городе. Дайте мне конверт.

Сделав два нерешительных шага в сторону кухни, она остановилась и обернулась. Он следовал за ней вплотную — ей пришлось даже отступить.

— Не могу отдать. Муж забрал его у меня и запер — куда, я не знаю.

Ничего не говоря, он двинулся на нее — она попятилась и так отступала до самой кухни.

— Не могу отдать… — слабо повторила она.

— Где он?

Взгляд ее вскинулся к банкам, словно они могли придать ей силы. А когда снова посмотрела на него, увидела на лице незнакомца волнение и огромное напряжение. Схватив за плечо так сильно, что у нее от боли перехватило дыхание,

развернул, прижал к столу под полками, завернул руку почти к лопаткам, и она стукнулась лицом о полки.

— Где он?

Люсиль разрыдалась. Оттолкнул ее с такой силой, что она упала и отлетела по полу к плите. Придя в себя и открыв глаза, увидела, как он высыпает содержимое из банок. Соль, сахар, мука сыпались на стол, на пол. Обнаружив конверт, раскрыл его и, мельком просмотрев письмо, сунул его в карман. Держась за плиту, Люсиль встала.

— Он уже… получил деньги? — спросила слабым голосом.

Обернувшись, тот пристально посмотрел на неё.

— Значит, вы знаете о деньгах, — тихо проговорил он. — И вы, и ваш муж знаете о деньгах…

— Ли не знает…

Люсиль осеклась, прочитав в его глазах страшный приговор. Резко повернувшись, кинулась к ящику с кухонными ножами, судорожно хватаясь за них, но огромная кожаная кисть внезапно обхватила, стиснула шею, оборвав ее сдавленный вскрик. Оторвав от ящика, он ударил ее головой о блестящий угол плиты. Страшный удар она

еще ощутила, почувствовала, как он рассек лицо до кости, но потом уже была далеко от того, что последовало, у нее теперь не было тела, костей, настал великий сон, в котором ее поднимали и ударяли о плиту. Падала в мягкую, взвихренную белизну зимнего снега, летя сквозь холодный сумрак в темную, чернеющую бездну…

8
Ли Бронсон

Доктор Элиас Хогтон, похоронив жену, проживал у дочери, муж которой был директором процветающей компании, в современном особняке на западной окраине города. Ему принадлежало целое крыло дома, представлявшее собой квартиру из нескольких комнат, кухни и ванной, с отдельным входом.

Доктору Хогтону было лет семьдесят. До ухода на пенсию заведовал кафедрой английского языка в университете штата. Когда открыли Бруктонский колледж, он согласился прервать заслуженный отдых и принял предложение, заключив контракт на два года, которые превратились в пять. Три года назад именно он принимал Бронсона на работу.

Сначала Ли не понимал, почему Хогтон считается настолько незаменимым, что его отозвали с пенсии. Он ему показался старым чудаком — непредсказуемым, заносчивым и вздорным. Занятий вообще не вел. Свой красивый, современный кабинет превратил в берлогу, полную

бумаг, заметок, книг, с незадвинутыми ящиками и распахнутыми шкафами. Возглавлял кабинет из девяти преподавателей, но казалось, его вовсе не интересовало, как учителя, ассистенты, заезжие профессора проводят свои занятия. Специальностью старика был Чосер[3], и любой разговор с роковой неизбежностью превращался в чосеровские наставления. На школьных заседаниях он всегда вроде бы подремывал.

Однако со временем Ли начал понимать, что под внешней чудаковатостью скрывается могучий талант организатора. Хогтон обладал блестящей способностью совершенно незаметно и ненавязчиво заинтересовывать, увлекать сотрудников. Как-то получалось, что каждому доставались именно те обязанности, которые он выполнял с удовольствием и наилучшим образом. Его подчиненные по непонятным причинам не разбивались на враждующие клики, как среди других предметников. Члены его кабинета вносили практичные, деловые предложения, а затем неожиданно для себя обнаруживали, что основой идеи оказывалось какое-нибудь небрежное замечание доктора Хогтона. Благотворительные

---

[3] Примечания: 3
Английский поэт XIV в.

стипендии доставались студентам, наиболее в них нуждавшимся. Успеваемость по английскому языку оставалась неизменно высокой без особых усилий со стороны преподавателей. А когда на заседаниях доктор Хогтон пробуждался от дремоты, его ворчливые предложения всегда оказывались уместными и после обсуждения обычно принимались.

Ли попросил доктора Хогтона принять его для личной беседы. После встречи с Кифли он боялся, что тот может повредить его репутации, и поэтому решил рассказать все Хогтону, чтобы предупредить начальство.

Первые полчаса были посвящены язвительной характеристике, главным образом со стороны Хогтона, последней публикации о Чосере, принадлежавшей перу профессора из Куин-колледжа, обладавшего, по словам Хогтона, «организаторскими способностями мартышки, страдающей дизентерией».

Они расположились в глубоких кожаных креслах перед небольшим камином, в котором плясало спокойное пламя. Хогтон вздохнул:

— Мир полон глупцов. Какую глупость сотворили вы?

Начало признания давалось с трудом, однако,

разговорившись, Ли почувствовал большое облегчение, рассказывая обо всем: впомнил свое прошлое, отношение к работе в колледже, страх за будущее. Хоггон слушал, прикрыв глаза, сложив пухлые руки на животе, в стеклах его очков отражались отблески огня из камина. Когда Ли кончил, он, помолчав, снял очки и протер стекла подкладкой галстука.

— Вы любите свою работу, Ли?

— Как?... да. Разумеется.

— Но вам больше хотелось бы заняться другим.

— Раньше... когда-то мне так казалось.

— Я читал ваш роман — любопытная вещь. Написана юнцом, который спешит высказаться, не имея еще за душой, что поведать миру. Но форма изложения не плохая... Это учебное заведение... наш... колледж... ужасное название для школы, не правда ли?... субсидируется из фондов штата. И с этим постоянно приходится считаться: над нами полно всяких мелких, настырных распорядителей-блюстителей, радетелей штата. Хотя мы стараемся не обращать на них внимания, в критические моменты нам тычут в нос магическое заклинание — «налогоплательщики!» Если этот Кифли таков, как вы обрисовали, а на ваши

оценки я готов положиться, он может устроить, чтобы контракт с вами не возобновили. Но как бы ни случилось, я буду настаивать, чтобы вы доработали до конца учебного года.

— Благодарю вас…

— Дело не в личном одолжении. Вы прекрасно работаете с молодежью. Только, пожалуйста, не воображайте, что я имею в виду такое бессмысленное занятие, как перебрасывать мячики разной формы и величины. Это болезнь роста, через которую нужно пройти.

Он постучал пальцем по морщинистому лбу:

— Мышление! Удивительное чудо интеллекта и творческой фантазии. Вот главное, Ли. Наши нынешние молодые преподаватели настолько увлечены сочинением учебных планов, педагогическими рассуждениями и современными методами тестирования, что для развития мышления отдельных школьников у них нет времени. Я собирался на следующий год дать вам побольше уроков, чтобы избавить от физкультурной нелепицы. Однако вы, вероятно, пришли ко мне за советом?

— Да.

— Буду откровенен: обманув вас, брат лишился права рассчитывать на ваше молчание и

родственные чувства. А Кифли — личность не настолько уж могущественная и влиятельная. Если вашего брата ищет полиция, это ее дело, а не забота отдела по надзору. Я бы те деньги отнес в полицию, обратился бы к самому высокому чину, до которого удастся добраться, и все рассказал. И при этом предъявил бы Кифли обвинение в превышении служебных полномочий. У меня сложилось впечатление, что на такого типа может подействовать лишь жесткая атака и противодействие.

— Очень разумно.

— Возможно, он все-таки сумеет осложнить вашу жизнь. Поэтому, пока он еще не начал действовать, я напишу одному своему другу. Он не дает мне покоя вот уже несколько лет — воображает, что я существую на белом свете для того лишь, чтобы разыскивать таланты для него и их драгоценного университета. За последние десять лет я порекомендовал ему двух молодых джентльменов. Вы получите от него официальное предложение на настоящем аристократическом бланке. Если ситуация ухудшится, можете в любое время отправляться туда. Возможно, вам следует уехать и в том случае, если Кифли укоротят. По-моему, трех лет здесь вам достаточно.

Могу дать еще один совет — тоже откровенный и искренний. Вашей молоденькой жене весьма пошло бы на пользу, если бы вы ее поколачивали. Восполнили бы пробел в родительском воспитании. Я с ней беседовал и чувствую, она способна доставить вам большие осложнения. Ваша жена осталась ребенком, и, надеюсь, вы сможете смотреть правде в глаза и станете обращаться с ней как с ребенком. Пока она не начнет взрослеть. Если не начнет, по крайней мере, не спускайте с нее глаз. А теперь, коллега, протяните, пожалуйста, руку и возьмите справа шахматы, вам не нужно даже вставать. Из одиннадцати наших предыдущих партий вы три выиграли и столько же свели вничью. Сегодня начинаете белыми и, по-моему, опять выберете ход Лопеса.

Возвращаясь домой, Ли чувствовал себя заново родившимся. К нему вернулась вера в себя. Доктор Хогтон снял невыносимое напряжение, сковывавшее Ли последних четыре дня. Более того — он открыл ему путь к многообещающему будущему. Вполне вероятно, что доктор был прав и в своей оценке Люсиль. Наверное, Ли ошибался, ожидая от нее разумных поступков, до которых она просто не доросла, не созрела. Может, она чувствовала бы себя счастливее и увереннее в

мире, где ее ожидает справедливая награда и наказание.

Сворачивая на подъездную дорожку, обратил внимание, что в гостиной и на кухне горит свет, а в спальне темно. Втиснув машину в старый узкий гараж, выключил мотор. На полпути от гаража к дому остановился, взглянул на небо. Серпик месяца временами проглядывал сквозь облака вместе с чистым кусочком неба, усеянного звездами. Воздух был прохладным и влажным. А Хогтон все-таки старая, хитрая лиса. Создал пешками такую позицию, что совершенно его заблокировал. С довольным ворчанием постепенно обложил его, затем сделал два хода слоном и объявил мат. Улыбаясь, качая головой, Ли легко поднялся по ступенькам заднего хода.

Уже оказавшись посредине кухни, заметил разбросанные банки и, встревоженный, остановился. Повернув голову, заметил ее — она лежала на полу возле плиты, лицом вниз, подогнув руку. Темная лужа крови доходила до второй, откинутой руки, впитываясь в вельветовый рукав. Неизвестно, сколько он так простоял, не чувствуя ни собственного дыхания, ни биения сердца. Подошел к ней, опустился на одно колено, дотронулся до плеча — в нем уже не было живого

тепла. Ему стало дурно. Опустив голову, увидел часть размозженного лица. Вскочив на ноги, зажал рот ладонью, потом, согнув пальцы, впился в них зубами.

Бедное дитя. Уже не придется ее казнить или миловать. На углу плиты застыло красное пятно, рядом — чернота от облупившейся эмали. Он опять посмотрел на банку — здесь что-то искали. Дэнни! Явился за деньгами.

Осторожно, почти на цыпочках он подошел к телефону и, найдя в справочнике номер срочного вызова полиции, набрал его.

— Полицейское управление, сержант Фолц.

— Говорит Ли Бронсон, адрес: Аркадия-стрит, 1024, Бруктон. Кто-то убил мою жену.

Осторожно произнесенные слова звучали нелепо, бессмысленно.

— Не дотрагивайтесь ни до чего, мистер Бронсон. Если вы не один, пусть никто не уходит. Мы будем с минуты на минуту.

Положив трубку, Ли постоял у телефона. В доме стояла пронзительная тишина. Услышал слабое бормотание холодильника, шуршание автобусных покрышек. Затем донесся приближающийся звук сирены. Стоял не двигаясь, пока вой не оборвался, увидел луч фонарика, освещавшего

номер дома. Тогда он зажег свет на веранде, открыл дверь. Двое полицейских, быстро прошагав по дорожке, поднялись по ступенькам. Один — молодой, худощавый, второй — постарше, коренастый.

— Вы Бронсон? Где это произошло?

— На… кухне. Я только что приехал, несколько минут назад и…

— Пока не рассказывайте, мистер Бронсон. Сейчас подъедут остальные, они вас выслушают. Посмотри там, Билли.

Младший тяжело прошагал внутрь дома. Быстро вернулся:

— Все ясно.

— Оставайся с мистером Бронсоном. Я передам подтверждение. — Коренастый направился к машине.

— Подтверждение?… — слабым голосом повторил Ли.

— Иногда вызов оказывается ложным — кто-то просто упал в обморок, или кому-нибудь стукнет в голову. Это ваша жена?

— Да.

— Большое несчастье, сэр.

— Можно, я пойду сяду?

— Лучше остаться здесь. В доме ничего нельзя

трогать. Сейчас нагрянет целая толпа — парни из отдела убийств, лаборатории, эксперт по трупам, ребята из прокуратуры, газетчики. Так что вы не скоро останетесь наедине с собой.

Подойдя к распахнутому окну веранды, он крикнул собравшимся соседям:

— Ничего не случилось! Расходитесь. Нечего здесь смотреть! Идите по домам!

9
Бен Викслер

Во вторник, шестнадцатого октября, сержант Бен Викслер находился на службе с девяти до пяти вечера и приехал домой на попутной патрульной машине, дежурившей с шестнадцати до полуночи и направлявшейся привести в чувство пьяного дебошира, случайно объявившегося по соседству с домом сержанта. Должность начальника отдела давала ему право пользоваться служебным «седаном» с шофером, но всегда при этом он чувствовал себя неловко: вроде бы похваляется. Вот когда он станет лейтенантом… а как сказал ему Мэтхьюз, приказ о повышении должен прийти со дня на день.

Ребята высадили его у самого дома, и, выходя, он заметил Бетт, выглянувшую из окна. Дом был небольшой и стоял на участке именно такой величины, какую позволял максимум денежной ссуды из банка. Даже в такой пасмурный день дом выглядел приветливо. Бен сначала с большим недоверием отнесся к идее Бетт окрасить его в красный цвет, а рамы сделать белыми. Ему

хотелось видеть дом белым, а рамы — зелеными. Но она настояла на своем, и теперь он вынужден признать: смотрится хорошо. Крыша выложена дранкой, а широкая, низкая труба — белая.

Открыв ему дверь, жена с плутовской улыбкой воскликнула:

— Дети, вашего несчастного отца опять доставила домой полиция!

Поцеловав, он шутливо ткнул ее пальцем в живот:

— Вот именно — дети! Никакого чувства меры, женщина! Если я не разучился считать, а в последние дни не уверен и в этом, ты уже носишь четвертого. А где остальные чудовища?

— Смотрят телевизор. Старый вестерн, тот, который без конца повторяют.

— Значит, совершенно бесполезно пытаться сказать им «добрый вечер».

Повесив в шкаф пальто и шляпу, прошел из прихожей в гостиную. По решению родителей телевизор спустили в подвал — в бильярдную. Сквозь пол глухо доносились звуки перестрелки.

— Должна сказать, — заметила Бетт, — мне начинают нравиться твои постоянные рабочие часы.

— Только не очень привыкай. Сейчас затишье,

как перед бурей. Тогда все сразу перевернется. Что ж, давай наслаждаться тишиной, пока можно.

— У тебя хорошее настроение? Отличное?

Он нахмурился:

— Поцарапала крыло машины? Нет. Собираемся в гости? Тоже нет. — Он оглядел гостиную. — Хмм… Будут гости. Гос-споди! Твой брат!

Бетт, присев на ручку кресла, погладила его волосы — короткие, жесткие, покрывающие густой шапкой округлый череп.

— Мм… колючий, как щетка.

— Не пытайся меня уговорить, женщина.

— Хэнк мой брат.

— Не спорю.

— Хэнк крикливый невежа. Он обращается с тобой свысока. Хэнк задает вопросы и не слушает твоих ответов. Его драгоценная женушка Элинор имеет столько же очарования, сколько его в угольном транспортере. Но, возлюбленный мой, Хэнк, несмотря на все, мой брат.

— В высшей степени неудобное родство. Ого-го! Ладно уж, потерплю. Стану улыбаться, пока лицо не закоченеет. Стану расхваливать его удачные сделки. И одним ухом прислушиваться к телефону. — Он повернулся к жене. — Но если он опять начнет нудить, что пора повзрослеть и бросить

игры в полицейских и воров, что у него для меня есть теплое местечко, клянусь, моя радость, я вышвырну его прямо на улицу.

— Думаю, больше он не осмелится после того последнего раза, — сказала она со смехом. — Кстати, они не собираются у нас ужинать. Договорились на полдевятого и к двенадцати наверняка уйдут. Три с половиной часа. А теперь иди под душ, милый поиграй в тюленя.

Он прошел в спальню раздеться. Он храбрился при Бетт, якобы не воспринимает Хэнка серьезно, однако чувствовал: жена понимает, как сильно раздражают его поучения брата. Мнение Хэнка, к сожалению, разделяли многие, считая работу в полиции нечестной, особенно в Хэнкоке, где в течение ряда лет открылось слишком много случаев взяточничества среди полицейских и полиция постоянно вынуждена была идти на компромисс с мощным, организованным преступным подпольем.

Хэнк вообще не понимал, в чем дело.

В сорок втором Бен Викслер, оставив университет, записался в армию. В конце основного курса обучения его определили в офицерскую школу, и он выбрал пехоту. В двадцать один год это был уже сформировавшийся, зрелый чело-

век — такой же, как и теперь, в тридцать пять. Крупный, рослый, спокойный и надежный — человек, внушающий уважение и почтительность. Сталкиваясь с глупостью или беспечностью, действовал спокойно и решительно, вызывая страх, сохраняя бесстрастное, невозмутимое выражение на лице, только серые глаза загорались, сверкая, как раскаленная сталь. К друзьям и близким относился с откровенной любовью и великодушной терпимостью. Ему знаком был страх, но он научился побеждать его. В сорок четвертом дослужился до капитана и командовал ротой. Его роту «Б» выбирали для опасных заданий, к примеру, чтобы обезвредить остатки частей противника в захваченных маленьких городах. Такая работа требовала высочайшей дисциплины и профессионального чувства риска. Любой парень из части «Б» проклинал задания, которые им поручали, но в глубине души гордился своей ротой, твердостью, силой Викслера, его способностям и безупречностью. И поступавшее пополнение — новички — очень быстро проникалось теми же чувствами, поэтому рота имела самые низкие потери во всей дивизии.

Бен Викслер отказался остаться в армии и после победы над Японией демобилизовался в звании

майора запаса. В Хэнкок возвратился в ноябре сорок пятого. Он собирался со второго семестра продолжать учебу в университете. Отец его был основателем и директором кредитно-банковской компании в Хэнкоке, и считалось само собой разумеющимся, что Бен, сдав выпускные экзамены, начнет работать в банке. Перспектива эта не особенно вдохновляла его и до армии, а годы войны, когда он распоряжался людьми, отвечая за сотни жизней, и вовсе отбили охоту к банковским операциям. Расставшись с военной службой, он постоянно испытывал раздражение, недовольство самим собой, слишком много пил, раздумывая, не лучше ли было остаться в армии.

В эту кризисную пору отец, человек весьма наблюдательный, представил сына Хэнку Страйкеру — шефу городской полиции. Отец Бена был одним из немногих влиятельных лиц, понимавших серьезные проблемы, волновавшие полицию, и он одобрял методы ее шефа при их решении. Были они близкими друзьями. Бен Викслер произвел хорошее впечатление. Шеф полиции был убежден, что в один прекрасный день могущество всяких бухардов и кеннеди удастся подорвать, лишив политической поддержки, из-за которой полиции приходилось решать

скорее, что выгоднее, чем действеннее. Чтобы ускорить наступление такого дня, чтобы полиция оказалась готовой к эффективным операциям, уже сейчас она нуждалась в порядочных, интеллигентных молодых людях вроде Бена Викслера.

Страйкер побеседовал с Беном — доверительно, долго и в высшей степени откровенно. Говорил и о неблагодарности общества, которой следует ожидать, и о неизбежных разочарованиях. Запалил костер, который уже не угасал. Викслер сменил учебное заведение и через два года закончил Полицейскую академию в Норт-вестерне, но еще во время учебы, в каникулы, работал в канцелярии полицейского управления Хэнкока. После выпускных экзаменов его взяли на испытательный срок, и уже тогда он выловил известного громилу. Бена назначили патрульным. Через одиннадцать месяцев отличной службы его перевели в детективы Отдела по расследованию убийств, руководил которым капитан Роубер. Бен понимал, что ему повезло: из всех оперативных отделов именно здесь меньше всего зависели от внешнего давления. При всех других преступлениях и нарушениях широко практиковались взятки. При убийствах — никогда.

В пятидесятом, спустя полгода после смерти

Страйкера и через месяц после рождения первого ребенка, Бен Викслер стал сержантом. Бетт как нельзя лучше подходила его характеру, и их брак слыл одним из самых удачных. Ему при женитьбе было двадцать девять, а ей — тоненькой девчушке, темноволосой и смуглой, — двадцать один год. Отец невесты, состоятельный делец в строительном бизнесе, не одобрял этот брак. Однако их счастью способствовало одно событие, которое вначале огорчило Бена, но потом ему пришлось признать, что им действительно повезло. Бетт, достигнув двадцати одного года, получила небольшое наследство, оставленное дедушкой. Годовой доход от него составлял чуть меньше тысячи ста долларов. В конце концов Бен смирился с подарком судьбы, объявив Бетт, что подобный доход не должен зависеть от очаровательных брюнеток, его следует целиком отдавать полицейским — на масло, чтобы скромный полицейский хлеб не утратил вкуса.

Рано или поздно он станет лейтенантом — это неизбежно. Когда Бен пришел в Отдел по расследованию убийств, капитан Роубер — твердый, осмотрительный, энергичный — успешно возглавлял группу. Однако в последние два года здоровье его, к несчастью, сильно пошатнулось:

стремительно прогрессирующий склероз мозга неумолимо вел к преждевременной старости. Роубер стал раздражительным, проявлял нерешительность, отдаваясь дурным предчувствиям и даже мании преследования.

По мере развития болезни проблемы руководства отделом тяжким бременем ложились на плечи заместителя начальника — лейтенанта Гэби Грея и сержанта Бена Викслера. Однако на Грея нельзя полагаться — приближался к шестидесяти. По политическим соображениям его посадили сюда еще до сороковых годов, так как он был племянником первого лица в городе, скончавшегося четверть века назад. Пока Роубер распоряжался сам, Гэби Грей ни за что не отвечал. Но без Роубера Грей явно не мог самостоятельно руководить отделом: трясся от страха, потея и сваливая ответственность за любое решение на Викслера.

Новый шеф полиции, на счастье, был скроен по образцу Страйкера. Джеймс Парвис — невысокий, сдержанный, одаренный человек с властным характером, — предупрежденный о беспорядке в отделе, быстро и основательно расследовал причины. В его распоряжении имелись разные возможности наведения порядка, перемещения

сюда новых кадров. Но одним из ценнейших приобретений Парвиса стала небольшая записная книжка с личностной оценкой каждого служащего отдела, которую передал ему Страйкер. Изучив записи, Парвис предпринял энергичные меры. Роуберу до пенсии оставалось четыре месяца, и ровно на такой срок его направили в санаторий для лечения. Гэби Грея Парвис перевел в центральную картотеку, где вред от него окажется минимальным. Бен Викслер был назначен исполняющим обязанности начальника Отдела по расследованию убийств, а инспектора Вендела Мэтхьюза шеф освободил от некоторых поручений, чтобы приглядывать за работой отдела. Произошло все это год назад, и тогда же Бену было твердо обещано: как только придет приказ о его повышении в звании, станет начальником отдела. А пока следует соблюдать осторожность, по крайней мере в замене персонала. Но он уже уяснил себе, от кого необходимо избавиться, и держал на примете несколько молодых людей, которых пригласит в свой отдел.

До полуночи оставалось двадцать минут, а Бен успел подавить столько зевков, что ломило челюсть. Хэнк как раз дошел до середины занудливо-подробного повествования о том, как

расширил свой магазин, открыв отдел «Сделай сам», когда зазвонил телефон. В пять шагов одолев расстояние до аппарата в прихожей, Бен при втором звонке уже схватился за трубку.

— Викслер.

— Бен, это Колин. Убийство. Домохозяйка в Бруктоне. Минз уже в пути, минуты через три-четыре будет у тебя.

— Спасибо, Шортли.

Он вернулся в столовую.

— Приношу извинения милому обществу. Придется браться за работу.

Бетт лишь смиренно вздохнула, как всегда в таких случаях. Зато Элинор не удержалась.

— Мы все равно уже уходим. Я очень рада, что у Хэнка постоянные часы работы.

— Тебе действительно повезло, дорогая.

Бен зашел в спальню, чтобы взять револьвер и полицейский значок, достал из шкафа в прихожей пальто, шляпу. Попрощавшись с гостями, поцеловал Бетт, и, когда спускался по ступеням, перед калиткой остановился «седан». Пробежав по дорожке, нырнул в машину, и в тот момент, как захлопывал заднюю дверь, «седан» уже тронулся с места. Рядом с ним на заднем сиденье расположился детектив Дэн Минз, а на переднем,

возле шофера, — Эл Спенс.

Обошлись без приветствий:

— Десять двадцать четыре, Аркадия-стрит. Миссис Бронсон. Звонил муж. Патрульная машина номер восемнадцать побывала на месте — пришло подтверждение. Похоже, убита прямо на кухне.

— Ничего себе, — сухо заметил Бен. — А что показывает время?

— Первый звонок поступил в одиннадцать двадцать восемь, подтверждение — в одиннадцать тридцать четыре. Вероятно, подъедем туда одновременно с экспертной группой.

Бен откинулся на сиденье. Он хорошо знал, как обычно случается такое: сначала много выпивки, потом семейная ссора, затем ударит по пьянке, не рассчитав. Надеялся, что нет детей, — это самое худшее. Найдут там какого-нибудь гнусного пьянчугу, теперь поди протрезвевшего, да поздно. Станет рвать на себе волосы, кричать о страшном горе, проклинать себя. При небольшом везении, подумал Бен, в час уже сможет лечь в постель.

— У тебя гости? — спросил Дэн.

— Всего-навсего брат жены.

— Опять предлагал теплое местечко?

— В этот раз нет.

— Может, стоило и согласиться, Бен.

Эл Спенс, обернувшись, перекинул руку через спинку сиденья:

— Попросите у него теплое местечко и для меня, сержант. Что-нибудь поинтереснее, например, пересчитывать доски или водить грузовик с древесиной.

— Кажется, теперь направо — к следующему кварталу, — сказал Бен.

Перед домом стояли четыре машины, из них две — «скорые». На веранде горел свет, перед ней переговаривались соседи, многие в халатах. Полицейский теснил их, освобождая дорожку, ведущую к дому. Когда Бен выходил из «седана», подъехал фургон-лаборатория. Он подождал, пока подойдет первый эксперт, а второй тем временем открыл заднюю дверь фургона.

— Кто еще с вами, Кетелли?

— Френчи подъедет на своей машине, пора ему уже быть здесь.

— Идите все на веранду и подождите немного, пока я осмотрюсь.

На веранде Бен увидел знакомую коренастую фигуру полицейского, стоявшего рядом с высоким, красивым, спортивного вида мужчиной в плаще и со шляпой в руке.

— Привет, Торми!

— Хэлло, Бен. Это Бронсон. Там его жена — на кухне.

Бен взглянул на Бронсона — похоже, трезвый, но оглушенный, в растерянности.

— Меня зовут Викслер. Я занимаюсь расследованием. Это вы нам звонили?

— Да. Вернулся домой, зашел через задний ход и…

— Приехали на машине?

— Да.

— Когда?

Бронсон посмотрел на часы.

— По-моему, около половины двенадцатого.

Бен кивнул Элу Спенсу, и тот завернул за угол дома. Он знает, что делать: осмотрит машину, проверит, теплый ли мотор, охладитель и воздушный фильтр, и весьма точно установит время возвращения Бронсона.

— Где вы были?

— У заведующего кабинетом английского языка в Бруктонском колледже. Я там преподаю. Был у доктора Хогтона.

— Когда уехали из дома?

— Приблизительно в половине восьмого, плюс-минус несколько минут. Дорога занимает

полчаса. Оттуда уехал в одиннадцать, может, чуть раньше.

— Ваша жена оставалась одна?

— Да.

— Она кого-нибудь ждала?

— Ничего такого не говорила.

Викслер вроде бы случайно приблизился к Бронсону, желая удостовериться, что от него не пахнет спиртным. Было в нем нечто, сбивавшее с толку, Бен не мог определить, что именно. Казался по-настоящему ошеломленным случившимся, такую реакцию невозможно сыграть, подделать. Викслер при любом расследовании полагался в известной мере на свою интуицию. Он считался с мгновенной реакцией подсознания, дополненной многолетним опытом. Если к этому сочетанию он сумеет добавить факты, можно исходить из того, что имеем дело с порядочным человеком, оглушенным горем.

По ступенькам поднялся мужчина с вопросом:

— Что если я пощелкаю труп, Бенджамен?

Викслер, обернувшись, посмотрел на Билли Салливана — на моложаво-старческое, красивое, безмятежное лицо невероятно пронырливого, чрезвычайно способного репортера криминальной хроники из самой крупной местной газеты.

— Пора уже соображать, Билли, — с осуждением ответил он.

Возвратился Эл, бросил вполголоса: «Порядок». Значит осмотр машины подтвердил слова Бронсона. Эксперты из лаборатории внесли на веранду приборы, инструменты. Осадив суровым взглядом Салливана, Бен обратился к Торми:

— Вы с мистером Бронсоном подождите в прихожей.

Викслер, Спенс и Минз прошли в дом. Викслер шагал медленно, засунув руки в карманы плаща, остальные следовали на полшага сзади. Бен попытался оценить атмосферу гостиной. Арендуемый дом с арендуемой мебелью, дополненной вещами Бронсона. Много книг, гораздо больше обычного. Две хорошие репродукции в рамках. Дом не очень ухоженный, под диваном клочья пыли, мусор в небольшом камине. Вошли в кухню. Он долго разглядывал рассыпанные продукты. Заметил след туфель — кто-то стоял там, вытряхивая содержимое банок на пол.

— Что думаешь, Дэн?

— Там стоял мужчина, верно? Что-то искал, поэтому все высыпал.

— А в гостиной не искал, — заметил Эл.

— Значит, или нашел там, где искал, или запа-

никовал и удрал, — сделал вывод Бен.

— На его одежде, на туфлях должна остаться мука или что еще, — добавил Дэн.

Они шагнули к трупу. Бен показал на пол, все пригнулись, а сам он, присев на корточки, внимательно рассмотрел лицо. С недовольным ворчанием поднялся.

— А фигурка какая, — с сожалением констатировал Дэн.

— Позови Кетелли и его людей. Нужны фотографии, поинтересуйся, смогут ли получить слепки следов от туфель, а то придет доктор и все затопчет.

Викслер, Спенс и Минз стояли в стороне, пока работала тройка экспертов из лаборатории. Слепки следов получить было невозможно, и возле отпечатков туфель положили линейку, сделав Тщательные замеры. Явился полицейский врач, дежуривший в эту ночь, — молодой, с желтоватым, нездоровым лицом, усталый, затурканный. После того как мелом отметили контуры тела, труп осторожно приподняли, чтобы проверить, есть ли мука под ним, — ее оказалось довольно много. Врач осмотрел лицо, измерил температуру под мышками, согнул руки в локтях и кисти. Сидя на корточках, поднял глаза на Бена:

— Если на глазок, прошло часа четыре. Сейчас четверть первого. Я бы сказал, умерла в промежутке от без четверти восемь до без четверти девять. Не думаю, что после детального осмотра можно определить точнее, разве что знать наверняка, когда в последний раз принимала пищу. Причина смерти — скорее всего, многократные тяжелые удары в области лица, повлекшие нарушения черепа. Здесь по меньшей мере три раны, каждая из которых смертельная.

Врач поднялся.

— Могли ударить ею о плиту?

— Да. Характер ран соответствует. И удары наносил мужчина, очень сильный. Наверное, после первого она потеряла сознание. А потом он поднимал уже бесчувственное тело.

— Сможете над ней поработать сейчас же, ночью?

— Займемся, — кивнул врач.

Труп, положив на носилки, убрали. Бен уже распрощался с надеждой вернуться домой к часу. Дэн Минз с ребятами Кетелли осматривали дом, снимали отпечатки. Бен повернулся к Спенсу:

— Начнем, пожалуй, так. Она его впускает. Он что-то ищет.

— А что если она возвращается и находит его

здесь? Идет куда-нибудь поразвлечься и, вернувшись, обнаруживает его тут?

— Посмотри, как она одета!

— Н-да. Сдаюсь. Хорошо — впускает его.

— Он стоит на одном месте, возле тех жестянок. Потом убивает ее. Возможно, она пыталась вытащить нож из этого выдвинутого ящика. Мука под телом означает, что убил ее позже, после того как проверил банки. Наверно, на его одежде и туфлях тоже осталась мука — стряхнулась, когда бил ее о плиту.

Кетелли они нашли в спальне — снимал отпечатки. Неизбежная повинность, которую он не терпел. За пятнадцать лет работы в криминальной лаборатории еще ни один обнаруженный им отпечаток никак не способствовал разгадке убийства.

— Бронсона обработали?

— Да. Френчи осмотрел одежду, обувь. Дали из шкафа другую пару, а туфли с ног забрали.

Бен обратился к Минзу:

— Останься здесь, может, примешь еще что-нибудь. Мы с Элом заберем Бронсона. Опечатай дом, когда закончишь.

Ли Бронсона привели в маленькое помещение для допросов на втором этаже и оставили одного.

Викслер уже очень давно позаботился, чтобы комната производила гнетущее впечатление: голые стены, никакого вида из окна. Крохотный радиатор под узким окном, квадратный стол, три стула и пепельница, сделанная из банки от арахиса, — и все.

Викслер продержал там Бронсона минут пятьдесят. За это время он сверил показания Ли и доктора Хогтона, узнав при этом о Бронсоне много нового. Теперь ему было известно о полицейских досье его брата и самого Ли, о том, как его когда-то арестовали, но выпустили. За пять минут до возвращения к Бронсону появился Дэн Минз с конвертом, обнаруженным в гостиной — в запертом ящике письменного стола. Кетелли уже снял с него отпечатки. Викслера смутили двадцать купюр по пятьдесят долларов — это не сходилось с его представлением о Бронсоне. Положил конверт в карман.

При его неожиданном появлении Ли Бронсон вздрогнул.

— Я не хотел напугать вас, мистер Бронсон, — вежливо извинился Викслер, закрывая за собой дверь. Неторопливо уселся за стол, закурил.

— Не могу поверить, — заговорил Бронсон. — Я же видел ее, все равно не могу поверить. Нуж-

но сообщить ее родственникам. Боже мой, мне страшно подойти к телефону.

— Вы представляете, кто это мог сделать?

Бронсон замешкался с ответом, и Викслер ощутил глубоко внутри знакомый прилив волнения, никак, впрочем, не отразившийся на лице. Его методы допроса в большинстве случаев были успешными и эффективными. Никаких оскорбительных реплик, угроз, устрашения — только спокойный разговор, вежливость, одобрительное поощрение — все это расслабляет, притупляет бдительность допрашиваемого.

— Вы говорили с доктором Хогтоном?

— Я — нет. Но у меня есть его показания. Он подтвердил, что в указанное время вы находились у него. Как свидетель, доктор очень к вам расположен.

— Мне бы хотелось, чтобы вы с ним поговорили. Пусть он расскажет, что я ему сообщил. Я ведь приехал к нему посоветоваться. Доктор решил, что я должен обратиться в полицию. Завтра я хотел идти к вам, окончательно решился. Было бы лучше… если вы услышите все от него.

Викслер безучастно разглядывал струйку дыма от своей сигареты.

— Это касается Дэнни?

Бронсон удивленно раскрыл глаза:

— Да! Но как…

— Представьте себе, Ли, что я доктор Хогтон. Забудьте, что случилось ночью, расскажите мне все, что изложили бы ему. Точно так же.

Бронсон рассказал о посещении Кифли, о своей уверенности, что Люсиль солгала, о деньгах, оставленных у нее братом двадцать восьмого сентября. Сказал об угрозах Кифли, о своем уязвимом положении. Когда Викслер поинтересовался причиной уязвимости, Ли объяснил, при каких обстоятельствах был когда-то задержан полицией. В досье о них не упоминалось. Охарактеризовал свои отношения с Ником Бухардом и с Дэнни — как они ему помогали.

В эту минуту Эл Спенс, по их давнишней договоренности, открыв дверь, спросил Бена, не хочет ли он кофе. Если допрашиваемый упорствовал, Бен говорил: «Попозже», а если ничего не скрывал, Викслер отвечал: «Да, не мешало бы». Так что немного погодя Спенс доставил на подносе облупленный, исходящий паром кофейник, толстые белые чашки, молоко и сахар.

И тут Викслер неожиданно резким тоном, отчего Эл с удивлением посмотрел на него, распорядился:

— Мне нужен Джонни Кифли. Отыщите его, доставьте сюда и подержите. Ничего не объясняйте. Пусть попыхтит, попотеет, когда я за него возьмусь.

Как только Эл удалился, Викслер, достав из кармана конверт, бросил его на стол.

— Вот это Дэнни оставил у вас?

Бронсон, оглядев конверт, тоскливо посмотрел на Викслера:

— Хорошо еще, что я сам упомянул о нем, правда?

— Это имело значение. Мы с вами думаем об одном, Ли. Для вас, конечно, дьявольски мучительно так думать. Но будет лучше, если назвать вещи своими именами. Не вы первый оказываетесь в подобной ситуации. Ваша жена убита, и вы знаете, о ком мы оба думаем.

— О Дэнни, — почти беззвучно произнес Ли. Сжав пальцы в кулак, трижды слабо стукнул о край стола. Лицо его исказилось мукой, сжатые губы побледнели.

— Давайте немного подумаем. Он навестил ее больше двух недель назад, когда вас не было дома, и оставил деньги. Вы их забрали и спрятали. Сегодня вечером он пришел за ними и, не найдя, потерял голову — убил ее. Согласны?

Ли медленно покачал головой.

— Нет. Дэнни такой… не убийца. Если бы он явился за деньгами, она бы сказала, что они у меня, и легко догадалась, что заперты в ящике стола. Ему ничего не стоило сломать замок и взять их.

— Человек, разыскиваемый полицией, может легко выйти из себя.

— Его и раньше разыскивали.

— Но не так долго. А если ему могли пришить еще что-то, когда схватят, — другая причина, и серьезная. Дали бы пожизненную отсидку как рецидивисту.

— Нет, не получается, сержант. Не могу представить себе Дэнни, как он убивает Люсиль. Возможно, вы считаете меня сентиментальным, ведь это мой брат, но просто не в силах представить. И не понимаю, зачем бы ему открывать банки, вытряхивать из них все. Ведь деньги Люсиль туда не прятала — положила в коричневую сумочку, которая висела в шкафу, у задней стенки.

— Может, он прятал у вас еще что-то. Попробуем исходить из этого. Она обманула вас: может, оставил гораздо больше денег — огромную сумму.

Викслер зорко следил за сменой чувств на лице Бронсона: безучастность, глубокие размышле-

ния, сомнение и, наконец, догадка.

— В последнее время она вела себя немного странно. Может, как раз поэтому. Дэнни что-то готовил, возможно, не один. А за деньгами пришли его сообщники. Если Дэнни знал, где они припрятаны, с чего бы стал вытряхивать все три банки?

— В каждой могло быть что-то спрятано.

— О-о! Мне это не приходило в голову. Но, предположим, спрятал в каждой, разве Люсиль не отдала бы ему это? Ведь прятала она для него же.

— А вдруг денег было так много, что ваша жена решила рискнуть и присвоила их. Вы меня извините, но я выяснил, что ваш брак оказался не из самых счастливых.

— Вы правы. — Бронсон нахмурился. — Знаете, сегодня она была необычно… внимательна. Превратила обед в настоящую церемонию. Для нее это совершенно несвойственно.

— Вроде бы устроила вам прощальный обед?

— Возможно… вполне вероятно.

— Предположим, Дэнни явился не вовремя — как раз, когда она собиралась сбежать.

— Все равно он сумел бы ее заставить сказать, где они. В таком деле он… мастер. Ник и Кеннеди использовали его именно тогда, когда нужно кого-то вынудить. Незачем было ее при этом

убивать.

— Разве что если могла проговориться о чем-то для него опасном.

— Так он не поступил бы. Не действовал бы так… неумело. Ведь он профессионал.

Викслер утомленно подумал, что Бронсон, пожалуй, прав. Убийство носило явные признаки необъяснимой злобы, бессмысленной жестокости дилетанта. Насколько удобнее все-таки просто уговорить себя, что преступление совершил Дэнни Бронсон. Интересно, а как дела у Кетелли? Может, удалось что-то еще обнаружить.

— Выпейте пока еще кофе, Ли, а я скоро вернусь.

Кетелли почти закончил. Только что вынес из темного чулана готовые снимки и сейчас нумеровал их. Информацию преподнес Бену, как всегда, беспорядочно.

— У парня на туфле кровь — на левой, с внешней стороны у пальцев. Приблизительно здесь. Сделал на кухне два шага, других следов нет. Есть еще след ступни у задней двери, земля была мягкая, а тот мерзавец дальше пошел по асфальтовой дорожке, так что больше нет ничего. Ну, а вот отпечатки с самой большой банки — где была мука. Эти ее. Два хороших, а один просто отличный.

— Свежие?

— От масла, сегодняшние или вчерашние. И вот еще один, старый. Половинка кончика среднего пальца. Маловато, чтобы делать заключение, но Дэн Минз надоумил сравнить с отпечатками из досье Дэниела Бронсона, и все отлично сошлось.

— Такой же свежий, как ее?

— Нет, вовсе нет. Если основываться на чистых догадках, думаю, так, недельной давности. Он же не очень качественный.

— Но приемлемый? Можно его использовать?

— Как это не приемлемый? Сравните сами, видите эту извилину, а здесь шрам вроде как от пореза. Кроме того, у меня есть еще один — лучший.

— Откуда?

— Дэн Минз сказа мне: судя по ее фигуре, надо бы сосредоточиться на спальне. Вы помните ночной столик между кроватями, а на нем стекло? Мечтаю, чтоб на все столы в мире сверху клали стекло. На нем полно ее отпечатков и мужа. А теперь взгляните на эти. Большой и указательный пальцы правой руки. Чужие! Вот фотография стола, я обвел кружком место, где их обнаружили. Дэниел Бронсон — ясно, как божий день. Даю слово, если это поможет прижать его к стенке,

начну верить в такую безделицу, как отпечатки пальцев.

Викслер задумчиво разглядывал фотографию стола. Чтобы оставить отпечатки в таком месте, человек должен лежать или сидеть в постели.

— Степень давности, Кетелли?

— Не такие старые, как на банке с мукой, сержант, более поздние. Но и не совсем свежие. Не ловите меня на слове. Скажем так: если ее отпечатки на банке сегодняшние, а его — недельной давности, то эти оставлены когда-то посередине. Три, пять дней назад. Черт возьми, откуда мне знать точно?

— Но вы можете присягнуть, что оставлены не в один и тот же день?

Кетелли оскорбился:

— Уверен — не в тот же самый. Масло было…

— Хорошо, хорошо. А как насчет денег, обнаруженных Минзом?

— Глухо. А вы чего-то ожидали?

— Да нет, собственно. А дверные ручки, задвижки?

— Ничего. Даже на внутренней ручке задней двери никаких отпечатков. Она очень тугая, так что он, вероятно, был в перчатках. Или протер ее.

Бен возвратился в кабинет, где оставил Ли. Тот смотрел на него со страдальческим выражением на лице.

— Что-нибудь случилось?

— Я как раз вспомнил свои последние слова, сказанные ей. Склонился над ней, закричал прямо в лицо: «Глупости!» и уехал.

Викслер попробовал избавить Ли от горького чувства вины. Конечно, доставит ему новую боль, но она будет другой, и, может, Бронсон перестанет так сурово казнить себя. Бесстрастным, протокольным тоном изложил факты, обнаруженные Кетелли: улики, свидетельствующие по крайней мере о двух посещениях Дэнни, и место, где оставлены самые свежие отпечатки.

— Три или пять дней назад? — переспросил Бронсон потухшим голосом. — И в спальне?

Резко поднявшись, отошел к окну, уставясь в каменную стену, подходившую почти вплотную. Викслер ждал. Так, не оборачиваясь, Бронсон стоял не менее двух минут. Потом медленно повернулся, сел на место.

— Вот это Дэнни действительно сделал бы. Но не без предложения с ее стороны. И не думаю, что просто случайно сел на кровать, наблюдая, как она прячет деньги. Это не в его духе. Хотелось бы

только знать, сколько таких предложений она раздавала и сколько из них было принято.

— Спокойнее, спокойнее.

— Чувствую себя последним дураком. Должен был это предвидеть, ведь я ее изучил. Когда найдете Дэнни, хочу с ним встретиться.

— Возможно, завтра мне потребуется снова поговорить с вами.

— Вы не арестуете меня?

— Нет оснований. Но одно все же могу сказать. Если бы вы носили туфли сорок пятого размера, а не сорок второго, возможно, проблема вашего обитания обернулась бы иначе. Меня больше устраивает, если вы не вернетесь домой. Хотя вряд ли вам захочется оставаться там, так ведь?

— Нет.

— Я скажу детективу Спенсу — он отвезет вас домой и подождет, пока вы уложите самое необходимое. Когда решите, где остановитесь, позвоните мне и сообщите адрес. Кстати, доктор Хогтон позаботится о замещении ваших уроков. В газетах будет много шума.

Они вместе спустились вниз. Ли Бронсон протянул руку, и Викслер, чуть замешкавшись, пожал ее со словами:

— Думаю, все прояснится, как только отыщем

вашего брата.

— Спасибо, сержант, вы вели себя… очень порядочно.

Викслер смотрел, как в дверях к нему присоединился Эл Спенс, и оба вышли. Перед кабинетом медицинской помощи встретил Дэна Минза.

— Отыскал Кифли?

— Пятнадцать минут назад, Бен.

— Давай поработаем над ним вместе.

— Никогда мне не нравился этот тип, поверь.

— Не тебе одному. Веди его наверх.

Кифли вошел, трясясь от возмущения.

— Не понимаю, Викслер, что вы о себе воображаете. Хватаете человека за работой прямо на улице, как последнего бродягу.

— Где он был?

— В баре на Пятой улице, — ответил Минз.

— Я там был по делу, кое-кого искал, — огрызнулся Кифли.

— Сядьте и говорите потише, Кифли.

Поколебавшись, Кифли с заносчивым видом уселся.

— Кое-что напомню вам, Кифли. Вы уже не полицейский служащий.

— Можно подумать, что…

— Заткнитесь!

— Мне разрешено носить оружие, а ваши бездельники его отобрали…

— Я велел вам заткнуться. Не хотите — даю слово, проведете ночь в камере, а утром поговорим.

Кифли обвел взглядом обоих, утерся ладонью.

— Ладно. Так чем я вдруг не угодил?

— Вы доложили, что Дэнни Бронсон нарушил закон о надзоре.

— Верно.

— На этом ваши полномочия кончились.

— Ну нет! Если мне удастся найти его, вовсе нет.

— Ваши полномочия кончились. Если у вас мало работы, попросите еще. А искать Бронсона — дело полиции.

— Но он ведь все равно у меня под надзором. Дайте инструкцию, покажите параграф, где мне запрещается искать его.

— Вы угрожали полноправному члену общества — мистеру Ли Бронсону.

— Он такой же мерзавец, как его вонючий брат.

Бен повернулся к Дэну Минзу:

— Думаю, мне придется писать докладную, Дэн. По-моему, этой жирной кобре нужна совсем другая работа.

— Не забывай — он ведь герой. Влепил пулю в лоб четырнадцатилетнему мальчишке, когда ребеночек прострелил ему руку.

— Я уверен, что мистеру Кифли нельзя разрешать носить оружие, и убежден — ему следует покончить с запугиванием порядочных граждан. Думаю, завтра утром мы сразу займемся этим.

Вскочив, Кифли с визгом и воем взорвался, брызжа слюной, колотя здоровой рукой по столу, неся околесицу, из которой нельзя было разобрать ни слова. Викслер бесстрастно наблюдал за истерикой, но когда бессвязная речь опять оформилась в доступные слова, насторожился.

— …прекрасно знаю, как работает ваша полиция. Где же тогда Дэнни? Схватите, когда я вам его преподнесу. У меня-то есть сведения. А что известно вам, умникам? Я-то знаю, что он решился на вымогательство, работает один или с какой-то бабой; когда вы меня зацапали, я уже шел по следу конверта с его сообщением, который он у кого-то запрятал.

— Стоп! — гаркнул Викслер.

— Как же! Теперь послушайте вы. И пошевелите мозгами. Так-то.

— Какого конверта? Откуда вам известно о конверте?

— Раз я не полицейский, это мое личное дело.

— Отведи его в камеру, Дэн.

— Что вы на меня вешаете? В чем дело?

— В сокрытии улик. Совершено преступление, Джонни. Убита Люсиль Бронсон. Что-то искали в доме Бронсонов. Так что советую все рассказать. Иначе арестуем вас как любого преступника.

— Так… Конверт вас интересует. Ладно, в четверг я был в городе, как и Бронсон. В прошлый четверг. И не нашлось ни одного сообразительного полицейского, чтобы его зацепить и отправить в камеру. Заявился к адвокату, хотел, чтобы тот — зовут его Пол Вэрни — взял на хранение документ. Вэрни не понравилось, как он себя вел, и он отказался, а потом навел о нем справки и связался со мной. Назвал мне два имени — Фред и Томми, вроде бы это дружки Бронсона, у которых тот мог оставить конверт. Я отобрал в картотеке типов с такими именами и проверяю их по своему списку. А конверт все время был у брата Бронсона. Я в субботу съездил к нему, и они оба с женой мне соврали. Его уже арестовали? Мне нужно побеседовать с этим парнем.

— Сядьте. Не будете ни с кем беседовать.

Кифли оскорбленно уселся.

— Почему с вами связался Вэрни?

— Выяснил, что Дэнни мой поднадзорный.

— Вы собирались опять посетить Ли Бронсона?

— Хотел потрясти их как следует, выжать, что знают о письме, которое Дэнни наверняка оставил у них. Вы же видите, ребята, какая от меня польза, так кончайте свои шуточки, будто выпихнете меня из Отдела по надзору. Я же готов выполнять кучу работы, и она мне нравится. Давайте помогу разобраться с этим убийством.

Бен Викслер молча смотрел в длинное лицо с дряблым ртом, отмеченное признаками вырождения. Кифли в точности представлял из себя тип полицейских, которых Викслер глубоко презирал и не переносил.

— Вам, Джонни, я не позволил бы даже перевести слепого через улицу. И думаю, следует запретить также любые ваши отношения с условно осужденными, подлежащими надзору. Наверное, было ошибкой поручать вам такую работу. Я лично прослежу, чтобы у вас ее отобрали. Полицейской пенсии вполне хватает на жизнь. Но если обнаружим, что опять суетесь в дела полиции, уверяю, будем действовать со всей строгостью. И не тычьте в нос свои полицейские заслуги — они мне хорошо известны. От них дурно пахнет. И влиятельными друзьями не грозите,

так как я уверен — в этом городе у вас нет ни одного друга. А теперь можете идти.

Наверно, целых десять секунд Кифли сидел не двигаясь. А затем закатил скандал, по сравнению с которым предшествующий взрыв возмущения показался бы спокойным и разумным. Викслер смотрел, как судорожно дергается лицо Кифли, слышал грязные ругательства и оскорбления и вдруг, без особого даже удивления, понял, что перед ним безумец, психически больной человек. Взглянув на Дэна — тот понял без слов, подошел к Джонни поближе. В потоке яростных выкриков что-то настораживало, вызывало тревогу. Викслер заставил себя вслушаться: умер какой-то Моуз — ему вспороли ножом живот… прозвучало несколько имен. В упоминаниях о смерти чувствовалось странное, извращенное удовлетворение… Рильер. Дженетти. Кэси.

— …вы — слюнтяи! — яростно вопил Кифли. — Все! Идиоты! Дебилы! Вы *обязаны* убирать таких мерзавцев, заполучить любой ценой. Очистить от них улицы. Неважно как. Должны достать их, как я заполучил Ковалсика. Все они отребье, мерзавцы. Убили Моуза. И меня хотели убить. А вы, слабаки, и не знаете, что значит быть полицейским. Вы не…

Бен Викслер, отключившись, не обращая внимания на выкрики, мысленно перелистывал старые досье, ворошил картотеку, перебирал забытые имена. Список нераскрытых убийств в Хэнкоке, к сожалению, был длиннее допустимого. Многие из них совершены задолго до его прихода в полицию, но на такие досье срок давности не распространяется. В памяти всплыли пожелтевшие листы в захватанной папке, такие папки теперь уже и не используют. Ковалсик, Джилберт Ковалсик. Перед глазами возникла тусклая фотография обезображенного трупа. Замучен насмерть. Тело обнаружено в озере.

— … только попробуйте отнять у меня работу, ты, пустобрех слюнявый, увидите, обойду все газеты в городе и…

— Молчать! — рявкнул Бен. Дэна Минза этот рык ошеломил не меньше, чем Кифли. Тот осекся, съежившись на стуле.

— Хотелось бы услышать побольше о том, как вы «заполучили» Джилберта Ковалсика, Джонни, — тихо произнес Бен. — Расскажите-ка об этом подробнее.

Кифли, сначала уставясь на Викслера, перевел взгляд на Минза. Широко раскрытые, вытаращенные глаза были пустыми, бессмысленными,

как у человека, внезапно пробудившегося от глубокого сна. Затем, опустив взгляд, посмотрел на свою искусственную руку и нарочито небрежно произнес:

— Ничего я не говорил о Джиле Ковалсике. С чего вы взяли?

Бену не нужно было даже обмениваться взглядом с Дэном, чтобы тот моментально среагировал:

— Мы оба слышали, Джонни. Выкладывайте.

— Рассказывайте, — настаивал Бен. — Сначала вы назвали его просто Ковалсик. Я сказал — Джилберт Ковалсик, а вы теперь говорите — Джил. Выходит, очень хорошо его знали.

— Джил? Ну как же, Джила я знал. Еще мальчишкой. Кажется, его убили, нужно вспомнить. Но это, по-моему, случилось уже давно.

— Ну-ну, Джонни! Вы не говорили, что убили, такого слова не было. Вы сказали — заполучил его. Думаю, вам хотелось втолковать, как *настоящий* полицейский может распоряжаться законами. Мы оба слушали, Джонни. Нам нужно только узнать, как вы заполучили Ковалсика.

— Да вы с ума сошли, парни. Ничего о нем я не говорил. Вы меня просто не поняли.

Бен склонился над ним.

— Понимаете, Джонни, у нас впереди целая ночь. Вся долгая ночь, Дэн, разыщи-ка папку с делом Ковалсика. И выясни приблизительное время смерти. Пошли кого-нибудь в архив, пусть найдут рапорты Кифли в предполагаемое время смерти. Доставь все сюда. И принеси кофейник с кофе.

— Ребята, вы дали маху, — забормотал Кифли.

— Времени у нас сколько угодно, Джонни.

«Седан» отъехал, и Бен сквозь сероватый предрассветный сумрак двинулся по дорожке к дому. Ему удалось раздеться так бесшумно, что Бетт не проснулась. Но когда укладывался рядом, постель прогнулась, и жена открыла глаза.

— Привет, милый, — шепнула она. — О боже, ведь уже почти утро.

— Спи, маленькая.

Приподнявшись на локте, Бетт вгляделась в лицо мужа.

— Ты расстроен, да? Плохая ночь?

— В девять опять нужно быть в отделе. Ночка выпала бурная. А впереди тяжелый день. Но все-таки, думаю, ночь оказалась неплохой: раскрыли старое дело — из архивов. Получили признание, с подробностями. И сделал это полицейский.

— Ох, милый! Конечно, для тебя это ужасно!

— Бывший полицейский, но когда совершил преступление, служил в полиции и, думаю, с рождения был психически ненормален, а действовал так, что меня прямо вывернуло наизнанку и… А, черт с ним! Доброй ночи, малыш.

Она поцеловала его:

— Спи скорее, дорогой, осталось так мало времени.

10
Пол Вэрни

В среду Пол Вэрни проснулся в шесть утра. В первый миг, придя в себя, он лишь удивился, не понимая, зачем поставил будильник на такую рань, но в следующее мгновение вспомнил все. И в первую очередь — странное состояние, когда он схватил женщину. Ему казалось, что он стоит в стороне, наблюдая за самим собой, слышит глухой звук металла, когда снова и снова ударяет ее головой об угол плиты. Со стороны казалось, будто женщина вообще невесома. Но когда раздвоение удалось преодолеть и он взял себя в руки, ощутил тяжесть безжизненного тела и осознал, что она мертва уже несколько долгих секунд.

Когда ее опускал, тело выскользнуло из рук, тяжело упало на пол, и он попятился. Вспоминал, как твердил себе, что необходимо сохранять спокойствие, хладнокровие, чтоб не оставить никаких следов, ведущих к нему. А дальше вроде бы провал: в следующий миг он уже шагал темной улицей — слишком быстро, тяжело дыша, не понимая, что находится уже далеко от дома.

Опомнясь, замедлил шаги, остановился, размышляя, не вернуться ли, чтобы выдернуть другие ящики, навести на мысль, что в доме был грабитель. Может, следовало бы забрать какие-нибудь ценные мелочи, а потом избавиться от них.

И снова с жуткой внезапностью, без какого-либо перехода, обнаружил себя возле собственной запертой машины, в трех кварталах от дома Бронсонов, пытающегося открыть дверцу. Помнит, как, торопливо разыскивая в карманах ключи, заметил белые пятна на пальто и туфлях. Быстро отряхнулся, смахнул муку. Дыхание оставалось учащенным, прерывистым, как от быстрого бега.

Усевшись за руль, он вдруг поразился, какой хрупкой оказалась ее шея, когда он стиснул ее правой рукой… а затем уже вставлял ключ в замочную скважину своей комнаты в клубе. Провалы в памяти его и напугали, и приободрили. Мозг временами словно отключал воспоминания, освобождая сознание для новых безотлагательных действий.

Когда, заперев дверь, он устроился в удобном кожаном кресле, мысль его заработала с обычной методичностью, в цепкой последовательности.

Никто не заметил, как он входил к ней в дом, никто не видел его выходящим. В клубе лифт дей-

ствовал без лифтера, и внизу у швейцара после шести кончался рабочий день, следовательно, никто не может засвидетельствовать, как долго он отсутствовал. Под дверью его комнаты не было никаких записок, значит, в течение полутора часов, пока его не было, никто не звонил и не приходил к нему.

Глупая была женщина, он легко с ней справился. Осмотрев снова одежду и туфли, убедился, что следов муки не осталось. Извлек из кармана письмо Бронсона, перечитал — оно действительно было бы для него смертельно опасным. Вэрни держал лист, пока огонь не лизнул пальцы, затем бросил в унитаз, спустив воду. Женщина знала о деньгах, значит, ее смерть была неизбежна. Неизбежна и в том случае, когда он обезвредил, заполучил письмо. Ибо оно было смертным приговором Бронсону. Попытался представить, хватило бы у него выдержки дождаться мужа, убить и его, если она не сказала бы, что муж ничего не знает о письме, оставленном у нее Бронсоном.

Следующий шаг — встретиться с Дэнни до того, как он узнает о смерти невестки. Встретиться как можно скорее — раньше, чем он проснется и прослушает новости. А просыпается он, вероятно,

поздно. Все рухнет, если его не окажется на даче. Однако маловероятно, чтобы он высунул нос, подвергая себя угрозе ареста именно утром того дня, когда получит деньги.

Прежде чем лечь, приготовил три вещи: чемодан с несколькими книгами для придания правдоподобного веса, записку, которую оставит внизу швейцару, с просьбой, чтобы Гарри в девять позвонил в контору и предупредил, что он приедет позже обычного, и заряженный бельгийский револьвер-автомат. Много лет назад он отобрал его у чересчур вспыльчивого клиента и был уверен, что опознать оружие невозможно.

Быстро оделся. Записку положил на стойке у входа, отнес чемодан в машину, оставленную позади клуба. Утро выдалось ясное, прохладное, в воздухе ощущалось приближение зимы. Револьвер он положил в правый карман пальто. Во время езды мысленно повторял, *как, где это* сделает, представлял всю последовательность своих действий.

Свернув на частную дорогу, покрытую гравием, проехал среди деревьев до поворота, и сразу же ему открылась дача с припаркованным серым «седаном». Он остановил машину рядом с ним и, выключив мотор, дал длинный гудок. Затем

вышел, поставил чемодан у ног, подождал. Просигналил еще раз и, подхватив чемодан, обогнув дом, вышел к террасе. Поставил чемодан на металлическую столешницу и, стоя над ней, засунул руки в карманы. Правую руку втиснул в кожаную перчатку, нащупал пальцем курок револьвера.

Из дома на террасу вышел Дэнни в светло-голубом халате — с заспанным, помятым лицом и всклокоченными волосами.

— Что, черт возьми, вы здесь делаете, Вэрни?

— Привез обещанное.

— Но, разрази вас гром, еще нет и восьми.

— Мне следует уехать, а потом днем привезти снова? Вас это больше устроит? Откровенно говоря, мне не хотелось бы разъезжать взад-вперед с таким количеством денег.

Подойдя к столу, Бронсон кончиками пальцев дотронулся до чемодана.

— А те настоящие пять тысяч где?

— Внутри. В отдельном пакете.

Дэнни отстегнул защелки на чемодане, собираясь взяться за крышку. Пока обе его руки еще лежали на металлических штучках, Вэрни выхватил из кармана оружие, вытянул руку и с расстояния в один метр выстрелил Бронсону в лицо. В открытом, безлюдном месте выстрел про-

звучал как щелканье кнута. С хриплым криком Бронсон зашатался, а Вэрни спокойно, холодно пустил пулю в грудь, аккуратно целясь в сердце. Когда Бронсон упал, Вэрни обошел стол — Дэнни лежал с открытыми глазами, страдальческой гримасой на лице, губы его конвульсивно дергались. Держа револьвер почти вплотную к широкому лбу Бронсона, Вэрни снова стал стрелять.

… склонясь над Бронсоном, распростертым на спине, прижимал дуло к мертвому лбу, давил на курок, но заряды кончились, от напряжения болел палец, и он не представлял, сколько времени уже так стоит.

Вэрни распрямился. Возле носа Дэнни чернела дыра. На груди слева на голубом халате выделялось пятно величиной с четвертак, а в загорелом лбу — пять зловещих отверстий.

… гнал машину по дороге, покрытой гравием, круто срезав поворот, неожиданно увидел: навстречу двигался массивный «кабриолет», и ему пришлось правыми колесами съехать в неглубокую придорожную канаву. «Кабриолет» остановился прямо перед ним, и Друсила Катон, опустив стекло, изумленно воскликнула:

— Какого черта, Пол! Как вы здесь оказались!

— Друсила, — быстро заговорил он, — хорошо,

что я вас встретил. Мне нужно поговорить с вами. Я… давайте вернемся на дачу.

— Но…

— У меня был разговор с Бронсоном… Он должен был передать вам… впрочем, я и сам могу сказать.

Он пересел в ее машину.

— Боже мой! — удивилась Друсила. — Никогда не видела вас в таком волнении, дрожите, как девчонка. Спокойный, твердокаменный Вэрни! Наверно, уже знаете обо мне и Дэнни.

— Знаю.

— И, наверно, намереваетесь по-отечески со мной побеседовать. Ну уж нет, черти побери, нет, Пол. К вашему сведению, я прекрасно знаю, что делаю.

— Знаете и то, что Дэнни задумал меня шантажировать.

Она засмеялась.

— Поняла в ту же самую минуту, когда он из меня вытряс всю вашу историю. Да, знаю. Вы удивлены, дорогой Пол?

Остановила машину возле дачи. Вэрни понимал, что, обогнув дом, она сразу увидит труп. В мыслях мгновенно стал складываться стройный, логичный план. Минуту назад все казалось поте-

рянным, но такой поворот будет даже к лучшему, получится великолепная, очень правдоподобная фальсификация.

Выйдя из машины одновременно с ней, быстро натянул кожаные перчатки. Когда Друсила направилась к дому, он сзади вплотную приблизился к ней. Сделав глубокий вдох, захватил согнутой в локте рукой ее горло. От яростного сопротивления жертвы потерял равновесие — оба упали, но железные тиски не разжал. Она пыталась, откинув голову, ударить его в лицо, но он спрятался за ее спину. Оборонялась с такой неистовой силой, что оба покатились по дорожке. Острый каблук больно лягнул его в голень, но рука по-прежнему намертво сжимала женскую шею. Уже чувствовал, как слабеет сопротивление, как обмякло тело и туфли скребут по асфальту.

… остался лежать в судорожном объятии, с закрытыми глазами, не представляя, сколько времени так лежит. Потом, высвободив затекшую руку, поднялся, шатаясь, но удержался на ногах. Когда отпустил ее, тело перекатилось на спину — распухшее лицо было безобразным, и ему пришлось быстро отвести взгляд. Прислушался к звукам разгоравшегося дня. Над головой пролетел самолет, идущий на посадку в Хэнкоке, и он с

трудом подавил инстинктивное желание бежать, скрыться, пока, опомнившись, не сообразил, что с такой высоты ничего не видно.

Постоял, обдумывая дальнейшие действия. Взвалив на плечо, придерживая бессильно повисшие ноги, занес тело в дом. Осторожно усадил на постель — ту огромную постель для сладостных утех, но тело сразу повалилось навзничь. Не сразу удалось раздеть ее: руки в перчатках двигались неуклюже, работа оказалась еще отвратительнее и тяжелее, чем он представлял. Уже укладывая ее в постель, вспомнил, как яростно она сопротивлялась, и толкнул мертвое тело, так что оно свалилось на пол с другого края кровати. Стук от удара головой по паркету вызвал резкую тошноту.

Тщательно сложил снятую одежду.

В маленьком сарае возле дома нашел все, что ему требовалось: длинный, крепкий электрический шнур и несколько шлакоблоков. Шнур и глыбы шлакобетона отнес в лодку, привязанную к пристани. Схватив Дэнни под мышки, потащил его к озеру, перевалил в лодку. Надежно прикрутив к щиколоткам куски бетона, вывел лодку на середину искусственного озера, оставляя длинный след на зеркальной глади воды. Перекинув

через борт сначала ноги с привязанным грузом, посадил Дэнни, отчего лодка резко накренилась, и труп исчез, обдав брызгами лицо Вэрни. Когда лодка вновь обрела равновесие и поверхность воды успокоилась, вгляделся в глубину — ничего не было видно. Энергично работая веслами, он подогнал лодку к берегу и привязал на прежнее место.

Зайдя снова в дом, стал торопливо искать ключи от серого «седана» Дэнни. Обшарив все комнаты и углы. Уже закипая от злости, наконец обнаружил их в пепельнице на столике, рядом с гостиной. Осмотрел все еще раз, довольный удачной развязкой. Взял в сарае шланг, подсоединил к краю возле террасы и направил струю на каменные плитки, где упала голова Дэнни, смывая кровь, кусочки кожи и даже осколок кости.

Напоследок вывел «седан» на дорогу, покрытую гравием, и, не торопясь, двинулся вперед, внимательно следя за придорожной канавой. Заметив достаточно глубокое место, дал задний ход, а потом со всего разгона врезался в канаву, от резкого толчка поранив даже губу изнутри. Гонял мотор на холостых оборотах до тех пор, пока задние колеса намертво не зарылись в землю. Оставив ключи в зажигании «седана, пересел в

собственный «додж» и осторожно вывел его из мелкой канавы.

В одиннадцать был уже в конторе. Небрежно сообщил секретарше, что ездил в Кемп посмотреть кое-какие участки, которые, возможно, скоро пойдут с торгов. Она передала список звонков, сказав, что в десять его спрашивал какой-то Спенс — полицейский — и обещал зайти еще раз.

— Говорил — по какому вопросу?

— Нет, мистер Вэрни.

Полицейский вернулся без четверти двенадцать, представившись как детектив Спенс из Отдела по расследованию убийств. Худощавый, со светлыми, почти слюдяными волосами и невозмутимым, бесстрастным длинным лицом. Вэрни почувствовал облегчение, увидев, что держится тот совершенно непредвзято, по-деловому. Спенс охотно принял предложенную сигару.

— Меня интересует сотрудник Отдела по надзору за условно освобожденными — некий Кифли. Он был у вас на другой день после посещения Дэнни Бронсона, так ведь?

— Да. Пожалуйста, я к вашим услугам.

Вэрни повторил свою вымышленную версию о том, как Бронсон пришел к нему, но возбудил подозрения странным поведением. Передал и

свой разговор с Кифли.

— Кифли мы арестовали за убийство.

— Кифли?! Неужели?

— Старая история. Устроил скандал и проговорился сержанту Викслеру. Во время беседы о невестке Бронсона, которую вчерашней ночью убили.

— Убили?

— Неужели вы об этом не знаете, мистер Вэрни?

— К сожалению, нет. Газеты сегодняшние еще не просматривал и радио не слушал.

Спенс встал.

— Мы полагаем, все связано с одной вещью — с конвертом, который он хотел отдать вам на хранение. Но Викслер докопается. Ему почти всегда удается найти истину. Сегодня против Дэнни в двадцать раз больше подозрений, чем вчера.

— Этот сержант Векслер думает, что женщину убил Дэнни?

— Не Векслер, а Викслер. Я не знаю точно, мистер Вэрни, о чем он думает. Мне известно только — хочет поговорить с Дэнни.

— Если выясните, что было в том конверте, мне будет весьма любопытно узнать тоже, мистер Спенс.

— Выясним. Мы всегда все выясняем. До свидания, — с этими словами Спенс удалился.

После ухода детектива Вэрни успокоился не сразу. В этом человеке его что-то настораживало, оставляло впечатление совершенной уверенности и неуязвимости.

«Всегда все выясняем»…

В конце концов с помощью логичного рассуждения ему удалось подавить тревогу. Только четыре человека знали или могли догадываться о содержимом конверта. Жена Ли Бронсона, Друсила Катон, Дэнни Бронсон и он сам. А уж он-то, разумеется, своими сведениями ни с кем никогда не поделится.

К тому же, убеждал себя Вэрни, действовал он без промедления, продуманно, умело используя обстоятельства. То, что ему пришлось проделать, вызывало отвращение, но это было необходимо для его блага. Умерли трое. Красивая, но легкомысленная, ограниченная молодая женщина. Вовсе ничтожная дама чуть постарше. Мужчина-уголовник, разыскиваемый полицией. Общество ничего от этого не потеряет.

Пожалуй, самое время, решил он, назначить дату для поездки в Южную Америку.

11
Бен Викслер

Инспектор Вендел Мэтхьюз удобно расположился в кабинете Бена Викслера: упираясь подошвой правой ноги о край стола, покачивался вместе со стулом, обхватив колено руками. Начинался четверг, восемнадцатое октября, десять утра.

Мэтхьюз отличался изрядной полнотой, хотя двадцать лет назад едва достигал минимального для своего роста веса. Каштановые, заметно поредевшие волосы, льдисто-серые глаза и небольшой мягкий рот — внешность вполне заурядная. Пользовался репутацией крикуна и буквоеда, выискивающего пыль по углам и под ковриками, вылавливающего ошибки в донесениях и досье, — словом, подлинная гроза для подчиненных, спокойно посиживающих за кофе. Но те немногие из отдела, кто знал его поближе, понимали, что такие мелочи отражали лишь незначительную, поверхностную часть его интересов и интеллекта. Бен Викслер и кое-кто еще относились с глубоким почтением к

его спокойной логике, скрываемой за мнимой вздорностью.

Шло обсуждение обнаруженных фактов по делу об убийстве Люсиль Бронсон. Мэтхьюз еще до разговора досконально изучил всю объемистую папку с документами.

— Можешь погореть на этом, — объявил Мэтхьюз.

— И что же я, по-твоему, сделал, чего не следовало? Или не выполнил то, что положено, Венди? Мы прочесали всю окрестность дома. Все сходится к Дэнни Бронсону. Похоже, придется ждать, пока мы его обнаружим.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Бен. Читал ведь газеты. «Убита жена профессора. Облава на условно освобожденного поднадзорного. Таинственные деньги в деле Бронсон. Она была возбудимая натура и любила фотографироваться». И так далее. А все радиостанции повторяют эту чепуху. То, что он прикончил ее об угол кухонной плиты, придает событию будоражащий, болезненный привкус. Бак Анджели, наш воинственный окружной прокурор, жаждет действий и подвигов.

— Знаю. Был здесь. Предложил дать на помощь всех парней из прокуратуры и особый отдел или

что-то такое. А чем они мне помогут?

— Психологическая ошибка с твоей стороны, Бен. Нужно было принять предложение и для виду дать им поручения.

— Зачем?

— А если Дэнни не отыщется? Ты в тупике. Тогда было бы естественно разделить с ними ответственность. Но если хочешь надрываться один, много времени у тебя не остается.

— Много времени — до чего?

— Придуриваешься, сержант? Чертовски хорошо знаешь, о чем я. Бак обратится к заместителю по общественной безопасности, тот в этом углядит хороший повод тиснуть в газетах фотоснимки собственной персоны. Сунется к заместителю шефа полиции, тот — к шефу, а уж тому придется обратить внимание на любопытный факт: во главе Отдела по расследованию убийств у него стоит всего-навсего сержант. И спорю на дырку от бублика, что Дэнни арестуют через пятнадцать минут после того, как тебя освободят от обязанностей временного шефа отдела, а новый начальник размотает всю загадку, как свитер ручного вязания. Ну, а потом жди на здоровье год или два, потому что не может ведь шеф полиции утвердить повышение человеку, которого уволил

с должности, что бы там он про себя ни думал. Если не сдвинешься С места, можешь быть уверен — к понедельнику тебя вычеркнут, а может даже и завтра.

— Поднимать настроение ты мастер, Венди.

Мэтхьюз резко наклонился вперед, так что стул бухнулся на все четыре ножки.

— Давай сравним наши мнения об этом деле. Думаешь, ее убил Дэнни Бронсон?

— Ставлю десять против одного, что нет. Верю — позабавился с ней в постели, уверен и в том, что использовал ее для укрытия денег и, возможно, чего-то еще, очень для него важного, — может, письма, которым защитил себя от неизвестного лица, что решил подоить. Я немного поразмышлял о его характере. Твердый, жадный, жестокий. Но в то же время интеллигентный и страшно неудачливый, особенно теперь. Все это не вяжется с таким убийством.

— Ли Бронсон?

— Мотивов — ноль. Порядочный человек.

— И поэтому ты его исключаешь?

— А что мне остается? Трижды проверили время, когда приехал к Хогтону, сравнили с наиболее ранним возможным часом убийства. Если бы ухитрился проехать через город за десять секунд,

тогда что ж, мог оказаться убийцей.

— Так кого же подозреваешь?

— Мог быть либо мистер Икс, либо мистер Игрек. Мистер Икс — сообщник Дэнни, для него я определил и мотивы: Дэнни отхватил жирный кусок и спрятал в доме Бронсона. А мистер Икс забрался туда и заполучил деньги. Или же мистер Икс хотел завладеть письмом Дэнни и выяснить, кого он шантажирует. Жертву вымогательства назовем мистер Игрек. У него мотив единственный — вырваться из рук Дэнни. Для этого он должен выяснить, где письмо и завладеть им. Кроме того, он вынужден устранить и Дэнни — до или после того, как нашел его исповедь. Думаю, сначала он отыскал письмо и уж потом избавился от Дэнни. Так было бы надежнее.

— И который из них тебя больше устраивает?

— Мой герой — мистер Игрек. Не оставил ни единого следа и сумел устроить, чтоб его никто не заметил, но само убийство имеет… любительский характер. Убийство было случайным, и все-таки жестоким, неистовым, словно давало выход страстям.

Мэтхьюз потер маленький круглый подбородок.

— Значит, ты полагаешь, что наш Дэнни уже

покойник?

— Если мыслить логически, думаю, это весьма правдоподобно.

— Ну, тогда ты и в самом деле влип.

— Только если труп надежно укрыт.

— Твой мистер Игрек может быть добропорядочным членом общества.

— Но заметным лицом — непременно. И достаточно богатым, чтобы Дэнни стоило решиться на шантаж. И достаточно отчаянным, чтобы так рисковать. У нас о нем немного сведений. Знаем — высокий и сильный человек. Что-то скрывает. Можно предполагать, что Дэнни как-то к нему подобрался и выяснил, что именно тот скрывает. К сожалению, нам не удалось проследить, какие шаги предпринял Дэнни. Избегал все свои обычные места и знакомых по меньшей мере с конца июня.

— Остается великой загадкой, как мистер Игрек сумел убедить хитреца вроде Дэнни, чтобы он сказал, где это письмо…

Мэтхьюз замолчал, так как раздался звонок телефона. Бен поднял трубку и через минуту потянулся к блокноту, начал записывать.

— Да. Конечно, я помню вас, капитан. Шоссе номер девяносто. Съехать на проселок за пять

километров до Кемпа. Понятно. Да. Ну что ж, не будем терять время. Через час.

Бен положил трубку. Широко ухмыляясь, посмотрел на Мэтхьюза:

— Как насчет небольшой прогулки?

— Что случилось?

— Звонил капитан Донован из Управления криминальной полиции штата. Выяснил, где скрывался Дэнни.

Бен Викслер, Эл Спенс и инспектор Мэтхьюз приехали на дачу Катона. Поскольку территория не относилась к их округу и явились они по приглашению, им не пришлось везти экспертов и всю следственную группу. Донован известил их потому, что находка была связана с делом Люсиль Бронсон.

Бен давал указания шоферу, и, увидев частную дорогу, покрытую гравием, они свернули туда. Как раз в том месте, где дорога вилась через рощицу, в глубокой канаве у дороги завяз серый «седан». Отсюда до дачи было рукой подать.

— Прекрасный пейзаж, — объявил Спенс, — украшенный четырьмя машинами криминального управления.

— А номер на «кабриолете» хэнкокский, — заметил Мэтхьюз.

Капитан Донован, как только они вышли из машины, направился навстречу — могучий, смуглый великан с энергичной походкой и строевой выправкой, веки у него припухли от бессонной ночи, но голос звучал бодро, как на плацу. С Викслером и Мэтхьюзом он был знаком, а Спенса ему представили, и тот заметно дернулся при решительном рукопожатии капитана.

— Сейчас я расскажу, что произошло, — загремел Донован. — Около полуночи кто-то позвонил в полицию Кемпа, имя свое назвать отказался, но сообщил, что здесь в канаве брошена машина, та, что вы видели по дороге. Голос молодой, скорее всего, какая-то компания в подпитии заметила по дороге в город застрявшую машину, и, поскольку пассажиров не оказалось, позвонили нам. Патрульный Йенсен через полчаса был на месте, проверил сообщение, записал номер машины и даже прошел к дому, но на его стук никто не отозвался, хотя «кабриолет» стоял здесь, как и сейчас. Ему это показалось странным, потому мы, не дожидаясь утра, решили установить владельца машины. Мы ведь за это право боролись целых десять лет и только в нынешнем году, наконец, добились своего. «Кабриолет» зарегистрирован на имя Джека Юнга из Кемпа, но имя и адрес

оказались вымышленными. В три часа Йенсен, согласно приказу, вернулся сюда еще с одним сотрудником.

Несмотря на их повторный стук, никто не отозвался, тогда они проникли в дом и в спальне обнаружили труп брюнетки лет тридцати — раздетой и задушенной. Они по рации доложили обо всем в Кемп — мне и шерифу. Я связался с шерифом и по его устному приказу выехал сюда со специалистами. В пять тридцать пять были на месте.

После поверхностного осмотра дома я позвонил мистеру Бэрту Катону, но его телефон молчал. А тем временем шло детальное расследование. После того как окружной эксперт осмотрел тело, снял отпечатки пальцев и взял пробы из-под ногтей, труп отвезли в морг Кемпа, где он останется до официального опознания и вскрытия, если этого потребует эксперт. Мои люди прочесали объект и обнаружили две группы отпечатков. Одна — той женщины. Второй вариант отпечатков — мужских — проанализировали и разослали по картотекам для идентификации, вплоть до Вашингтона. Судя по местам обнаружения отпечатков, убитая и мужчина жили в доме продолжительное время.

Донован замолчал, чтобы перевести дух, и Бен обратил внимание, что Спенс смотрит на исполина с боязливой почтительностью: голос капитана гремел в радиусе до пятидесяти метров.

— Поскольку от вас поступило заявление, что некий Дэниел Бронсон, разыскиваемый по подозрению в убийстве, по всей вероятности, скрывается в окрестностях Хэнкока, а место здесь уединенное, я приказал сравнить наши неопознанные отпечатки с досье Бронсона. Когда обнаружилось полное тождество, позвонил вам, как этого требует и простая вежливость, и необходимое сотрудничество. После звонка к вам я в четвертый раз позвонил мистеру Бэрту Катону, и он наконец поднял трубку. Когда я сказал, что звоню уже не в первый раз, он объяснил, что болен и на ночь отключает телефон, чтобы его не беспокоили. Спрашиваю, дома ли его супруга. Извинившись, пошел узнавать и через минуту сообщил, что ее нет и дома она не ночевала. Кажется, встревожился, когда я назвал себя. Я попросил дать описание его жены. Рост, вес, цвет волос — все сходилось с трупом. Тогда я спросил, знает ли он мистера Джонсона и его дачу. Мистер Катон ответил, что дача принадлежит ему, но он уже больше года там не был и не знал, что кто-то

там проживает. Я попросил его приехать сюда. После допроса он может опознать труп. Пока еще не приехал. Есть тут несколько мелких подробностей, но их проще показать, чем объяснять. Что еще вас интересует?

— Когда наступила смерть женщины?

— Предположительно за двадцать часов до осмотра. Значит, умерла вчера утром, около восьми. А теперь я хотел бы показать, где обнаружили труп.

Они направились за Донованом. В помещении голос капитана звучал оглушительно. В доме работали его люди. Когда группа вышла на террасу, капитан Донован объявил:

— Моя версия такова: Бронсон и эта Катон поссорились, и он задушил ее. В панике бросился бежать, даже не забрав свои вещи. От волнения и спешки за рулем был неосторожен и заехал в канаву. За ее машиной не вернулся, так как она слишком бросается в глаза. По-моему, вышел пешком на шоссе номер девяносто, и там его подобрала попутная машина.

Один из его сотрудников появился из-за угла дома с сообщением:

— Господин капитан, приближается такси.

— Это, наверное, Катон. Идемте со мной.

Все отправились на стоянку. Такси из Хэнкока остановилось, и оттуда вышел мужчина — бледный, немощный, передвигавшийся медленно и осторожно. Словно извиняясь, посмотрел на Донована:

— Я не сажусь за руль… с тех пор как заболел.

— Мы доставим вас домой, мистер Катон. Можете отпустить такси.

— Мистер, мы так не договаривались, — запротестовал таксист. — Что я — обратно порожняком поеду? Вы же обещали оплатить и обратную дорогу.

Получив деньги от Катона, с чувством произнес:

— Благодарю вас. А что здесь такое? Съезд полицейских?

— Проваливайте! — гаркнул Донован, и такси, визжа покрышками, скрылось из глаз.

Катон, оглядевшись, лишь теперь заметил Мэтхьюза. Улыбнувшись ему, произнес со слабым отзвуком былого обаяния:

— Привет, Венди! Может, вы меня просветите, что происходит?

— Здесь распоряжается капитан Донован, Бэрт. Собирается задать вам несколько вопросов в связи с Друсилой.

— Понимаю, речь идет о Дру. Она вообще не заявилась домой. Не знаю… Простите, нельзя ли мне присесть?

— Ну разумеется, — загремел Донован. Они обошли вокруг дома, и Катон с облегчением опустился в плетеное кресло на террасе. Капитан придвинул второе, настолько близко, что они почти касались коленями. Появился сотрудник в форме, пристроившись в сторонке с блокнотом.

— Когда вы в последний раз видели свою жену, мистер Катон?

— Постойте, я должен подумать… Позавчера, во вторник. Дома, часов в пять. Появилась, приняла душ и сразу снова уехала.

— Не говорила — куда?

Катон попытался улыбнуться:

— К сожалению… с тех пор как я оправился от болезни, мы не уделяли друг другу большого внимания. Меня уж не очень интересовало, как она проводит время… не как раньше. Возвращалась и уезжала, когда ей вздумается. Появились и новые, свои друзья.

— А почему вы говорите о ней в прошедшем времени, мистер Катон?

Теперь в его улыбке проступила явная ирония:

— У меня больное сердце, капитан, но не голо-

ва. Вы захотели получить от меня ее описание. И напускали на себя серьезность и загадочность. Полицейские не ведут себя подобным образом, если… предположим, если расследуют кражу. Мне приходится остерегаться потрясений, поэтому по пути сюда я постепенно готовил себя к мысли, что она, скорее всего, умерла. И если говорить вполне откровенно, капитан, думаю, меня это не так уж и трогает. Год назад я был бы вне себя от горя. Сейчас это, собственно, меня не касается. Пожалуй, в силу самосохранения, а не из-за бесчувственности. Слишком много забот доставляет мне болезнь.

— Она когда-нибудь упоминала Дэниела Бронсона?

— Нет. Во всяком случае я не помню.

— А Джека Юнга?

— Нет. Капитан Донован, когда уж вы наберетесь духа и скажете, не умерла ли она? Или это противоречит инструкциям?

— Женщина, обнаруженная мертвой в доме, возможно, ваша жена, мистер Катон. Мы бы хотели, чтобы вы взглянули на нее.

— Сожалею, капитан, но я решительно отказываюсь. Могу приучить себя к мысли, что она умерла, но схватить сердечный приступ при ее

виде — на такой риск я не пойду. У меня был тяжелейший инфаркт. Поражена большая часть сердца. Рисковать уцелевшим его остатком я не собираюсь. Уверен, для этой цели можно найти кого-то другого.

— Очень странно и необычно.

— Ничем не могу помочь. Решительно отказываюсь. Сожалею.

— Вы ее описали лишь в общих чертах. Может, на теле есть что-нибудь… какие-то характерные, особые приметы?

— Есть. На внутренней стороне левого бедра, сразу над коленом, довольно некрасивый шрам. Еще малышкой ее укусила собака. А в те времена собачьи укусы прижигали.

— В таком случае можно с уверенностью утверждать — это ваша жена.

— Я в общем-то и не сомневался. Не думаю, чтобы кто-то из… приятельниц времен моей активной жизни заехал бы сюда на дачу. Как она умерла? Скорее всего, насильственной смертью?

— Почему вы так решили?

— Она сама не гнушалась насилием. Готова была шагать по трупам.

— Ее задушили.

Катон поморщился:

— Весьма некрасивая смерть. Кстати, вы упоминали имя… кажется, Бронсон. Это не тот, кого разыскивают в связи с убийством?

— Он самый.

— Друсила мало бывала дома. Этот Бронсон жил здесь?

— Мы так полагаем.

— Похоже, он человек взыскательный, со вкусом. Этот дом стоил времени и денег. Его задержали?

— Пока нет.

— Очевидно, капитан, он поддался искушению, которое я и сам испытывал довольно часто.

— Какому искушению?

— Придушить Друсилу.

Донован с любопытством посмотрел на Катона и, помолчав, продолжал:

— Здесь остались дорогие мужские вещи, костюмы, подходящие по размеру Бронсону. Не знаете, ваша жена в последнее время не тратила денег больше обычного?

— Дру, несомненно, тратила столько же, как всегда, то есть все, что получала. У нее были доходы от наследства родни, и я выплачивал содержание. Общая сумма мне казалась очень щедрой, но Друсиле этого не хватало. Никогда.

Бен Викслер слушал их очень внимательно, но при этом какое-то смутное беспокойство копошилось в сознании. Это чувство было ему знакомо: вроде бы он что-то услышал, но не придал значения, или увидел нечто выпадающее из общей картины.

Кивнув приглашающе Венди Мэтхьюзу, поднялся и прошел метров пятнадцать в сторону озера. Вопросы Донована и сюда доносились совершенно отчетливо, а вот ответы Катона расслышать не удавалось. Спенс попытался было встать тоже, но Бен дал ему знак остаться. Недоумевающий Мэтхьюз раздраженно спросил:

— В чем дело?

— Что-то такое… не могу понять, что именно. Хотелось с тобой посоветоваться. Не показалось ли тебе что-нибудь странным в том, что мы слышали?

— Нет. Что ты имеешь в виду?

— Не было ничего, что вызывало бы вопрос, на такой смутный, что и сформулировать невозможно?

— Сейчас и тебе тоже задам вопрос. Ты сегодня хорошо позавтракал? Мерил давление в последнее время?

— Ясно. Извини. Пошли назад.

Они вернулись, но Бен уже не мог сосредоточиться на продолжавшемся допросе и стал тщательно разглядывать террасу — буквально сантиметр за сантиметром. Она была выложена каменными плитами неправильной формы, скрепленными бетоном. Медленно, старательно Бен скользил взглядом по плитам, пока не дошел до капитанского стула, и его охватил трепет догадки. Наконец, он понял, что тревожило его подсознание. На всей террасе бетонные бороздки между плитами были заполнены кусочками листьев, сосновыми иглами, грязью. Однако слева от стула Донована швы между плитами были пусты, а четыре камня казались чище остальных. Чистая полоса тянулась до самого края террасы. Здесь что-то просыпали и потом смыли из шланга? Но почему не вымыли всю площадку? Почему только эту часть?

Еще раз исследовал взглядом эти четыре плиты, пядь за пядью. Правая нога капитана стояла на углу коричневого камня, а в центре этого камня оказались два серых пятнышка, одно побольше другого. Он чуть наклонил голову, и сероватые пятна обрели слабый блеск металла.

Капитан как раз вопрошал:

— Когда вы заметили перемены в ее привычках

и когда…

Осекшись, он уставился на Бена, который, опустившись на одно колено, соскребал ногтем пятно побольше.

— Ради бога, Викслер, что вы там делаете?

— Взгляните, похоже, этот кусок террасы вымыли из шланга. А эти пятна — свинцовые. Наклонитесь и осмотрите вот это золотистое пятнышко — здесь явный налет меди.

Усевшись на корточки, он поднял глаза на Донована:

— В даму стреляли?

— Нет! — Донован, вскочив и повернувшись к дому, взревел: — Бейкер!

Оттуда стремительно выскочил парень.

— Принесите все что нужно для определения следов крови.

Бейкер так же стремительно исчез. Донован отвел присутствующих в другой конец террасы и, бросив озадаченный взгляд на Викслера, продолжил допрос. Тем временем появился Бейкер со склянками, пробирками, фильтрами и взялся за работу, продвигаясь к краю террасы. Закончив, подошел к Доновану. Когда тот повернулся к нему, Бейкер показал фильтровальную бумагу:

— Реакция положительная, господин капитан.

Группу крови установить невозможно, однако совершенно точно — это кровь человека. Самую лучшую пробу получил там, где ее смыли в траву.

— Свежая?

— Должна быть недавней. Во вторник с утра шел ливень, значит, появилась позже.

— Я могу внести предложение? — осведомился Бен.

— Разумеется.

— Вашему человеку не мешало бы проверить и лодку у пристани.

Донован сначала с недоумением воззрился на Бена, но потом лицо осветилось догадкой, и он отдал распоряжение Бейкеру. Викслер отправился вместе с ним. Ползая по дну лодки, Бейкер пустил в ход свое снаряжение и, наконец, с ухмылкой посмотрел на Викслера:

— В самую точку! Здесь ее хватит, чтобы определить и группу крови. Отличный, изрядный сгусток.

Бен загляделся на озеро, на гладкую поверхность с едва заметной рябью от свежего западного ветерка. Затем, круто развернувшись, возвратился на террасу и сообщил Доновану о результатах Бейкера.

— Сожалею, мистер Катон, что был вынужден надоедать вам своими вопросами, — подвел итог Донован. — Можем сейчас же отвезти вас назад, в город.

— Если позволите, мне хотелось бы немного отдохнуть в доме!

— Теперь уже можно. Мои люди окончили осмотр.

Когда Катон направился к двери, Бен остановил его:

— Прошу прощения, мистер Катон, вы не станете возражать, если мы пробьем запруду и спустим воду?

Катон, оглянувшись, посмотрел на свое рукотворное озеро, а затем равнодушно обронил:

— Разрешаю вам даже взорвать ее.

Уже дойдя до двери, обернулся снова и, мрачно усмехнувшись, добавил:

— Мне известно доподлинно, что вы там обнаружите *непременно*.

— Что именно, мистер Катон?

— Уйму пустых бутылок, — он закрыл за собой дверь.

Донован посмотрел на земляную насыпь в конце озера.

— Пожалуй, действительно проще взорвать

ее. Пойду прикажу доставить необходимое, — с этими словами он торжественно удалился.

А Бен повернулся к Матхьюзу:

— Ну как, будем спорить?

Тот покачал головой:

— Ставлю пятьдесят против одного, что там мы найдем нашего Дэнни. И напомни мне, Бен, чтоб я никогда не пробовал насмехаться над твоей интуицией.

— Мне нравится, как постепенно все одно с другим сходится. Дэнни начинает с Друсилы Катон — она отвечает его замыслам. В конце концов логично предположить, что именно она подбросила ему идею, а он уж потом ее разработал. Однако выбранный жертвенный барашек тоже не ждал сложа руки, пока его остригут догола. Каким-то образом установил, где Дэнни оставил письмо, обеспечивающее его защиту. Итак, найдя письмо, убил Люсиль Бронсон, а на следующее утро заявился сюда, избавился и от сомнительной парочки. Очень остро-' умное решение — один труп запрятал, а второй подкинул нам, чтобы мы разбежались на все четыре стороны в погоне за Дэнни. И все равно, Венди, даже если бы не эта счастливая случайность, я непременно проверил бы, нет ли Дэнни на дне озера или где-нибудь в

самодельной могиле на участке.

— А теперь куда?

— Выяснять, с кем за последние два года Друсила Катон подружилась настолько, что вытянула из него какую-то тайну, которую Дэнни использовал для шантажа.

В двенадцать тридцать пополудни служащий полиции штата надавил ладонью на небольшую черную коробку, и четыре заряда динамита, заложенные глубоко под глиняной плотиной, взорвались с приглушенным ревом — Бен ощутил даже, как нагревается земля под подошвами. Комья глины взлетели в воздух, и прежде чем они опустились назад, вода из озера хлынула сквозь пробитую в плотине брешь. Напирая, она расширяла пробоину и, все набирая скорость, вливалась в русло речонки. Бен наблюдал за уровнем воды по стенке бетонной пристани. Вода постепенно отступала, обнажая темный бетон, скрывавшийся раньше под поверхностью. У берегов стали появляться илистые участки дна. Чем больше расширялся прорыв в плотине, тем скорее шел отток воды из озера. Через двадцать минут все было кончено.

Стоя на пристани, они смотрели, как трое рослых полицейских, босые, в трусах, направляются

по илистой грязи к трупу, застывшему метрах в двадцати пяти от берега. Голова направлена в сторону разрыва в плотине, лицо погружено в ил. Размокший голубой халат, прикрывавший лишь плечи и голову, течение протащило вперед, обнажив голое тело.

Полицейские склонились над трупом, один из них что-то делал с его ногами. Вскоре они направились назад к берегу: двое тащили тело, держа под мышками и за ноги, а третий нес перевязанные блоки шлакобетона. Положив труп на мол, они ушли, чтобы умыться и одеться.

— Бронсон? — спросил Донован.

— Нельзя ли немного смыть с него грязь? — попросил Бен.

Полицейский подтянул шланг, насколько позволяла его длина, и высокая струя воды вскоре дочиста отмыла лицо покойного.

— Да, это Дэнни Бронсон, — констатировал Мэтхьюз.

Донован склонился над трупом.

— Шесть выстрелов в голову, вы только взгляните. В жизни такого не видел. Калибр небольшой — вероятно, тридцать второй. Вот эти пять сделаны почти вплотную, с нескольких сантиметров. — Осторожно раскрыл халат. — А один

возле сердца. Семь выстрелов. Судя по всему, из автоматического револьвера.

Выпрямившись, Донован посмотрел в сторону черного болота на месте бывшего озера:

— Если зашвырнул его в эту трясину, мы достанем. Двое ребят с металлоискателями прочешут ее за день. Конечно, такая работенка их не обрадует, но они ее сделают.

Бен, оглянувшись на дом, заметил, как оттуда торопятся трое. Впереди — Билли Салливан с широкой, мудрой, приветливой улыбкой на лице. Мужчина, поспешавший за ним, на ходу готовил фотокамеру.

— Частная прогулка? — осведомился Билли. — Или можно присоединяться любому?

Донован, словно тяжелый танк, преградил гостям путь.

— В надлежащее время, джентльмены, я обещаю вам беседу со всеми возможными фактами, — загремел он с изысканной вежливостью. — Будьте любезны, вернитесь к стоянке, и я вскоре подойду к вам.

— Вскоре — это когда? — спросил Билли.

— Через десять минут.

— Это не Дэнни Бронсон, капитан?

— Был им когда-то, — отвечал Донован, оттес-

няя их к дому.

— Убит в кровавой перестрелке с лихими полицейскими?

— К несчастью, нет. Откуда вы узнали о здешних событиях?

— Один таксист решил, что располагает информацией ценой в пять долларов, капитан. Я заплатил ему, а потом сверился в отделе сержанта Викслера. Мы не собираемся осложнять вашу работу, но, полагаю, моя газета имеет исключительное право на публикацию.

— Через десять минут, — повторил Донован.

— Надеюсь, вы не допустите их к Катону, — заметил Бен, когда репортеры отошли.

— Двадцать минут назад он уехал. Официальное опознание произведет ее отец.

Донован приказал своим людям оформить протоколы осмотра трупа и позвонить окружному эксперту, а затем снова обратился к Мэтхьюзу и Викслеру:

— Кажется, все завязано в один узел, господа, — ваша история и мой случай. Вы получили доступ ко всей информации, которой я располагаю. Предлагаю поделиться со мной вашими заключениями. Скорее всего, убийца будет задержан в вашем городе.

— Просвети капитана, Бен, — сказал Мэтхьюз.

Викслер быстро изложил свои выводы, закончив следующим:

— Таким образом, либо это сообщник, решивший завладеть всей суммой, либо человек, которого собирались общипать. Я склоняюсь ко второму варианту. Придется искать мистера Икс. Кое-что предположить можно. Это человек, который в прошлом уже имел дело с Дэнни Бронсоном. Единственное знаем точно: речь идет о крупной операции, это не шантаж ради одной-двух тысчонок. И, насколько я понимаю, не из-за сведений, которые могли бы разрушить брак или лишить должности. Дело касалось чего-то гораздо худшего. Он оказался на краю пропасти, если решился на столь отчаянные убийства.

Донован кивнул:

— Вполне правдоподобно. Что из этого я могу подбросить нашей газетной братии? Или лучше — ничего?

— Сообщите им только факты. Никаких предположений, без комментариев. Бронсон жил здесь с той женщиной. Оба убиты.

Донован, протестующе расправив плечи, с вызовом посмотрел на Викслера:

— А что мы искали в озере?

— Осмотрев дом, вы, господин капитан, и ваши люди обнаружили доказательства того, что, возможно, имело место и второе убийство.

Мэтхьюз примирительно заметил:

— Бен еще не созрел для разговоров с журналистами, капитан. У него кошки скребут на сердце.

Донован кивнул:

— Не страшно, если я немного подпорчу свою репутацию. Хотелось бы только знать, Мэтхьюз, на каком я свете?

— Мы в одной лодке, — сказал Бен.

— Роубер иногда забывал об этом. — Оглядел Викслера. — Придется выгребать вместе.

— Благодарю вас, капитан, за то, что вовремя дали знать, — произнес Бен, — а теперь нам пора возвращаться.

Когда Викслер, Спенс и Мэтхьюз усаживались в машину, подошел Билли Салливан:

— Ну как, капитан станет пудрить нам мозги?

— Нет. Скажет правду.

— Можно я приеду к вам за остальной информацией, когда выслушаю его байку?

— Мы не сможем сообщить больше, чем скажет он.

— Знаете, — задумчиво произнес Билли, — если отыщется смекалистый литературный редактор,

способный понять Донована, непременно отправлю его за интервью.

Мэтхьюз, захлопывая дверцу, бросил в окно:

— Парадом командует капитан.

— Если не будет ветра, — не остался в долгу Салливан.

Машина устремилась в город. Мэтхьюз предупредил шофера, что они торопятся, и тот, выжимая сто сорок, включил мигалку. Сирену пускал в ход лишь тогда, если путь оказывался занятым, и глухое гудение мгновенно заставляло водителей уступать дорогу.

Эл Спенс, обернувшись с переднего сиденья, с прыгающей сигаретой в зубах, заметил:

— Выглядите вы так, будто знаете, что станем делать дальше.

— Целый час ты помалкивал, Эл, — откликнулся Бен. — Может, есть подходящая идея?

— Не мешало бы узнать побольше о Бэрте Катоне. Жена ему наставляла рога, а он хоть бы что. Если бы моя Бетти выкинула подобное, я-то взорвался бы почище ракеты.

— Я его неплохо знаю, — начал Мэтхьюз. — Вы не поверите, как он изменился. Всегда слыл ловким, разбитным парнем, несмотря на жену — старую ведьму Этель. Когда женился на ней,

занимался продажей страховых полисов и мелкой недвижимости. Ей родители отвалили очень приличное состояние. При первых сделках она его поддержала. Но было это уже чертовски давно. А потом он купил городскую свалку.

— Звучит шикарно, — заметил Спенс.

— Еще бы. Город от нее отступился, так как для расчистки и засыпки понадобилось бы страшно много средств. Катон стал владельцем участка, а затем чужими руками и с помощью чужих вложений превратил кучи мусора в золотое дно. Сначала расчищала компания, строившая дорогу, которая шла через свалку, затем туда завозил почву торговец овощами, рассчитывая купить потом землю для плантаций. Вся площадь была выровнена, благоустроена, разделена на участки для продажи. И тут Катон пронюхал, что «Вулкан» собирается строить завод в округе. Наш друг создает строительную компанию и начинает выпекать на участках домишки для рабочих. Их раскупали раньше, чем успевали построить. Вы же знаете этот район — теперь он называется Локвуд. И с той поры он пошел в гору, как танк. Хватался за любые сделки. Построил эту дачу, чтобы временами удирать от «Этель. Жил в полную силу, пил напропалую, гонялся за

юбками. Я здесь побывал раза два на мужских вечеринках, которые он устраивал. Море выпивки и необузданного веселья. Правда, в последний год, когда вроде бы вскарабкался на самый верх, с везением что-то разладилось. После смерти Этель женился на Друсиле. Большие деньги, молоденькая жена-красотка, сплошные удовольствия. Вот он и стал забывать об осторожности, проявляя и беспечность, и наглость. А потом его делишками заинтересовалась налоговая инспекция, и тут уж стало не до веселья.

— Мошенничество? — спросил Бен.

— До суда дело не дошло. Но уличили в огромных неуплатах налогов. Насколько я понял, Бэрт имел громадную прибыль от разных операций с участками. И теперь, с опозданием в несколько лет, его отнесли к торговцам землей, а значит, то, что он считал прибылью, ему зачли как чистый доход. Следовательно, сумма налогов подскочила до неба. Бэрт сопротивлялся как мог, ничего не вышло. Ему основательно пустили кровь, как и его компаньонам. Правда, большинство из них отделались легко, потому что их доля в спекуляциях Катона была невелика. Но один из них, говорят, тоже оказался на грани краха — некий адвокат Вэрни.

Бен, повернувшись, уставился на Венди. Какое-то время оба не могли заговорить, так как взвыла сирена. Когда она утихла, Бен спросил:

— Пол Вэрни?

— Знаешь его?

— Я его знаю, — вмешался Спенс. — Он попался нам на глаза через Джонни Кифли. Когда мы выяснили, что Дэнни собирался кому-то передать конверт.

Бен чувствовал, как в нем опять поднимается волна знакомого, уже привычного азарта:

— Я, Венди, придаю большое значение всяким совпадениям.

— Постой, — прервал его Мэтхьюз. — Ведь этот Вэрни отказался взять у Дэнни конверт.

— Вэрни сказал Кифли, будто Бронсон вел себя настолько подозрительно, что он не захотел с ним связываться.

— Он и мне это говорил, — добавил Спенс.

— Он высокий? — спросил Бен у Спенса.

— Такой рослый мужчина. Высокий, без лишнего веса, даже костлявый, но сильный, с хорошими мускулами. Лет сорока, пожалуй. Страшно важный господин. Сидит за столом с таким видом, будто позирует для портрета на тысячедолларовой купюре.

— Обвел тебя вокруг пальца? — спросил Бен.

— Вполне возможно. Встретил очень приветливо. Красивый офис… и угостил меня чертовски доброй сигарой.

— Говорят, Бен, он слишком увертлив. Не один год проворачивал все дела с Бэртом Катоном.

— О'кэй, — сказал Бен, — еще один вопрос. Предположим, налоговые вычеты его сильно подкосили. Пойдем дальше и предположим, он придумал очень ловкий ход, как возместить потери. Но как, черт возьми, об этом могла узнать Друсила Катон, как могла выведать столько, чтобы Дэнни сумел воспользоваться информацией как оружием? Вэрни ухаживал за Друсилой, откровенничал с ней?

— Сомневаюсь. У Вэрни жена, правда, где-то в санатории. И сын — в какой-то частной школе. Насколько мне известно, женщинами никогда не увлекался. Думаю, к Друсиле был равнодушен.

— Он занимает в какой-нибудь компании ответственное положение, позволяющее присваивать чужие деньги? Или недвижимость?

— Не думаю. По крайней мере, серьезную, крупную сумму или недвижимость — нет.

— А налоги одинаковы для всех.

— Но как-то ведь он разбогател. И налоговые

вычеты, как я слышал, составили жирный кусок.

— Пора и мне подбросить дровишек в дискуссию, — подал голос молчавший до сих пор Спенс. — Подумайте-ка вот о чем. Если Катон и Вэрни были близки, может, вместе нацелились на такое дельце, которое вылечило бы их болячки. Миссис Катон, возможно, узнала об этом от мужа и рассказала Дэнни.

— А почему он не прижал Катона? — спросил Бен.

— Потому что тот запросто мог отдать концы и оставить его с носом, — ответил Мэтхьюз.

— Не знаю, до чего мы так додумаемся, — проворчал Бен.

— Нам бы нужны хоть какие-то доказательства, — продолжал Спенс. — Положим, это был Вэрни. Хорошо. Но откуда он узнал о Люсиль Бронсон?

Бен немного помолчал, раздумывая, затем стал рассуждать вслух:

— От Джонни Кифли?... Минутку. Мы забываем о логике, слишком торопимся. Если мы считаем, что виновник — Вэрни, следует предположить, что в прошлый четверг Бронсон пришел к нему для того, чтобы припугнуть, прижать. А о конверте, который якобы хотел оставить на хранение,

Вэрни выдумал.

— Что если приходил за выплатой?

Бен хлопнул ладонью по колену:

— Точно! Люсиль сказала мужу, что Дэнни приходил только раз. Кетелли нашел улики, доказывающие, что он был там дважды. Люсиль говорила мужу, что Бронсон оставил у нее деньги двадцать восьмого сентября. Свежие отпечатки могли быть оставлены в прошлый четверг. Предположим, что Дэнни при первом посещении оставил письмо с изложением того, что узнал о Вэрни. Потом долго обдумывал, как действовать. В прошлый четверг связался с Вэрни, урвал тысчонку и в тот же день оставил ее у Люсиль как деньги на черный день, если его план сорвется.

— А почему не взял деньги на дачу?

— Возможно, Друсиле захотелось удрать с ним вместе. Если он решил слинять один, было разумнее спрятать деньги в другом месте.

— Сплошные предположения, — заметил Мэтхьюз.

— Можно проверить, забирал ли Вэрни в тот день деньги из банка, — возразил Бен.

— У него в конторе есть сейф, — сообщил Спенс. — і Мог взять их оттуда.

— Как только вернемся, Эл, — сказал Викслер, —

ты и Дэн Минз займетесь Полом Вэрни. Выясните, что он делал во вторник вечером и в среду утром. Я поговорю с Джонни Кифли.

— А я — с Бэртом Катоном, — отозвался Мэтхьюз.

Кифли превратился в опустошенного человека, сгорбленный призрак с запавшими глазами и равнодушной, безучастной речью. Викслеру пришлось потратить много времени, чтобы он вспомнил о разговоре с Вэрни, и еще больше — чтобы пересказал его содержание.

— Ну, теперь пойдем дальше, Джонни. Сначала Вэрни рассказал вам о конверте, а *после* этого вы говорили, где его мог оставить Дэнни?

— Наверное, так.

— Что вы сказали? Только точно.

— Ну-ну, Джонни! Что вы сказали?

— Я… сказал, если Ли Бронсон и его жена соврали, то я их крепко прижму.

— Вы сказали, когда вы их крепко прижмете?

— Кажется, сказал, что сразу.

— И *тогда* он вдруг случайно вспомнил те два имени?

— Да, сказал, что забыл о них, а сейчас вспомнил. И назвал мне. Я их разыскивал и…

— Не слышу, Джонни. Говорите громче.

— И потом вы меня забрали.

Бен продолжал задавать вопросы, но Кифли уже отключился и, казалось, ничего не слышит. Когда Бен потряс его за плечи, он не ощутил никакого сопротивления, Кифли вроде ничего не почувствовал, только пошевелил губами. Покидая камеру, Викслер оглянулся — Джонни Кифли громоздился серой кучкой на нарах, сжимая здоровой рукой покалеченную левую кисть, беззвучно шевеля губами…

12

В пятницу, в восемь вечера Бен Викслер сидел дома в напряженном ожидании. Не услышал даже, когда Бетт напомнила, что дети уже в постели, и ей пришлось повторить еще раз. Тяжело поднявшись, он направился в детскую поцеловать ребят перед сном.

Вернувшись с женой в гостиную, прошел к окну, глядя на улицу, мокрую, блестевшую от дождя. Бетт встала рядом, дотронулась до плеча.

— Совсем плохо? — тихо спросила она.

— Но все обернется добром. За это мне и платят. Забыла разве? Я — Бен Викслер. Слуга Немезиды.

— Звучит немножко горько.

— Такая глупость! Трое — покойники. И двое при смерти, умирают. Я тебе об этом еще не говорил — о Катоне. Венди его допрашивал. Катон держался. Потом Венди незаметно подошел к главному вопросу: в какое противозаконное дело он впутался вместе с Полом Вэрни? Мэтхьюз говорит — Катону перекосило рот, не сказал ни слова, побледнел как смерть, и Венди едва успел его подхватить, когда повалился со стула. Сейчас лежит в кислородной палатке. Говорить не может,

да мы и не собираемся с ним говорить, а врачи удивляются, что дожил до сегодняшнего полудня. Может, сейчас уже и умер. Венди это сразило. Но наши предположения подтвердились.

В голосе его по-прежнему звучала горечь.

— Ты уверен?

— Безусловно. Вэрни — второй кандидат в покойники. Он еще не знает. Не понимаю, почему не позаботился об алиби, не принял никаких мер для защиты. Ничем не сможет доказать, что во вторник вечером не был у Ли Бронсона. В своей конторе даже сказал, что в среду утром ездил куда-то возле Кемпа. Думаю, это проявление какой-то интеллектуальной наглости. Он, возможно, в некотором роде такой же безумец, как бедняга Кифли. Должен был понимать, что рано или поздно мы его изобличим. Даже если бы Кифли нам ничего не сообщил, мы все равно допросили бы Вэрни в ходе расследования, если оказались бы в тупике. А он к этому не готов. Господи, его же собственная секретарша сказала нам, что утром в четверг он ушел из конторы вместе с Дэнни Бронсоном. Забрал из банка тысячу наличными. Кассир в банке запомнил, что Вэрни попросил тысячу в купюрах по пятьдесят долларов и еще сотню двадцатками. Воображал, что

ужасный хитрец. А на самом деле — затравленный заяц. Схватим его, и оглянуться не успеет.

Она сказала с невеселой улыбкой:

— Тебя больше устраивает, когда твои убийцы оказываются умнее?

Он улыбнулся в ответ:

— Даже если преступник глуп, все равно это перемена обстановки по сравнению с бумажной волокитой за письменным столом.

— Господи! — вздрогнула Бетт.

Звонил телефон, и он бросился к нему.

— Это Колин, сержант. Все в порядке. Появился четверть часа назад. Мы все подготовили. Дэн получил ордер на арест и вместе с Кетелли едет к вам.

Бен надел плащ и шляпу, поцеловал Бетт. Она наблюдала из окна, как муж садится в машину, как отъезжает. Ее безмерно радовало, что он такой как есть, что его огорчают вещи, которые он обязан делать. Надеялась, что годы никогда не притупят его чуткости, верила — никогда он не станет вести себя пренебрежительно, грубо с людьми, которых задерживает.

Ли Бронсон вернулся домой в пятницу вечером — в четверть восьмого. Уехал сразу же после похорон и сквозь серую пелену дождя добрался

до Хэнкока. Чувствовал себя как побитый: обливаясь слезами, все присутствовавшие обдавали его ледяным холодом. Для них он был обманщик, который увез очаровательную детку, их единственную детку, в далекий город и своим невниманием, пренебрежением довел ее до смерти. Не обмолвились с ним ни единым словечком ни родственники, ни подружки детства. Так и простоял в стороне как прокаженный.

Когда гроб опускали в сырую октябрьскую землю, он все еще не мог поверить в случившееся. Вспоминал, как она любила солнечное тепло, как наслаждалась горячими лучами, ласкавшими ее красивое тело.

Никто его не удерживал, когда собрался домой.

После нее осталась пустота в полном смысле слова. Когда с разрешения полиции явились родители, чтобы забрать ее личные вещи, они устроили такую ужасную сцену, что ему хотелось повернуться и уйти. Взяли все, что ей когда-то принадлежало, и кое-что из непринадлежавшего, например, маленький радиоприемник, подаренный ему женой, даже настольную лампу, входившую в арендуемую обстановку. Он и не пытался протестовать.

Прохаживаясь по тихим, опустевшим ком-

натам, он раздумывал, сколько понадобится времени, чтобы уложить вещи, и что нужно взять. Пара чемоданов и ящик для бумаг и книг — этого вполне достаточно.

Ли невероятно удивился, когда зазвонил телефон, и дождался пятого звонка, прежде чем поднять трубку. Наверно, какой-нибудь настырный репортер.

— Да, — произнес он с опаской.

— Ли, это Хогтон. Я думал о понедельнике. Вы будете на своих уроках?

— Я… не знаю.

— Первый день окажется нелегким. Но у этих малолетних негодников короткая память.

— Я подумал, доктор, что мне следует на время уехать.

— Понятно.

— Мне не хотелось бы вас разочаровывать.

— Дорогой юный друг, я разочаровываюсь в человечестве в течение всей своей жизни. Хочу обратить ваше внимание на две вещи. Во-первых, на ваш бесславный результат в нашей последней шахматной партии. Во-вторых, что будет с некоей Джилл Гроссман, этим одаренным ребенком, который так нуждается в руководстве?

— Но я…

— И подумайте о своих несмышленышах, которые наверняка проиграют все важные соревнования, если вас не будет рядом и вы не подскажете, как им распорядиться своими мускулами. Итак, в понедельник жду вас, мистер Бронсон. Это приказ.

Раздались гудки отбоя. Ли постоял, держа в руках трубку. Потом осторожно положил ее. И неожиданно улыбнулся.

В пятницу вечером в тридцать пять минут девятого Пол Вэрни услышал в коридоре шаги, и сразу же в его дверь резко постучали. Вернувшись к себе, он не поднимался с глубокого кожаного кресла, пытаясь размышлениями разогнать мрачные предчувствия. Труп Бронсона обнаружили слишком быстро. Бэрт засыпался на допросе в полиции — это роковой факт. Приходится признать, что ему следовало подготовить все гораздо тщательнее. Теперь он жалел о встрече и разговоре с Кифли. Попытался успокоить себя мыслью о том, что у них нет абсолютно никаких улик против него, ни малейших доказательств. Его подозревают — да, возможно, но никогда ничего не докажут. Револьвер и черные перчатки лежат на дне болотца на полпути из Кемпа в Хэнкок.

Стук в дверь звучал настолько официально,

что у него заколотилось сердце. Поднявшись и пройдя через комнату, он открыл дверь. Их было трое. Один — детектив Спенс, самоуверенный и мрачный. Высокий мужчина в мокром плаще, видимо, главный, произнес:

— Мистер Вэрни? Я сержант Викслер. С детективом Спенсом вы знакомы. А это мистер Кетелли. У нас есть разрешение на обыск — хотите взглянуть?

— Разрешение на обыск? На каком основании, сержант?

— Мы ищем доказательства, мистер Вэрни. Одновременно объявляю, что вы арестованы по подозрению в убийстве. В убийстве Люсиль Бронсон, Дэниела Бронсона и Друсилы Катон.

Лихорадочно соображая, он сразу решил, что здесь, в комнате, они не найдут никаких улик, и решительно воскликнул:

— Вы сошли с ума!

Детектив Спенс, обойдя вокруг него, быстро и ловко обыскал, сказав в заключение:

— Встаньте к стене, мистер Вэрни.

— Я, разумеется, к вашим услугам, но…

— Говорить будете позже, — остановил его Викслер.

Вэрни следил за ними. Этот Кетелли принес с

собой чемоданчик. Подойдя к шкафу, распахнул дверцу и, усевшись на пол, раскрыл чемоданчик. Достал мощный фонарик и стал вытаскивать обувь Вэрни, выбирая из каждой пары левую туфлю, тщательно осматривая внешний край подошвы. Вэрни ощутил удивительную пустоту в желудке и спазмы, словно от голода.

Кетелли издал довольное ворчанье. Держа в руке черную туфлю, он внимательно рассматривал ее в свете фонарика. Вэрни знал, что эти туфли были на нем, когда он находился на Аркадия-стрит. Убеждал себя, что это какой-то трюк, но в ушах раздался странный звон.

— Нашли? — спросил Викслер.

— Думаю, да.

Кетелли был мужчина с благородной, аристократической внешностью и дьявольской усмешкой. Луч фонарика освещал снизу его лицо.

— Ну что же, сержант? Люди, не знающие, как это делается говорят, что все это пшик. Может, мистер Вэрни пожелает увидеть все собственными глазами, правда?

Викслер, кивнув, отошел. Спенс подал знак Вэрни, чтобы тот подошел поближе.

Кетелли явно наслаждался:

— Это одна из тех вещей, которые человек моей

профессии обязан знать.

Он взял четвертушку белой, тонкой бумаги.

— Это фильтровальная бумага. Здесь в бутылочке у меня десятипроцентный соляной раствор. В нем хорошенько намочу бумажку. А затем, видите, прижимаю к пятнышку, вот тут, с краю туфли. Так… Больше ваша туфля мне не нужна. А в этом пузырьке — раствор Эстмана и сорокапроцентная уксусная кислота в пропорции двести к сорока одному. Теперь берем эту стеклянную палочку, опустим в пузырек и коснемся фильтровальной бумаги в том месте, где она была прижата к пятну. Готово? Пока еще ничего не происходит, мистер Вэрни. Ни-че-го, пока не возьмемся за последний пузырек. В нем у меня смесь одиннадцати частей перекиси водорода и тридцати частей сорокапроцентной уксусной кислоты. А теперь вытрем стеклянную палочку и опустим ее в бутылочку.

Он занес палочку над бумагой.

— Если пятно на вашей туфле — человеческая кровь, то вы, мистер Вэрни, сразу увидите, как цвет бумаги изменится, если до нее дотронуться. Она приобретет замечательный зеленовато-голубой оттенок. И кроме человеческой крови, ничего на свете не может ее так окрасить.

Кетелли мокрой палочкой торжественно кос-

нулся бумаги. На ней мгновенно проступило зеленовато-голубое пятно, и Кетелли гордо подержал ее перед Вэрни.

— Может, вы порезались при бритье или наступили на улице на пятно, когда у кого-то шла кровь носом. Меня не касается, откуда на туфле такое пятно, это уже не мое дело. Я утверждаю только, что это кровь человека и она обнаружена на вашей туфле.

Вэрни, не отрывая глаз от фильтровальной бумаги, чувствовал, как все пристально и выжидательно смотрят на него. Он понимал — нужно что-то сказать. Судорожно втянул в себя воздух — необходимо дать быстрое, логичное объяснение. Но голова была пуста. Он должен, обязан придумать. По-прежнему глядя на бумагу, снова сделал глубокий вдох, и вместе с воздухом из легких с губ сорвался визгливый, жалкий крик, полный глухого страха и отчаяния.

Ударив плечом в грудь Спенса, отчего тот пошатнулся, Вэрни рванулся к бумаге, но Викслер коротким, сильным рывком опустил ему на голову служебный пистолет.

Вэрни тяжело осел на пол и замер в неподвижности.

— Мерзавец паршивый, — пробурчал Спенс.

— Кетелли, упакуйте вещественные доказательства, — распорядился Викслер.

Утопленница

Глава 1

Однажды, когда все уже было решительно позади и ничего нельзя было ни переиграть, ни изменить, Пол Станиэл, сравнивая даты, вдруг обнаружил, что он и Луэлл Хансон в один и тот же день, в тот же час купались во Флориде, в двухстах километрах друг от друга; оба в один и тот же жаркий майский полдень прошли по песку и окунулись в прохладную воду. Но тогда он еще ничего не знал ни о ней, ни об озере в чащобе, где она в тот день утонула.

А между тем это событие изменило его жизнь именно тогда, когда он отчаянно искал выход, и позже он придавал особое значение тому обстоятельству, что хотя ее купанье в тихом озере окончилось смертью, он-то плавал далеко от нее на дурацком пляже под Лодердейлом, отчаянно злился, и все в нем прямо жаждало перемены, которая, как окажется, накрепко соединит их судьбы, несмотря на то, что ее жизнь уже угасла.

Пол Станиэл был человеком хладнокровным, рассудительным и умеренным в желаниях, ему случалось выходить из себя, но он всегда умел укрощать гнев и никогда не связывал воедино

события, не относящиеся друг к другу. Когда он обнаружил это роковое совпадение, ему уже было известно, как и что происходило с ней. И хотя никогда не встречался с Луэлл Хансон при жизни, он беседовал с людьми, знавшими ее, видел место, где все разыгралось, читал ее письма, проникая таким образом в тайники ее мыслей и души. Снова и снова перед глазами вставала одна и та же картина на берегу озера Дайкир. Он видел, как старенькая машина спускается в жаркий полдень по заросшей песчаной дороге, останавливается е озера. Как из нее выходит женщина, оставив дверцу распахнутой, и, стащив с себя шелковое облегающее платье, бросает его в машину. На ней белый купальник, сандалии. Загорелая, со светлыми, золотистыми волосами. Овальное лицо, высокая шея, небольшая грудь и тонкое, длинное тело производят обманчивое впечатление хрупкости. Но сильные бедра ее широки, ноги полные и упругие. Видел, как пристукнула на руке москита, потянувшись в машину, достала вещи и, захлопнув дверцу, бодро прошла к небольшому песчаному пляжу. Расстелив полотенце, положила на него вещи, сбросила сандалии и, заправляя на ходу волосы под голубую купальную шапочку, направилась к воде. Лицо серьезное, задумчивое,

какое бывает у женщины, когда она, оставшись одна, размышляет о двух мужчинах, которые, может быть, влюблены в нее, и о том, кого из них любит она.

А потом его внутренний взор отмечал, как она удаляется от берега, энергично работая ногами, плавно загребая руками, при взмахе правой поворачивая голову для глубокого вздоха. Видел, как все происходило, и понимал, что у нее нет ни малейшей надежды. Потом взгляд его устремлялся все ниже, в янтарно-голубоватый сумрак семиметровой толщи воды, наблюдая, как постепенно опускается, как наступил конец, и она переворачивается, скользя вниз; на лице — опустошенность смерти; вот она касается дна, покачиваясь в случайном подводном течении, и, наконец, тело вытягивается на боку с открытыми глазами; видны блестящие окружья зубов, последняя конвульсивная дрожь левой руки, поднимающиеся пузырьки воздуха, и потом — зловещая тишина в золотисто-коричневой глубине.

Но его купанье в тот же день и час на ослепляющем безвкусицей пляже, окруженном современными убогими мотелями, было совершенно иным. Детективное агентство поручило это дело

ему потому, что внешне он сильно смахивал — и с этим скрепя сердце приходилось соглашаться — на пляжных бездельников и мог легко затеряться среди них. Кожа у него достаточно смуглая и быстро принимала загар. Волосы темные, глубоко посаженные, ясные голубые глаза. Высокого роста, с длинными ногами, узкими бедрами, тело худощавое, стройное, но грудь — мощная, шея короткая, крепкая, плечи — могучие, мускулистые. Благодаря своей спортивной, тренировочной внешности, с расстояния он казался гораздо моложе, чем в действительности.

Объектом наблюдения оказался рыхлый, приземистый, инфантильный тип из штата Мичиган — Джефри Роджерс. Был женат на богатой женщине, которая теперь жаждала развода, но Роджерс тянул, рассчитывая поторговаться при личных переговорах, и не давал согласия. Выяснилось, что он решил прогуляться с белокурой барменшей из ночного заведения в Детройте. Их выследили с помощью телефонного номера, который они оставили в авиакомпании, заказывая обратные билеты, и обнаружили в одном из мотелей, в домике “Г”, где зарегистрировались как супруги Джефри из Лансинга.

Полу Станиэлу надлежало собрать по воз-

можности больше доказательств супружеской неверности, чтобы клиентка могла избавиться от Роджерса с минимальными расходами. Ему пришлось снять в мотеле домик подешевле для свободного наблюдения и за жильем, и за пляжем. Тридцатипятимиллиметровую фотокамеру он вмонтировал в сумку для рыболовных принадлежностей, зарядил цветной пленкой, а сбоку под замком вырезал в сумке отверстие для объектива. Другое отверстие, достаточное, чтобы просунуть палец и нажать на спуск, прорезал сверху, возле ручек. Выдержку поставил на солнечный свет и на расстояние от полутора метров до бесконечности. Опасаться, что его заметят при фотосъемке, порой даже в двух шагах от них, не приходилось: парочка была совершенно поглощена друг другом. Заурядная физиономия женщины компенсировалась весьма пышными формами, правда, уж начинавшими увядать. Они беззаботно, без всякой опаски ласкались на пляже, валяясь на расстеленных полотенцах, пока Пол слонялся поблизости, сделав несколько очень и очень компрометирующих снимков. Увековечил их входящими в воду и выходящими из нее, а один кадр запечатлел террасу коттеджа, где Роджерс и дама расположились в шезлонгах

друг против друга. Через минуту они поднялись и вошли в домик, задернув шторы, а Станиэл, забросив аппарат в свой домик, кинулся в воду. Заплыв подальше, покачиваясь на волнах, он раздумывал, сколько их понадобится для того, чтобы смыть с него аромат этой парочки, и неожиданно осознал, что работа такого сорта отныне для него непереносима. Необходимо что-то менять, если ему, оказывается, плевать, чем заниматься, лишь бы платили.

Он отнес пленку в фотоателье, заказав по одному снимку с каждого кадра, и подождал около часа в баре с кондиционером на той же улице, пока электронная аппаратура обрабатывала пленку. Подписав счет, вышел и, присев на скамейку, просмотрел на свет пленку и фотоснимки. Разумеется, отнюдь не произведения искусства, но лица обоих, позы были видны отлично, и характер отношений сомнений не вызывал.

Он возвратился в офис и, молча положив перед Киллером пленки, снимки и фотокопии записей в регистрационной книге мотеля, уселся. Шеф рассматривал добычу.

— Что ж, эта бабочка недурна, — бормотал он. — И самоуверенна. Смотрите, вот хорошо схвачено: она открывает дверь, виден номер до-

мика, а он заходит с пляжным барахлом. Кстати, Чарли раздобыл копию квитанций со станции проката машины. Из-за кредитной карточки Роджерс подписывался настоящим именем.

Брезгливо вытянув губы, он вгляделся в один снимок:

— Как мы смогли это снять, парень? Вошли с ним в долю?

— В будущем меня ждет и это?

Киплер озадаченно спросил:

— Что вас гложет, Пол?

— В последнее время мне поручали только такую слежку, одно дело за Другим. Сыт уже по горло. Вы что здесь — занимаетесь только этим?

— Главным образом.

— Бога ради, дайте мне какое-нибудь приличное задание, чтобы передохнуть от грязи. Я же криминалист, и такая слежка мне противна.

— Вы немного переутомились, Пол. Примите витамин ББ — бутылка и баба.

— Позвольте вопрос, мистер Киплер. Вы мною довольны?

— Справляетесь вполне успешно.

— Тогда, пожалуйста, поручите мне дело, связанное с криминалистикой, и как можно скорее, иначе я вынужден буду уйти. Потом наверняка

пожалею, но зато передохну от этой карусели в спальнях.

— Вы работаете в самой большой спальне на свете.

— Я готов примириться с этим, если хоть иногда стану получать стоящее задание.

Киллер вздохнул.

— Наверное, не следовало бы, да уж ладно, получите первое же дело, которое подвернется. И сейчас есть для вас кое-что, но досье я не покажу, пока вы в таком настроении. Зайдите утром. Пол, и самое лучшее, если до этого немного расслабитесь, устроите маленький загул.

Решив не пренебрегать советами Киллера, Пол назначил свиданье подвернувшейся красотке. Они прогулялись по пляжу, изрядно выпили, и ему показалось, что все отлично и напряжение отступает. Провожая ее, зашел в маленькую гостиную крохотной квартирки, и девица, не зажигая света, кинулась ему на шею, жадно впиваясь в губы, и, царапая ногтями спину прильнула к нему всем телом. Первый миг сулил удовольствие, однако во тьме она вдруг превратилась в ту женщину, с которой развлекался Роджерс и которую он столько раз наблюдал в разных позах и положениях.

Оттолкнув ее, он с грохотом сбежал по лестнице, слыша злые, разочарованные выкрики. Потом, опустошенный, равнодушный, бесцельно погнал машину за город и около часа мчался на север. Заметив дорогу, спускавшуюся к берегу, к пустым участкам, отведенным на продажу, свернул к стоянке и мимо кучек водорослей, мусора вышел к пустынному, озаренному яркими звездами пляжу.

Усевшись на сухой, теплый песок, он с наслаждением вдыхал морские запахи. Алкоголь уже выветрился, но его не отпускало мучительное волнение, тревожное ожидание, чем-то схожее с томлением взрослеющего подростка. Зная себя, он понимал, что в нынешнем качестве Пол Станиэл жить не в состоянии, пока снова не обретет свое “я”. Ему необходима работа — такая, которой не приходится стыдиться, в которой он раскроет все свои способности, энергию и смекалку. И еще он нуждался в женщине — понимающей его запросы, требования к жизни. Чтобы между ними было взаимопонимание без слов. Не женщина-ребенок, не имеющая представления о страсти и наслаждении. И не опустошенная чувственными бурями, многоопытная Магдалина. Просто тактичная, чуткая, сдержанная женщина, которая

впервые отдастся ему, лишь убедившись в том, что он способен оценить ее порыв, а потом добровольно, с радостью и навсегда войдет в его жизнь, зная, что будет любима. Неужели это слишком детское, романтичное представление? — спрашивал он себя. Пусть она не блещет красотой, от которой захватывает дух. Но должна обладать чувством собственного достоинства, считаться со мной, а для меня главным в жизни станет она и моя работа. В конце концов, нужен ведь какой-то смысл, цель, ради чего стоит жить.

Когда-то ему показалось, что нашел такую работу и желанную женщину, но и то, и другое кануло в прошлое. А сейчас, подумал он с горечью, его положению позавидуют миллионы мужчин — зрелый, крепкий парень, ничем не связанный, хорошо зарабатывает, и не где-нибудь, а в райском округе Майами, имея массу возможностей для полезных знакомств.

Он посмотрел туда, где полыхало бледно-розовое зарево огней Лодердейла, Хелендейла и огромного комплекса Майами. Все очень просто, братцы. Бросайте все и двигайте сюда, на побережье — величайшую в мире фабрику развлечений и удовольствий. Огромный, бурлящий солнечный котел, где к вашим услугам — профес-

сиональная шлюха с пухлыми губами, хорошо прожаренный бифштекс, гитары, нырянье, игры на пляже, танцульки, пьяное возбуждение, смех и рев оркестровых труб, месиво лоснящихся от масла спин и высоко взбитых причесок. Милости просим, друзья-завистники. Пожалуйте к совершеннейшему, отчаяннейшему одиночеству, какое только ведомо человеку.

Поднявшись, потянулся до хруста в костях, отчего набухли, напряглись все мускулы, зевнул до боли в челюстях. Последняя чепуха, подумал он. Последний день надежды на то, что могло бы случиться. Сплюнув на песок, медленно побрел назад к машине.

* * *

Впоследствии, когда он уже знал все, что удалось выяснить о жизни и смерти Луэлл Хансон, вспомнил про этот день и вечер. Конечно, тогда все и началось. Может, стоит начать с того жаркого дня, когда старый музыкант явился на яхту Хансона с сообщением, что его жена умерла…

Келси Хансон, удовлетворив желания плоти, развалясь и широко раскрыв рот, храпел во сне на белом лежаке в солярии верхней палубы собственной яхты, пришвартованной у берега озера

Ларра. На нем были лишь голубые, блестящие плавки.

Совершенно нагая девушка, растянувшаяся на большом полотенце прямо на теплом кипарисовом полу, поглядывала на него с неудовольствием, чуть брезгливо. Девятнадцатилетняя студентка местного университета по имени Ширли Фельдман. Ах, если бы он во сне был чуточку привлекательнее! Зевнув, она лениво повернулась, подставляя тело горячим лучам. Невысокий деревянный борт закрывал ее от нескромного взгляда. Изящная, загорелая девушка с узким чувственным личиком под высоким начесом спутанных черных волос, с узкой талией, красивыми бедрами и крепкой грудью. Солнце ласково прогревало кожу, но ощутимо припекало в обычно прикрытых, укромных местечках. Вокруг валялись сандалии, желтое спортивное платье, изысканное белье, торопливо сброшенные в короткую паузу между выпивкой и любовными утехами.

Если бы только он не спал так… некрасиво. Портится впечатление, подумала она, будто попользовался шлюхой. Приходилось подбирать для себя соответствующую роль. Пожилой повеса (Келси было не менее тридцати) ищет новый,

ясный смысл жизни с помощью интеллектуалки, способной раскрыть его ложные эмоциональные представления и деликатно внушить ему это. Современный мужчина, неукротимый, без удержу удовлетворяющий свои потребности самца. Так возникла ее роль наставницы, которую они подробно обсудили с Дебби. Но когда Деб сдалась и — в полном смысле слова — передала его Ширли, она объявила, что все его искания — просто поза, голый расчет, Хансон записался на несколько лекций и крутился возле колледжей для того лишь, чтоб позабавиться с легковерными девочками, которые попадутся на крючок заблудшей овце.

Но все не так, просто Дебби ошибалась, ей не хватило терпения, чтобы понять его. Усмехаясь, Деб заметила, что тип вроде Келси способен даже расплакаться, если захочет, стоит ему представить себе разрезанную луковицу.

Если он действительно стремился только к этому, Ширли сможет внушить ему, что это не так уж важно, что он стал жертвой социально-сексуальной травмы, нанесенной каким-то пуританским, примитивным пониманием греха. Свободная от сексуальных предрассудков, Ширли доказывала ему, и не раз, что это всего лишь здоровое проявление дружеских отношений, целью которого

является настоящая, полная кульминация; здесь нечего стесняться, и чувства вины или стыда совершенно неуместны. Вероятно, это чертова жена Келси настолько повлияла на чувственную сферу мужа. Значит, перед Ширли стоит приятная, милая и не очень трудная задача — доказать, что абсолютная раскованность и есть подлинная безгрешность и невинность.

Как ни странно, все эти рассуждения имели бы куда больше смысла, если он во сне не выглядел бы так некрасиво.

Однако стоит взглянуть на ситуацию и с другой, более привлекательной стороны. Импозантная внешность, деньги и “мерседес”, бифштексы, вино и яхта, безусловно, скрашивали жизнь темпераментной студентки на побережье, делали ее гораздо насыщеннее, чем ее тусклое существование в Нью-Джерси. Если бы ей хотелось просто чахнуть над книгами, она могла бы поступить в любой нью-йоркский университет, не уезжая далеко от дома.

Вот если бы во сне он казался по-детски беззащитным, сразу все представилось бы в лучшем свете. А то сейчас он похож на курильщика сигар из отеля для конгрессменов, и это вызывало в ней смутное чувство тревоги, беспокойства.

В жаркой застывшей тишине послышался звук медленных шагов на лестнице, ведущей снизу на верхнюю палубу. Охваченная странной паникой, она резко уселась, но тут же сообразила, что шаги могут принадлежать всего лишь старому композитору, на которого родители Хансона оставили большой дом на холме, отправляясь в длительную поездку вокруг света. Она не торопясь встала и, подняв простыню, завернулась в нее, закрепив на груди вроде саронга. Предоставить старому Хабаду Короли бесплатный стол и крышу над головой — типичный жест, патетическая демонстрация культурной благотворительности.

Ждала, пока он поднимется. Когда-то у людей старшего поколения старик пользовался любовью и успехом, хотя в трудах по истории музыки его имя останется лишь в примечаниях и сносках. Хансоны, разумеется, воображали, что, живя в их большом сарае, он станет сочинять. Только все равно после его смерти никто не повесит там мемориальной доски.

Короли, добравшись до палубы, немного постоял, стараясь отдышаться, глядя на нее. На старике была широкополая шляпа, сандалии и короткие брюки, болтавшиеся на нем как на вешалке. Старческое тело усохло, пергаментно-коричневая

кожа обтягивала одни кости. Посредине голой груди торчали белые пучки волос. Выцветшие, проницательные глаза из-под широких соломенных полей внимательно изучали ее.

— Что вам нужно? — высокомерно бросила она.

— Сообщение для короля, прелестная дама, — провозгласил тот и, прошаркав к лежаку, тренированным пальцем музыканта ткнул расслабленное тело. Мгновенно проснувшись, Келси уселся, осоловело глядя на старика.

— Какого дьявола! В чем дело? — проворчал он.

— У вас здесь не работает телефон, поэтому рискнули побеспокоить меня в большом доме, попросили передать сообщение. Вам нужно ехать в клинику. Что-то случилось с вашей женой. Обратитесь к кому-то по имени Уэлмо.

— Луэлл? Что с ней?

— Больше ничего не сказали.

Келси Хансон еще посидел не двигаясь, затем, опомнившись, бросился в каюту, оставив дверь открытой. Старик снова стал разглядывать девушку.

— Что значит образование, а? Вот это воспитание! — бормотал он.

— А вам какое дело? Вы кто такой? Старик усмехнулся:

— Зачем же злиться? Кто вас трогает? Хансон выбежал уже в брюках и легкой рубашке. Небрежно взглянув на них, кинулся к лестнице, проверяя на ходу карманы.

— А я? — раздраженно воскликнула девушка. — А мне куда? Остановившись, Келси обернулся, бросив ей десятку, но она не успела подхватить ее.

— Вызови такси, — крикнул он, сбегая по лестнице. Ширли подняла деньги, стала подбирать одежду.

— Ну, старичок, вы свое сообщение доставили…

— Есть еще кое-что и для вас. Если, конечно, вам это небезразлично. Человеческий голос — очень тонкий инструмент. Хотя по телефону не сказали прямо, но все и так было понятно. Его жена мертва.

Солнечный свет вдруг показался померкнувшим — она вздрогнула.

— Все-то вы знаете, — сказала она со вздохом. Он пожал плечами.

— Знаю кое-что о лягушечках вроде вас. Хорошеньких лягушечках. Ничего не меняется.

Глубокомысленные оправдания, чуточку сожаления от сознания, что валандаетесь с таким пустым созданием, как этот бездельник. И кончите тем, от чего стараетесь убежать, девочка. Тем, от чего воротите нос — дом, муж, детишки. Вот и все!

— Вы же ничего обо мне не знаете!

— Сталкивался с такими лягушатами в сороковые годы, а ваш тип вообще не изменился. Его жена умерла. Одевайтесь, причешитесь. Приходите в большой дом, там вызовем такси.

Повернувшись, он заковылял к лестнице и, придерживаясь за перила, стал тяжело спускаться вниз.

Глава 2

Сэм Кимбер без сил повалился в дубовое кресло в пустом кабинете рифа Уэлмо и устало произнес:

— Тебе не кажется, Харв, что ты слишком рьяно занимаешься этой утопленницей? Знаешь ведь, мне и так тяжело.

Харв печально покачал головой. Впрочем, это было обычное выражение его лица.

— Знаю, Сэм, но что поделаешь. Нам необходимо выяснить, где была Луэлл Хансон и почему. Где ты видишь стенографистку с ее блокнотом? Мы же здесь только вдвоем. Так каковы были ваши отношения с покойной?

— Боже милостивый! — простонал Сэм Кимбер — высокий, благородной внешности, крепкий, со светлыми глазами, во взгляде которых сквозила искренность и сила. — Ты и сам можешь ответить. Но раз уж характер наших отношений должен определить я, то она, собственно, была мне женой, о чем все вы догадывались.

Уэлмо перекладывал бумаги на столе с места на место.

— Когда началась твоя интимная связь с по-

койной?

Сэм Кимбер вскочил, возмущенно и с удивлением глядя на Харва:

— Ради Бога, объясни, Харв, что…

Он осекся, прислушиваясь к тревожному сигналу где-то в подсознании. И вдруг его озарило — все встало на свои места. Он уже не помнил, как долго они знакомы, потому что считал Харва исключением из правила, согласно которому всякая дружба неискренна и ограниченна. После многих лет совместных рыбалок, охоты, карточных партий, выпивок, общих загулов с Харвом и благодаря определенному нажиму, о котором он позаботился, чтобы Харв несколько лет назад стал шерифом, ему казалось, что их дружба останется прочной и незыблемой. Глядя в печальные глаза Харва, он заметил где-то в их глубине особый, злорадный блеск и понял, что сейчас, впервые за все годы, на поверхность вырвалась ревность и недоброжелательство. Ему стало горько: что ж, значит, и наша дружба оказалась фальшивой. Сейчас впервые за все годы Уэлмо подвернулась возможность помучить своего благодетеля, и это доставляло ему радость. В конце концов, оба они начинали с нуля, и Харв, очевидно, считал, что все зависело от везенья, а вовсе не от того, что

Сэм оказался способнее.

Сэм, опустившись опять в кресло, положил ногу на ногу и с подчеркнутой любезностью произнес:

— Кто-нибудь другой, владеющий в трех округах такой же уймой леса, земли и кое-чего еще, на моем месте начал бы качать права, требовать адвоката, вздумай шериф коснуться его пальцем. Но мы с тобой, Харв, всю жизнь были друзьями, правда?

— Я ведь только…

— Ты только выполняешь свои обязанности, присягу, данную избирателям. Я горжусь, что моим другом является человек, который любой ценой выполняет свой долг и повышает тем самым шансы переизбрания на новый срок.

Уэлмо, подавленный, смущенный, произнес:

— Никогда еще, Сэм, ты не говорил со мной так.

— Не было причины, повода. Ладно, время сейчас жаркое, и денек горячий, давай перестанем трясти друг друга, поговорим разумно. Тебе угодно, чтоб я рассказал о Луэлл, хорошо, я готов. И все между нами останется, как раньше.

Но оба мы понимаем, подумал про себя Сэм, что это неправда, и дальше придется жить с сознани-

ем нового открытия.

— Ведь это для твоей же пользы, Сэм, — сказал Уэлмо.

— Мне всегда претило говорить о женщине. Могу посудачить о хорошеньких девочках вроде тех двух из Аркадии, помнишь? Но Луэлл — другое дело. Мы были знакомы до ее ухода от Хансона, но я не обращал на нее особого внимания, думал: просто красивая молодая женщина, Келси привез ее сюда из Бостона. Я знал, что оба они дружат с компанией молодежи, которая любит хорошо выпить. Об их разъезде в городе ходили разные слухи, наверно, и до тебя дошла какая-нибудь версия, но можешь узнать правду, как мне рассказывала Луэлл. Одиннадцать месяцев назад, в апреле прошлого года, они вместе с Киверами отправились прогуляться до Бимини на огромной яхте Келси. Они были женаты три года, Келси любил выпить, заигрывал с женщинами, но Луэлл все ждала и надеялась, что он наконец повзрослеет и станет настоящим мужчиной. Сначала с ними были еще Джейс и Бонни Вейтс, но им пришлось почти сразу вернуться домой. Кажется, на следующий день яхта причалила к какому-то пляжу; Луэлл и Стю Кивер на шлюпке отправились к берегу, а Келси и Лорна Кивер оста-

лись на яхте. Луэлл захотелось доказать, что она доберется до яхты с берега вплавь. Она доплыла, очень тихо поднялась на яхту и застукала Келси и Лорну в постели. Устроила грандиозную сцену, однако Келси и Лорна не казались слишком смущенными. А когда вернулся на шлюпке Стю и узнал, в чем дело, он тоже не очень возмутился. Все немного выпили, а затем пошли намеки, и Луэлл вдруг поняла, что ей предлагают разделить постель со Стю Кивером. Говорила, что тут же протрезвела, и, увидев их похотливые глаза, многозначительные ухмылки, слушая дурацкие речи, поняла, что для нее с этой компанией покончено.

— Господи! — воскликнул Уэлмо.

— Как только яхта вернулась к причалу Бимини, Луэлл, собрав вещи, сошла на берег и улетела в Лодердейл, а затем сюда. Пока Келси возвращался, она переселилась из большого дома в мотель, намереваясь вернуться обратно на север. Келси приходил к ней, хныкая, умоляя, обещая, но она стояла на своем. Однако хотела поступать по справедливости и предложила разойтись на один год, договорились, что пока останется здесь, и Келси будет регулярно выплачивать ей кое-какое содержание. Если за год ничего не изменится,

она начнет дело о разводе здесь, во Флориде. Он согласился, так как Луэлл тогда невозможно было отговорить. И вот теперь через месяц она собиралась подать на развод.

— А как Келси все объяснил родителям? — спросил Уэлмо.

— Хорошенький вопрос, но думаю, ты и сам можешь дать ответ. Старая миссис боготворит Келси и считает всю историю просто мелкой супружеской размолвкой, но старик Джон Хансон уже давно пришел к выводу, что его единственный сыночек не стоит и той веревки, на которой ему следовало бы повеситься. Старик любил Луэлл, считая ее последней надеждой на то, что Келси встанет на ноги. Если бы развод состоялся, отец его турнул бы из гнезда, как бы ни скандалила мать. А как теперь — не знаю. Когда родители в феврале отправились путешествовать, старый Джон наказал Келси приглядывать за их землей, но тот вряд ли показал там нос.

— Ты подружился с Луэлл после того, как она переехала из большого дома?

— Через месяц. Она сняла квартиру на Лимонной улице в доме миссис Кэри и начала по полдня работать секретаршей у доктора Нила. Келси давал ей деньги далеко не регулярно, но

там, на севере, у нее во что-то были вложены наличные, которые она могла забрать, семь тысяч с мелочью. Она надеялась вложить эту сумму во что-нибудь здесь и получать небольшой доход. Слышала от друзей, вроде бы все, до чего я дотронусь, превращается в деньги, и, когда мы познакомились, обратилась ко мне за советом. Я сказал, что инвестиции — не моя специальность. Откровенно говоря, я ее считал такой же никчемной, как все эти Киверы, Брай и им подобные. Возможно, я немного переборщил, был к ней суров, и это оказалось последней каплей — она спрятала лицо в ладони и разрыдалась. Красивая, молодая. И еще эти золотистые волосы… Я постарался быть помягче, покатал ее по округе, кое-что показал, и Луэлл рассказала, как ее мечты развалились подобно карточному домику. Я вложил ее деньги в дело, и семь тысяч немедленно стали приносить девяносто долларов ежемесячно. Нам было хорошо вместе, с ней было удивительно легко разговаривать. Когда мы довольно долго появлялись вместе, пошли слухи, но между нами еще ничего не было, ведь мне уже сорок семь, у меня взрослые дети, и Китти умерла в пятьдесят третьем, а Луэлл было всего двадцать семь. Вижу, ты умираешь от любопытства, по-моему,

даже немного вспотел, но можешь расслабиться — никаких подробностей не будет. Я был в Джэксонвилле — давал показания и должен был остаться там до понедельника из-за юридических разногласий; сидел в номере гостиницы один, совершенно измотанный, загнанный в угол; и тут я просто поднял трубку и позвонил ей; в пятницу, в одиннадцать вечера, я вытащил ее из постели и сказал, как мне одиноко и плохо, сообщил, где я, и попросил приехать как можно скорее. Она долго молчала, а потом в трубке раздался щелчок — положила ее. В субботу, после изнурительных споров о налогах, я дотащился до отеля, вошел в свой номер — там сидела она, бледная, как стенка. Пытаясь улыбнуться, хотела пошутить, но по лицу побежали слезы. Я ничего не понимаю в любви, Харв. Кое-кто снисходительно принижает, опошляет это слово. Мы его не употребляли. Но нам было хорошо вместе, и Луэлл оказалась изумительной женщиной. Не знаю, женился бы я на ней, мы об этом не говорили. Одно мне ясно — пока я жив, мне ее будет не хватать. Помолчав, Харв, облизнув губы, спросил:

— А вчера?

— Ночью мы были на моей даче, каждый приехал на своей машине, так как я рано утром

должен был ехать по делам в Лейкленд, а она — на работу. Я хотел, чтобы она бросила работу, но Луэлл сказала, что будет чувствовать себя бездельницей. Она никогда не брала у меня ни цента, не принимала дорогих подарков — только мелочи, а отдавала мне все, чем располагала. Она уехала первая, а я, убравшись после завтрака, отправился в Лейкленд. Возвращаюсь в город около трех, и первый, кого встречаю, выйдя из машины, — Чарли Бест. Он и сообщил мне о смерти Луэлл. Я был ошеломлен, а вечером напился, как никогда в жизни.

— Она не говорила, что будет делать после работы?

— Вечером мы собирались поехать в кино под открытым небом, я должен был за ней заехать в шесть, хотели сначала пообедать. Не помню, чтобы она говорила, что будет делать до шести.

— Ты когда-нибудь ездил с ней туда поплавать?

— Ведь тебе известно, Харв, какой из меня пловец. Раза два ездили туда вместе, я смотрел, как она плавает. Поддразнивал ее, говорил: слишком долго держу этот участок, пора его продавать, потому что ездят туда все, кому не лень, загрязняют. А она не понимала, шучу я или говорю

серьезно. Она поплавает, потом мы закусываем, и Луэлл дремлет на солнышке, а я любуюсь ею, размышляя, насколько счастлив может быть иногда человек.

— Наверно, хорошо плавала?

— Скользила по воде как рыба, а когда выходила, дыхание было ровным.

— Это всего лишь обычное расследование, Сэм.

— Тебе виднее, Харв. — Сэм Кимбер, поднявшись, выпрямился во весь рост — сто девяносто восемь. — У меня к тебе небольшая просьба. Луэлл и я доверяли друг другу. В этой истории с налогами она для меня вела записи, и сейчас мне нужны ее бумаги. Хотелось забрать их в ее квартире.

— Где они? Я распоряжусь, и тебе их передадут.

— Точно не знаю, я просил, чтоб не оставляла на виду.

— Как они выглядят?

— Понимаешь, Харв, мне лучше зайти самому.

Сэм подождал, надеясь, что держится естественно и непринужденно. Никогда еще он не говорил с Харвом Уэлмо так осмотрительно, и это понятно: теперь он ему не доверял. Возможно, из-за этого процесса в связи с налогами. Нетрудно догадаться, какие слухи дошли до Харва: у Сэма

Кимбера куча неприятностей, его собираются прижать за уклонение от налогов и, если удастся, посадить в тюрьму. Однако, если Харв верит слухам, когда все уляжется, его ждут неприятные открытия. Что ж, парни из Джэксонвилла грозили обвинением в мошенничестве, но не имели малейшей надежды, чтобы это прошло в суде. Есть же правила, как поступают в определенных случаях. Они тайком, как обычно, разработали план, начали вдруг ревизию и затребовали восемьсот двадцать две тысячи долларов — штрафы, задолженность по налогам. Такое кровопускание действительно могло привести его к краху. Однако Сэм задействовал своих специалистов по налогам, собственных законников, поставил их на линию огня и они начали считать. Последний иск составлял уже триста сорок тысяч а их встречная сумма — сто семьдесят тысяч, которые он обязуется уплатить в рассрочку за три месяца. Джес Гейбл предполагал, что компромиссная сумма окажется около двухсот двадцати пяти тысяч. В конце концов как пояснил Джеймс, у них на руках его сводный и детальный личный счет, и если затребуют больше, заставят избавиться от стольких прибыльных предприятий, что это будет означать — убить курицу, несущую золотые

яйца. Основательно его выпотрошат, но, откровенно говоря, достать такую сумму — проблема несложная.

Однако существовало одно небольшое обстоятельство, которое он увел у них из-под носа, и если оно отразилось бы на его счету, кануло бы в их ненасытной утробе. Сто шесть тысяч наличными. Когда началась проверка, ревизоры по суду получили разрешение заморозить все его счета, о которых было известно, но два самых важных ускользнули, в основном потому, что Сэм был слишком осторожен. Так что он быстренько съездил в два соседних городка, сложил деньги в голубую аэрофлотовскую сумочку и начал думать, что, черт возьми, с ними делать. После раздумий, забраковав несколько ненадежных тайников, он просто отдал сумочку Луэлл, попросив спрятать, а чтобы успокоить ее любопытство, сказал, что там деньги, но сколько — не говорил. Объяснил, что деньги — для покупки земли, их синдикат передал ему в большой тайне, лично, в документах это не отражено, и он не может рисковать, чтобы чиновники из налогового управления зацапали сумму, использовав как доказательство уклонения от налогов. Повторял: он сумеет доказать, что деньги ему не принадлежат,

но тогда придется раскрыть многое, и сделка, порученная ему, сорвется. Для Луэлл этого было достаточно, она обещала спрятать в надежное место и забыть о них. Смешно, подумал Сэм, глядя, как Харв не может решиться, но из-за смерти Луэлл эти деньги словно потеряли значение. Вроде осталось гораздо меньше вещей, на которые их можно потратить. Все равно эта крупная сумма наличными пригодится для будущих операций.

Харв наконец решился и, вздохнув, написал миссис Кэри записку с просьбой пустить Сэма в квартиру, чтобы он взял личные вещи. Передал листок Сэму со словами:

— Я велел ей держать квартиру на замке, пока суд не решит, кому принадлежат вещи. Приедет кто-нибудь из ее родни. Наверное, договорятся с Хансоном.

Сэм Кимбер с вежливой улыбкой, но решительно захлопнул дверь перед носом миссис Кэри. Когда он оказался один в маленькой знакомой квартире, на него вдруг нахлынула слабость, усталость. Опустившись на кушетку, он прислушался, и ему почудилось — вот в кухоньке раздается звяканье посуды, ее веселое хмыканье, стук каблучков. В этой квартире они никогда не занимались любовью, Луэлл раз и навсегда дала

это понять. Но ее присутствие сейчас ощущалось почти осязаемо. И ему стало еще хуже, когда начал осматривать шкаф с одеждой в спальне. Здесь стоял ее запах, и все платья на вешалке так знакомы. Убедившись, что голубой сумочки в шкафу нет, он устало сел на ее кровать, пытаясь решить, где еще поискать, но обнаружил, что думает только о ней, представляя себе ее поддразнивание, теплую, влюбленную улыбку, кокетливые движения платья и бедер. А иногда бывала так серьезна, печальна, что все его шутки, попытки развеселить оказывались тщетными. Из-за мягких черт лица, узкой талии, небольшой груди она производила впечатление хрупкости, но на самом деле была крепкой и сильной. Ей не нравилась собственная фигура — бедра, считала она, чересчур широкие, полные. Откровенно говоря, и бедра, и ноги не назовешь совершенными, в самом деле широковаты, тяжеловаты, хотя и не настолько, как думала она, — их сладкое, дорогое бремя для него теперь утрачено навсегда. Сэм громко вздохнул, и этот звук в пустой комнате напугал его.

Через какое-то время, обшарив все возможные тайники, он убедился, что сумочки в квартире нет, и открытие привело его в смятение. Может,

она передала сумочку кому-нибудь на хранение? Но тогда она непременно попросила бы у него разрешения. Право решать она охотно предоставила ему и не однажды повторяла, что в ее жизни он первый настоящий мужчина — надежный, уверенный, рядом с которым она чувствует себя девчонкой.

Когда он выходил из квартиры, миссис Кэри стояла с ключом в руках и с выражением осуждения на морщинистом лице.

— Довольно долго вы там пробыли. Нашли, что нужно?

— Спасибо, да.

Резко повернув ключ в скважине замка, она объявила:

— Вы достаточно стары, Сэм Кимбер, чтобы годиться ей в отцы.

— Вы совершенно правы, Марта.

— Не счесть, сколько раз вообще не ночевала дома. Возможно, была с вами. А может, нет. Разве найдешь управу на старого сумасшедшего, когда он начинает бегать за блондинками?

— Кто-нибудь побывал в квартире после того, что случилось?

— Разве что имел свой ключ. Если я начну регистрировать все приходы-уходы, у меня ни на что

не останется времени.

— Это ее ключ?

— Для каждой квартиры есть два ключа, а этот запасной. Передайте Харву, пусть пришлет ее ключ или даст деньги на новый.

— Вчера вы ее видели?

— Заметила. Мы особенно никогда не разговаривали. Видела ее, когда возвращалась от доктора Нила, сразу после полудня, а потом, так через полчаса, затарахтела на своей машине. В предыдущую ночь вообще не была дома, вернулась под утро в другом платье, не в том, в котором уходила, вот я и подумала, что живет еще где-то, но полагаю, об этом вы знаете больше меня.

— Пожалуй, знаю, — ответил Сэм, подмигивая ей так, что старуха задохнулась от возмущения, прошипев:

— Это уж слишком!

Выйдя из дома, он сел в свой огромный светлый "крайслер" и тихонько двинулся по Лимонной улице, включив на полную мощность кондиционер но перед тем опустил стекла, чтобы выветрить горячий воздух. Закрыв опять окна, ощутил, как машина словно без его участия неестественно тихо скользит сквозь ослепительный послеполуденный зной. Проехал через центр

городка, мимо застывших автомобилей, пустых тротуаров и сверкающих витрин. Подъезжая к повороту на стоянку позади своей конторы заколебался было, но направился дальше. В конце Лимонной улицы миновал небольшой парк за мавританскими крышами общественных зданий и через несколько минут обнаружил, что город остался позади, а он направляется к месту ее смерти. Минут через десять свернул направо. Через восемьсот метров — поворот налево, на заросшую песчаную дорогу. Ветки бились о машину, пока Сэм продирался еще двести метров до принадлежавшего ему участка, а потом съехал на берег озера. Испокон веков оно называлось Дайкир, но второй владелец, застроивший противоположный берег, переименовал озеро во Фламинго. Кимберу принадлежало восемьсот метров этого берега, о котором никто не заботился и не благоустраивал. Его радовало, что там никто почти не останавливается.

Если выехала из дому в половине первого, сюда добралась бы без четверти час. Остановилась точно здесь, где сейчас находится он. Купальник, очевидно, надела еще дома, сверху натянула облегающее платье. Вышла из машины, платье забросила внутрь. Отнесла вещи вниз, на песча-

ный пятачок пляжа: полотенце, пляжная сумка, транзистор — сложила. Потом направилась к воде, заправляя волосы в купальную шапочку. Первые три шага, затем она погружается по пояс, а дальше — глубина.

Он спустился к пляжику, размышляя, не хочется ли ему казнить себя таким образом. Звала ли на помощь? Какое это теперь имеет значение? Услышав звук мотора, поднял глаза к озеру и увидел голубую лодку с небольшим мотором, подвешенным снаружи. В ней находились двое тощих, но крепких парнишек — загорелые, с выгоревшими добела волосами. Сквозь стрекотанье мотора отчетливо послышался голос одного из них:

— Утонула точно там, недалеко от того типа на берегу. А у Юджа при себе только очки для нырянья да ласты. И нашел ее на дне со второй попытки. Раньше, чем фараоны успели спустить лодку, чтоб искать. По-моему, как раз на этом месте.

Паренек повыше отключил мотор, и лодка резко остановилась. Оба склонились над водой.

— Здесь глубоко? — спросил тот, что пониже.

— Юдж говорил — метров семь.

— Долго была под водой?

— Достаточно.

— А как этот чертов Юдж вообще обо всем догадался?

— Увидел кучу людей, подошел. В лодке у него, как всегда, лежали ласты, очки. Сам-то я пришел позже, ее уже не было. Зато видел, как отъезжала “скорая”.

— Джимми, если она была одна, как же узнали, что утонула?

— Ну ты и дурак все-таки.

— Почему это?

— Другие ведь тоже приезжают сюда поплавать, так? И видят, машина пустая, полотенце, вещи, транзистор играет, а вокруг никого. Посмотрят вокруг, начнут волноваться, кричать — никто не отвечает. Ночью был дождь, и на песке видны следы, идущие к воде. Ну, кто-то и съездил на заправочную станцию, позвонил шерифу. Сбежалась толпа. Но пришел Юдж и отыскал ее. Говорят, у нее начались судороги.

Сэм Кимбер медленно вернулся к машине, отъехал. В газетах писали тоже самое. Все отлично сходится. Кроме мелкой загвоздки с исчезнувшими ста шестью тысячами. И ведь никому не рассказать о пропаже. Именно поэтому кажется, что-то здесь не в порядке. Вернувшись в город,

запарковал машину на стоянке возле конторы, открыл задний ход и поднялся на личном маленьком лифте. Здание было четырехэтажное, он поставил его пять лет назад, когда решился уехать из опустевшего дома, построенного для Китти. Исполнителем была строительная компания, он взял ссуду из федеральных средств. Вложенные деньги давно себя оправдали, так как он сдавал помещения на трех этажах в аренду различным компаниям и учреждениям. Четвертый этаж оборудовал под холостяцкую квартиру для себя и собственный деловой офис.

Пройдя на кухню и открыв банку холодного пива, он подошел к окну, посмотрел в сторону озера Ларра. Там, в большом доме Хансонов, Луэлл прожила несколько коротких лет с Келси. Люди по ту сторону озера располагали иными деньгами, солидные, старинные состояния, переведенные сюда, солидные, старые компании с севера. Мои-то деньги другие, подумалось ему. Деньги, которые загребает парень из небогатой семьи, если ему повезет и выберется в подходящий момент из болота в старом фургоне, с молотком и с карманами, полными гвоздей, если ему хватит здоровой наглости, чтобы поверить в удачу.

Вспомнив, что забыл пообедать, съел кусок

сыра и открыл вторую банку пива. И снова нахлынули воспоминания о Луэлл — у него не было сил сопротивляться. В этой квартире она никогда не чувствовала себя свободно, по дороге сюда или обратно беспокойно ерзала на переднем сиденье. Лучше всего было у него на даче, там не приходилось подсознательно прислушиваться к окружающим звукам, и она ощущала полную раскованность, оставалась сама собой.

Не выпуская банки из рук, он быстро прошел через большую гостиную, о которой Луэлл заметила, что выписанный из Орландо женоподобный декоратор выбрал обои, подходящие только для холла киноклуба. Открыв звуконепроницаемую дверь, он очутился в приемной своего офиса, услышал стук машинки, который внезапно умолк, так как Энджи Пауэлл, вскочив от неожиданности, схватилась за сердце. Миссис Ниммитс, сидевшая за столиком в углу, объявила:

— Мистер Сэм, клянусь, если вы войдете в эту дверь сорок раз за минуту, Энджи сорок раз подскочит в полуобмороке.

— Я же не представляла, что вы там, — оправдывалась Энджи. Сэм Кимбер прошел в свой просторный кабинет, сопровождаемый Энджи за спиной, с кучей бумаг в руках. Она закрыла за

собой дверь. Усевшись за стол, Сэм прикончил пиво и, выбросив банку в корзинку для бумаг, спросил:

— Ну-с, какие новые погромы нас ждут сегодня?

У нее была дурная привычка сообщать в первую очередь наименее важные сведения, причем после каждого ожидала инструкций, делая пометки в блокноте. Энджи Пауэлл — высокая, пышущая здоровьем девушка, которой не было и двадцати. Сплошная кровь с молоком, рост — сто восемьдесят два без каблуков, огромные глаза цвета лаванды, сверкающие белизной зубы и темно-золотые локоны. Отличная пловчиха, ныряльщица, лыжница, прыгунья, конькобежка, танцорка и секретарша. Выглядела огромной, везде ее было чересчур много. Жила вместе с матерью, тоже приличной великаншей, и с отцом — настолько маленьким, тщедушным, запуганным, что его практически и не замечали. Была единственным ребенком. Вот уже три года Энджи служила у Сэма, последние два года — в качестве секретарши и была ему абсолютно преданна, всегда в ровном, веселом настроении, хотя, к сожалению, не имела понятия о юморе.

Когда-то давно, еще до связи с Луэлл, Сэм, —

возможно, из любопытства или из упрямства, свойственного скалолазам: покорить просто потому, что она существует, — в первый и последний раз попытался соблазнить ее, пригласив в дружеской беседе в свою жилую часть. Обняв девушку, почувствовал, как она съежилась, сникла и задрожала. Поцеловал — вроде бы притронулся к напуганному ребенку. Глядя на него лавандовыми глазами, полными слез, она прошептала:

— Вам я не могу залепить.

— Что-о?

— Не знаю, как быть. Когда мальчишки начинают приставать, я им даю затрещину. Пожалуйста, пустите, мистер Сэм.

Отпустил ее.

— И всегда даешь затрещины?

— Я обещала Богу и мамочке никогда в жизни не делать ничего мерзкого.

— Мерзкого?

— Разрешите, мистер Сэм, я возьму расчет.

— Что, если мы про это забудем, и такое больше никогда не повторится?

Она задумалась.

— Тогда, наверное, мне можно не увольняться.

После того неприятного эпизода он, внимательно приглядываясь к ней, задавая при случае

вопросы, пришел к выводу, что эта огромная, веселая девушка, очевидно, никогда не испытала ни малейшего намека на желание, даже не задумываясь над этим, и, вероятно, уже не испытает. Это было самое неправдоподобно бесполое существо во всей средней Флориде.

…Она дошла до последнего сообщения:

— Джес Гейбл несколько раз хотел связаться с вами, мистер Сэм.

— Передайте, чтобы зашел.

— Из Джэксонвилла?

— Ох, я не знал, что он опять там. Соедините меня по телефону, если получится.

— Сию минуту. Он поставил три номера, когда звонил в последний раз. Уже повернувшись к двери, она сказала:

— Мистер Сэм?..

— Слушаю.

— Я… мне очень жаль вашу приятельницу.

— Спасибо, Энджи.

Когда девушка скрылась за дверью, он горько усмехнулся: голубую сумочку лучше было бы отдать на хранение Энджи. Спрятала бы ее, ни за что не раскрывая, никогда не упоминая о ней. Однако тут же устыдился: с чего бы ему считать Луэлл менее достойной доверия? Выбирал из них

обеих, и Луэлл была умнее, не позволила бы себя обмануть, обвести вокруг пальца.

Зазвонил телефон — Джес. Изъяснялся, как обычно, настолько туманно, намеками, что порой его трудно было понять.

— Сэм, мне позвонил наш общий друг; все выглядит вполне прилично, и стоит окончательно определиться, пока я здесь; вообще день был весьма интересный. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что пройдет наш план, а сумма, на которой сейчас собираются остановиться, всего на десять тысяч больше моего предположения. Наши мальчики произвели основательный нажим, да, можно с определенностью говорить о нажиме, чтобы склонить к разумной сумме. Завтра все решится, так что думаю, мне следует остаться. Операция получается первоклассная, часам к десяти все будет в порядке.

— Отлично, Джес.

— Но с трехмесячным сроком дела обстоят хуже. Возможно, потребуют шестьдесят дней, а у нас это вызовет осложнения.

— Если не выйдет, соглашайся на шестьдесят.

— По-моему, это единственное слабое место во всей операции, и некоторые из новых друзей здесь со мной соглашаются. Будет невозможно из-

бежать проверки счетов, но, откровенно говоря, это и к лучшему: весь гол будем знать, на каком мы свете, каждый год окажется зафиксированным и закрытым.

— Меня это устраивает, дружище.

— А теперь — страшно, что так случилось с Луэлл. В самом деле, ужасно, у меня даже сердце разболелось, когда услышал. Такая милая молодая дама, всегда веселая; прими хоть так, по телефону, мои глубочайшие соболезнования, Сэм.

— Спасибо, Джес.

— Это жестоко, когда на человека обрушивается такой удар. Разрешим нашу проблему, и потом можешь отправляться в длительное путешествие нужно сменить обстановку, взглянуть на вещи по-новому.

— Посмотрим. Позвони мне завтра, когда станет известен результат.

— Я в этой истории остаюсь пессимистом, но, думаю, завтра услышим добрые вести, Сэм. До свидания.

Глава 3

В мае зной начинает свое пятимесячное нашествие на долины, озерные районы средней Флориды. Пляжи на побережье переполнены отдыхающими, и там веет прохладой, а глубоко в центральной части сонные городишки обезлюдели, там остались лишь те, кто не может уехать, поддерживая себя урчащими, нагоняющими побольничному холодный воздух кондиционерами. Жара стоит тяжелая, безжалостная, изнурительная, и те, кто ее выдерживает, напоминают забытую всеми стражу старой крепости, зато они утешаются: мы не слабаки, у нас есть чувство ответственности, — и подбадривают себя крепкими выражениями в адрес тех, кто сбежал отсюда. Иногда проносятся сильные грозы, но после краткой иллюзии прохлады снова нависает духота и сонная тишь. В воздухе стоит непрерывный стрекот насекомых, кваканье лягушек, изредка раздастся трель какой-нибудь птахи. Загар бледнее, так как прямые лучи солнца непереносимы и кожа покрывается пятнами. Прежде чем взяться за дверцу машины, приходится оборачивать руки платком. Жизнь начинается ранним утром,

оживление наступает и после захода солнца, но в продолжение дня улицы городков пустынны, редкий прохожий тащится медленно, горбясь под тяжестью зноя, щуря глаза от немилосердного солнечного света. У кого во дворе есть бассейн, тот заказывает куски льда, чтобы охладить воду и поплавать вечером. Дети капризничают и часто болеют. Старые дружеские связи вдруг ни с того ни с сего рвутся.

В следующем мае все начинается снова, забываются прошлогодние мучения, и солнце на первых порах сулит одни удовольствия.

В погребальной конторе, оснащенной разными охлаждающими установками, было холодно, как в гробу. Но в церкви в центре города было жарко, полутьма не давала ощущения прохлады. Как в плохо освещенной парной, думал Харв Уэлмо, возвращаясь к себе на службу. Хорошо, что ему не обязательно присутствовать на отпевании, это напрасный жест. Хансоновская родня позаботилась о количестве провожающих. Кроме того, пришли все, кто так или иначе работал на Сэма Кимбера. И еще любопытные, зеваки. Получится внушительная процессия по пути на кладбище. Если бы он не пришел, тоже ничего не случилось бы. Хотя, с другой стороны, Сэм может обратить

внимание. А в он в последние дни стал ужасно мнительным.

Шериф Уэлмо медленно, с достоинством шагал по тротуару, перекинув темный пиджак через руку, надвинув на крупный лоб серую соломенную шляпу.

В приемной дожидался молодой человек. Уэлмо заставил его посидеть еще минут десять, а потом велел впустить. Высокий, сильный парень, широкие плечи, крепкая шея которого наводили на мысль о прошлом спортсмена-атлета. Кожа была оливкового цвета, а волосы настолько жгуче-черные, что Уэлмо принял было его за кубинца. Но из-под густых черных бровей смотрели глубоко посаженные ясные пытливые светло-голубые глаза. На нем был легкий костюм, светлая рубашка с синей бабочкой. Держался и выглядел очень вежливым, но с чувством собственного достоинства. Подождал, пока Уэлмо предложил ему сесть.

— Я здесь с визитом вежливости, шериф, — начал он. — Зовут меня Пол Станиэл. Буду работать в ваших владениях, если не возражаете. Вот мои документы.

Уэлмо внимательно их прочитал. Они удостоверяли, что податель — Пол Станиэл имеет

разрешение работать частным следователем в штате Флорида, является служащим детективного агентства в Майами, название которого шерифу доводилось слышать, паспорт на оружие за номером таким-то.

— Ну что ж, кажется, документы в порядке. Если вы занимаетесь каким-то частным делом, можете мне сказать, в чем оно заключается, и отправляться к своим заботам, рад был познакомиться. А если расследуете криминальный случай, придется сотрудничать с нашей полицией, чтобы не было недоразумений.

— Мне поручено незаметно произвести расследование, чтобы выяснить, не имело ли место преступное действие, — осторожно пояснил Станиэл. — Если в процессе работы обнаружится нечто, подтверждающее факт преступления, я немедленно сообщу вам. Разумеется, я намерен связаться с полицией города.

— Ну, знаете, может, нам и не хватает внешнего лоска, мистер Станиэл, но я буду очень удивлен, если мы упустили нечто такое, ради чего нужно гонять парня из Майами. Округ у нас приличный, чистый. Так какое же криминальное действие могло здесь произойти?

— Клиент желает получить доказательства

того, что миссис Хансон не была убита.

Уэлмо от изумления раскрыл рот:

— Убийство! Господи, ведь бедная девочка утонула! Станиэл сухо рассмеялся:

— Может, не без чьей-то помощи? В этом загвоздка.

— Нельзя же просто так явиться и ворошить все из-за…

— Шериф, я, как и вы, не хочу никакого шума. Расследование будет незаметным, тихим. Кажется, речь идет о несчастном случае. Я подготовил легенду, которая ни у кого не вызовет сомнений.

Он протянул шерифу письмо и визитку. Документ давал ему полномочия решить для страховой компании из Новой Англии вопрос о выплате страховки, письмо представляло формальный запрос о расследовании и заключении полиции о смерти Луэлл Хансон-Лоример. Полис заключен на двадцать пять тысяч, приводим его номер, дату, сообщалось в запросе присланном, видимо, в филиал Майами.

— Н-да… надеюсь, сойдет, — с сомнением проговорил Уэлмо.

— Я собираюсь сообщить свидетелям, с которыми буду говорить, что страховка выплачивается в двойном размере, но только не в случае само-

убийства. Это позволит мне задавать деликатные вопросы.

— Не было здесь ни убийства, ни самоубийства.

— Возможно, так мы и доложим клиенту после расследования. Но нам заплатили, чтобы выяснить это.

— Кому-то захотелось пускать деньги на ветер. Кто это?

Станизл закусил губу.

— Мне дано право не разглашать имя клиента, шериф, но вам сказать можно. Не вижу причин скрывать. В нашу фирму обратилась сестра покойной — некая Барбара Лоример.

— Сестра? Та, что приехала на похороны?

— Да. Но я с ней еще не встречался.

— С чего ей стукнуло в голову бросаться деньгами?

— Понятия не имею.

Уэлмо кинул в его сторону скептический взгляд.

— Вы сказали: если что-то обнаружите (надеюсь, все же этого не случится), то сразу сообщите мне. А вы способны разбираться в юридических свойствах доказательств, улик?

Станиэл обдал Уэлмо таким холодным взгля-

дом, что шериф немедленно пересмотрел предполагаемый возраст посетителя, набросив еще пять-шесть годков.

— Я окончил факультет права, шериф, и шесть лет был на службе в качестве профессионального представителя закона.

— А почему оставили службу?

— Это имеет значение?

— Чисто дружеский вопрос.

— Дело было в крупном городе севера, где на высшие должности насажали людей из ФБР. Тогда избиратели сменили городские власти, а потом политики вытолкали профессиональных полицейских с руководящих постов, а их места заняли судейские чиновники, так что не прошло и года, как все развалилось. Частным сыском занимаюсь два года. Четыре месяца назад меня перевели в Майами. Конечно, я с большим удовольствием предъявлял бы полицейский значок, но, уверяю вас, хорошо знаю правила получения доказательств, разбираюсь в действиях полиции, а из газетных сообщений мне известно, что та женщина утонула без свидетелей.

— Я задал чисто дружеский вопрос, — повторил Уэлмо. Станиэл улыбнулся, и эта улыбка показалась Уэлмо исключительно теплой для парня, от

которого всего лишь минуту назад несло ледяным холодом.

— Если все это просто истерия, постараюсь скорей закруглиться, чтобы зря не тратилась. Но для начала, шериф, назовите, пожалуйста, трех самых близких для миссис Хансон людей.

— Трех? Ее муж. Доктор Нил, у которого она работала. И еще — некий Сэм Кимбер… хороший приятель.

— Если у вас сейчас нет времени, я могу подойти попозже. Но мне хотелось бы узнать что-нибудь об этой троице. Уэлмо навалился на стол.

— Есть время, парень. Столько, сколько вам требуется.

* * *

Барбара Лоример с облегчением вздохнула, возвратившись в мотель после заключительной части похорон — короткой церемонии у могилы. Отпевание в церкви началось в два часа, а в половине четвертого она была уже в своем номере. Быстро сбросив траурную, пропотевшую одежду, направила к постели струю от вентилятора и, раздевшись донага, с наслаждением вытянулась на простыне.

Надеюсь, Джейсон и Бонни Вейтс не обидятся.

Так настаивали, чтобы она переехала в их дом на берегу озера, говорили, что в ее распоряжении будет целое крыло для гостей. Келси Хансон тоже поддержал эту идею. “Дорогая, я помогу уложить вещи, а Джейс отвезет вас”, — уговаривала светловолосая Бонни. Пришлось быть просто невежливой, чтобы они наконец отступились и оставили ее в покое.

Вспомнилась язвительная характеристика друзей Келси, которую Луэлл дала в письме к сестре после ухода от мужа.

“Это очень милые люди, исключительно доброжелательные, щедрые, хорошо воспитанные. Страшно мило встречают, и тебе кажется, что эти мужчины, женщины изо всех сил стараются, чтобы ты им понравилась, а они — тебе. У всех есть приличный доход и то, что, наверное, ты назвала бы ароматом беспечной жизни. Мужья немного работают, не слишком утруждаясь, ровно настолько, чтобы показать, что ходят в офисы, чем-то занимаются. Знают множество старых анекдотов и острот, неприличных шуток и рассказывают их с большим искусством. И когда ты уже готова подумать, что это лучшие люди на свете, они начинают меняться. Или это ты сама замечаешь их подлинную суть. Кто знает. За

красивыми лицами скрываются ограниченные, вульгарные интересы: кто, как, когда и где напился. Возможно, это просто от скуки, пожирающей людей примитивных, но, по-моему, они все порченые. И Келси один из них, плоть от плоти. Слово “порченый” слишком старомодное, библейское, правда, Барб? Никакая я не привереда. Моя забота — сохранить чувство собственного достоинства. Стараюсь запоминать, что и кому говорила, и кто мне что-нибудь сделал. Как всюду, здесь есть и милые люди, и, может, несколько вроде них живут в Хартворде или Плетсбурге. Но таков образ жизни Келси вовсе не мой, и наш разъезд, думаю, явился следствием его абсолютной уверенности, что со временем я к нему привыкла бы. Сейчас, всего через несколько недель после отъезда, все прошлое кажется мне каким-то нереальным”.

* * *

Отличное слово, подумала Барбара. Нереальным — потому что она увидела, не услышала ни малейшего намека на то, что Луэлл и Келси уже почти год не жили вместе. Все вели себя так, словно Лу умерла в результате несчастного случая на прогулке, когда рядом не оказалось любящего молодого мужа. И было немыслимо предположить,

чтобы ее похоронили где-нибудь еще, кроме семейного участка Хансонов. Она оставалась женой Хансона. Скорбь Келси не назовешь наигранной: был мрачен, со страдальческим лицом, неуверенными движениями. Действительно, производил впечатление безутешного мужа.

Другой нереальностью было отсутствие самой близкой родни. На похороны явилась толпа дальних родственников и знакомых. Судя по многословной радиограмме с соболезнованиями, полученной от родителей Келси, их судно находилось недалеко от Бомбея. Братьев и сестер у Келси не было. Какие-то кузены проживали в Калифорнии, вот и все. И для Лоримеров тоже расстояние слишком велико, подумала она.

Прохлада и удобная поза придали ей сил для неизбежного телефонного разговора. Соединили немедленно, и трубку взяла тетя Джейн.

— Как прошли похороны, детка?

— Мама спит?

В трубке раздался слабый голос:

— Я услышала звонок и сразу подумала, что это ты, доченька, так что подошла к аппарату в спальне.

— Как ты себя чувствуешь, мамочка?

— Думаю, в общем, терпимо. Относительно. Как

прошло отпевание?

— Очень торжественно и трогательно. Огромная церковь, груды цветов и масса народу.

— Луэлл всегда все очень любили, — встряла тетя Джейн.

— Как выглядела моя бедняжка? — спросила миссис Лоример. — У тебя была возможность ее увидеть?

— Сегодня утром, мамочка, сразу же, как прилетела. Выглядит очень спокойной.

— Эти служащие из похоронного бюро вечно кладут слишком много грима.

— С Лу ничего такого не делали, в самом деле.

— А кладбище красивое, детка?

— В таком холмистом месте, очень ухоженное. Участок Хансонов весь в тени от огромного, ветвистого дуба и покрыт испанским мхом. Раздались надрывные всхлипывания и голос тети Джейн:

— Не клади трубку, Барби.

Минут через пять тетя сказала:

— Я уговорила ее прекратить разговор. Сегодня она очень слаба и больше не выдержала бы. Но хочет знать, кто именно там был, сколько машин, какие цветы, какой гроб и все остальное, где похоронили Лу, что будет с вещами и так далее.

Но сейчас я тебя не задерживаю, нужно пойти к ней. Ты все напиши и письмо отправь сегодня же, хорошо? И поторопись домой.

— Тетя Джейн, возможно, мне придется остаться на пару дней.

— Почему, детка?

— Некоторые юридические формальности.

— Разве их нельзя поручить какому-нибудь местному адвокату?

— Мне ведь нужно знать, какие они, прежде чем поручать кому-то, не так ли?

— Может, ты предоставила бы такие заботы мне и маме?

— Тетя, я не ребенок и не идиотка. Мне двадцать пять лет, и, надеюсь, у меня есть чувство ответственности.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Возможно, все-таки придется задержаться. Тогда я сообщу вам и, конечно, приеду, как только смогу. И знаешь… мне ведь нелегко здесь.

— Понимаю, детка. Не сердись за мое ворчанье.

Положив трубку, Барбара вытянулась на постели, зная, что через минуту снова придется сделать усилие, чтобы принять душ. Надеялась, что по телефону ее голос звучал увереннее, чем она

чувствовала себя в действительности. Выдумку насчет юридических формальностей надежной не назовешь. Интересно, как вели бы себя тетя Джейн и мама, узнав настоящую причину, из-за которой она хочет остаться. Но им говорить нельзя, может, все еще и неправда. Утрата сестры ужасна сама по себе, а тут еще приходится думать, не была ли она убита. Но если подозрения подтвердятся, конечно, им придется сказать.

Барбара сознавала, что мысли об убийстве, как бы отвратительны они ни были, помогли ей выдержать этот немыслимый день похорон, полный праведных, набожных слов. Если Лу погибла по чистой случайности, на свете нет справедливости. Луэлл заслуживала гораздо большего. И, судя по ее письмам, именно сейчас начинала обретать это новое счастье.

Действительно, нереальный день: ехать на заднем сиденье лимузина рядом с Келси, с шофером за рулем, первыми за катафалком, потом шествовать за гробом Луэлл рука об руку с ее подавленным, страдающим мужем. Снова проплывать в машине сквозь жаркое сиянье дня. Несколько прохожих, остановившись, смотрели им вслед. Ошеломительную тяжесть утраты притупил и стремительный бросок через континент.

Ее выдернули из удручающе серого, будничного майского дня в Бостоне, затем она парила над пастельными красками земли в тихом, мерно скользящем самолете, и, наконец, столкнули вниз, в сумасшедший, воняющий, душный город, где милые люди упрятали под пальмовые листья венков из фольги ее единственную сестру, глядя на нее без стеснения, словно говоря: “Видишь, как красиво мы все устроили”.

Приняв душ, она заправляла легкую белую блузку в темную юбку, когда в дверь постучали. Подойдя ко входу, она спросила:

— Кто там?

— Станиэл.

— Одну минутку, пожалуйста.

Скользнув в босоножки, пригладив каштановые локоны, быстро махнула по губам помадой, заправила постель, сунула разбросанную одежду в нижний ящик бельевого шкафа и открыла дверь. Все ее движения следовали друг за другом, легко переливаясь одно в другое, создавая впечатление изящного танца.

Он стоял лицом к свету, и Барбара ясно видела его черты. Лицо не вызывало того доверия, на которое она надеялась: слишком обыкновенное. Неброский приятный мужчина, смуглый,

одетый чересчур тщательно для здешнего климата и обстановки. Поскольку они виделись впервые, обменялись сдержанным рукопожатием, и Барбара подумала — пришел, наверное, к ней присмотреться. Но держится с достоинством, непринужденно, не стараясь понравиться. Бросалась в глаза единственная необычная особенность — впечатление физической силы, но не из-за могучих плеч, а благодаря ловким, решительным действиям.

В комнате было два стула, Барбара взяла второй из-за письменного стола, и они уселись друг против друга возле журнального столика.

— Может, из всего этого ничего не выйдет, — сказала она.

— Может, ничего, а возможно — что-то, но в любом случае мы в этом убедимся, мисс Лоример.

— Вы принесли то письмо?

Он достал его из внутреннего кармана пиджака.

— Пусть остается у вас, у меня есть фотокопия.

— Вам не показалось, что тот отрывок какой-то… странный?

— Показалось.

Но произнес это настолько сдержанно, что ей пришлось достать из конверта листок и снова пе-

речитать странное место, чтобы проверить себя. Письмо пришло в тот же день, что и сообщение о смерти Луэлл.

Вот эти “странные” строки.

“Проблемы, проблемы, проблемы… И одна из них несколько необычная, в ней перемешаны чувства, этика и какая-то тайна. Пытаюсь их отделить друг от друга и решить, что делать. Некоторые вещи, сестричка, я могу доверить одной тебе, так что наберись терпения. Подробности позже. Очень ловко и хитро меня вынудили нарушить обещание, намекнули, чтобы я — идиотка такая — дала понять человеку, доверившемуся мне, что тайна раскрыта. Не вся, но достаточно, чтобы мне стало не по себе. Теперь на сцене появилось третье лицо, и все настолько необычно, что я впервые в жизни ощущаю какую-то угрозу, опасность. Ничего определенного. Просто пронзительное ощущение опасности за спиной. Конечно, дело касается чего-то очень ценного, из-за чего же еще люди становятся коварными и опасными? Могу втайне предпринять кое-какие шаги, чтобы сбить со следа Б и В, или просто расскажу все А, а может, сделаю то и другое, но в такой последовательности, чтобы не выглядеть совсем уж идиоткой. Не сердись, Барб, если все

это выглядит как эпизод из похождений Иена Флеминга, но когда все останется позади, напишу подробнее". Барбара с вызовом посмотрела на Пола Станиэла:

— Черт побери, этого совершенно достаточно! Лу плавала как рыба. Человек, схваченный судорогой, тонет только в том случае, если ударится в панику.

— Легкие полны воды, и на ней нет никаких следов насилия.

— Расследование закончено?

Ей стало не по себе, когда, заглянув в голубые глубоко посаженные глаза и отведя взгляд, заметила в них насмешливые искорки.

— Могу преподнести донесение так, как это выглядит по телевизору, мисс Лоример, если вас больше устраивает. — Изменив голос, он пробасил: — Черт побери, милая дама, это больше, чем простое совпадение, или я не частный сыщик Мэлони.

Затем продолжил обычным голосом:

— То есть необходимо заняться фактами. Если определенное предположение мы сумеем подтвердить несколькими фактами, значит, предположение превратится в уверенность.

— Не понимаю. Простите.

— Драматичные события случаются редко, мисс Лоример. Услышав о таком факте, люди его запоминают. И хотя любой знает тысячи мелких, будничных фактов, он тем не менее о них забывает. И часто вы вообще ничего не узнаете. Ждете, наблюдаете, беседуете с людьми, раздумываете, но все безрезультатно. Вам следует подготовиться и к такому исходу.

Он секунду помедлил.

— И знаете, вы сама — один из всех фактов.

— То есть?

— Рассмотрение жалоб, заявлений зависит от людей, которые жалуются. Кажется, вы человек с принципами. Ваша сестра была такой же?

— С принципами? Она была очень уравновешенной, мистер Станиэл. Не склонна к преувеличениям, не действовала исподтишка. У меня тоже нет таких привычек.

— Следовательно, письмо приобретает большой вес, и ваше заявление — больше оснований. Вы меня понимаете?

— Думаю, да.

— Мне хотелось бы узнать что-то о вас. И о вашей сестре.

— Сестры Лоример… — у нее перехватило дыхание, она торопливо взяла предложенную

сигарету, наклонилась прикурить. — Луэлл была красивее. Надлежащее положение в обществе, но без соответствующего счета в банке. О, иногда нам кое-что перепадало, например, скромное наследство от двоюродных дедушек и тому подобное, но этого хватало лишь на то, чтобы мы могли как-то перебиваться в университете, не более. Отец умер, когда мы были детьми, он как раз начал большую, смелую сделку, может, она была бы удачной, если бы не смерть. Мама из женщин, которые не выходят замуж вторично. Так что с обеих сторон семейства поступала вынужденная милостыня, только называлась она по-другому. Дом наш стоял в захудалом конце престижной улицы. Когда у матери начались нервные припадки, к нам переехала незамужняя сестра отца, тетя Джейн Она подыскала квартиру и с тех пор живет с нами. Не хотелось бы ссылаться на Генри Джеймса, но я с ним согласна: наихудшая бедность — аристократическая, так как вам приходится притворяться, держаться на плаву. Разбитая чашка из дорогого кофейного сервиза — вот вам настоящая буря, поверьте. И постоянно перешиваете манжеты, воротнички, перекрашиваете вещи в модные цвета сезона, доказывая свою принадлежность к тому кругу,

которому не соответствуете; чтобы сохранить связи. Четыре женщины в одной квартире, мистер Станиэл. Не Бог весть как весело.

Лу оправдала ожидания. Келси был изысканный, импозантный и очень богатый — это чтоб вы узнали и о нем. Состоялась скромная уютная свадьба, которая выжала нас досуха. Но зато повезло. Хотя, как выяснилось позже, вовсе не повезло. На всякий случай я захватила письма Лу. Я берегу вещи — ленточки, письма, марки. У мамы больное сердце, бывают приступы, она может протянуть и шесть месяцев, и шесть лет. Я служу в посреднической фирме — на работу и с работы. Мне может быть двадцать пять или шестьдесят пять — никакой разницы.

Она с удивлением и страхом взглянула на него:

— У меня ведь нет привычки плакаться перед другими. Наверно, виноват этот сумасшедший день, безумная жара и перелет.

Загасив сигарету в маленькой пепельнице и чувствуя, что сейчас расплачется, она встала, прошлась по комнате.

— Письма мне очень помогут, Барбара.

— Не обращайтесь со мной так доверительно!

— А вы не старайтесь изображать высокоме-

рие и гордыню. Какое-то время нам придется сотрудничать. Пол и Барбара — легче и проще. И для меня польза: в качестве Барбары вы станете говорить свободнее, более естественно.

Резко повернувшись, она пристально посмотрела на детектива:

— Свободнее, чем сейчас? Нет, благодарю. Досотрудничалась до жалости к себе, а это скверное чувство. Оказывается, нечего плакать по моей сестре, нужно лить слезы надо мной.

— Как насчет писем?

Достав пачку из кармашка чемодана, она опять уселась напротив него.

— Тут… разнообразная коллекция. Это, так сказать, письма официальные. На домашний адрес мне сообщала обычные вещи, обращалась, главным образом, к маме. А эти — очень интимные, личные — я получала в конторе… Пол.

— Не смущайтесь, Барбара. Мне поручено частное, деликатное дело, оно касается смерти женщины, поэтому ее сфера чувств имеет важное значение.

Он протянул руку, и Барбара вложила в нее пачку со словами:

— Не представляю, как вы здесь станете слоняться и задавать вопросы. Пол объяснил, под

каким предлогом явился в город, показав подготовленные для него бумаги от страховой компании. Сообразила гораздо быстрее, чем Уэлмо, и удовлетворенно кивнула:

— Все будут думать: вы стараетесь доказать самоубийство, чтобы сберечь денежки своей фирме. Пол, а если я останусь здесь на несколько дней, это не помешает? Не покажется ли кому-нибудь странным то, что мы будем встречаться, разговаривать?

Он пожал плечами.

— В случае чего пойдет только на пользу. Воображаемая сумма страховки должна достаться вам и вашей матери, поэтому мое расследование вас тревожит. Не хотите спускать с меня глаз, чтобы убедиться, что я не обведу вокруг пальца. Это обычный прием. Нужно подкинуть людям версию, которая соответствует их представлениям, и тогда они разговорятся.

Она окинула его взглядом:

— Значит, вот почему вы постарались выглядеть таким обыкновенным… — Смутившись, она покраснела. — Я хотела сказать…

— Стараюсь выглядеть так, как выглядит человек, за кого я себя выдаю, это помогает.

Понимая, что произносит банальную фразу,

она все же сказала:

— Думаю, ваша работа очень увлекательна.

Выражение лица, даже осанка его мгновенно преобразились, и теперь его уже нельзя было назвать посредственностью. Проявилась темная, горькая сила, отчаяние, ярость, одновременно и шокировавшие, и притягивавшие ее. Но так же быстро он овладел собой, ответив:

— Иногда. Могу я узнать, какую сумму вы готовы вложить в расследование?

— Я выжала со счета в банке тысячу, точнее, пятнадцать сотен, тысяча — для этой цели. В бостонском отделении вашего агентства мне сказали, что следствие здесь… пройдет быстро. Я надеялась, тысячи хватит, но сейчас мне кажется — нет. Пятьсот на дорогу и расходы. Обратный билет уже оплачен, а свободные дни беру за счет отпуска. Но нужны деньги, чтобы остаться здесь.

Он опять утратил самоуверенность и снова показался моложе.

— Мне хочется сказать вот что. Звучит немного странно, но вам следует знать. Если уясните себе заранее и обдумаете, то в дальнейшем останется меньше вероятности наделать глупостей.

— Что ради Бога…

Он ответил холодным, открытым взглядом.

— Барбара, закон — это мерило могущества. Криминальное дело похоже на цепь. Ее звенья — совокупность улик, их мотивы, доказательства и обвинение, судебное разбирательство, процесс, приговор, обжалование, подтверждение приговора, наказание. А деньги, влиятельность подобны огромным клещам. Они могут разомкнуть любое звено цепочки, и все дело рухнет. Барбара, здесь замешаны крупные имена города: Хансон Кимбер. Так что не будьте идеалисткой. Может случиться, что я соберу обличительные факты для настоящего досье, передам в соответствующие учреждения, но дальше я бессилен. А это мерило могущества особенно эффективно действует в таких провинциальных городках. Здесь нет независимых и неподкупных федеральных служащих, нет крупных газет, которые отстаивают справедливость. На карту поставлено многое, наш мир не из лучших, но другого ведь нет. Во всяком случае, кое-кого мы уже затронули.

— То есть может случиться, что вы установите, кто убил мою сестру но не сможете…

— Мы можем располагать обоснованными фактами, и все же этого будет недостаточно. А вы сумеете жить с сознанием, что Икс живет счастливо, беспечно и безнаказанно. Вы способ-

ны так жить?

— Я же подниму крик на весь мир…

— А вас обвинят в клевете или потребуют врачебного обследования и поместят в психиатрическую лечебницу. Барбара, будем действовать спокойно, рассудительно, заберемся так далеко, насколько удастся, а потом — пусть решает суд. Или лучше вообще ничего не начинать.

Понурив голову, она долго молчала, а затем, едва заметно кивнув, с горькой усмешкой взглянула на него:

— Барбара Лоример получила урок.

— Очень сожалею, что вам приходится извлекать уроки из такой ситуации.

— Я могу быть вам чем-то полезной?

— Возможно, пока не знаю.

— Эти письма вы прочитаете сейчас?

— Просмотрю сегодня вечером. Кстати, я тоже живу в этом мотеле, но по другую сторону, коттедж номер пятьдесят.

Посмотрев на часы, поднялся:

— У меня свидание с доктором Нилом. Вы на машине?

— Нет. Здесь же близко — два-три квартала до центра.

— И все станут глазеть на вас, сообщая друг

другу, кто вы такая, а самые смелые подойдут выразить соболезнование. Вы к этому готовы?

— Я… думала об этом.

— Может, вы немного поспите? Я заеду около шести и съездим поужинать в Лисберг или Окалу. Это недалеко — минут тридцать — сорок езды. — Он улыбнулся. — Километры не в счет. Устраивает?

— Да, Пол, очень. Спасибо.

Глава 4

Доктор Руфус Нил был пятидесятилетним коротышкой, довольно полным, но без намека на рыхлость. Упругий, словно резиновый мячик, непоседливый, розовый и чопорный. С эйнштейновской седой гривой, с расширенными зрачками, увеличенными толстыми стеклами очков, он энергично пускал в ход широчайший набор разговорных средств, жестов, мимики — надувал щеки, причмокивал, вращал глазами, всплескивал и похлопывал руками, тыкал пальцами: Станиэлу он напомнил ребенка, которому хочется писать, и он старается заглушить желание излишком движений.

В его кабинете как раз перестилали линолеум, поэтому они уединились в приемной для пациентов, и Станиэл поймал себя на мысли, что его мнение о низеньком докторе непрерывно меняется. Сначала он принял его за шута, стремящегося во что бы то ни стало развлечь собеседника. Потом ему показалось, что у Руфуса Нила начисто отсутствует чувство юмора. В конце концов он пришел к выводу: доктор — закомплексованный, очень застенчивый человек, который внешней

суетливостью прикрывает свое доброе отношение к людям. Юмор был ему не чужд, только казался довольно мрачным и производил еще больше впечатление, чем шутовские замашки.

Особенно раздражала одна дурная привычка Нила. Спросив о чем-нибудь, он с тупым выражением на лице устремлял голову вперед, добавляя неотвязное “что?”.

— Доктор, вам не показалось, что Луэлл Хансон в последнее время была чем-то расстроена?

— Расстроена? Вы к чему клоните, Станиэл? Хотите сказать, выглядела подавленной? Что? Ну нет! Воображение у вас разыгралось. Слишком! Мне Луэлл нравилась. Хочешь не хочешь, но приходится наблюдать за персоналом. Служащие часто меняются, поэтому стараюсь заранее угадать, когда потеряю следующего. Правда, ничего пока этим не добился.

— Вы полагали, что потеряете ее?

— Такую женщину? Что? Разумеется. Она считала дни. Бог ее надоумил уйти от этого хансоновского щенка. Решила выждать год, пока утихнут слухи. Так что я знал — через год мне ее не видать.

— Она переживала из-за разбитого брака?

— А как вы думаете? Что? Такая женщина? Для

нее брак — вещь серьезная. Конечно, переживала. Чувствовала себя обманутой, разочарованной. Вы сказали — расстроена, вот именно. Связалась с Сэмом Кимбером, это ее тоже расстраивало. Я не моралист, Станиэл. Всем нам приходится вступать в конфликт с собственными представлениями, если, конечно, вы человек стоящий, порядочный. А Луэлл была таким человеком. Эта история с Сэмом Кимбером многих удивила, главным образом, тех, кто знал его лишь поверхностно. Я Сэма знаю давно. Он гораздо сложнее, чем кажется. Бог знает, как у них начиналось. Как-то необычно. И все держали в тайне. Но в таком небольшом городишке разве можно что-нибудь утаить? После смерти Китти Кимбер Сэм ни с кем не связывался. Многие женщины положили на него глаз. Но он охотился в других угодьях. И не часто, доложу я вам. Думаю, Луэлл не считала себя женщиной, способной на легкие связи. Спокойная, красивая, сдержанная и осмотрительная. Славная, здоровая женщина в расцвете лет. Одинокая и ранимая, к тому же далеко от родного дома. Стала терять уверенность, ощутила свою беззащитность А Сэм опять превратил ее в женщину. По-моему, она сама очень удивилась, когда поняла, что способна

испытывать такую физическую зависимость. Думаю, с Сэмом она пережила гораздо больше, чем за годы замужества. Меня это не касается, вас и вашей страховой конторы — тоже, но раз вы имеете в виду самоубийство, я назову кучу причин, почему эта ваша идея не пройдет. Если ее мучило чувство вины, а в этом я не сомневаюсь то обретенное наслаждение подавляло его. Иногда она приходила на работу как во сне, витала в облаках, круги под глазами и улыбка, как у Моны Лизы. Как практикующий врач, могу сказать, что только одна женщина из десяти имеет такое физическое строение, везенье, чувственность, чтобы оказаться в ее положении. И это тоже не располагает к самоубийству, Станиэл, потому что физическое наслаждение означает победу жизни, и мыслям о смерти здесь нет места.

— И в последнюю неделю?

— Хотите перебрать все мотивы самоубийства — один за другим? Что? В прошлом месяце она понервничала из-за задержки менструации и попросила сделать тест на кроликах. Результат оказался отрицательным, и, думаю, на другой день она все забыла. А если и положительный, она не стала бы ничего предпринимать, это не в ее характере. Я сделал ей полное обследование

— была чертовски здорова, ее жизнеспособности хватило бы на трех женщин. Сэм нисколько не изменился, значит, интимная жизнь была в порядке. В деньгах не нуждалась: жалованье, кое-какие суммы от Келси и скромные доходы от акций позволяли ей даже ежемесячно посылать кое-что матери. Деньги как мотив исключается. Брак ее так и так рассыпался, и не только потому, что пришлось выбирать между мужчиной и мальчишкой, но Хансон не очень-то и старался ее вернуть. Был чересчур занят тем, чтобы опять войти в роль студента и возвратиться к маменькиной юбке. Я-то знал, чем все кончится. Пройдет их условный год, и Луэлл подала бы на развод, уехала бы на север; а Сэм поймет, что она значит в его жизни, женится и привезет обратно; потому что Сэм не выберет жену, пока в голове у него, как пуля, не засядет мысль, что жить без нее не может.

— Доктор, вы все время отклоняетесь.

— Дайте мне сказать. Еще одна причина — минутное душевное смятение. У Луэлл совершенно не было неврастении. Крепкая как гранит. В последние недели? Что? Я бы сказал, что-то на уме у нее было. Но что именно — не знаю.

— А как вы думаете?

Руфус Нил, соскочив с гинекологического кресла, резко распахнул дверцу шкафчика и, выхватив бутылку “Джек Дэниэлс”, открыл ее и поднял с неизбежным вопросом: “Что?”

— Мне с водой, пожалуйста.

— Отметим конец работы.

Он разлил виски в большие бумажные стаканы.

— Мне нравится обо всем иметь собственное мнение. Возьмите историю с Сэмом. Без причины слухи не возникают. Он рванулся вверх чертовски быстро. Честность при этом — понятие относительное. А тут вдруг налетел любовный вихрь. Луэлл отличалась высокими моральными требованиями. Любовь. Никогда раньше она не встречала людей вроде Сэма Кимбера. Теперь предположим — по мере их сближения она обнаружила, что в своих коммерческих делах Сэм порой лавировал у опасной черты в такой близости, что только жребий мог решить, считать его мошенником или нет. Такое открытие могло расстроить женщину вроде Луэлл и, вероятно, расстроило. Понимала, что на Сэма повлиять невозможно. Так что ее это должно было встревожить. В таком случае она задумалась бы насчет их дальнейших отношений. Заметьте, я только

предполагаю. Но здесь есть люди, которые могли ей рассказать о Сэме несколько историй — не очень красивых. Только из-за этого она бы с собой не покончила. Просто или порвала бы с ним, или вообще ничего не предпринимала. Третьей возможности не существовало. Я понимаю: если сэкономите своей фирме двадцать пять тысяч, будете пай-мальчиком, возможно, получите премию, но это будет некрасивым и неправильным решением.

— Луэлл отлично плавала.

— Было тридцать градусов в тени. То озеро всегда чуть прохладнее других. Судороги случаются и у отличных пловцов. Может, началась желудочная колика. Самоубийцы ведь, как правило, оставляют записку? Что?

— Только не в случае страхования жизни, доктор. Нил энергично затряс головой:

— Нет, можете вылезать из кожи, ничего у вас не выйдет. Станиэл, покосившись на доктора, вроде бы в шутку обронил:

— Наверно, мне было бы легче, если в условиях страховки был пункт об убийстве.

— В этом было бы больше смысла, чем в самоубийстве.

— Было бы?

— Минутку! — гневно завопил доктор. — Я ни слова не сказал об убийстве. Просто хотел подчеркнуть, что самоубийство — самая неправдоподобная вещь, которую можно представить.

Станиэл, прислонясь к подоконнику, потягивал виски. Как профессионал, он давно привык распределять допрашиваемых по категориям на основе своих собственных оценок. Удивительно, однако главным признаком оставалась всегда самоуверенность и самодовольство. Независимо от социального, служебного, финансового положения, многие люди отличались самовлюбленностью, считая свои суждения бесспорными, не важно, кем они были: мойщиками машин, президентами банка или служащими, вроде доктора Нила. Это облегчало его задачи, ибо такие собеседники не испытывали потребности преувеличивать или уменьшать свое значение в его глазах. Говорили, что думают, а не то, что, по их мнению, вам хотелось бы слышать. Поэтому из этих монологов можно извлечь полезные сведения, а не попытки привлечь или отвести внимание. Если они обманывали, то обычно по объяснимым причинам. С теми же, кто чувствовал неудовлетворенность собой, работать было труднее. Воображали, что окружающие

их не понимают, хотя в действительности сами не понимали других. И у президента банка, и у мойщика машин нередко обнаруживались в незначительных дозах признаки тех болезней, которые психиатры именуют неврастенией, паранойей, психозом. По необъяснимым причинам они вводили в заблуждение и себя, и вас, вследствие искаженного представления о реальности. Такие клиенты не вызывали симпатии, так как по сути они не нравились сами себе. Зато можно легко полюбить людей вроде Нила.

— Несчастный случай более правдоподобен, чем убийство?

— Конечно! Кто бы стал убивать Луэлл?

Станиэл с невинной улыбкой стал перечислять:

— Вы — потому что влюбились в нее и не могли вынести ее связь с Сэмом Кимбером. Хансон — так как понимал, что она не захочет вернуться, когда кончится год. Сэм Кимбер — ибо многое рассказал ей о своих деловых махинациях и она пригрозила, что заявит на него. Или кто-нибудь, кому нужно было освободить дорожку к Сэму. Или какой-то пьяница, оказавшийся случайно поблизости.

— Черт возьми, парень, у вас больное вообра-

жение.

— Реакция на чересчур нудные расследования в страховой фирме. Мне поручают дело, касающееся красивой женщины, и я теряю над собой контроль.

— Или это могла быть Марта Кэри, ее хозяйка, которая утопила квартирантку во славу целомудрия. Или кто-то из хансоновских студенток, чтобы не позволить супругам снова сойтись. Или один из приятелей Хансона, которому Луэлл дала от ворот поворот, и он захотел отомстить. Что?

— У вас тоже вполне получается, доктор.

— Можно разыграть любую карту. Но это был несчастный случай. Во Флориде ежегодно тонет чертовски много народу. Наверно, виновато повальное увлечение плаваньем. Здесь столько воды, что теряют осторожность. Целые оравы малышни сваливаются в пруды, озера, каналы и бассейны. Ребенок исчезает с глаз за тридцать секунд. В прошлом месяце у меня тоже был случай. Двухлетний малыш. Принесли ко мне, но он слишком долго был под водой, мозг уже серьезно пострадал. Умер на пятый день. Может, для него и лучше.

— Вы производили осмотр тела Луэлл?

— Берт Долл ее осматривал, не я. Он хороший

специалист. Судя по степени цианоза, она, конечно, утонула. Берт предполагает, что она была под водой не менее получаса. У Билли Гейна времени хватает, и он так ее разукрасил, что гроб можно было оставить открытым. Отвратительный, варварский обычай.

— Совершенно с вами согласен.

— Якобы из уважения к покойнику. Что? Какое же это уважение — раскрашивать оболочку? Новое лекарство от горя и печали?

— Слабо действующее.

— Но теперь вы соберете свои манатки или еще к кому наведаетесь?

— Мне нельзя появиться в фирме, пока не поговорю, по крайней мере, с пятью горожанами, потом нужно расспросить кого-то, кто находится там, чтобы я мог составить подробный отчет. А на пятки мне наступает ее младшая сестра.

— Я с ней не говорил, но видел на похоронах. Красивая девушка.

— Боится, что страховая фирма постарается ее надуть. Никак не могу убедить, что наша контора не унижается до обмана.

— Будете говорить с Сэмом Кимбером?

— Придется.

Нил надул щеки, похлопав себя по объемисто-

му животу.

— Она его любила, парень. С Сэмом играйте с открытыми картами. Меня вы старались подловить где могли, что ж, работа у вас такая. Но если Сэм будет изображать беспечность, не вздумайте его недооценивать. Станет улыбаться, притворится непонимающим, но если захотите обвести его вокруг пальца — останетесь с носом. А он через десять минут возьмется за телефон, сделает пару звонков, и вы можете искать новую работу.

— Спасибо за предупреждение.

— Он похож на старого крокодила. На берегу они выглядят так, словно улыбаются. А на дне озера их ждет хорошо припрятанное мясо.

— Как насчет Хансона?

— Тот вам ничем не поможет, разве что попробует врезать в челюсть, если будет пьян. И, как посмотришь на вас, совершит ошибку. Никогда не следует связываться с пареньком, который выглядит на пять сантиметров ниже, чем в действительности. Думаю, весили бы килограмма семьдесят два, если объем шеи не составлял бы сорок пять.

— Сорок четыре. Восемьдесят семь килограммов.

— Занимались спортом?

— Занимался — штанга и бокс. Тогда это была забава, а теперь расплачиваюсь: приходится тренироваться, иначе будут не мускулы, а студень. Благодарю за виски, доктор, и за беседу.

— Вы вели себя вполне прилично. Не просили никаких советов. Заходите как-нибудь на неделе, постучите в заднюю дверь. В это время у меня перерыв под знаком “Час Дэниэлс”. Желаю поражения вашей миссии и всего хорошего лично вам, парень.

— Спасибо, доктор. Не хочется никого раздражать. Есть такие городки, где люди не выносят никаких расспросов.

— Здесь проблем не будет, Станиэл. Тут — как вы сказали бы — разнородная компания. Кроме нескольких старинных семейств у озера Ларра, Двух-трех фамилий в городе и пары-другой денежных мешков, владеющих землей, все остальные переселенцы. Здесь все быстро растет, быстро меняется. Не в лучшую сторону. Население округа за десять лет увеличилось вдвое. Границы его раздвигаются. По-моему, того города, каким он был когда-то, больше нет. Просто торговый центр с домами вокруг.

Барбара Лоример безмолвно последовала за Станиэлом, когда заехав, как обещал, повел ее

к своему небольшому практичному седану. В вечерних лучах солнца было заметно, что глаза девушки отекли, веки покраснели, губы припухли.

— Удалось вам поспать? — спросил он, выезжая из города.

— Немного… Я… не представляла, что так внезапно разревусь. Надеялась, слезы появятся позже. Но когда вы ушли, я подумала… забывшись, как расскажу обо всем этом Луэлл. Так много нужно было ей сказать, и тут сразу поняла, по-настоящему осознала, что больше никогда ничего не смогу ей сказать, никогда. Эта страшная неотвратимость смерти встала передо мной впервые. А сейчас опять все кажется нереальным. Пока то страшное чувство отступило, но, конечно, вернется снова.

— Так бывает. Вас устраивает Окала?

— Все равно. Пол, вы теряли кого-нибудь, такого же близкого?

— Я уже привык.

— То есть?

— Простите, это звучит глупо. Мои родители живы, в штате Мичиган. Я потерял старшего брата. Он был для меня идеалом. Я ничего не умел делать, но хотел научиться всему только ради

его похвалы. А когда выучился, его уже не стало. Но если мне что-то удается, я про себя говорю: “Как это тебе, Джо?” И сразу вспоминаю утрату. Джо был одним из самых физически сильных людей, каких я знал. Когда был маленьким, я мечтал стать таким же. Еще и теперь вроде бы жду его одобрения… И жены я лишился — не таким же образом, но так же окончательно. И теперь испытываю странное чувство. Если бы Дженни умерла, у меня было бы то же ощущение бесповоротной неотвратимости, о котором вы сказали. Но она жива, переехала в Техас. Уверен, больше мы с ней никогда не увидимся. Но она существует, и во сне я ее вижу по-прежнему, а проснувшись, понимаю, что увидеть ее — самое последнее, чего мне захочется.

— Вы это рассказываете, чтобы помочь мне?

— Или самому себе.

— Простите, мне не следовало вас прерывать. Расскажите еще о Дженни.

— Обычная история. В семье ей внушили, что она единственная и неповторимая. Ее учили всему, чему вообще можно учить ребенка: танцы, музыка, живопись и так далее. И ее семейство не могло представить, что такое сокровище достанется простому полицейскому. Если бы мы жили

в первобытном обществе, то ее предназначили бы вожаку племени. Но Дженни, казалось, думала иначе. И если у нас появились бы дети, наверно, она была занята по горло заботами. Или нашла бы интересную работу. Вероятно, наша жизнь не доставляла ей удовлетворения. Когда она решила уехать, я ее не упрекал. Что поделаешь? Она страдала от скуки, раздражалась, грустила. Теперь у нее большой дом, развлечения, детишки и даже какое-то ранчо с ангорскими козами. Ее всегда любили.

— Она вас не любила.

— Это единственное, чему ее не научили. Говорила, что любит, верила в это. А теперь любит техасца. Не знаю. Может, если человек слишком доверчив, он никого не может любить по-настоящему.

— Ну, мне это не грозит, — сухо рассмеялась Барбара. Обогнав медленно тащившуюся машину, он с любопытством посмотрел на нее. Когда увидел ее впервые, девушка показалась недотрогой, обидчивой, хмурой. Однако сейчас подумалось, что морщинки у рта и глаз свидетельствуют о решительности и настойчивости. Солнце почти село, и она щурилась под его последними лучами, вздернув подбородок, спокойно сло-

жив руки на коленях. Блестящие каштановые волосы с выгоревшими светлыми прядками, серо-зеленые глаза, высокий лоб, удлиненный овал лица. Сказала, что Луэлл была красивее, и, судя по фотографии, так оно и было. Но Барбару отличала своеобразная прелесть, не такая броская. Плавные линии рук и ног, ощущение покоя, исходившее от нее, когда она просто сидела, производили впечатление лени, расслабленности, но если она что-то делала, движения были ловкими и решительными. При первой беседе с ней он подумал: холодная, рассудительная, лишенная чувственности. Но сейчас, сидя наедине с ней в машине, начинал замечать мелкие подробности, на которые не обращаешь внимания при первой мимолетной встрече; отметил округлость колен, изящные запястья, маленькое ушко. За ужином ее настроение заметно поднялось, и Пол решил пересказать разговор с доктором Нилом, поймав себя на том, что старается ее рассмешить. Однако Барбара сразу посерьезнела, когда он перечислил, что, по мнению доктора, могло тревожить Луэлл в последние недели.

— Сходится с ее письмом, — сказала она. — Сэм Кимбер доверил ей какую-то тайну, а кто-то обманом из нее вытянул. А может, ее встревожила

сама тайна, то есть Кимбер объяснил ее по-своему, а Луэлл поняла, что дела обстоят совсем иначе… Все перепутано, правда?

— Нужно поговорить со многими людьми.

— А как выяснить, что за тайна?

— Может, попробуем определить, что не было тайной. Как в кроссворде. Если есть две-три буквы, поиск ограничивается.

— Пол, ее убили, — сказала она изменившимся голосом. — Приехала сюда, а они ее убили.

Хлынули слезы, и она спрятала лицо в ладонях. Затем поспешила в туалет. Вернувшись минут через десять, проскользнула в кабинку на свое место напротив него, обронив:

— Простите.

— Ничего.

— Вы не можете дать мне поручение на завтра? Я буду чувствовать себя лучше, если появятся обязанности.

— Что-нибудь подберем.

— Прошу вас, отнеситесь ко мне серьезно.

— Подберем. Я ведь тоже далеко не продвинулся. Вечером, уже в постели, он стал читать письма Луэлл к сестре. Одно оказалось особенно длинным.

“Барб, когда я так пишу о Сэме, я словно хочу

прояснить вещи и для себя. По твоему последнему письму заметно, что ты многое читаешь между строк, и пора поговорить откровенно. Странно, я не решилась бы, если не знала — прости, сестренка, — о твоих отношениях с Роджером. И ты нашла мужество порвать с ним. У вас не было будущего, может, и у нас нет тоже, но я настолько жадно живу настоящим, что не задумываюсь о завтрашнем дне. По-моему, у вас с Роджером был такой же период. Каждый воображает, что его ослепление неповторимо, но, наверно, в определенном отношении у всех бывает одинаково. Только никто в этом не признается. Я очень стараюсь не слишком ехидничать. Ужасно хочется писать слова с большой буквы и еще подчеркивать. А иногда, как школьнице, — приписать: ха-ха! Но напишу с большой буквы только два слова: наверно, я Грешная Женщина. Бесстыдная. Легче все объяснить одиночеством, ранимостью. Но решительно никто не сможет ответить, почему это был и остается именно Сэм.

Я уже писала тебе о нем: возраст и другое. Но внешность не обрисовала. Рост — почти два метра. Продолговатое, очень бледное, отнюдь не аристократическое лицо, а глаза светлые, почти бесцветные. Жесткие темные волосы.

Длиннющий дылда, весь из костей и мускулов, жилистый, и в то же время есть в нем нечто свое, индивидуальное. Даже в том, как двигается, ходит и одевается, садится на стул, встает. Кажется резким и сильным, но я никогда в жизни ни при ком не чувствовала себя такой обласканной, защищенной.

Не старался мне понравиться, Барб. Не тот характер. Держался со мной мило, в компании с ним было хорошо. И, по-моему, никто… ни я, ни он даже не помышляли о чем-нибудь большем. И вот его так издергали какие-то налоговые неприятности, что он вдруг позвонил мне по междугороднему. Голос был усталый, подавленный, отчаявшийся — попросил, чтобы я приехала к нему. Представляешь? Абсурд какой-то. Я положила трубку. Что он о себе воображает? Какая наглость! И все двенадцать часов, пока укладывала вещи, пока ехала в аэропорт, чтобы успеть на рейс в Джэксонвилл, твердила себе: это немыслимо. Ведь я не давала никакого повода. С чего он решил, что стоит ему свистнуть, и я примчусь?

Понимаешь, я просто страшно перепугалась. Сэм был как могучий зверь, излучал такую жесткую силу, что я себя чувствовала загипнотизированной, словно кролик перед удавом. Но

он оказался таким нежным! И вовсе не самоуверенным. А оба мы были счастливыми и робкими, словно молодожены в медовый месяц, и это было самое неожиданное. Правда, сейчас я уже вряд ли припомню подробности, сестричка. Столько было всего! Если у меня и шевелились сомнения, расстаться ли с Келси, то теперь они развеялись по ветру. Не хочется быть вульгарной, но Келси занимался любовью так, словно сражался за место в олимпийской команде. А я была вроде послушного спортивного снаряда, покорно выполняя его желания и капризы, и мне часто казалось: если потом я похвалю его и поаплодирую, он вскочит и станет раскланиваться. А когда я изображала экстаз недостаточно бурно, Келси воспринимал это как оскорбление своих способностей. А вот Сэм заботится обо мне. Никогда не думала, что мужские ласки могут заставить громко смеяться просто от счастья. Такие рассказы вызывали у меня и раздражение, и любопытство, и одновременно мрачную уверенность в том, что чувственность мне неведома. Но Сэм разбудил во мне настоящую ненасытность. Снова и снова мне нужно испытывать это чудо. Такая стала бесстыжая — достаточно Сэму только посмотреть, и у меня подгибаются колени, охватывает истома.

По-моему, я никогда и не знала себя. Впрочем, не уверена, я ли та женщина, в которую меня превратил Сэм. Может, просто момент подвернулся, поветрие. Но все равно это сладостная болезнь. Ничего мне не нужно, только чувствовать рядом его жилистое, костлявое тело, теплые руки, слышать нежные слова любви. До сих пор я и не жила в полную силу. Когда ты рассказывала о вас с Роджером, мне лишь казалось, что я тебя понимаю. Но в затаенном уголке своей пуританской душонки испытывала ужас перед тем, что моя маленькая сестричка придает такое значение чувственности, и даже считала, что ты, пожалуй, слеплена из теста погрубее. И сейчас, Барб, я понимаю, что ты хотела мне сказать, понимаю, чего тебе стоило так резко все оборвать. Если мне вдруг сказали бы: никогда больше не увидишь Сэма, я рвала бы на себе волосы, валялась в пыли и, усевшись на дороге, выла бы, как собака.

Теперь, Барб, ты знаешь обо мне все самое лучшее и худшее. И может, теперь нам легче понять друг друга. Единственное, что омрачает мое безмерное счастье, — сознание вины. Мы стараемся скрывать наши отношения, но, думаю, кто на меня взглянет, поймет все сразу. У Сэма в лесу есть домик. Он называет его дачей, но там

все отлично оборудовано и очень уютно. Как раз сейчас пишу тебе на даче, а сама прислушиваюсь, не раздастся ли шум машины на пыльной дорожке, и знаю, как запрыгает сердце от радости, когда услышу. Ты бы видела мой наряд: на мне его белая рубашка с подвернутыми рукавами, плечи свисают до локтей, но я уверена, что Сэм сочтет этот туалет весьма сексуальным. Я чуть-чуть надушилась, мои голые ноги розовеют от желания, и бегут мурашки по телу, ожидающему ласк. Видишь, сестренка, научилась писать тебе больше, чем решилась бы сказать с глазу на глаз. Но мне больше не с кем поделиться".

Прочитав остальные письма и погасив свет, Станиэл мысленно вернулся к этому посланию. Подумал о Роджере, и вдруг ему стало отчаянно жаль, что он не знал Луэлл Лоример-Хансон. В письмах ее характер отражался настолько зрительно, ощутимо, что был уверен — она бы ему понравилась. Как все безнадежно и несправедливо.

Ночью ему снилась Луэлл. Сон был четкий, но похожий на кошмар, и он проснулся в поту. Луэлл находилась в большом стеклянном сосуде вроде лабораторных колб — нагая, погруженная в прозрачную жидкость, с разметавшимися зо-

лотистыми волосами. Поворачиваясь, тихонько касалась стенок сосуда, словно вода в нем была проточной. Потом вдруг раздался голос Дженни — с металлическим оттенком, как будто усиленный мегафоном:

— Ты опоздал, Пол. Всегда опаздываешь или приходишь слишком рано. Но тебя невозможно убедить. Никогда этого не было и не будет.

Он вышел на лестницу, чтобы отобрать мегафон, пока она всех не пере. полошила. Но очутился в странном помещении, где доктор Нил, подпрыгивая и надувая щеки, хлопотал над телом, распростертым на доске. Это была Барбара. Изо рта и носа ее хлынула вода. Нил золотыми ножничками разрезал на ней платье. Широко улыбаясь, он сказал Станиэлу:

— Приготовьте вторую посудину, приятель. Она хотела, чтобы помогали мне вы.

Сон вызвал необъяснимое чувство вины. Пол в темноте посидел на постели, выкурил сигарету, слушая ворчанье вентилятора, заглушавшее другие ночные звуки. Казалось, его комната плывет в каком-то странном экипаже, неуклонно устремившемся куда-то в ночь.

Глава 5

В номере джэксонвиллского отеля Джес Гейбл, вытирая с лица полотенцем льющийся пот, успокаивал себя, что сердце у него в порядке, он же проверялся у доктора. Не может ведь судьба подшутить над ним так жестоко: умереть, когда все подготовлено и до мечты рукой подать. Сколько еще он продержится? Временами его охватывал холод, озноб, опустошенность, и он в ужасе решал — это конец. А потом вдруг накатывала горячая волна победного торжества, и ему хотелось кричать, хохотать, сделать стойку на руках.

Хуже всего было, когда решение неожиданно отложили. Возможно, что-то заподозрили, но спрашивать он не решался. С ребятами из налогового управления нужна осторожность, тем более что договоренность с ними вроде бы достигнута. Стоит однажды утаить от них свой кусок или хотя бы дать повод усомниться, они тут же выгребали из-под курицы все золотые яйца, но оставляли ее в живых. Это означало, что готовы поладить с вами даже тогда, если вы сдаетесь и согласны дойти до суда. Но как только задумаете использовать связи, обмануть или не дай Бог решитесь

намекнуть на взятку, они печально улыбались и убивали курицу, ощипав ее догола. Джес понимал, что дошел до предельной черты, и ему оставалось теперь только ждать.

Когда-то давно его сильно позабавил ответ Вилли Статона на вопрос, почему тот грабит банки: потому что там деньги. Джес теперь отчетливо сознавал, что его мотивы в точности те же. Угадал, где деньги, и приготовился взять улов. Будучи студентом факультета права, он подрабатывал в качестве бухгалтера-кассира. После своего третьего, весьма успешного процесса, где выступал адвокатом, он решил отказаться от судебной практики, выбрав бухгалтерский учет, попытавшись получить звание общественного ревизора по налоговой отчетности, и добился его без особых хлопот. И позже ни разу не пожалел. Налоговый чиновник, имеющий звание общественного ревизора по счетам, — птица редкая и ценная. Добившись успеха, он сохранил прежний скромный образ жизни, а побочные доходы шли на выплаты служащим, выполнявшим для него черную работу. Теперь у него своя контора на втором этаже здания Сэма Кимбера, и он оформляет половину коммерческих сделок в округе. Отыщите скрытую, но вполне законную

уловку, благодаря которой клиент неожиданно сэкономит пятьсот долларов из налогов за год, и на любой вечеринке в клубе тот станет слагать гимны в честь Джеса Гейбла. И в результате складывается репутация: “Если у тебя затруднения, обратись к Джесу Гейблу”.

Такие рекомендации были вполне заслуженными. Свои контакты с парнями из налогового отдела он удерживал на уровне взаимовыгодного сотрудничества. Никогда ради клиентов не шел на обман, подделку цифр. В иное время, в другом месте Джес Гейбл мог бы стать проводником в джунглях, с такой же непревзойденной уверенностью отыскивая любую тайную тропу, обходя преграды, разбираясь во всех звериных следах, предчувствуя малейшее изменение погоды.

Он старательно, терпеливо лелеял надежду, копил деньги в ожидании подходящего случая. Жены и детей у него не было, никаких расточительных привычек не имел. Он слышал истории о том, как незаметные личности пускались в азартные игры, и им дьявольски везло, но у него не было такой склонности. Выбирая лишь абсолютно законные, солидные сделки, он за последние три года был вынужден, скрепя сердце, отказаться от нескольких выгодных дел. Но

сейчас он имел полное право на благодарность Сэма Кимбера.

В некотором смысле это будет просто нарушением этики. Когда Сэм узнает всю правду — а этого не избежать, — он, наверно, придет в ярость, но если подумает, то поймет причину. Джес возьмет у него только кусочек, который все равно забрал бы кто-нибудь другой, и заодно поможет Сэму выбраться из каши скорее, чем он выкарабкивался бы без него.

Проще говоря, налоговая проблема Сэма состояла в том, что ему придется продать что-то из активов. А он, Джес, окажется под рукой, чтобы их подхватить. Нужно только подтолкнуть Сэма.

Если все пройдет удачно, Джес Гейбл станет обладателем очень кругленькой суммы, и его жизнь изменится. Ему уже сорок два, и он слишком долго ждал такого момента. Деньги достанутся ему законным путем. Дальнейшие его мечты, связанные с богатством, пока представлялись смутно и напоминали красочное рекламное приложение из журнала. Джес Гейбл на палубе собственной, построенной по заказу яхты подходит с рекордным уловом тунцов к пристани. Джес Гейбл за рулем своего роскошного белого “ягуара”. Джес Гейбл в Риме. И не совсем определенный, но

обязательный образ Девушки мечты рядом — на палубе яхты, в машине, за столиком уличного кафе — веселая, улыбающаяся, влюбленная. До конца жизни станет шесть месяцев в году работать, а оставшиеся полгода развлекаться.

Порой мечты казались ему нереальными, невыполнимыми. Что он сейчас из себя представляет? Сорок два года, темные, редеющие волосы, обвислый живот, карие близорукие глаза за стеклами очков. Серая кожа лица, костюм из магазина готового платья; голос сиплый от двадцати ежедневных дешевых сигар, скверный желудок от многолетнего потребления мороженых продуктов, небрежно содержавшаяся квартира с легкомысленной служанкой, “шевроле” трехгодичной давности — и никаких увлечений. В последнее время его годовой доход составлял семьдесят тысяч, сорок уходили на текущие расходы, и после уплаты налогов оставалось пятнадцать — восемнадцать тысяч, которые он переводил в ценные бумаги. В субботу, примерно раз в месяц, он отправлялся в Тампу, под именем Роберта Уоррена снимал комнату в одном и том же отеле, набирал определенный номер, и ему присылали белокурую проститутку на одну ночь — чистенькую, достаточно привлекательную и

умелую. Услуга, на которую может рассчитывать постоянный клиент, который хорошо платит, не доставляет никаких хлопот, не требует никакой экзотики. Иногда приходила несколько раз одна и та же блондинка, но он даже именем ее не интересовался. Это же не Девушка мечты. Просто обыкновенные, в меру глупые женщины, без конца болтавшие о своей дневной работе, детях в школе, о мужчинах, которые их бросают. Вначале, когда он еще привыкал пользоваться этим телефоном, ему присылали чересчур юную, словно раз и навсегда озябшую девушку или такую, что слишком много пила, а однажды появилась даже любительница-истеричка. После каждого такого случая он предъявлял претензии, так что в последние четыре года ему не приходилось жаловаться. Ранним утром в воскресенье он отсылал девушку прочь, потом до полудня отсыпался и, оплатив счет в отеле, уезжал домой.

Но деньги все преобразят. Синюшность лица сменится бронзовым загаром, станет плоским живот, обострятся рефлексы, деньги помогут найти Девушку мечты, и когда она отыщется, станет любить его самого, а деньги окажутся лишь обрамлением, и тратить их они будут вместе. Он найдет о чем с ней поговорить, сумеет ее развесе-

лить. Все будут видеть их всегда вдвоем и станут ему завидовать.

Он снова вытер полотенцем лицо, протер стекла очков. Раскрыв папку, стал просматривать списки, колонки цифр, но сосредоточиться не мог. Как только отложил папку, зазвонил телефон. Перекинувшись через постель, он схватил трубку, не дожидаясь второго звонка.

— Джес?

— Так точно, Кларенс. В полной готовности и нетерпении.

— Все решено. Двести тридцать одна тысяча триста. Двухмесячная льгота для выплаты. Официальное объявление появится в понедельник. Доволен?

— Кларенс, дружище, конечно. Сэма это основательно вытрясет, но, по-моему, в общем решение справедливое. Его согласие можно считать автоматическим. Я тебе очень обязан.

— Сожалею, что дополнительное рассмотрение затянуло решение, но тут ничего не подпишешь. Компромиссные выплаты всегда вызывают подозрительность, поэтому потребовал дополнительного рассмотрения. Понимаешь, нам не хотелось бы, чтоб Кимбер похвалялся, что легко отделался.

— Не так уж и легко, Кларенс. Ведь у вас в руках была полная картина его финансового положения. Большей суммы он не потянул бы.

— Надеюсь, не стоит напоминать, что до официального объявления ты ни о чем не знаешь?

— Немедленно, дружище, стану трубить на весь мир, чтобы ваша контора никогда мне не доверяла.

— Я должен был тебя предупредить.

— Понимаю, парень.

Сразу после этого разговора Джес Гейбл набрал по междугородному коду номер Чарли Дилера в Центральном банке на Лимонной улице, номер прямой связи, минуя коммутатор банка. Джес встревожился, когда трубку подняла секретарша Дилера. Изменив голос, он скороговоркой отрекомендовался как Уоррен из Джэксонвилла, зная, что по названию города тот все поймет. Девушка сказала, что мистер Дилер на минутку вышел, а через несколько секунд послышался голос Чарли:

— Алло? Я… ждал твоего звонка.

— Отстегнули два месяца для уплаты, так что давай навались.

— Что ж… наверное, можем начать.

— Чарли, я тебе со всей ответственностью го-

ворю: сейчас нет времени на раздумья. У тебя есть бланк с моей подписью, есть чеки, деньги на расходы, так что будь добр, приложи все усилия и протолкни в вашем отделе по кредитам. Мне нужно, чтобы уже сегодня все было на том специальном счету.

— Но, Джес!

— Чарли, нажим и просьбы уже позади, сделка заключена, и может, я невежлив, но личный договор с твоей подписью у меня под рукой, у тебя тоже есть копия, и если начну колебаться, можешь прищемить мне хвост так же, как я тебе сейчас.

— Мне только неясно, откуда у тебя такая уверенность, что Сэм выберет именно эту возможность?

— Это наилучший, первоклассный выход для него, и я ему докажу, а мистер Сэм признает только первоклассные вещи.

— Сейчас займусь этим, — произнес Чарли немного увереннее.

— А я позвоню Сэму.

Джес заказал личный разговор с Сэмом Кимбером. Слышал, как Энджи Пауэлл говорит телефонистке, что мистера Кимбера нет, она не знает, когда вернется, и поэтому попросил к

телефону Энджи.

— Привет, Джес, — послышался ее голос. — Честное слово, не знаем, где он. Только что я звякнула на дачу, там никто не отвечает. Ты же знаешь, он всегда нам говорил, где его искать, но с тех пор, как утонула Луэлл, сам не свой. Какой-то прибитый, на все ему наплевать. Все бумаги положила ему на стол, он был здесь утром целый час, а когда уехал и я зашла за бумагами, ничего не подписал. Думаю, он их даже не просмотрел. Понятия не имею, что он целый час делал. Вчера у нас было закрыто, все ездили на похороны. Говорят, когда все разошлись, он там остался сидеть в машине. Чем могу тебе помочь?

— Думаю, лучше всего, Энджи, если ты постараешься передать ему мое сообщение. Скажи, что все проскочило. Что на шесть тысяч триста с небольшим хвостиком больше, чем я предполагал, и шестьдесят дней для выплаты.

— Шесть тысяч триста сверх. Господи, Джес, уверена, еще неделю назад это его обрадовало бы, а сейчас, боюсь, что когда передам, он посмотрит на меня отсутствующим взглядом.

— Скажи, что я выезжаю и вместе все обмозгуем и найдем первоклассный выход. И пожалуйста, звякни ко мне вниз, передай Бетти, что не позже

трех буду в конторе и полчетвертого жду там Джимми и Роско. И отыщи для меня, если удастся, след Сэма.

— Попытаюсь, Джес.

Когда Энджи Пауэлл вышла из кабинета Сэма Кимбера, Пол Станиэл, подняв глаза от журнала, вопросительно поднял брови. Энджи сказала:

— Это не он, мистер Станиэл. Кое-кто другой, кто тоже пытается его поймать.

Она села за свой стол, и Станиэл слышал, как звонит какой-то Бетти и передает поручения от некоего Джеса. Пожилая женщина из приемной пошла вниз с грудой папок в руках, и Станиэл впервые в жизни остался наедине с самой высокой девушкой, какую когда-либо видел. Он уже понял, что она сантиметра на два выше его метра восьмидесяти, хотя носит сандалии без малейшего намека на каблук. И боялся даже представить ее с девятисантиметровыми каблуками и высоким начесом из золотистых волос.

Сначала он решил, что Сэм Кимбер с его ростом метр девяносто держал ее только потому, что она отвечала его меркам. Однако во время долгого ожидания сделал вывод, что девушка не просто украшение офиса. Она работала как заведенная, уверенно выпроваживая по-

сетителей, говорила по телефону, принимала мелкие решения. Темно-золотистые локоны при ходьбе смешно подпрыгивали. На ней была белая блузка и лимонно-желтая юбка. Все в ней казалось чрезмерным — очень крупное лицо, чересчур блестящие зубы, огромные глаза, как самостоятельные существа. Прикинул, что весу в ней килограммов семьдесят, но отметил, что тело отлично тренированное, с атлетической мускулатурой. Вероятно, ей нет еще двадцати. Никаких колец на руках. Запах мыла и свежих цветов. Несмотря на могучий рост и мышцы, на ловкую секретарскую сноровку, производила странное впечатление детскости. Может, этому способствовал высокий ясный голос и серьезное отстраненное выражение лица.

Она быстро выхватила из машинки какой-то документ, разделила экземпляры, один положила на стол миссис Ниммитс. Его удивила отличная организация дела в офисе. Помимо внушительного современного оборудования, высокой дисциплины труда, делового спокойствия, бросался в глаза высокий уровень канцелярского автоматизма.

— Кажется, у мистера Кимбера очень широкие коммерческие интересы, — заметил Пол.

— Конечно. Мы поддерживаем контакты со многими фирмами, — ответила с улыбкой Энджи. — Лес, обработка почвы, контракты и так далее. Но сейчас как раз затишье. Время, чтобы подчищать хвосты. Строят очень мало, и теперь как раз не заключаем никаких контрактов. Но мне гораздо больше нравится, если все вокруг кипит и крутится. Я до работы жадная.

— А мистер Кимбер как переносит эти дни? По тому, как изменилось выражение ее лица, Пол сообразил, что, пожалуй, далеко зашел.

— Я уже час назад сказала вам, мистер Станиэл, что являюсь личной доверенной секретаршей мистера Кимбера, и если бы вы мне сказали, в чем дело, возможно, избавила бы вас от долгого ожидания. По картотеке я выяснила, что мы никогда не имели дела с вашим страховым агентством. И если вы рассчитываете на что-нибудь его подговорить, не успеете сказать и трех слов.

— Не собираюсь его подговаривать, мисс Пауэлл. Это всего лишь обычное расследование перед выплатой страховки.

Усевшись на край стола и сложив красивые, загорелые руки, она нахмурилась:

— Если речь идет о рядовом деле, может, вам вообще не следует его беспокоить.

— Расследование обычное, но в конкретном случае… его связь… отношения… это деликатная вещь, и, думаю, лучше мне поговорить с ним лично.

Глаза ее расширились, губы поджались.

— Ваша страховка не касается случайно миссис Хансон? Станиэл, стараясь скрыть удивление, повторил:

— Это деликатная вещь.

— Он не обрадуется, если вы беспокоите его по такому делу.

— Если кто-то отказывается сотрудничать, единственное, что остается, — написать отрицательный отзыв.

— Значит, все же речь идет о ней.

— Я этого не говорил.

— Думаю, вам придется побеседовать с ним. Я ничего не знаю об этой женщине. И знать не хотела.

Голос ее посуровел. Села к машинке, заложила новый лист. Станиэл подумал, что, вероятно, были задеты чувства этой красивой великанши.

— Вы давно работаете у мистера Кимбера?

— Три года.

Он осторожно заметил:

— По-моему, совершенно естественно, что вы

расстроены из-за Луэлл Хансон.

Ее пальцы застыли на клавишах. Обернувшись, она изумленно посмотрела на него.

— С чего бы мне расстраиваться из-за нее. Я не расстраиваюсь ни из-за одной женщины мистера Сэма, пока она не попробует его как-то задеть. А если и заденет, думаю, он способен о себе позаботиться. Желать женщину — это мужское дело, и я не обязана это понимать, ведь так? Могу испытывать грусть, сожаление, оттого что так устроено, но это бремя, которое мужчина вынес из рая, вот он и грешит, а Бог сам решает, простить или нет. Не обязана я понимать и то, почему существуют женщины, которые соблазняют мужчин и превращают их в мальчишек с грязными наклонностями даже без церковного благословения, которое все-таки оправдывает перед Богом эти мерзости. Но я не желаю ничего знать о таких женщинах или интересоваться ими, мистер Станиэл. К сожалению, Луэлл Хансон умерла на полпути своих грязных замыслов, не успев проглотить мистера Сэма, который сейчас изображает печаль из-за неутоленного желания. Но это пройдет, появится новая, потом следующая, а когда его плотский огонь пойдет на убыль, стану молиться, чтобы он примирился с Богом и

очистился от греха.

Речь была произнесена певучим голосом и немного смахивала на церковную проповедь. Потом, мягко покачав головой, она добавила обычным тоном:

— Нет у меня никаких оснований расстраиваться из-за такой женщины.

— Простите, я не знал.

— Большинство людей не понимают. Но меня это не волнует. Меня-то грех не коснется, мистер Станиэл. Такая моя судьба, что вокруг толкутся парни, подмигивают, пялятся и пробуют лапать. Бог сотворил меня желанной для мужчин, чтобы так испытать. Я его агнец. Когда мне было пятнадцать, я два дня и две ночи простояла на коленях, спрашивала его, могу ли скрыть тело от всего света и провести жизнь в молитве. Но он повелел мне жить здесь, в миру, чтобы одолевать искушение и соблазн, потому что некоторые из искусителей еще могут обрести царство небесное. Мое тело — храм Божий, и я держу его в чистоте, благолепии, оно останется неосквернённым.

Она снова от распевной речи перешла к нормальному тону:

— Я и не надеюсь, что многие это поймут, мистер Станиэл.

— А мистер Кимбер понимает?

Она вздохнула:

— Так… немного. Только не позволяет мне читать ему мораль. Говорит, каждый должен идти своей дорогой и ко всему прийти в свое время. Господи, наверно, он нескоро поймет, на какой скверный путь вступил. Я иногда из-за мистера Сэма прихожу в отчаянье. Но потом выйду из дома, пробегу или проплыву километра два, устану как следует, тогда становится лучше. Вы, мистер Станиэл, вроде бы здоровый, сильный человек, но пока здесь сидите, выкурили уже две сигареты, это позор — сознательно вредить себе.

Энджи нахмурилась и потрясла головой:

— Хотела бы я знать, куда он подевался. Может, вовсе сегодня не явится. Ничего не могу вам обещать.

Пол поднялся.

— Можно мне позвонить попозже, вдруг вы узнаете что-то новое?

— Я попрошу миссис Ниммитс принести мне что-нибудь перекусить, так что буду все время на месте. Хотите, чтобы я ему сказала, по какому поводу вам нужно с ним встретиться?

Он улыбнулся:

— Все равно ведь скажете, не так ли?

— Естественно. Просто мне интересно, попросите ли, чтобы я ему ничего не говорила.

— Вы лучше знаете, что делать, мисс Пауэлл.

* * *

Без четверти одиннадцать Станиэл свернул на частную дорогу к владениям Хансонов у озера Ларра. Буйная тропическая растительность совершенно скрывала главное здание поместья, так что с дороги его не разглядеть; приблизившись, он увидел солидное нестандартное строение из кипарисового дерева, с белыми рамами. Низкое современное, пристроенное крыло вступало в контраст с линиями более древней части. Припарковавшись, Станиэл вышел из машины, посмотрел в сторону озера, где сквозь деревья проглядывал остов яхты. Обнаружилась извилистая тропинка — белая полоска среди висячих усов испанского лишайника. За яхтой переливалась голубая гладь озера. Отметив краем глаза машину Хансона на берегу, он направился к трапу яхты.

Когда он уже был на верхних ступеньках, на палубе появился Келси Хансон в голубых блестящих плавках и закричал:

— Ни шагу дальше! Что нужно?

Станиэл, остановившись, оглядел его. Хансон был мускулистый, загорелый парень, волосы, брови, ресницы его выгорели добела. Держался враждебно, высокомерно. Несмотря на некоторую полноту, лицо было довольно красивым. Напоминал телохранителя, изготовившегося вышвырнуть с пляжа пятидесятикилограммового бродяжку. Станиэл обратил внимание, что загар прикрывает физическую изношенность. Туловище уже заплывало жиром, и если бы не загар, лицо казалось бы опухшим, водянистым.

— Мне нужно поговорить о страховке вашей жены.

— А что с ней неясного?

— У меня несколько вопросов…

— Пришли их по почте, приятель.

— Это отнимет несколько минут вашего…

— Ты их уже использовал, приятель. Так что разворачивайся и вали вниз.

Станиэл усмехнулся про себя, вспомнив советы доктора, подошел к Хансону и громко, твердо проговорил:

— Вы глупец и бездельник, я расследую самоубийство вашей жены. Я не какой-нибудь коммивояжер, у меня контакты с полицией. Если и дальше станете глупить, так вас разогрею, что

глаза на лоб полезут.

Когда он поднялся на палубу, Хансон попятился.

— Что же вы сразу не сказали, приятель? — Именно это я сделал.

— Вы не представляете, сколько бродяг здесь слоняется, и все норовят… Послушайте, но Луэлл вовсе не покончила с собой.

— Вот это я и должен установить, и если вы в состоянии уделить мне немного своего драгоценного времени, мистер Хансон…

— Господи, у меня ничего и нет, кроме времени, старик.

Улыбка Хансона выражала и просительность, и похвальбу.

— Заходите, сядем где-нибудь в тени. Я не хотел вас оскорбить. Ничего дурного. В последнее время я живу в постоянном напряжении.

Станиэлу был понятен его недуг. Праздность. Похоже, Хансон не способен испытывать никаких подлинных чувств. Злоба, радость, любовь, ненависть, ревность — все эмоции испарились, подмененные притворством, судя по неуверенности в его глазах и по манере извиняться.

— Разумеется, ничего дурного, — подтвердил Станиэл, обмениваясь рукопожатием.

Они вошли в жилое помещение, где Пол отказался и от кофе, и от стаканчика. Они сидели в длинной гостиной, обшитой деревом, обставленной тяжелой, массивной мебелью. Здесь же находилась музыкальная аппаратура, каменный камин и большой бар.

— Что означает эта глупость насчет Луэлл? — спросил Хансон. — Кому стукнула в голову такая чудная идея?

— Пока можно говорить лишь о такой возможности. Насколько мне известно, вы не жили вместе.

— Уже около года.

— Вы считали ее виноватой в том, что ваш брак навсегда распался?

— Минутку, минутку, я вовсе не уверен, что он распался бы навсегда.

— Полагаете, она бы одумалась?

— Что ж, я надеялся на это. Она могла вернуться в любое время. Была ли Луэлл виновата? Наверно, оба мы наделали ошибок. Я слегка переборщил, и она меня застукала. Устроила из этого настоящий бедлам. Черт возьми, с этими девчонками ведь ничего серьезного не бывает. Просто… обычное дело. А Луэлл ничего этого не понимала, вроде бы и не знала привычек нашего круга. Сначала я

надеялся, что станет своей, и она, наверно, тоже так думала. Как бы то ни было, мы условились расстаться на год, и никто не докажет, что она ко мне не вернулась бы.

— А вы хотели, чтобы вернулась?

— Естественно!

— Несмотря на ее связь с Сэмом Кимбером? Хансон дернулся как от удара.

— Оказывается, вы здесь принюхивались, мистер… — Он посмотрел на визитку. — Мистер Станиэл. У вас нет никаких доказательств.

— Это несомненный факт, мистер Хансон.

— Наверно… наверно, так. Однако это такая вещь, о которой не хочется думать. Я просто не в состоянии представить. Луэлл была такая… осмотрительная. Разборчивая. Понимаете? Воспитанная. А этот Кимбер, он же в два раза старше ее, обыкновенный неотесанный мужлан. Не могу понять, как она напоролась. Месяцев шесть назад, когда о них стали сплетничать, я с ней говорил в последний раз. Хотел узнать, правду ли болтают. Но она ничего не отвечала. Очень вежливо, спокойно улыбаясь, напомнила о нашем уговоре. Пройдет, мол, год, и она скажет о своем решении. Я говорю: ходят слухи, что ты спуталась с Сэмом Кимбером. А она отвечает: всякое можно

услышать, если долго прислушиваться, потом села в машину и укатила. Тогда мы виделись в последний раз.

— Но она могла к вам вернуться, даже если все было правдой?

— Черт возьми, вам-то какое дело?

— Я лишь рассматриваю возможности, мистер Хансон. Что, если она хотела вернуться, но боялась, что своим романом с Кимбером все испортила? И тогда из чувства вины, угрызений совести утопилась.

— Как бы не так! Прекрасно знала, что может ко мне вернуться.

— Потому что если вы ее не примете, отец лишит вас наследства?

Хансон немного испугался:

— С кем это, к дьяволу, вы наговорились? Возможно, об этом болтали, но все неправда. Конечно, старина Джон угрожал, но так он говорит с тех пор, как мне исполнилось семнадцать. Да и мать никогда ему не позволит. С чего бы он решил именно теперь? Я бы ее принял обратно, потому что… мне хотелось, чтобы она вернулась.

— По-вашему, она была непостоянна в чувствах?

— Луэлл? Не сказал бы. Она все воспринимала

чересчур серьезно. И не очень веселилась. Не знаю, имеет ли это значение.

— Значит, и к мистеру Кимберу относилась серьезно?

— Наверно… да. Очевидно, серьезно.

— А если это он решил с ней порвать? Хансон в раздражении уставился на него.

— Не понимаю, о чем речь, черт побери? Я вообще понятия не имел, что она застраховалась. Кстати, кому достанутся деньги?

— Ее матери и сестре.

— Клянусь, Станизл, я не в силах представить, чтобы Лу покончила с собою, да еще таким способом. Она отлично плавала, не хуже меня. Нелегко утопиться, если чувствуешь себя в воде, как дома. Все инстинкты взбунтуются.

— Но это все-таки вероятнее, чем несчастный случай?

— В него тоже верится с трудом, но все ведь твердят об этом. Логичнее предположить, что кто-то ее утопил. Но и тогда полная бессмыслица. Полдень. То озеро не такое большое, как здесь. Откуда узнаешь, что тебя никто не видит. Оттуда, где утонула, видны дома на другом берегу. И как могли ее утопить, не оставив на теле никаких следов? Лу казалась хрупкой, но была сильной.

Может, перегрелась на солнце или отравилась чем-то и в воде потеряла сознание. Все, кому хотелось меня подколоть, сообщали, как она в последнее время хорошела. Может, принимала какие-то таблетки и перестаралась. Как, черт возьми, теперь это выяснишь?

— Если нам удастся найти основания для самоубийства, не придется платить страховку в двойном размере.

Хансон скривился.

— Понятно, приятель. С чего бы я стал помогать экономить ваши вонючие денежки?

— Деньги страхового агентства, не мои.

— Если б оставила письмо, избавила бы вас от хлопот.

— Возможно, и оставила.

— Кому? Ничего не понимаю.

— Кимбер здесь пользуется большим влиянием, может, ему не понравилось бы, если называют его имя в такой связи, вам не кажется?

— У вас что — не все дома?

— А если послала какое-то письмо вам, Хансон? И вы скрываете это, чтобы не выглядеть плохо в глазах общества.

Хансон сначала откровенно изумился, затем невесело рассмеялся.

— Разве можно выглядеть еще хуже, чем я сейчас? А Кимбер не такая уж важная птица, да никогда ею и не будет.

Он вдруг сменил тему разговора. Станиэл уже давно привык ничему не удивляться, но сейчас он начинал понимать, почему женщина, писавшая те письма, могла поначалу восхищаться Келси Хансоном.

— Я немало думал и кое-что понял, Станиэл. В основном, о возможностях, шансах. Когда они исчезают, легче всего сказать, что ничего не стоили. Я не понимал, что Луэлл — это соломинка для меня. Папа, наверно, знал. Что Лу была для меня шансом, я понял тогда, когда она от меня ушла, сообразил, что прозевал свой случай. Ну и сам себя уговаривал, что она, собственно, не нужна была мне. Но доводы рассудка не всегда действуют. Мне захотелось снова заполучить эту возможность по имени Луэлл. Так захотелось, что даже заболел. Не из-за папиных угроз, ради себя. Я ведь от себя не в восторге, Станиэл, сознаю свою никчемность. Решил: если пойму, отчего я такой, может, удастся найти выход… Записался на лекции, старался отыскать какой-то смысл в жизни. Если нашел бы хоть полуответы, хотел прийти к Луэлл, начать с ней другую жизнь. Но

эти ученые мужи не в состоянии дать ответы, не нашел я их и в мудреных книгах. Кинулся даже к психиатру, и тот после четырех сеансов объявил, что все дело в чувственной инфантильности, так как все мои проблемы за меня решали другие. И добавил: если лечиться психоанализом, может, года через два появятся результаты, но не обязательно. Тогда я вбил себе в голову, что добьюсь всего собственными силами. И не добился ничего. Изображал трагическую личность, чтобы охмурить несколько смазливых студенток, говоря себе: займусь сексом с теми, кто знает в нем толк, а может, у кого-нибудь из этих курочек позаимствую идею-другую. Но Лу умерла. И вся трагикомедия, которую я разыгрывал, потеряла смысл. И теперь не представляю, дьявол меня возьми, что с собой делать. Бедный богатый мальчик! Придется как-то доживать век. Как-нибудь.

Он страдальчески улыбнулся.

— И ни одна проклятая минута, приятель, из предстоящих лет меня не радует. Прошляпил я свой последний шанс.

— Пока не подвернется следующий.

— Где, парень?

Станиэл окинул взглядом комфортабельную гостиную с широкими окнами с видом на голубое

озеро.

— Где-нибудь, только не здесь. Вам тридцать? Лет через пять будете выглядеть на пятьдесят.

— Жаль, что я вообще начал этот разговор. Незачем нарываться на ваши комплименты.

Мерное жужжание кондиционера заглушил звук сильного мотора и три коротких гудка. Хансон быстро встал, вышел наружу, и Станиэл побрел за ним. Внизу, метрах в шести от них, покачивался на волнах роскошный спортивный катер из тикового и красного дерева. Женщина за рулем выключила мотор и засмеялась. Сзади ее важно восседали двое малышей в больших оранжевых спасательных жилетах, серьезно разглядывая их.

— Я сегодня за посыльного, дорогуша. У Лорны и у нас не работает телефон, у тебя, наверно, тоже. Вечеринка у Стю и Лорны — около пяти.

Веснушчатая нервная энергичная молодая женщина. Кокетливо передернув плечами, она добавила:

— Золотко, возьми к ним и своего молчаливого дружка.

— Он здесь из-за страховки, — отмахнулся Хансон, даже не думая их познакомить. — Потом расскажу.

— Мамочка, давай поедем быстрее, — попросил один из малышей. Женщина, согласно кивая, включила мотор и, сделав широкий разворот, исчезла, оставляя сверкающий водный след.

— Никогда не любила Лу, — заметил Хансон.

— Что вы сказали?

— Миссис Брай. Наши соседи. Лу для нее была пустое место. Помню, Лу объявила, что Сью совершенно примитивна. А чего она, к дьяволу, хотела от Сью? Чтобы та была советником в Белом доме?

Повернувшись к Станиэлу, посмотрел на часы:

— Сожалею, ничем не могу помочь, приятель. Сейчас у меня партия в теннис. Придется спустить с потом старую выпивку, чтобы залить новую. Когда Станиэл спускался по трапу, Хансон крикнул вслед:

— Что-нибудь узнаете, дайте мне знать.

— Если хотите.

— Хочу. Спасибо.

Станиэл отправился сразу в мотель. Барбары в ее номере не было. Оставив машину, он пешком пошел к центру и обнаружил ее у стойки в первой закусочной, попавшейся по дороге. Сначала удивившись, она встретила его милой теплой улыбкой.

Когда официантка, приняв его заказ, отошла, он тихонько сказал Барбаре:

— Вы могли бы оказать мне одну неприятную и, пожалуй, немыслимую услугу. Хансон принял меня за пронырливого наглеца. Вы могли бы подтвердить это?

— С удовольствием.

— Спасибо. Стю и Лорна. Это супруги Кивер?

— Да.

— Может, звякнете им, скажете, что чувствуете себя одинокой, напроситесь на выпивку и ужин. Когда общество разогреется, начните ворчать на меня, возмущаться тем, что я хочу доказать. Потом попытайтесь навести Келси на мысль, что убийство, как ни абсурдно, выглядит вероятнее, чем самоубийство. Затяните всех в эту игру, если удастся.

— Пол! Не думаете же вы, что кто-то из них…

— Нет. Но они здесь живут. Мы — нет. Здесь две возможности. Может, в разговорах выплывет нечто, проливающее свет на мотивы. Запоминайте все, что услышите. А завтра все сказанное разнесется по городу и опять может принести новости. Справитесь?

Она протянула руку ладонью вверх.

— В чем дело?

— Давайте десять центов. Нужно ведь позвонить им. Вернулась очень довольная.

— Она обрадовалась моему звонку — значит, телефон у них заработал. Стю заедет за мной в половине пятого по дороге домой и отвезет обратно, когда все разойдутся.

— Если там что-то произойдет, найдите телефон, позвоните мне в мотель, выходите на дорогу, ждите — я за вами приеду.

— Постараюсь, Пол. А сейчас передо мной… я бы сказала, трудное дело. Келси сказал, чтобы я позаботилась о вещах Лу. Я сама должна решить, что переслать ему. Звонила миссис Кэри, и она сказала, что даст ключ в любой момент. Вещи с пляжа принесли в квартиру. И ее машину туда подогнали. Я говорила по телефону с Уолтером Эннисом, ее адвокатом. Вполне любезный человек. Он устроит, чтобы я получила деньги по ее чековой книжке. Говорит, их немного, чуть больше восьмидесяти долларов. Нужно найти документы на машину, передать ему их вместе с ключами, он ее продаст. И нужно отобрать вещи, которые… послать домой, об остальных он тоже позаботится. Но мне очень нелегко… идти в ее квартиру, Пол.

— Мне бы тоже хотелось туда заглянуть, если

не возражаете.

— Я надеялась, что вы пойдете со мной.

— Только, возможно, мне придется на минутку оставить вас там одну.

— Это ничего. Нужно только начать, перешагнуть порог, а дальше я справлюсь.

— Тогда за дело.

Глава 6

В половине третьего Станиэл должен был встретиться с тем человеком, который первый обнаружил, что Луэлл Хансон, вероятно, утонула. Уиллард Мапл с семейством проживал в многоквартирном доме километрах в трех от озера Фламинго. По улице и во дворах с визгом бегали, носились на велосипедах дети. Мапл оказался тощим мужчиной лет тридцати с запавшими щеками и бледной татуировкой на обеих худых руках. Когда явился Станиэл, он подстригал кусты. Они зашли для разговора в тень гаража.

— В тот день, мистер Станиэл, моя смена кончалась в полдень. День был жаркий, прихожу я домой, а Пег говорит: поедем искупаться. Ладно, говорю. Но пока мы собирались, обедали, да еще Пег договорилась с сестрой, что по дороге заедем за ними, получилось, что добрались до озера минут двадцать второго. Пит и Эм, да один их ребенок, наших трое детишек да мы вдвоем — все втиснулись в наш старый фургончик. К озеру ведут три тропинки, и мы делаем так: если один пятачок заполнен людьми, спускаемся по второй дорожке и так далее. Но там была только

одна машина, так что нас устраивал этот пляж. Фургон я приткнул в тень, вытряхнулись из него, забрали вещи и спустились к берегу. Там было расстелено полотенце, рядом пляжная сумка, дамские сандалии, радио играет, и нигде никого. Сначала мы ничего плохого не подумали, да еще четверо ребятишек устроили бедлам, с криком носились вокруг трухлявого пня, они, видите ли, спрятали там в прошлый раз какие-то сокровища. Пит уверял, что какая-нибудь парочка на минутку заскочила в кусты. Но моя Пег заметила женские следы, они шли к воде по песку, накануне прошел дождь, и следы хорошо заметны. Тут уже стало страшновато. Мы хорошенько осмотрелись вокруг — никого. Стали кричать по одному, а потом все вместе. После этого и детишки примолкли, и мы заговорили вполголоса. Пит сказал: хорошо же мы будем выглядеть, если поднимем крик, что кто-то утоп, а потом окажется, этот кто-то на лодке перебрался на тот берег. А Эм говорит: если уехала, почему не выключила транзистор, а? Тогда мы с Пег остались на пляже, а Пит вместе с Эм и детьми на фургоне поехали к бензоколонке. Оттуда по телефону сообщили: похоже, какая-то миссис Хансон утонула, сказали где. Имя мы уже знали, потому что посмотрели

в ее сумочку, которая лежала в пляжной сумке. Как мы договаривались, Пит отвез Эм с детьми домой и вернулся так быстро, что поспел раньше спасателей, но уже набежало несколько зевак, они передали другим, и началась давка. Может, то, что я скажу, покажется ужасным, но когда все сбежались, я больше всего боялся, что подойдет по берегу та сумасшедшая баба и спросит, что здесь, черт побери, происходит. Ну, когда спасатели приготовились, появляется лодка, и рядом парень в очках для нырянья и с ластами. Парень орет, все на него смотрят, а он плывет на боку и что-то тащит. Бросились ему навстречу, парень был крепкий, но когда встал на дно и хорошенько разглядел, что приволок, кинулся в сторону, и его вырвало. Давали ей кислородную подушку, но и с двадцати метров было видно, что это мертвому припарки. Прикрыли ее, положили в “скорую”, а народу собралось столько, что им пришлось включить ту чертову гукалку, чтобы выбраться оттуда. Помощник шерифа сказал, что мы с Питом должны дать показания, раз это мы заявили о несчастье, поэтому мы поехали в контору шерифа, ответили на вопросы и все подписали. С тех пор мы там не купаемся и вряд ли туда поедем когда-нибудь. После таких историй и вода

кажется другой. Как вспомню, так вроде слышу, как наяривает приемник, а она уже мертвая под водой. Я столько раз уже все рассказывал, что вряд ли что-нибудь пропустил.

— Вы сами видели следы босых ног?

— Все их видели, хорошо рассмотрели.

— Она бежала к воде?

— Нет. Не сказал бы. Просто сложила вещи и спокойно пошла в воду, по-моему, ни быстро, ни медленно. Ровный шаг, всего пять следов, последний на самом краю, даже пальцы чуть-чуть размыло.

— Из тех трех спусков к озеру эта дорожка лучше других?

— Ну, там больше места для парковки и машину легко развернуть. Если, скажем, там было бы четыре машины, наверно, мы проехали бы дальше, но если три или меньше, места хватит. И песок получше. Иногда привозят лодки и спускают там в воду.

— Когда вы подъезжали, не заметили — кто-нибудь возвращался по этой дороге?

— Место там открытое, я бы увидел любую машину, отъезжавшую по этим трем дорожкам. Когда выбираешь, не переполнен ли пляж, на такие вещи обращаешь внимание.

— Вот рисунок того пляжа, мистер Мапл. Будьте любезны, отметьте на нем, где находилось полотенце, приемник, пляжная сумка и ее машина.

— Отличная работа. Машина была здесь, капотом точно у этого дерева, с левой стороны пляжа. Полотенце аккуратно расстелено тут. А пляжная сумка на траве у кромки песка, приемник прислонен к сумке в тени этого дерева. Сандалии стояли точно у полотенца — одна прямо, а вторая, перевернутая, на первой, будто она их просто сбросила.

— Благодарю вас, мистер Мапл. Вы исключительно наблюдательны и очень мне помогли.

— Только не ей. Пег твердит: если бы не возились так с обедом, могли бы добраться туда к половине первого, я же отлично плаваю, так кого угодно вытащил бы из воды, если недалеко от берега. А она-то была рядышком, самое большее — метров двенадцать — пятнадцать. Но сколько ни повторяй “если бы”, ничего уже не изменишь.

* * *

Когда Станиэл позвонил в контору Кимбера третий раз, Энджи Пауэлл сказала, что он может заехать к шести, но, возможно, придется немного

и подождать. В половине четвертого он подъехал к квартире Луэлл. Барбара старалась держаться непринужденно, однако чувствовалось, как она напряжена. Она сидела на кухне, перед ней на столе стояла металлическая шкатулка с замочком и коробка с бижутерией.

— Нужно, оказывается, разобрать гораздо больше вещей, чем я рассчитывала. Наверно, придется закончить завтра. Это я нашла в платяном шкафу, а в коробке был ключик. Вот бумаги на машину для Энниса. Личные документы. А это что? Бумага на акции, которые ей устроил Кимбер?

Станиэл рассмотрел ее.

— Это копия договора между компаньонами. Здесь указано, что ей принадлежит двенадцатая часть недвижимости.

— Она получала девяносто долларов в месяц. Как с ними? Он нашел соответствующий пункт контракта.

— Партнеры выкупят ее долю за ту сумму, которую она вложила. Семь тысяч.

— И кто их получит?

— Завещания, вероятно, вы не нашли?

— Нет.

— Тогда, наверно, достанутся Хансону.

— Боже, ведь это несправедливо!

— Возможно, он откажется. Этот контракт вам тоже следует передать Эннису. Очевидно, ему понадобится от Хансона что-нибудь вроде заявления об отказе.

Через стол она протянула ему два кольца — обручальное и свадебное.

— И эти перстни. По-моему, этот бриллиант дорогой. Взяв его в руки, Станиэл постарался вспомнить двухчасовой семинар для полицейских, посвященный драгоценным камням. Пожалуй, один карат. Высокая огранка, чисто-белая.

— Очевидно, весьма дорогой.

— Нужно вернуть ему?

— Почему вы спрашиваете меня, Барбара?

— Ненавижу жадность, желание заграбастать. Поэтому готова к сентиментальным жестам. Ладно, плевать, здесь действительно мало стоящих вещей. Когда ушла от него, оставила все, что он ей покупал. И свадебные подарки от его друзей. Такая она была. Все еще не могла решиться, требовать ли от него законное содержание. Гордая была. Наверно, это и мой недостаток. Чрезмерная гордость. Хотелось бы отослать Келси его вонючий бриллиант, ну а вдруг за него можно получить тысячу долларов? Мамины счета от врачей ужасны. И станут еще больше.

— Так оставьте его себе.

Она несмело улыбнулась.

— Именно такое подтверждение мне требовалось. Спасибо. Обручальный перстень ему верну, там внутри инициалы. Он тоже с неплохим камешком. Компромиссное решение. Их в моей жизни полно. А вот здесь куча фотографий, отошлем ему. И свидетельство о браке — в его сундук с трофеями. Вечером можно забрать с собой, и сразу отдам. Мебель чужая, взята в аренду. Не так уж много придется отправить домой пароходом. Пара багажных мест, ни серебра, ни гардероба.

— Когда все подготовите, я позабочусь об отправке.

— Спасибо, я лучше заберу с собой, заплачу за лишний вес, если потребуется. Наверно, нужно сказать миссис Кэри, что завтра приду опять. И она опять устроит, прежде чем впустить, целый спектакль.

— Она не дала вам ключ?

— У нее только один.

— А где ключ вашей сестры?

— Я не нашла.

Нахмурившись, он подошел осмотреть входную дверь. Замок при уходе нужно было закрывать снаружи.

— В чем дело. Пол?

— Не понимаю. Значит, ключ она взяла с собой на озеро.

— Но его нет нигде: ни в кольце с ключами от машины, ни в косметичке, ни в пляжной сумке.

Он поднял трубку — телефон не работал.

— Если подумать, — сказала Барбара, — в этом есть что-то странное.

— Ключ мог оставить у себя шериф Уэлмо. И мне хотелось бы его об этом спросить.

* * *

Оставив Барбару в мотеле переодеваться для вечеринки у Киверов, Станиэл позвонил Уэлмо.

— Это ваш личный телефон, шериф?

— Говорите смело, Станиэл.

— В ходе расследования, шериф, вы составили опись вещей Хансон, обнаруженных у озера?

— Не очень подробно. То есть без деталей вроде румян, помады и прочего. Но деньги, конечно, описали. Шесть долларов с мелочью. И приемник, и все остальное.

— Был там ключ от квартиры?

— Дайте вспомнить... нет, не было. Я еще его искал.

— Вам не показалось, что он должен был быть.

— Куча людей ни разу за год не запирают двери.

— Я справлялся у миссис Кэри. Луэлл всегда при уходе запирала замок. Ее дверь необходимо закрывать ключом — там нет защелки. Вы не помните, ключи от машины оставила в зажигании у озера?

— Подождите-ка. — Через минуту Уэлмо объявил: — Были там. Два ключа от машины и два других на втором кольце. Но ни один из них не подходит к входной двери квартиры. Не знаю, от чего они.

— Один, вероятно, от приемной доктора Нила. Миссис Кэри уверяет, что ключ от квартиры Луэлл носила на этом кольце. Несколько раз Луэлл открывала дверь в ее присутствии.

Уэлмо долго молчал, а потом Станиэл услышал глубокий вздох и голос:

— Мне бы очень не хотелось, Станиэл, чтобы вы раздували историю из такой глупости.

— Я не собираюсь ничего раздувать. Просто хочу знать, куда этот ключ подевался. Как видите, расширяется поле для поисков возможных мотивов.

— Вряд ли у нее было что-нибудь ценное. Могу вам сказать, у кого этого ключа нет. У Сэма

Кимбера. На другой день после ее смерти он уговорил меня дать записку для миссис Кэри, чтобы впустила его в квартиру взять какие-то личные бумаги, подготовленные для него Луэлл. Насколько мне известно, он это и сделал — взял их.

— Или сказал, что взял.

— В это время года у вас, кажется, немного работы, правда?

— Что вы имеете в виду?

— Если вам все нужно разжевывать, вы этого и не поймете. Скорее всего исчезновение ключа объясняется совершенно просто. Вы уверены, что способны определять улики?

— Шериф, я звоню вам не потому, что обнаружил улику для возобновления расследования. Просто нужно было задать вопрос. Если узнаю что-то новое, непременно сообщу вам.

— Будьте так любезны.

Положив трубку, Пол растянулся на гостиничной постели и принялся проверять на прочность свои предположения. Икс — вот неизвестное в уравнении, тот, кто ее утопил. Икс должен был знать, что в квартире Луэлл имеется нечто ценное. Должен был идти за ней к озеру либо назначить там свидание. Утопить ее, не оставив при этом ни единого следа на ней или на пес-

ке вокруг. Должен был знать, который из трех ключей снять с колец, и еще до этого выяснить, как незаметно проникнуть в квартиру. Но если ему нужно было забрать что-то из квартиры, необходимо было сначала ее утопить? Да, так как иначе одна Луэлл знала бы, кто забрал это нечто из ее квартиры.

Или, может, Икс вообще заранее ничего не планировал, убил ее под влиянием момента, а потом действовал по наитию, и ему повезло.

Ключ украли, позаимствовали, или он потерян. Либо его забрали позже. Либо желание Кимбера попасть в квартиру было просто предлогом, маскировкой.

В прошлом он строил версии гораздо прочнее этой и отвергал их, считая ошибочными, притянутыми, ведущими к абсурду. Но сейчас нутром чувствовал, что нынешняя гипотеза обоснована. Что-то свербило от нее в затылке. А это, подумалось ему, необходимое для сыщика состояние — свербящий затылок.

А может быть, этот ключ стал для нее символом всех неудач в жизни, вот она и забросила его в кусты и отправилась искупаться. И, качаясь в волнах, решилась на отчаянный шаг, сделав первый судорожный глоток озерной воды.

Убийство обычно происходит иначе. Обычно кто-то сидит оглушенный в разгромленной, залитой кровью кухне, в ужасе бормоча, что он вовсе не хотел этого сделать.

Нельзя примешивать к расследованию чувства. Очень быстро проделать, что нужно, перевести дыхание и навести порядок.

Но тут, подумал он, впутаться очень легко. Например, когда сейчас стараешься представить, как мягкие прядки волос Барбары облегают маленькое ушко, как плавная линия ее бедер переходит в тонкую талию.

Строгая, искренняя девушка, с большими запросами, сложная, очень чуткая. Насколько все проще с глупенькими, загорелыми, беспечными девочками на майамских пляжах, с готовностью виляющими бедрами, — средством расслабиться на пляже и в баре для экс-полицейского, угнетенного ежедневным вылавливанием карманных воришек в торговом центре. Такая девушка требует живого сердца и настоящих цветов, а в его распоряжении лишь марципан и воск.

И кто такой, черт побери, этот Роджер?

Неожиданно из подсознания выплыла уверенность, к чему подойдет второй, неопознанный ключ — к замку на даче Кимбера.

И разговор с Сэмом Кимбером стал неизбежен.

Сэм Кимбер начинал обретать определенность. Станиэл чувствовал, что этого человека нельзя недооценивать.

Джес Гейбл сидел без пиджака, в белой рубашке, обсыпанной сигарным пеплом. Стол Сэма покрывали разложенные бумаги, а его хозяин, прикрыв глаза, развалился на большом диване, обитом красной кожей, с жестянкой пива в руке. Брюки и легкая рубашка были измяты, а впалые щеки и узкая челюсть заросли суточной щетиной.

Джес посмотрел на него с досадой:

— По-моему, Сэм, ты вроде и не слушал, как нужно разматывать дело. Тот лениво отозвался:

— Ты провернул хорошую операцию и, понятно, хочешь довести дело до конца. Хорошо, Джес. Деньги им отдадим. Только не кипятись. Джес подошел к дивану, посмотрел на него сверху вниз:

— Не в этом дело. Естественно, деньги они получат — всегда получают. Дело в том, как их достать наилучшим образом. А это означает, что проблемой нужно заняться немедленно. Я уже все продумал, но ты, похоже, меня даже не слушаешь.

Кимбер зевнул.

— Пожалуй, мне лучше слушать сидя, иначе

от тебя не избавиться. Джес, придвинув стул к дивану, уселся лицом к Сэму.

— Ты не можешь продать ни одного участка, так как тебя сразу объявят торговцем землей, и все, что получишь, уйдет в налоги как чистая прибыль, понимаешь? А достались тебе земли страшно дешево. Если сейчас раздобудешь четверть миллиона для уплаты, твои налоги за этот год подскочат на двести двадцать тысяч, так что опять ты в проигрыше.

— Звучит все ужасно, — проворчал Сэм.

— Значит, будем действовать так: берем участок у озера Фламинго и кусок земли за ручьем Битлс, объединяем их вместе. Если попытаемся сами связаться со строительной фирмой в Джэксонвилле, это объявят мошенничеством. Поэтому быстренько оглядимся и подыщем типов, у кого есть деньги и они ищут участки. Дадим им понять, что могут заиметь эти участки, если включат тебя в дело. Пусть начинают строить, а потом за участки расплатятся акциями. Ты должен рискнуть, Сэм, потому что ты завяз. Потом вложишь в строительство такую же долю, как Чарли Диллер, для этого возьмешь такой кредит, чтобы выплатить и налоги. А дальше, когда пройдет время, можешь продать акции, вернуть долг

и получить хорошую прибыль.

— Предположим.

— Сэм, ты меня внимательно слушал?

— По-моему, кто-то может получить отличные участки безо всякого риска. Ведь все нужно оформлять документально, парень. Возможно, я несколько утратил интерес к делам, но из ума не выжил. К черту, нужно поискать другой выход, получше.

— Ну конечно! — гневно воскликнул Джес. — С тебя же не спускают глаз, как ястреб с цыпленка. Я тебе откровенно скажу, Сэм, а я в своем деле заработал доброе имя, если попытаешься ловчить, я умываю руки. Ты серьезный, ценный клиент, заплатил мне кучу денег, но если задумаешь обойти закон, ребята из управления решат, что мы подготовили дело вместе. И как они станут ко мне относиться? Послушай, Сэм. Поверь мне! До конца своих дней ты обязан оставаться незапятнанным, чистым…

— Как лилия, Джесси, как лилия.

Сэм, нехотя поднявшись, швырнул пустую жестянку от пива в корзинку для бумаг. Вышел в приемную широкими, неторопливыми шагами, так что Джесу пришлось поспешить за ним чуть ли не вприпрыжку.

— Идите домой, Энджи, — бросил Сэм, обойдя стол секретарши.

— Как только закончу.

Сэм прошел в свою холостяцкую квартиру, сопровождаемый Джесом, наступавшим ему на пятки, достал из шкафа чистую одежду, бросил ее на огромную кровать.

— Сэм, нужно, чтобы ты лично мне обещал действовать разумно, в рамках закона.

Сэм, медленно расстегивая пуговицы грязной рубахи, произнес:

— Летом человеку хочется смыть с себя грязь, он берет кусок желтого мыла и идет к ручью, где вода по-настоящему глубокая, темная. Только там комары, огромные, как колибри, с жалом вроде сверла. Обычные комары меня не тревожат, а те бестии вонзаются до костей.

— Я ведь стараюсь только…

— Знаешь, что сделал бы ты? Вонял бы от пота, но не позволил себя даже кольнуть.

Он прошел в ванную с Джесом и, сбросив одежду, белье, носки, кинул их в кожаный мешок.

— Когда-то я подобрал у дороги журнал о гигиене жилья, какая-то туристка вышвырнула из окна машины, в нем была картинка с огромнейшей, белейшей, сверкающей ванной. И я поклялся

когда-нибудь заиметь такую же — ароматное мыло, и большие мягкие щетки с длинной ручкой, и полотенца — огромные, с простыню, мягкие, словно девичья кожа. Отмочу и отмою каждую складочку тела и останусь там на все лето.

Регулируя температуру и напор воды в струях душа, он с какой-то неопределенной улыбкой повернулся к собеседнику и продолжал среди пара и шума воды:

— Смешно, когда парень надрывается, как идиот, чтобы оборудовать лучшую ванную во Флориде.

Встав под душ, задвинул стеклянную дверь огромной кабинки, и Джес Гейбл огорченно побрел обратно в спальню, а оттуда в кухню. Открыл банку пива, мучаясь чувством вины: этот проклятый Кимбер может наливаться пивом весь день, а живот остается плоским. Он же прямо физически ощущал, как каждый глоток пива прибавляет неизбежный грамм веса и жира, от которого ему не избавиться.

Через несколько минут он снова прошел в ванную. Сэм, стоя над раковиной, завернув вокруг бедер полотенце, брился обычной безопасной бритвой. Зеркало было подвешено высоко, и огромная раковина из нержавеющей стали то-

же была закреплена в соответствии с ростом Кимбера. Джес всегда испытывал раздражение в квартире Сэма, чувствуя себя не на месте, словно карлик. На длинной спине Сэма виднелись редкие черные волосы, под смуглой кожей перекатывались мускулы. Ноги покрыты густой растительностью.

— Где ты был весь день, Сэм?

— Ездил на дачу.

— Я тебя много раз пытался там застать.

— Несколько раз я слышал звонки. Не хотелось подходить.

— И что там делал?

— Немного побродил. Встал на рассвете. Поймал в пруду ерша, но пока разделал, поджарил, аппетит пропал. Продам ее, наверно.

— Только не теперь. В этом году ты не можешь себе позволить продавать любую недвижимость.

Сэм ополоснул бритву, вытер ее, вложил в футляр и, поплескав в лицо холодной водой, спросил:

— Как ты относишься к тому, что я хочу от нее избавиться?

— Только не отдавай в частные руки, Сэм.

— А что скажешь насчет скаутов?

— Нужно посмотреть, сколько тебе это при-

несет.

— Давай проворачивай. — Джес вышел вслед за ним из ванной. — Я просто больше там не покажусь — никогда.

Он надел голубую рубашку, синие брюки. Прошел на кухню и, не спрашивая Джеса, налил в стаканы — огромные, массивные, старинные — две изрядные порции неразбавленного виски со льдом. Один подал Джесу, подняв свой в приветственном жесте, сделал глоток и произнес:

— При полном параде, а идти некуда.

Взглянув на собеседника со странным выражением, с хмурой иронической улыбкой добавил:

— И я уже старый мужик.

— Ну что ты, Сэм!

Джес пошел за ним в гостиную. Повалившись на диван, Сэм сказал:

— Когда все здесь уляжется, отправлюсь куда-нибудь к черту на кулички, может, к берегам Чили, и попытаюсь выловить там столетнего тунца, о котором рассказывают байки.

— Что ж, возможно, удастся договориться с отделом морской биологии в Майами, чтобы тебе предоставили скидку. Попробую, Сэм. Сэм покачал головой.

— И все испортишь!

— Ты мне платишь, чтобы я заботился о подобных вещах. И я сэкономил тебе в десять раз больше, чем ты мне заплатил.

— Сегодня вечером я, возможно, махну в Орландо навестить рыженькую малышку, у которой не был уже три года. На это ты тоже устроишь мне скидку, Джесси? А вдруг случится так же, как с той жареной рыбиной? Когда все подготовлено, аппетит пропадает.

— Я только хочу убедиться, что будешь действовать по моему плану.

— Подумаю.

Джес, сидя на стуле, склонился к нему, держа стакан между коленями:

— Сэм, я могу быть с тобой абсолютно откровенным?

— Попробуй, посмотрим, что выйдет.

— Ты согласен, что я не совсем слабоумный?

— Только не в своей профессии, Джесси.

— Я вынужден напоминать об этом, так как ты чересчур беспечно относишься к своей финансовой ситуации. Черт возьми, я понимаю, четверть миллиона ничто по сравнению с твоим общим имуществом, если ликвидировать недвижимость постепенно и осторожно, в течение длительного времени. Но сейчас, сразу — это серьезно.

Согласен?

— Пожалуй.

— И еще не напоминал потому, что не нуждался ни в каких твоих рассуждениях. Думаю, я тебя хорошо знаю. Ты ведь себе на уме, многое скрываешь. Никогда не говоришь всей правды.

— Какой интерес показывать козыри и играть с открытыми картами?

— Сэм, мне нужно знать, что твой общий балансовый отчет, который мы сделали, является исчерпывающим. Не прерывай меня. Я же не круглый идиот. Заглянул немного назад, на несколько лет. Попробовал пересчитать общую стоимость тем методом, которым иногда пользуются парни из налогового управления: берут сумму доходов без налога, вычтут примерные текущие расходы и сравнивают остаток с цифрами в отчетности. Мне бы не хотелось, чтобы такой метод испробовали на тебе, Сэм.

Кимбер шевельнулся.

— Теперь я весь во внимании. Давай дальше.

— Я просто… думаю, что у тебя за пазухой заначка. Не знаю — сколько. Вероятнее всего, наличными. Может, только пятьдесят тысяч, а может, и сто пятьдесят. Меня это тревожит.

— Это ты меня тревожишь, Джес.

— Любую сделку, любой твой шаг будут проверять. И не надейся, что сможешь использовать хотя бы один из припрятанных долларов так, чтобы они не заметили. В общем, повторяю: сейчас не время ловчить.

Сэм, кинувшись к Джесу, обхватил ручищами его плечи и поднял со стула. Стакан выпал из парализованной руки Джеса, и от неожиданности, от боли Гейбл пронзительно завизжал. Выпрямившись, Сэм держал его в воздухе, почти вплотную приблизив к себе напуганное лицо Джеса, так что тому были видны набухшие мускулы на руках Сэма и жилы на шее. Со зловещей улыбкой Сэм тихо спросил:

— И где же я держал эту кучу денег?

— В… в на-надежном месте. Господи! Пусти меня!

— Например?

— Не знаю! — в отчаянии завопил Джес. — Видит Бог, не знаю!

— Скажу тебе одну мелочь, — четко, с угрозой произнес Сэм. — Здесь полная звукоизоляция. По-моему, ты врешь. Даю тебе шанс назвать то определенное место, где, по-твоему, я спрятал деньги. Если соврешь, переломаю все твои жирные пальцы на левой руке — один за другим. А

потом задам вопрос снова.

— Мы же знакомы уже…

Стальные пальцы вонзились глубже в его плечи.

— Давай говори!

— Боже милостивый, Сэм! Ты их отдал Луэлл!

Пронзив его взглядом, от которого Джес похолодел, Кимбер разжал огромные руки, и Гейбл ударился пятками об пол, так что даже прикусил кончик языка. Вздохнув, он опустился на пол, как усталый толстый ребенок. Двигая онемевшими пальцами, ощутил в них мурашки. “Боже милостивый!” — пробормотал он, всхлипнув в голос, так что этот резкий звук напугал его самого.

Сэм, присев на корточки, посмотрел ему в глаза:

— Разберемся в этом как следует, мистер Джес Настоящий, абсолютно до конца.

Джес вздохнул.

— Я буду защищаться.

— За минуту от тебя останется труп, лучше начни. Джес, все еще считая его слова шуткой, взглянул Сэму в глаза, но на его влажном, застывшем сером лице оставалось то же грозное выражение.

Он судорожно сглотнул.

— Когда я почти уверился, что у тебя есть наличные, начал думать, куда ты их дел. Ведь не будешь держать их в сундуке под замком. Вспомнил про одну твою поездку без всякой видимой причины и решил: ты куда-то за этим съездил и привез сюда. Вероятно, где-нибудь спрятал. Может, здесь, может, на даче. Я долго пытался угадать. Честное слово, Сэм, просто так… если засядет в голову заноза, не успокоюсь, пока не выясню. Характер такой. Мне нужно было просчитать, существует ли угроза обвинения тебя в мошенничестве, не грозит ли тебе тюрьма. До тюрьмы ты не дойдешь. Но тебе необходимо ездить по делам. Не мог же ты возить деньги с собой, пришлось бы их спрятать у кого-нибудь, кто быстро доставит их тебе, если запахнет паленым. Чем больше размышлял, тем скорее росла уверенность, что этот "кто-то" — Луэлл. Вот я и решил ей намекнуть. Если деньги не у нее, она просто меня не поняла бы. А если у нее — убедился бы.

— Тебе нужно было убедиться просто так. Когда же ты додумался?

— Недели три назад. Ты тогда ездил в Тампу. Я записался на прием к доктору Нилу и сидел один в приемной. Наклонился к Луэлл, шепнул ей на ухо: "Надеюсь, вы это надежно укрыли?" Если бы

она стала недоумевать, я сказал бы, что имею в виду свою врачебную карту. Но Луэлл испугалась, раскрыла глаза и автоматически ответила: “Конечно, это в…”, но осеклась и закончила: “О чем это вы?” Но было уже поздно. Я пошел ва-банк, сказал, что говорю о тех деньгах. Закусив губу, она заявила, что ты ее уверял, будто о них никто не знает. Я занервничал, испугался, что расскажет тебе, как я ее подловил. И тут меня вызвал доктор; когда он меня отпустил, я ее подождал и пригласил выпить кофе. Объяснил, что я стараюсь как можно лучше защищать твои интересы в этой истории с налогами, а ты такой тип, с тобой трудно работать, потому что всегда что-то скрываешь. Рассказал, что догадался — где-то прячешь наличные, сообразил, что передал их на хранение ей на случай, если дело решится неудачно. Эти деньги ее потрясли: она не знала, сколько их, но была уверена, что они чужие, не твои.

— И ты открыл ей глаза — объяснил, что я прячу деньги от налогов.

— Нет, Сэм! Ей-богу, как только услышал, что ей говорил ты, держался твоей версии. Она мне обещала не вспоминать о нашем разговоре. Думаю, она встревожилась из-за денег, но потом успокоилась. Я сказал, что мы давно уже сотрудничаем,

и моя единственная забота — защитить тебя.

В голове Джеса мгновенно вспыхнула ослепительная молния, в ухе раздался болезненный звон, на губах появилась кровь. Лишь усевшись опять, он понял, что Сэм его ударил. Он даже не заметил молниеносного движения огромной руки.

— И ты, конечно, похвалялся, Джесси, какой ты сообразительный. Перед кем?

— Не говорил ни слова! Клянусь, никому не сказал ни словечка! Старался вообще забыть об этом, чтобы иметь свежую голову для сражения с ребятами из Джэксонвилла.

Кимбер, все еще сидевший на корточках, медленно поднялся, протянул руку, и Джес испуганно отшатнулся.

— Давай поднимайся, — успокоил его Сэм.

Джес ухватился за протянутую руку, и Кимбер дернул ее с такой силой, что Гейбл взлетел над полом, подтащил к креслу и швырнул. Задыхаясь, Джес вытащил платок, вытер лицо.

— Откровенно говоря, Сэм, за все пять лет никогда не видел тебя таким…

— Наверно, я вышел из себя, Джесси.

— Тебе не следовало бить меня.

Сэм подошел поближе.

— Это совет?

Лицо его по-прежнему было пепельно-серым, болезненным.

— Я только хотел…

— Ты вообще не понимаешь, в чем дело, идиот. Луэлл умерла, а те деньги исчезли.

Джес, раскрыв рот, снова вытер лицо, повторил машинально:

— Исчезли.

— Сто шесть тысяч долларов наличными. Лет тридцать тому назад я нанялся ловить омаров, и шли мы под парусом в Ки-Уэт. Один швед из Сент-Питерсберга выиграл на палубе всю наличность — восемнадцать долларов, мы не прошли и километра, как кто-то проткнул его ножом и обобрал.

— Но это же не означает, что…

— А что это, по-твоему, означает?

— Может, она спрятала их получше, чем ты думал, Сэм.

— Они исчезли.

— Я… не знаю, что и думать. Это же… куча денег. Потерять их вот так…

— Я потерял не только деньги.

— Не понимаю, какая связь между этими двумя событиями.

— Должен был кому-то рассказать, какой ты сообразительный и ловкий.

— Сэм, клянусь, никому даже не заикнулся. Может… может, она сама кому-нибудь рассказала. Вероятно, была взволнованна, хотела посоветоваться.

— Это ты ее взволновал.

— Сэм, я старался ради тебя.

Кимбер, испытующе глядя на него, кивнул и произнес, размышляя вслух:

— У тебя просто не хватило бы смелости забрать их или нанять кого-то для этого. Но ты действовал у меня за спиной, подловил и взволновал мою девочку.

— Сэм, я только…

— Довольно с меня твоей помощи, Джесси. Достань из своей картотеки все бумаги, имеющие хоть что-нибудь общее с моим именем, все, что имеет ко мне отношение, и завтра до конца рабочего дня передашь их Энджи.

— Подожди хоть минуту!

— Твой контракт на аренду истекает в этом году, но будет лучше, если ты уберешься из моего здания сразу же, как найдешь новое помещение.

— Сэм, ты сошел с ума.

— Когда бы ты ни встретил меня, переходи на другую сторону, понимаешь?

— Выслушай меня!

— Что ты можешь сказать?

— Сэм, я тебе нужен. По части налогов никто для тебя столько не сделает. Я получаю все сведения из первых рук и продумал в деталях, как выбраться из твоей ситуации. Умоляю, пораскинь умом. Не поддавайся чувствам. Остынь и подумай несколько дней. Что я такого ужасного сделал?

— Позволь мне тебя выпроводить, Джесси.

— Ты подумаешь?

— Именно это я сейчас делаю.

— Не нужно спешить. Может случиться… я ведь могу шепнуть людям из налогового управления, какие суммы исключил из твоего сводного отчета и на что смотрел сквозь пальцы.

— С каждой минутой я узнаю о тебе все больше, Джесси. Джес Гейбл направился к двери, вздрогнул, когда Сэм небрежно обнял его рукой. Так они вышли в приемную. Энджи стучала на машинке, в сторонке сидел незнакомый мужчина в светлом костюме. Джес хотел повернуться, но не смог двинуть головой, так как Сэм железной рукой стиснул его затылок. Когда они шли к выходу, Кимбер перехватил испуганный взгляд Энджи.

— Энджи, будьте любезны, придержите дверь открытой, — попросил он.

— Не делай ничего, о чем потом пожалеешь, — пискнул Джес не очень уверенно.

— Потому что ты будешь на меня жаловаться, — спокойно констатировал Сэм.

Энджи держала дверь открытой. Это неправда, так не бывает, лихорадочно соображал Джес. Все обернется шуткой. Невозможно, ведь рушится огромная сделка всей его жизни — Чарли Диллер уже все подготовил.

И он ринулся к двери. В последнюю минуту Сэм ухватил его за пояс брюк, подсек ноги, и через секунду Джес проехался на животе по гладким плиткам коридора, пролетев мимо общественного лифта, царапая пол руками, и больно стукнулся лбом о противоположную стену. Дверь за ним с треском захлопнулась. Он, пошатываясь, встал на ноги. Дотронулся до темени, увидел на пальцах кровь. В голове пронеслись обрывки всех кошмарных событий сегодня, и он с ужасом осознал неминуемую, безрадостную будущность. Опершись о стену, Гейбл, даже не пытаясь сдерживаться, безутешно, в голос заплакал.

* * *

Глядя, как Энджи, возвращаясь к своему столу, сделала большой круг, Сэм с усмешкой объявил:

— Вероятно, нам потребуются новые служащие по части налогов. Джесси завтра пришлет все наши досье.

— Хорошо, мистер Сэм.

— Как зовут тех законников из Орландо? Какой-то Броувер?

— Брунер и Маккейб, мистер Сэм.

— Добудьте их завтра, ко второй половине дня — пусть подъедут.

— Хорошо, мистер Сэм.

Только теперь Сэм обратил внимание на молодого мужчину в светлом костюме с безучастным выражением на лице.

— А это кто такой, черт побери, мисс Энджи?

— Мистер из страхового агентства — Пол Станиэл.

— Скажите, пусть войдет, — бросил Сэм, проходя в свой кабинет.

Глава 7

— Садитесь, — предложил Сэм, открывая холодильник, встроенный в деревянную панель стены. — Хотите пива, мистер Станиэл? Однажды, когда мне было, кажется, года двадцать три, я отхватил лакомый кусок земли, и деньги для этого достал своим способом, не как денежные тузы из Тампы. Иногда я охотился с владельцем того участка, а он из-за слабых легких собирался продать его и переселиться куда-нибудь повыше к северу. Пришлось мне урезывать себя во всем, чуть даже не отвык от еды, пока наскреб сумму для аванса. Те парни из Тампы понимали, что оставшуюся сумму мне ни за что не осилить, и поджидали, когда я отступлюсь. Время шло, вот и я решил их немного припугнуть. Как раз тогда появились такие встроенные холодильники для офисов. В кармане у меня было всего долларов одиннадцать, и я отбил телеграмму фирме “Эберкромби и Фитч”, чтобы немедленно доставили по такой игрушке каждому из них в качестве небольшого презента. Это их всполошило. За человеком, который может себе позволить подобный жест, явно кто-то стоит. Кинулись мне звонить, а я гово-

рю, что завтра отбываю в Калифорнию, хотя если бы мне предложили кругосветное путешествие за один доллар, я и его не сумел бы наскрести. Вот так нахрапом отхватил кусок за ту цену, которую назначил сам.

Открыв банки с пивом и передав одну Станиэлу, Кимбер сел за стол, заметив:

— Обычно я не обрываю деловые отношения тем способом, какой вам пришлось наблюдать, мистер Станиэл. Итак, что привело вас сюда?

Пол Станиэл повторил свою легенду, предъявил документы. Кимбер выслушал и просмотрел бумаги с полным безразличием, полуприкрыв тяжелыми веками светлые, почти бесцветные, без всякого выражения глаза.

— Значит, вам нужно исключить самоубийство?

— Или доказать его, мистер Кимбер.

— Интересно. А ко мне вы зачем пришли?

— По-моему, общеизвестно, что вы были близким другом покойной.

— И то обстоятельство, которое следует исключить или доказать, дает вам, разумеется, право задавать множество совершенно интимных вопросов.

— Это особенность моей профессии, мистер

Кимбер.

— А вы хороший специалист, мистер Станиэл?

— Думаю, мной довольны.

— Дайте мне номер ее страховки, чтобы я мог позвонить в вашу контору и сообщить, насколько умело, тщательно и так далее вы справляетесь со своими тяжкими обязанностями.

— Буду вам очень обязан, мистер Кимбер.

— Надо же, и глазом при этом не моргнул! Выше всего я ценю одну вещь: когда человек мастер своего дела. Наверняка за партией в покер вы не дали бы мне спуску, мистер Станиэл.

— Боюсь, вы проиграли бы, мистер Кимбер.

— Только если станете блефовать, как сейчас. Потому что случайно мне известно, что у Луэлл вообще не было такой страховки.

— Простите?

— Да кончайте вы с этим, ради Бога! Я в курсе всех ее личных финансовых дел, Станиэл. Нет на свете двух людей, у которых было бы меньше тайн друг от друга. Хотите, я расскажу кое-что? У нее была небольшая страховка на две тысячи в коннектикутском отделении, обычное страхование жизни. Но она столько снимала с нее из-за матери, что там ничего почти не оставалось. Я просил разрешить мне добавить хотя бы столько,

чтобы не порвали с ней договор, но она не позволила. Не желала принимать от меня никаких денег.

Станиэл, помедлив, достал из бумажника свое настоящее удостоверение, передал Кимберу. Внимательно прочитав его, тот вернул документ владельцу.

— Кто оплачивает расходы, мистер Станиэл?

— Ее сестра.

— Зачем?

— Думает, что Луэлл убили.

— На каком основании?

Снова поколебавшись, он открыл папку и, достав фотокопию письма Луэлл Барбаре, показал отмеченный отрывок. Кимбер изучал его так долго, словно перечитывал много раз. Прикончив пиво, огромной ручищей легко смял банку, будто она была из тонкой фольги, швырнул в корзинку для бумаг.

— Тот, кого она обозначила буквой А, — это я. Б — тот мерзавец, которого вы видели, когда вылетел отсюда на брюхе. Б ее и подловил, обвел вокруг пальца. Очень мне хотелось бы знать, кто же В? Этот Б подловил ее недели три назад. Могла бы мне сказать.

— Мистер Кимбер, вы думаете, ее убили?

— А вы?

— Я же перестал играть в прятки. Может, и вы бросите? Кимбер резко развернул кресло, так что Станиэл видел лишь его спину и левую половину лица.

— Как-то не хочется произносить это вслух. Стоит только об этом подумать, все внутри у меня переворачивается. И в затылке ломит. Если все выйдет наружу, я могу натворить ужасные вещи. Когда чувствовал свою руку на затылке Джеса, пока Энджи шла к двери, мне подумалось, насколько проще было бы повернуть его в обратную сторону, вышвырнуть через окно возле стола миссис Ниммитс, а потом слушать, как он заорет, шлепнувшись на асфальт. С той минуты, как я узнал, что Лу умерла, что-то и во мне умерло, мистер Станиэл. Абсолютно безразлично, что я делаю. А это для мужчины опасное состояние.

— Не могу сказать, мистер Кимбер, убили ее или нет, так как мне неизвестно, что было поставлено на карту. Кое о чем могу лишь догадываться. Это вопрос доверия. Очевидно, что-нибудь для вас прятала, потому что знаю — вы пришли за этим в ее квартиру, когда она умерла. Не представляю, что там было или чего уже не было. Вы сказали миссис Кэри, что забрали то, за чем приходили.

Однако мне кажется, кто-то побывал там раньше вас.

Кимбер повернулся лицом к нему:

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто забрал ключ. Он явно находился на одном кольце с ключами от машины и еще двумя другими. Если его не забрали из канцелярии Уэлмо, значит, взяли у нее возле озера. Мне известны ваши затруднения с налогами. Уэлмо считает, что вы забрали в квартире какие-то секретные бумаги, которые прятали у нее.

— С этой минуты для Уэлмо нет никакой будущности в данном округе.

— Он знает, кто и зачем меня нанял. Говорит, головой ручается, что вы ее не убивали и не позволили бы убить. Считает все несчастным случаем. Но ему приходится быть осторожным. Положим, я выясню, что ее убили. Тогда он должен объяснить окружному прокурору, почему оставил без внимания важную информацию. Потому что вы приятели? Вот он и решил говорить со мной совершенно открыто.

— Просто Харв недостаточно хитер. Думает, мне не подняться, со мной покончено, и можно со мною не очень считаться. Может, он и прав.

— Что вы имеете в виду?

— Если окажется, что ее кто-то убил, выплывет наружу то, что я передал ей на хранение. Вот тогда наверняка мне конец.

— Что это было?

— Говорю с вами откровенно потому, что мне все безразлично. Джес Гейбл может мне напакостить и наверняка это сделает. Какая разница, если одним врагом станет больше? Это были деньги, парень. Скрытые от налогов, неучтенные деньги, которые совершенно случайно не попали в тот счет, который мне предъявили. В голубой сумочке аэрокомпании с молнией, красиво упакованные. Сто шесть тысяч наличными.

— Почему вы их прятали у нее?

— А почему бы нет? Вдруг мне пришлось бы уносить ноги, я послал бы за ней. Луэлл легче всего принести их, если дело обернется плохо. Смешно, сегодня они опять были бы в моих руках, когда дело с моими налогами улажено. Она не знала, что это за деньги, Станиэл. Единственный раз я солгал ей. Может, эта ложь ее и убила. Не знаю — как, но чувствую это. Если бы сказал, что за деньги, упал бы в ее глазах, а мне хотелось, чтобы Лу считала меня совершенством. Возможно, отказалась бы спрятать. Не знаю. У нее было твердое представление о том, как должны вести

себя люди. Пожалуй, теперь можно сказать и вслух — думаю, ее кто-то убил.

— И я так думаю. По-моему, с тем ключом дожидались ночи. Миссис Кэри всегда до поздней ночи сидит перед телевизором. Вход в квартиру сзади.

— Одну минуту, Станиэл. Почему — дожидались ночи? Откуда могли знать, что у меня нет своего ключа, что я не пойду в квартиру, узнав о ее смерти? Я попал туда на второй день, но как они могли это предвидеть?

— Убийцы не всегда поступают логично, мистер Кимбер.

— Давайте называть друг друга по имени, мы же теперь в одной лодке. Конечно, если не подозреваете меня в том, что я совершил это или позволил совершить. Ведь можно подумать, что я ею натешился и порассказал, как зарабатываю деньги, а она настолько возмутилась, что решила на меня донести, и я не нашел другого способа остановить ее.

— Я думал об этом.

— На то вы и профессионал, чтобы подумать и об этом. Или она порвала со мной, а я не мог допустить, чтобы вернулась к Хансону. А деньги забрал назад и перепрятал их. Вдруг у меня есть собственный ключ, но мне показалось — будет

лучше, если попрошу его у Харва Уэлмо. Как вам это, Пол?

Станиэл, раскрыв блокнот, нашел нужную страницу.

— В тот день вы ездили в Лейкленд, Сэм. В десять у вас была встреча с неким Рихтером и владельцем конторы по продаже недвижимости Лоу. Вы осматривали участки и все вместе отправились обедать, из ресторана вышли в два часа. Обратная дорога занимает пятьдесят минут. Около трех, когда выходили из машины, к вам подошел некто Чарли Бест и сообщил, что Луэлл утонула в озере Фламинго.

Он закрыл блокнот.

— Нанять кого-нибудь? Никогда никому вы не дали бы в руки такое оружие против себя.

— Эта сестричка не бросает деньги на ветер. А может, я избавился и от человека, которого нанял, разве нет?

— В таком случае вы нашли бы лучшее место, чем озеро среди бела дня, куда в любую минуту может кто-то заявиться. Судя по обстоятельствам, убийство заранее не планировалось, Сэм.

— Но все прекрасно сошлось. Не будь этого письма сестре, ничто не вызвало бы подозрений.

— Непредумышленные убийства иногда уда-

ются не хуже, чем заранее обдуманные.

— А как насчет Хансона?

— Я жду подтверждения еще от одного лица, где он был в данное время. У Луэлл был ключ от вашей дачи?

— Да.

— И ключ от приемной доктора Нила. Если предположить, что кто-то взял ее ключ от квартиры с общего кольца, он должен был знать, как этот ключ выглядел, или действовал методом исключения. Те два не были никак обозначены.

В дверь постучали, и Энджи Пауэлл показалась в дверях.

— Мистер Сэм, у вас для меня есть еще что-нибудь?

— Боже мой, девочка, ведь уже больше семи.

— Матч начинается в восемь. Еще есть время. Может, вы подпишете эти письма, чтобы я могла их отправить? — Она положила на стол тонкую пачку бумаг.

Энджи стояла рядом, пока он просматривал листы, быстро ставя подпись. Вежливо улыбнулась Станиэлу.

— Ну вот, пожалуйста, — произнес Сэм. Энджи взяла бумаги.

— С мистером Маккейбом я говорила по его

домашнему телефону, они с мистером Брунером-младшим могут быть здесь завтра в три часа. Если вам удобно.

— Очень хорошо. Вам будет не хватать Джеса?

— При чем здесь я, мистер Сэм? Может, вам без него станет хуже. Он проделал для вас изрядную часть работы.

— И прозевал одну мелочь.

Она смущенно посмотрела на Станиэла.

— Я догадываюсь — какую, и если вам будет угодно, вы найдете время и место, чтобы сказать мне. Только я думаю, что Джес… не доставит ли нам он хлопоты, мистер Сэм?

— Непременно доставит.

— Доброй ночи, мистер Сэм. Доброй ночи, мистер Станиэл.

Девушка-великанша вышла, послышался шорох одежды, стук двери; в прохладном воздухе после нее остался запах живых цветов. Они помолчали, потом Станиэл сказал:

— Сэм, я уже отнял у вас достаточно времени…

— Подождите. Письмо, которое она послала сестре… Мне представляется, то лицо, знавшее о деньгах, человек, которого она называет В, должен был узнать все от Джеса.

— Очевидно. Но и она тоже могла сказать ко-

му-то.

— Составьте список людей, которые хотели бы мне навредить. И включите в него мужчин, которые пробовали ухаживать за ней, но она их отбила. Список получится огромный. Думаете, сможем его ограничить?

Станиэл кивнул.

— Завтра люди станут обсуждать убийство. И кто-то что-нибудь вспомнит. Раньше этот факт ему ничего не говорил, а теперь начнет раздумывать, потом кому-то передаст. Давление усилится.

— А я еще нажму на Джеса. Может, он сказал кому-то, даже не понимая этого. Попробую освежить его память.

Последние лучи заходящего солнца вдруг погасли, закрытые огромной тучей, и в комнате сразу стало темно. Послышался треск и раскаты грома. Кимбер, поднявшись, посмотрел в окно. В полумраке был виден лишь его силуэт с засунутыми в карманы руками.

— Весь день шло к грозе, — заметил он.

— А теперь не пройдет стороной? — спросил Станиэл.

— Нет, будет хороший ливень.

Когда дождь усилился настолько, что Станиэл

перестал различать дорогу, он осторожно съехал с обочины и выключил мотор. Из-за шума дождя невозможно было разговаривать, на машину налетали мощные порывы ветра. Сверкали молнии, но раскатов грома не было слышно. От их дыхания окна запотели изнутри. Он раскурил две сигареты, передав одну ей. Ширли Фельдман, опираясь спиной о переднюю дверцу, сидела, поджав под себя ноги на сиденье, на ней была темная блузка и светлые шорты. Шум дождя вдруг сменился барабанным стуком крупы.

— Ой-й! — с восторгом взвизгнула Ширли. — Как в сказке!

Быстро повернувшись, она спустила стекло, затем, распахнув дверцу, высунулась из машины и через секунду вернулась на сиденье с горстью тающей крупы в ладони. Захлопнув дверцу, стала подхватывать губами крупинки с ладошки.

— Гурманка несчастная, — сказала она с усмешкой.

— Поедем дальше, Ширли?

— Слишком хорошо на улице, мистер Станиэл, чтобы сидеть в душном ресторане. Если проехать метров пятьсот, будет площадка для пикников, там остановимся.

Добравшись, они вышли из машины. Дождь

кончился. Ширли уселась на бетонный стол, поставив ноги на скамейку, и велела ему посмотреть вверх. Половина неба была черной, а вторая — чистая, усеянная звездами. Гроза удалялась на запад, унося с собой слабые раскаты.

— Как я уже говорила, Келси мне нравится, — заговорила она. — Кое-кто считает его пустышкой, но все не так просто.

— И в чем же диагноз оказался ошибочным?

— В понимании. Здесь была ошибка. Я не профессор философии, но знаю, что многих людей беспокоит феномен праздного, пустого человека в западной культуре. Рейсман пишет о личности, ориентированной — от себя, которая, если приспособится к критериям коллектива, осознает свою праздность. Чувствительный человек вроде Келси постоянно испытывает такое сознание… никчемности. По-моему, он раздумывает, не стать ли ему последователем Швейцера. Немного похож на того архитектора из романа Грэма Грина, который отправился в резервацию для прокаженных, но хоть убей не мог объяснить, что ему там нужно. Конечно, этот архитектор по развитию на голову выше, чем Келси. Но бедняжка Келси не просто животное, способное мыслить. Он способен анализировать, но до известной

границы, а потом ему все начинает казаться зряшным, и он плюет на все. Вы не поверите, но я считаю себя более сообразительной.

— Думаю, что да.

— Поэтому Келси стал для меня вроде подопечного. Придется сказать, что я его получила из рук своей лучшей подружки — у нее лопнуло терпение. Знаете, она умная девочка, но, по ее мнению, Келси придуривается. А это не совсем так. Конечно, многое он только изображает, но внутренне — страшно интересный. И еще она не поняла его сексуальную сферу. Вообразила, что он ее просто использует. А сама сексуально закомплексована, слишком занята собой. Считает себя совершенно объективной, но стоит вам чуть засомневаться в ее разглагольствовании, сразу злится и начинает орать… А Келси не хватает самоуверенности, он блуждает по свету с ужасным сознанием вины. Я рядом с ним чувствую себя гораздо старше. Наверно, мне придется признать — человека не излечить от сознания своей вины. Приходится только наблюдать их ужасную потребность испытывать вину. Его жена была символом вины. Я уверена, он ее вообще никогда не любил. По-моему, Келси и не может никого любить, потому что сам себе не очень нравится.

— Думаете, он хотел бы уничтожить ее как символ?

— Кто знает. Ведь это был бы признак прогресса, правда? Значит, он старался бы избавиться от неизбежности чувствовать вину. Я в основном пробовала доказать ему, что по сути он вполне милый человек и был бы в порядке, если бросит причитать и возьмется за какое-нибудь дело. И из-за моей подружки чувствовал себя виноватым и передо мной. Никак не вобьешь ему в голову: если два человека испытывают влечение, они имеют право и обязаны испытать взаимное наслаждение. У Келси в самом деле нездоровое отношение к сексу. Господи, большинство несчастий на свете идет от того, что люди воображают, будто секс ужасно важная и серьезная вещь… Нет, не думаю, чтобы он хотел ее уничтожить. Разве что в подсознании, но это было бы запрятано так глубоко, что сам он никогда не догадался бы, скорее попытался бы уничтожить самого себя. И конечно, он постепенно губит себя. Если он опять ко мне сунется, мне не хочется его обижать, но я чувствую, у меня с ним все кончено. Наверно, я его переросла.

— В тот день вы были с ним?

— Да. Утром зашел в библиотеку, у меня в

одиннадцать по расписанию лекция, но было наплевать. Дядя прислал изумительный сыр. Мы отправились на яхту, были там уже перед двенадцатью. Съели сыр и кексы, выпили море чудесного мексиканского вина. Болтали, ласкались, а потом пошли загорать на палубу и там заснули. Потом пришел Короли и сказал о телефонном звонке. Келси умчался как сумасшедший, а Короли объявил, будто его жена умерла. С тех пор у меня странное чувство. Конечно, я не стыжусь отношений с Келси. Если ведете себя откровенно, вам нечего стыдиться. Конечно, он меня не совращал. И я ему ничего не обещала. И мне это доставляло удовольствие. Но все равно чувствую себя как-то неловко. Понимаете?

— Разумеется.

— Надеюсь, вы не станете рассказывать о нашем разговоре, правда?

— Я уже говорил вам, Ширли, меня интересует, не покончила ли с собой миссис Хансон. И не намекал ли когда-нибудь Келси, что она была склонна к этому?

— Ни в коем случае! Эта женщина была абсолютно довольна собой, уверяю вас. Господи, как мне противны такие идеальные люди. Не поверю, что в ней была хоть капля искренности. Вышла

замуж из-за денег и хотела держать Келси в абсолютном повиновении. Если он был достаточно покорным, ему время от времени позволялось приблизиться к святыне, и тогда она терпела его вроде бы животные потребности. А как только бедняжка Келси обратил внимание на другую — более сговорчивую и искреннюю, — Луэлл напустила на себя оскорбленность и ушла от него. Такие ханжи никогда не кончают с собой, мистер Станиэл. Их приканчивают другие, чтобы освободиться, а сами они никогда себя не убьют.

— По-вашему, ее кто-то убил?

— Хотелось бы так думать. У нее же все было рассчитано: хорошие алименты, или раздел имущества, или еще что, а потом она вышла бы за этого Кимбера. И все-таки, по-моему, она просто утонула.

— С тех пор вы встречались с Келси?

— Только минутку на похоронах, когда выразила ему сочувствие. Смотрел на меня как на пустое место. Наверно, вернулся в ряды своего круга — в университете не появляется. Вероятно, слоняется целыми днями по своим. Бедный парень. А теперь, мистер Станиэл, можете отвезти меня в город и накормить — я голодна как волк. Знаете, с тех пор как чувствую себя неловко из-за

Келси, я постоянно хочу есть и толстею. Может, это какой-то вид компенсации организма, не понимаю. Придется над этим подумать. Самое важное ведь — познать себя, вы согласны? Боже, если я так реагирую на чувство вины, никогда себе не прощу.

Небо прояснилось, и его глаза привыкли к слабому свету. Ее маленькое личико под огромной начесанной копной черных волос напоминало мордочку зверька, настороженно выглядывающего из кустов. Выглядела страшно юной, голосок звучал неуверенно. Однако в том же слабом ночном свете обнаженные ноги поражали женственностью, были весьма соблазнительны. Вот такие картинки и могут свести человека с пути истинного, и никуда от этого не денешься.

На вечеринке была точно дюжина человек вместе с Киверами, но Барбаре минутами казалось, что их гораздо больше, а в иные мгновенья — намного меньше. Дом Киверов стоял на берегу озера; старая жилая яхта и китайская беседка соединялись крытой галереей, тянувшейся вдоль берега озера. Добрую половину галереи занимал довольно глубокий бассейн.

Ей казалось, что всех собравшихся она уже знает по письмам Луэлл. Чаще всего сестра

упоминала фамилии Кивер, Вейтс и Брай. Присутствовала здесь и пара постарше — Джордж и Нина Фербрит, и еще двое супругов такого же возраста, как остальные, — Куп и Сэс Тумбс.

Вечеринка протекала в нарастающем ритме. Начиналось все чинно, благопристойно, со словами сочувствия, как и следовало ожидать. Но не прошло и часа, как количество и частота опрокидываемых стаканчиков превратили ритуальную беседу в шумную, безумную карусель, полную кривлянья, выкриков, смеха, скрытых намеков, бессмысленных шуток — двенадцать человек надрывались словно все пятьдесят. Барбара скоро поняла, что завязать общий разговор об убийстве нет ни малейшей возможности. Собственно, никакого общего разговора и не было. Обменивались громкими обрывистыми фразами с теми, кто в беспрерывном круженье оказался в данный момент рядом. Поэтому, когда ей подали крепчайшую порцию мартини в высоком стакане, явно предназначавшуюся кому-то другому, Барбара решила этим воспользоваться: девушку, поглощающую в течение вечера такие дозы, можно извинить за случайную бестактность. Если она, пошатываясь, станет переходить от одного к другому с вопросом: не кажется ли вам,

что мою сестру убили? — люди пойдут навстречу бедняжке. И пошатывание будет наполовину притворным, но если допьет этот стакан, — совершенно естественным.

Когда она уже убедилась, что компания распадается на отдельные группки, грянула гроза, и все ринулись в беседку. Сгрудившись в плотную кучу, все старательно изображали трезвость. Бонни Вейтс вскрикивала при каждом сверкании молний. Огромный гриль, расположенный в крытой галерее, не пострадал от дождя, в беседке были накрыты столы, и вскоре все наполняли тарелки салатом, жадно поглощали сочные куски полупрожаренной говядины, стараясь перекричать раскаты грома. Барбара уже испробовала свой трюк с вопросом на трех-пяти гостях, но без всякого успеха, не встретив, вопреки ожиданию, ни удивления, ни возмущения. Вроде бы она интересовалась исторической фигурой из пятого века, которую мучили проблемы своего времени. Когда дождь ослабел, и наполненные желудки несколько приглушили громкие выкрики, вдруг сверкнула ослепительная молния и загрохотал гром. Теперь вскрикнула не только Бонни, но еще кто-то. Лампы замигали, и свет погас везде — на крытой галерее, возле бассейна, на дорожках и

на яхте. Усилившееся завывание ветра вызывало примитивную, усиленную ночной тьмой тревогу, началась толкотня, суматоха. Когда Барбара встала со стула, кто-то, пробегая мимо, столкнулся с ней, и она, потеряв равновесие, оказалась в чьих-то объятиях. Этот некто, властно обхватив ее плечи, вывел в галерею, свернув в сторону, в уголок, защищенный густыми кустами. Некто положил ей на плечи руки со словами:

— Долой с торной дороги всполошенных туземцев, моя дорогая! Укроемся в тени надежного закоулка.

В слабом ночном свете она узнала говорившего — Джордж Фербрит, изысканный джентльмен в годах, с волнистыми седыми волосами, подтянутой фигурой, загорелый, с лукавым, ироничным выражением на лице. Вспомнила и его жену Нину — худощавую грудастую брюнетку, с резким, как у попугая, голосом, тщательно выговаривавшую слова, будто она беседовала с глухонемыми, читающими по губам.

Барбара собиралась выразить благодарность в таком же витиеватом стиле, как и его призыв, но вместо этого услышала собственный жалобный голос:

— Никто здесь не хочет говорить об убийстве

моей сестры. — Она сознавала, что пьяна и, как положено напившимся, одержима навязчивой идеей.

— Я готов говорить о чем угодно, как вам захочется, дорогая. — Держа Барбару за руку, он вдруг поцеловал ее в губы — быстро, небрежно и с властной настойчивостью. — Давайте взглянем на это как на разумное предположение.

— Вы согласны? Правда, разумное?

— Если исходить из того, что мир Сэма Кимбера более суров и примитивен, чем наш круг. А она жила в его мире.

Он опять поцеловал ее властно, крепко, и она снова стерпела, принимая поцелуи как плату за этот разговор во влажной темноте.

— Почему более суров? — спросила она, едва высвободив губы; собственный голос показался ей каким-то странным, приподнятым, с придыханьем. Впрочем, подумала она, в такой темноте это не имеет значения, все равно никто ничего не видит.

— Ну, из-за денег и махинаций с ними и, возможно, потому, что люди в мире Кимбера особого сорта. Какое это имеет значение?

С легкостью танцовщика он мягко повернул девушку, прижав к стволу секвойи, и прильнул к

ее губам с обстоятельностью гурмана.

Мелькнула неясная мысль, что ей следует воспротивиться, но подходящий момент был упущен, вроде бы перевернули сразу две страницы в книге и забежали вперед. Одурманенная, отстраненная, полусонная, она отвечала на поцелуи, слегка удивляясь: кто бы мог подумать, что он окажется таким хорошим и таким умелым, что ему знакомы те мелкие уловки и приемы, от которых человеку становится так хорошо; затем выплыла уверенность — это всего лишь шутка, ведь серьезные вещи так не начинаются, и нужно поскорее прекратить, но как прекратить, если вы чувствуете — будет большой бестактностью оборвать все без того светского очарования, с каким это сделает он. Ведь он опытнее Роджера, такой уверенный…

Нарастающий гул крови в ее ушах смешивался с беспорядочным вихрем звуков, доносившихся из окружающей темноты: выкрики и смех, треск рвущейся ткани, удары тел, всплески притворного возмущения. Почувствовала, как Фербрит, расстегнув блузку, прошелся губами по ее шее — она помотала головой, посмеиваясь над собственным участившимся дыханием; накатила волна невесомости, и она не слишком удивилась,

почувствовав, как Фербрит, ловко обнажив ее левую грудь, жестом знатока и ценителя взвесил ее в ладони.

Неожиданно загорелись все лампы, и глаза Барбары запечатлели застывшую, как на фотоснимке, группу людей в бассейне: совершенно нагая Нина Фербрит, балансирующая на бортике бассейна, ее прямые, как палки, ноги, мальчишеские бедра и большие, желтоватые, как дыни, груди; голый Куп Тумбе, напоминающий старого сатира, хватающий Нину; сброшенная в кучу одежда; трясущиеся и сталкивающиеся груди, животы, ягодицы; брызги воды в неглубокой части бассейна. Время снова сдвинулось — и Нина Фербрит спрыгнула в воду, Куп Тумбе шлепнулся за ней, раздались испуганные и насмешливые крики. Хозяйка, стремительно, как угорь, выскользнув из воды, метнулась к контрольному щитку с выключателями. Барбара, оттолкнув Фербрита, поправила блузку. Хозяйка щелкнула выключателем, и лампы опять погасли под одобрительные овации присутствующих. Фербрит снова навалился на нее, но Барбара, защищаясь, ударила его локтем в шею.

— Яхта, — прохрипел он.

— Что? — туповато переспросила она.

— Яхта! Крыша над головой, дорогое дитя! — раздраженно выкрикнул он, хватая ее за руку. Она вырвалась. В слабом свете фонаря на дорожке, не выключенного хозяйкой, казалось, что Фербрит исполнял какой-то танец с мелкими па, — вся его самоуверенность и лоск испарились. Ухватив ее за руку, он поволок девушку за собой. Ее вдруг охватил ужас.

Свободной рукой Барбара стукнула его по затылку — повернувшись и злобно шипя, он дал ей оплеуху. А потом откуда-то вынырнул Келси Хан-сон — одетый и мрачный. Заслонив широкой спиной Барбару, сделал легкий кружной выпад. Последовал резкий удар — не громкий, но безусловно мощный. Лощеная, выхоленная, самоуверенная фигура плюхнулась в мокрые кусты, стукнувшись головой о стальной шест фонаря. Оглянувшись, Хансон схватил Барбару за руку и потащил мимо бассейна, сквозь стеклянные двери, по мокрой траве к узкой и мокрой лесной тропинке. Она причитала на ходу, но Келси не обращал внимание на ее шепот. Мокрые листья насквозь промочили ее одежду.

— Ты была права, Луэлл, — бормотал Келси Хансон. — Ах, как ты была права, Лу, дорогая. Все они мерзавцы, я должен был тебя слушать. Идем

к себе домой, золотце.

Глава 8

Матч начинался в восемь. Энджи Пауэлл пришла так поздно, что, когда переобулась, успела сделать лишь один бросок для разминки. Она была признанной надеждой женской команды города. Соревнование шло на одиннадцатой и двенадцатой дорожках. Это ее беспокоило: на одиннадцатой Энджи всегда не везло. Она была чуть кривовата, приходилось делать бросок посильнее, а в результате — куча ошибок.

Энджи, улыбаясь, кивая направо и налево, здоровалась с подружками. На ней были белые туфли из лосиной кожи, белые шерстяные носки, белая теннисная юбочка в складку и белая блузка без рукавов, на которой сзади голубыми нитками было вышито: “Кимберленд”. Она сама вышивала надпись, и буквы выглядели крупнее, красивее, чем отпечатанные по трафарету.

Шар был белый, тяжелый — такими играют мужчины. Она тщательно отработала особый, собственный стиль, чтобы максимально использовать свой рост и силу. Бросая мяч, чувствовала себя ловкой, сильной и точной. Ей нравилось, когда ее уверяли, что она играет в кегли, как

мужчина. Однако несколько месяцев назад один приятель заснял кинокамерой ее подачи, и она была разочарована своим видом. Золотые кудряшки подпрыгивают, чересчур по-девчоночьи виляет бедрами, а когда снимали в профиль, было видно, как безобразно трясутся груди. С тех пор она затягивала волосы белой повязкой, носила тесный бюстгальтер, тщательно контролировала движения бедер.

В первой игре она понимала — дела идут плохо: один раз шар вообще промазал, а еще дважды не смогла одним ударом повалить все кегли. Нужно сосредоточиться. Ей мешали посторонние мысли — выражение лица Джеса в тот момент, когда мистер Сэм его вышвырнул, поведение и вид мистера Сэма, опасения, что Джес может наделать хлопот.

Нет, прочь все лишнее из головы. Пока шар летел, ей казалось, что промажет, но в последнюю минуту он уложил все кегли. Энджи прыгала, хлопала в ладоши, сияющими глазами обводя подружек. Вторую игру закончили с перевесом в шестьдесят очков, третью выиграли с преимуществом в сорок и стали победителями.

Линда спешила домой. Оставшиеся четыре подружки зашли, как всегда, на бутерброды к Эрни.

За Алмой заехал ее парень. Дженни и Стефани стали выпытывать у Энджи, что произошло между мистером Сэмом и Джесом Гейблом. Энджи старалась подавить раздражение, с какой стати им об этом знать? Они же просто служащие. Им не понять, что такое настоящая преданность. Лишь бы о чем посплетничать.

Дженни обещала подвезти Стефани на своей машине. Энджи вышла с ними, вроде бы собираясь тоже отправиться домой в своем маленьком сером “рено”, но стоило им отъехать, вернулась обратно и, зайдя в телефонную кабинку, набрала номер конторы Джеса. Раздалось восемь гудков, потом десять, и, когда она уже решила дождаться пятнадцати, Джес поднял трубку.

— Это Энджи, Джес. Энджи Пауэлл. Я так и знала, что ты еще работаешь.

— Хочешь сказать — знала, почему я должен работать.

— Думаю, что да. Хотела сказать тебе, что завтра до трех ты должен принести почти все досье.

— Кому их передадут?

— Этого я действительно не знаю, Джес.

— Клянусь, он вел себя как спятивший. Ни с того ни с сего. Вышвырнуть меня… буквально вышвырнуть! Ты же была при этом. Видела ко-

гда-нибудь что-то подобное?

— Никогда, Джес. Ни разу. Честное слово, он на себя не похож, с тех пор как она умерла.

— Это уж точно.

— Но через какое-то время он опять станет прежним.

— Слишком поздно для меня.

— Это еще как посмотреть.

Он осторожно спросил:

— Что ты имеешь в виду, Энджи?

— Мне вообще не следовало бы с тобой говорить.

— Ну и?..

— Но в самом деле ты ему очень помогал. Я-то знаю, как ты ему нужен.

— Конечно. Попробуй ему это сказать.

— Уже пробовала.

— Спасибо, Энджи. Старайся и дальше.

— По-моему, больше всего это зависит от тебя. Если ты еще хочешь работать на него после того, что он сделал.

— Хочу. Поверь, меня не так легко оскорбить.

— Ну… у меня есть кое-какие идеи.

— Например?

— Думаю, они тебе подойдут. Но по телефону не могу сказать. И встречаться нам не следует.

— Почему?

— Кто-нибудь увидит нас вместе. И будет нехорошо, если об этом узнает мистер Сэм. В нынешнем состоянии он, возможно, вообще не поймет, что я встретилась с тобой только для того, чтобы помочь ему. Знаешь, Джес, до тебя мне дела нет. Я просто хочу, чтобы у мистера Сэма был первоклассный помощник в его неприятностях.

— Никто нас и не увидит вместе.

— И никому не скажешь, что мы встретимся?

— Ни единой душе.

— И что ты предлагаешь?

— Может, зайдешь ко мне?

— Ох, нет. Не годится, Джес.

— Сэм хочет меня видеть, звонил мне. Злой как черт. Нисколько не успокоился.

— Зачем он хочет с тобой встретиться?

— Этого не говорил.

— Вы встречаетесь сегодня вечером?

— Нет. С ним невозможно говорить разумно. Если у тебя есть идеи насчет него, ей-богу, я этого не забуду.

— Мне сейчас нужно домой — мама всегда меня поджидает, но потом я могла бы снова улизнуть. Если мы немножко покатаемся в твоей машине, я бы рассказала, что придумала. Может, что и по-

лучится. Если ты сразу после полуночи подъехал бы на Тайлер-стрит к мебельному складу, где был пожар, от моего дома там рукой подать.

— Понял, Энджи, поверь, я очень тебе благодарен.

— Может, ничего и не смогу сделать, Джес.

— Но меня радует и то, что ты готова попытаться.

— Только потому, что думаю о пользе для мистера Сэма.

— Разумеется, Энджи.

При выходе из кафе ее остановил Эрни:

— Ты ведь знаешь Пэм — мою младшую сестру. Ее приняли в Джейнсвилл, как ей хотелось, а теперь она вообразила, что нужно было поступать в коммерческое училище. Вот я и хочу тебя расспросить о той школе в Орландо, где ты училась.

Энджи, внимательно выслушав его, сказала:

— Не думаю, что это хорошо для девушки, проживающей не дома. Я жила у своей тетки.

— Думаешь, выйдет там из нее что-то путное?

— Все зависит от того, насколько твердо она сделала выбор, Эрни. Там могут научить, только если человек хочет трудиться. Я ведь туда поехала, чтобы выучиться на медсестру.

— В самом деле, Энджи?

— Ну да. Собиралась идти в миссионеры. Училась хорошо — по анатомии, по другим предметам, но оказалось, что я не выношу крови: увижу каплю — и падаю как подкошенная. Пришлось перейти в коммерческое училище, выучилась на секретаршу.

— Но это хорошее заведение?

— Конечно, Эрни, если человек хочет работать.

— Не уверен, хочет ли Пэм вообще где-нибудь работать. Энджи, я получил бракованный секундомер, можем его сразу испробовать. Как ты смотришь, если махнем в воскресенье? Поставим воротца и устроим бег с препятствиями.

Она с упреком посмотрела на него:

— Эрни, ты же знаешь меня! Тот прищелкнул пальцами.

— Воскресенье. Совсем вылетело из головы, Энджи.

— В любой другой день, если тебе удобно, Эрни, — утром или после работы.

— Дам тебе знать.

Усевшись в машину, она отправилась домой. Тротуар уже просох, но в сточных канавах блестели лужи. Завела машину во двор, к задним дверям, и прошла в кухню. Миссис Пауэлл восседала за кухонным столом, размещая в тетради

зеленые марки. Огромная, почти такого роста, как Энджи, но до смешного толста — над туфлями громоздились складки жира, а маленький, сжатый рот терялся среди обвислых щек. Небольшой носик и такие же, как у дочери, лавандово-голубые глаза, обрамленные короткими, щетинистыми ресничками. Несмотря на непомерный вес, она была весьма деятельной особой, участвовала в церковных службах и благотворительности, отличаясь твердостью устоев и подозрительностью, зорко схватывая малейшее отклонение от норм и безжалостно обличая греховность света. Джимми Пауэлл, ее безгласный, щуплый супруг, уже двадцать лет служил на почте.

Миссис Пауэлл с явным неудовольствием смерила дочь с головы до ног.

— Должна сказать тебе, Энджела, что быть председателем совета по нравственности печати — для меня работа весьма неблагодарная, я сегодня целых полдня потратила на удаление скверных журналов и фотографий с оголенными бабами из киоска при суде, а ты в это время слоняешься ночью одна в короткой юбчонке, едва прикрывающий зад.

— Ах, мамочка, прошу тебя! Я же сто раз говорила, что…

— Конечно, ты всегда твердишь, что, когда плаваешь, на тебе одежды еще меньше. Если встретишь на прогулке лагерь нудистов, наверно, тоже все с себя сбросишь, и потому только, что все они голые. Я ведь старалась воспитать тебя доброй христианкой, а ты ходишь так, чтоб покрасоваться и вызвать у мужчин мерзкие мысли.

— Мамочка, я же не могу отвечать за чужие мысли.

— И приходишь на двадцать минут позже, и заговариваешь мне зубы, а откуда мне знать, что ты не валялась в кустах и не занималась дьявольскими забавами, не предавалась плотским утехам?

— Мама, мы с Алмой, Дженни и Стефани, как обычно, зашли к Эрни, взяли сандвичи и заболтались, возможно, дольше, чем всегда.

— Опять о мерзостях?

— Мамочка!

— Знаю я этих конторских вертихвосток. И не возражай!

— Мам, а мы выиграли.

— Опять? Замечательно, Энджи!

— Во второй игре я взяла двести одиннадцать очков, и Дженни тоже везло как никогда.

Она притворно зевнула, похлопывая себя по губам.

— Устала я сегодня, мамочка. И не надо за меня беспокоиться. — Обойдя стол, она поцеловала мать. — Никогда не сделаю ничего такого, за что тебе бы пришлось краснеть.

— Ты хорошая девочка, Энджи. Но я все равно за тебя волнуюсь. Дьявол подстерегает на каждом шагу. Парень наговорит сладких слов; если им поверишь, тут же окажется, что на уме у него одно — уложить тебя на спину и творить с тобой те мерзости. Таков уж мир с тех пор, как нас изгнали из рая. Я не эгоистка. Сто раз говорила тебе: лучше обойдусь без внучат, лишь бы тебе не пришлось терпеть постыдные супружеские обязанности, когда жена вообще не имеет никаких прав, а какой-то мерзавец превращает ее в сосуд скверны для своих животных потребностей. А она из ночи в ночь засыпает в слезах, оттого что он ее опозорил и осквернил.

— Тебе нечего опасаться, мамочка. Я готова лучше умереть.

— Ты моя милочка, Энджи.

Приняв душ и натянув пижаму, Энджи скользнула в постель. Минут через пятнадцать встала и, тихонько прошмыгнув к приоткрытой двери ма-

теринской спальни, с минуту слушала громкое, раскатистое храпенье. Постояла у дверей отца, но оттуда не доносилось ни звука. Вернувшись в свою комнату, быстро надела серый, в полоску комбинезон, синие теннисные туфли. Волосы стянула повязкой, сунула в карман нитяные перчатки и вылезла через окно наружу. Осторожно стянула вниз поднятые жалюзи. Чтобы попасть на Тайлер-стрит, ей нужно было только перебежать через школьную площадку.

Пригнувшись, она перемахнула через открытое пространство, остановилась, прислушиваясь. Убедившись, что вокруг безлюдно и тихо, подошла к качелям и, охватив одну стальную опору, сделав глубокий вдох, быстро перебирая руками и ногами, полезла вверх. Достигнув вершины, сделав рывок, правой рукой ухватилась за вторую опору и перенесла туда все тело. Несколько секунд провисела, ощущая упругость, силу каждой мышцы. Затем скользнула вниз, посидела на корточках, обретая равновесие.

Она встала, распрямила плечи, положив руки на бедра. Снова стала сама собой, могучей и неуязвимой. Чувствовала себя Орлеанской Девой — с ее улыбкой, копьем, латами, в отблесках пламени. И к этому чувству примешивались

ощущение красной кобылицы, и она выгнула спину, отставив зад: у нее крепкие копыта, чтобы рассекать траву в поле, мелкий, приятный пот от усилий, и она способна напрячь любую клеточку гнедого тела, чтобы отдаться безудержному бегу.

Джес припарковался у тротуара рядом с обгоревшим скелетом мебельного магазина. Сам стоял возле темной машины — она видела красную точку его сигары. Энджи неслышно подошла к нему сзади, постояла, разглядывая его, а потом дотронулась до плеча. С глухим блеяньем тот подскочил и повернулся, воскликнув:

— Черт побери!

Энджи сурово произнесла:

— Извинись перед Господом небесным.

— Что?

— Ты выругался, Джес.

— Ах да. Верно, сожалею.

— Скажи это не мне.

— Господи, прости. Аминь. Правду сказать, Энджи, у меня чуть сердце не разорвалось.

Увидев издалека проезжавшую запоздалую машину, Энджи пригнулась за Джесовым авто.

— Что с тобой, Энджи?

— Я же тебе сказала. Представь, если кто-нибудь донесет мистеру Сэму, что я с тобой встретилась

поздно вечером.

— Представляю. Как ты с ним ладишь? Он-то ведь чертыхается через слово.

— Только не при мне. Никогда. Знает, что меня это расстраивает.

— Ты говорила, что мы поездим по городу…

— Думаю, можно поговорить и здесь, так даже лучше. Давай пройдемся.

Вдали за перекрестком сквозь придорожные кусты мелькали огни машин, проносящихся по шоссе номер двадцать семь. У задней стены обгоревшего здания высилась груда досок, прикрытых толем, высотой около полутора метров. Легко вскочив на нее и усевшись, она протянула Джесу руку. Упершись ногой в угол кадки, он вскарабкался наверх и, вздохнув, сказал:

— Я тебе прямо скажу, Энджи, впервые в жизни чувствую себя настолько паршиво. Понимаешь, всегда у меня были только деловые отношения, ничего личного. Но после этих пяти лет появилось чувство, что помимо бизнеса сложилась и более крепкая связь. С тех пор как кончил школу, никто не осмеливался поднять на меня руку, и после того шока я весь день не могу прийти в себя. Понимаю, какая трагедия на него свалилась, но все равно он мог бы вести себя… с большим

тактом, не при тебе и постороннем человеке.

— Ты его страшно разозлил, Джес.

— Это деловая операция, а он все перевел на личности. Не представляю, с чего ты решила, будто сможешь смягчить его.

— А если не получится, что будешь делать?

— Не знаю, Энджи. В конце концов должен ведь я подумать и о себе. Как я удержусь в своей профессии, если все знают, как обошелся со мной Сэм? Я еще как последний идиот спустился вниз, весь в крови, напрочь оглушенный, и объяснял направо и налево, что произошло. Полгорода уже в курсе. И как я теперь взгляну в глаза остальным клиентам? Что мне остается говорить? Только одно: Сэм потребовал, чтобы я сжульничал в его налоговом конфликте, а когда я отказался, он меня вышвырнул.

— Это же все неправда, Джес.

— Я должен защищать свой бизнес. А с чего мне защищать человека, выбросившего меня за дверь? Я должен оберегать и свои джэксонвиллские связи. Могу хорошо потрудиться к выгоде своих клиентов, но только если они меня уважают. Ему следовало об этом помнить, когда распускал руки. Если тебе удастся наладить наши отношения, выгадает и Сэм, и я.

— Есть у меня кое-какие мысли, но сначала мне нужно побольше узнать, из-за чего, собственно, вы поругались?

Джес откусил кончик новой сигары, выплюнув его в темноту.

— Он хотел, чтобы я провернул для него отличную операцию, а сам кое-что скрыл от меня, мне пришлось самому выяснять. Вот он и взбесился. Что она — принцесса или еще кто?

— Джес, мистер Сэм сердился потому, что думал: раз ты догадался, то, наверно, кому-нибудь рассказал?

— Честное слово, я ему поклялся, даже пальцем не… Пораженный, он повернулся к ней:

— Ты, похоже, что-то об этом знаешь?

— Возможно, у меня есть свои способы догадываться.

— Например?

— Например, меня заинтересовало, почему ты столько времени посвящал тем старым досье. Из канцелярии их не брал, а работал с ними тогда, когда мистер Сэм был в отъезде. Делал вид, что занимаешься этим конфликтом с налогами, но проверял документы прошлых лет. И не забирал к себе, в свою контору. Это выглядело странно, Джес. Все свои записки с цифрами, расчетами

комкал и бросал в мою корзинку. Я даже подумывала, не поговорить ли об этом с мистером Сэмом. Джес, ты действительно поступал нечестно.

— Я только делал свою работу.

— Те листочки, бумажки я собирала, они меня удивили, а потом все встало на свои места. Ты подсчитал все доходы мистера Сэма, отбросил налоги и его текущие расходы, сравнил с остатками на счету и понял: оставалась сумма, о которой ты ничего не знал.

— Ты сообразительная девушка, Энджи.

— А знаешь, вряд ли я догадалась бы, если б ты с месяц назад не сказал нечто странное. Вроде бы в шутку, но потом так внимательно следил за мной, так что это ведь была не шутка?

— Что я тебе сказал?

— Но, Джес, ты должен помнить! Сказал, что я так же надежна, как банк, только налогов не требую. Я ни сном ни духом не ведала, что ты имеешь в виду. А позже эти слова натолкнули меня на мысли о наличности, и мне показалось, что именно такие деньги ты искал, но не знал, где они. При первой возможности я обыскала квартиру мистера Сэма, и знаешь, что нашла? В шкафу стоял тщательно уложенный чемодан. А ведь он никуда не собирался ехать. Там были все

необходимые вещи, Джес. Но никаких денег. И еще кое-что меня испугало.

— Что?

— Паспорт с его фотографией, но на другое имя. И всякие деловые бумаги на то же имя. И долговые расписки на тридцать пять тысяч долларов. И кожаная зеленая чековая книжка без имени, с французской печатью, на двадцать тысяч фунтов в цюрихском банке.

— Значит, я был прав.

— Но никаких денег. А на другой день я тебя спросила, нет ли у мистера Сэма серьезных неприятностей.

— Я сказал тебе правду, Энджи, — если его обвинят в мошенничестве, не знаю, как он вывернется. По-моему, такое обвинение было бы ошибкой. Но любой процесс таит неожиданности, и всегда оставалась опасность, что его засадят на год. Но, как оказалось, все прошло очень гладко.

— Эту опасность мистер Сэм никогда не принимал всерьез. Когда за ним пришли бы, его уже давно бы тут не было. Но если ты обо всем этом донесешь, его опять прижмут, и намного сильнее.

— Как только появится надежда уладить наши отношения — никому ни слова.

— Не представляю, Джес, как ты собираешься

их уладить. Ведь если бы ты не начал действовать у него за спиной и не ляпнул ту глупую шутку, я бы не догадалась ни о тех деньгах, ни о том, у кого они. Когда я с ней говорила, чтобы проверить свою догадку, она была убеждена, что об этом мне сказал ты. И похоже, ты, сам не сознавая, сделал это.

— Ты с ней разговаривала?!

— И обманула ее, но с добрыми намерениями. Как-то вечером случайно зашла к ней, и она меня впустила — вся в шелку и кружевах, надушенная. Я сказала: мне известно, что те деньги у нее, и она призналась — да. Я ее обозвала бесстыдной распутницей, а потом выложила свое вранье. Сказала, будто ты собираешься донести на Сэма, чтобы изъять налоги с той суммы, но Сэму ничего нельзя говорить — он может сотворить какую-нибудь ужасную глупость и вызвать новые осложнения. Потом говорю: ты мне обещал немного подождать, а пока я думаю, как заставить тебя молчать, но мне, вероятно, понадобится ее помощь, я дам ей знать.

Джес изумленно уставился на нее. В слабом ночном свете его лицо выглядело светлым пятном, на котором четко выделялась оправа очков.

— Конечно, ему не пришлось бы скрываться,

ни в коем случае, — продолжала она. — Я храню этого человека и телом и душой. Не допущу, чтобы, пока жив, нанесли ему вред. Ничто и никто.

Заметив, что Джес потихоньку сдвигается к краю штабеля, нащупывая одной ногой опору, она быстро добавила:

— Значит, она и сегодня была бы жива, если б ты не действовал у него за спиной, и поэтому, думаю, мистер Сэм уже никогда к тебе не переменится.

Джес дернулся вниз, но она, перевернувшись на живот и вытянув длинные ноги, охватила щиколотками его грудь и одну руку. Джес стоял на земле, шатаясь, он мог стащить ее со штабеля вниз. Опустив лицо, она ухватилась руками за верхние доски. Джес, задыхаясь, царапал слабыми пальцами плотную ткань ее комбинезона, а она постепенно усиливала нажим, чувствуя, как мускулы на ее длинных, гладких ногах твердеют, словно мрамор.

Джес внезапно бессильно обмяк. Подержав его еще с минуту, она разжала ноги, позволив телу упасть. Не торопясь, сползла со штабеля вниз и, встав над ним, натянула бумажные перчатки. Склонившись над телом, положила руку на горло, ощущая его быстрое, прерывистое дыха-

нье. Выпрямив его вялые, бессильные ноги, она резким рывком вскинула его колени на плечо. Стала продвигаться мелкими шажками, придерживая на груди колени, чувствуя, как мужская рука при каждом шаге легко касается ее бедра сзади. Подойдя к машине, левой рукой открыла дверцу со стороны водителя и, сбросив тело, втиснула на сиденье перед рулем. Падая, он чуть не нажал локтем на клаксон, и это напугало ее: склонив голову, она внимательно осмотрела все вокруг, прислушалась. Затем, пригнувшись, поставила тяжелые ступни на педали, попробовала выпрямить тело за рулем. Джес сидел, сгорбясь, уткнувшись подбородком в грудь, и слабо хрипел.

Присев перед дверцей, она стащила перчатку с правой руки, а левой рукой придержала его правое плечо, чтоб не падал. Твердыми, расставленными пальцами правой руки зарылась в мягкую диафрагму слева, выше ноздреватой точки пупка, точно под дугой последнего ребра. Ей мешала рубашка. Расстегнув и распахнув ее, она опять погрузила пальцы глубоко в мягкую плоть, стараясь проникнуть за край ребер. Вялость Джеса вызывала отвращение, но она, напрягаясь, старалась просунуть руку поглубже. Пришлось

опереться локтем, и наконец что-то поддалось, внутренние ткани стали мягко разрываться. Джес Гейбл издал стон и пошевелился.

— Ну-ну, — зашептала она. — Сейчас все кончится, вот-вот. Подушечки ее пальцев упирались в твердые ребра, рука — глубоко в теле скрюченного мужчины. Она ощутила, как пульсирует горячая мышца, величиной в два кулака, ударяется, упругая, как резина, о кончики указательного и среднего пальцев.

Вот она — суть и основа Джесова бытия. Передохнув, она вдруг вновь представила себя Жанной Орлеанской, стоящей среди вздымающихся языков пламени, и опять примешивались ощущения красной кобылицы. От напряжения руку схватила судорога, но она переждала ее. Джес шевельнулся. С усилием превозмогая себя, она отделила один палец и резко воткнула его в сердце — оно дрогнуло, затрепетало, но палец продолжал давить, пока мышца не затихла. Джеса охватила долгая дрожь, из горла вырвался слабый звук, похожий на позыв рвоты. А ее заливали волны сладостного обжигающего чувства, лишающего сил. Вытащила руку из глубокой ямки, которая тут же исчезла. Ей пришлось на минутку присесть — закрыв глаза, глубоко зады-

шала ртом, а затем, натянув правую перчатку, ловко застегнула и заправила рубашку на трупе. Захлопнув дверцу и обойдя машину, уселась с другой стороны и, прижавшись вплотную к Джесу, завела мотор. Поставила передачу на малые обороты, и машина тихонько стронулась с места. Она направилась вниз по Тайлер-стрит, зажгла фары и на увеличивающейся скорости выпрыгнула из машины, захлопнув дверцу. Добежав до школьного двора, встала в тень, следя за авто, которое начало сворачивать налево. Колеса перевалились через край тротуара, а Энджи, пробежав несколько метров, затаив дыхание, прислушалась: машина с треском продиралась сквозь кусты, потом раздался глухой удар — шум ломаемых веток утих, но мотор продолжал работать.

* * *

Она была уже в постели, когда раздался звук сирены, сменившийся шумом мотора, затихшего неподалеку, — цель была достигнута. Энджи вспомнила про синяк, но если его заметят, подумают, что он от удара о руль. И если, сжимая его ногами, она повредила ребра, что ж, объяснение напрашивается то же самое.

Убедившись, что полиция отбыла, забрав добычу, она встала в темноте. Комната ее была маленькой и скромной. Из нижнего ящика письменного столика достала плоскую шкатулку с крупными деревянными четками. Откинув крышку, поставила ее у окна. Высоко закатав пижамные брюки, встала коленями на цветные четки, постепенно перенося вес, потом выпрямилась, соединив ладони, в типичной позе молящегося. Боль и одержимость нарастали, она отдавалась горячей волне, ожидая освобождения. Когда боль стала непереносимой, перед закрытыми глазами заплясали знакомые туманные клубки, застыли губы. Дыхание стало медленнее и глубже, веки затрепетали. Боль исчезла — теперь ее колени упирались в легчайший пух.

Ей не требовалось подыскивать, выдумывать слова — они стояли перед закрытыми глазами:

— Я Твой покорный воитель, Господи, твой благородный, карающий меч справедливости. Дай мне силы, смирение и послушание, чтобы исполнить Твои веления. Я взяла жизнь у Иуды и стяжателя, как Ты велел. Но я не столь бесповоротна, как святая Жанна. Мне пришла в голову еще одна мысль, но не знаю, праведная ли. Помоги мне. Исполнение Твоих велений не должно

бы доставлять такое бурное, безмерное наслаждение. Это дерзость. Мне следует действовать с холодной головой и печалью в сердце, с молитвой об их душах. Но я забываю о молитве. Испытай меня. Возьми меня. Наставь на путь истинный. Прости меня.

Медленно подняв расставленные, ладонями вверх руки, запрокинула голову назад. В чернейшей тьме страстно ждала наступления полной отрешенности. Сначала застыли, затвердели и потеряли чувствительность пальцы, онемение распространялось вниз, и ее дыхание стало замедляться. Уже деревенеют плечи, спина, живот — все волокна мышц твердеют, как камень, бедра, внутренности, все ткани превращаются в неподвижную скалу.

Когда стало неметь лицо, прежде чем окунуться в чернейшую тьму, быстро сказала себе тонким внутренним голоском: “Один час”.

* * *

Выбираясь из темноты, почувствовала, как одновременно расслабляются все мышцы. Руки ее упали, и она встала. Чувствовала себя одурманенной и слабой, но отдохнувшей и освеженной. Убрав шкатулку с четками и улегшись в постель,

спустила пижамные штанины. На коленях от долгого, нечеловеческого давления отпечатались глубокие ямки, но боли не ощущалось. Научилась этому в двенадцать лет, тогда она читала про Орлеанскую Деву, и плакала, и сама пробовала держать руку над пламенем свечи. Когда не выдерживала боли, плакала снова — из-за своей слабости. Но пробовала опять и опять и, наконец, однажды вечером положила руку высоко над пламенем и медленно-медленно опускала ее — со скоростью минутной стрелки. И в тот вечер открыла тайну, как призывать на помощь тьму, как превратить пламя в нежный поцелуй, а запах горелого мяса в цветочный аромат — это было таинство святой Жанны. Но приходилось скрывать слишком много ожогов, затвердевших белых шрамов на правой руке от кисти до локтя. Перепробовала многое и в конце концов пришла к выводу: четки выполняют эту роль не хуже, и пользовалась ими вот уже восемь лет, утверждаясь в мысли, что из миллионов она и есть та единственная избранница.

Когда она уже погружалась в сон, невидимое сердце забилось в ее руке, но теперь она сунула ладонь так, чтобы охватить его целиком, и когда сжала, внезапно проснулась, вся охваченная

ощущениями красной кобылицы: учащенное дыханье, легкость внизу живота, спина напряжена и изогнута; кожа у нее свербела, соски на грудях набухли и были болезненно чувствительны. Она легла на спину, и тело ее постепенно расслабилось. Подняв правое колено, изо всей силы трижды ударила кулаком по бедру. И сразу же стала раздумывать, кого ей укажут следующего. А вдруг это окажется мистер Сэм, что она сделает? Хватит ли у нее сил, энергии? Мистер Сэм — большой грешник, но скоро он прозреет и откажется от плотского бесстыдства, а потом увидит Истину и бросится на колени, умоляя о прошении. А она опустится рядом и станет наставлять, что ему нужно говорить.

Подыскивая слова, которым она его научит, Энджи снова погрузилась в глубокий, безмятежный сон совершенно здорового существа во цвете физических сил.

Глава 9

Медленно, осторожно поднимаясь по трапу на яхту Хансона, Пол Станиэл не слышал ни звука, кроме ворчанья кондиционеров. На палубе заглянул в каюту — там горела лампа под голубым абажуром, а на постели кто-то спал.

— Пол? — Неуверенный голос донесся откуда-то справа. Быстро обернувшись, он увидел, как Барбара Лоример поднялась с шезлонга и нерешительно шагнула в его сторону, а когда он откликнулся, бросилась к нему.

Обняв ее за плечи, он удивленно сказал:

— У вас же совершенно мокрое платье!

Раздался приглушенный не то смешок, не то всхлипыванье:

— Было значительно хуже, сейчас уже немного обсохла. Боже мой, какой безумный, ужасный вечер. — Она отстранилась. — Простите. Я не в лучшей форме. Но не пьяна. Хотя и была недолго.

— По телефону у вас такой странный голос.

— Аппарат у постели Келси, а я ни за что на свете не хотела разбудить его. Пол, пожалуйста, заберите меня отсюда. Я вам три раза звонила…

Они направились к лестнице.

— Как раз был звонок, когда я зашел. Вы все взяли? А сумочка?

— Где-то оставила. Если в мотеле есть запасной ключ от номера, ничего страшного. Мне так стыдно за себя.

Спустившись на берег, Станиэл взял ее под руку и повел по дорожке.

— Знаете, Пол, эти люди вовсе не какие-нибудь развращенные чудовища — они просто глупые. Глупые, вульгарные, чванливые. И так усердствуют! И мне пришлось вести себя тоже по-дурацки. Все вам расскажу, как на исповеди.

— Не стоит.

— Мне это пойдет на пользу.

— Смотрите под ноги. Вот и машина.

Когда они свернули на дорогу в город, Барбара спросила:

— Помогла вам чем-нибудь та студентка?

— Нет. Но оказалась совсем другой, не такой, как я представлял. Она мне понравилась. С ней я чувствовал себя о'кей. Она еще не хлебнула горя, но основные инстинкты у нее функционируют исправно, и они швыряют ее, как стрелку компаса, которая всегда наконец успокаивается и показывает верное направление. Но девочка

противится этому изо всех сил. Все время из кожи лезла, стараясь ошеломить своими эмансипированными взглядами. Но меня этим не удивишь — нагляделся на ребятишек ее возраста, которых подбирали одуревшими от наркотиков, больных. Такой работы полицейским всегда хватает.

— Я… я тоже вытянула пустой номер. Заговорщик и сыщик из меня хуже некуда.

Она вынуждена была прервать рассказ, так как они подъехали к административному корпусу мотеля. Барбара пошла просить ключ и, вернувшись, подошла к окну машины:

— Этот кусок я пройду и одна. Может, поставите машину и минут через десять зайдете ко мне дослушать остальное?

* * *

Дверь открылась сразу, как только он постучал. На ней был желтый купальный халат, лицо умытое и румяное, а волосы закрывал тюрбан из полотенца.

Когда они сели, Барбара виновато сказала:

— Уже час ночи. Выслушивание исповеди не входит в ваши обязанности. Поставьте в счет сверхурочные. Пол. На чем я остановилась? Ага. Келси вел меня, как показалось, несколько кило-

метров по мокрому лесу, а я тащилась за ним, как идиотка, и насквозь промокла. Потом завел по той лестнице в каюту и втолкнул в кресло. Смешал две крепких порции, один стакан сунул мне. Поверьте, я только притворялась, что пью. А сам уселся на постель и завел загадочный монолог. Не понимаю, как он сумел так ужасно и молниеносно опьянеть. Кажется, был уверен, что я Луэлл. И было в нем что-то… страшное. Понимаете? У меня не было сил проявить малейшее несогласие или протест. Этому Фербриту он ведь основательно врезал, может, даже серьезно его ранил. Келси безостановочно говорил, бормотал что-то, многое я вообще не разобрала. Но ясно было, что хотел уговорить Лу вернуться. Все вроде бы изменится. И таращился на меня влюбленными глазами, и твердил, как меня осчастливит, если возьмет к себе в постель. Я тогда уже была трезва, клянусь. Если добраться до двери, можно бы сбежать, но он был к ней ближе. И вдруг Келси на полуслове замолк, повалился на бок и захрапел. Когда я совершенно убедилась, что он спит, позвонила вам. И ждала, и опять звонила. А когда наконец дозвонилась и вы обещали приехать, выбралась на палубу и опять ждала…

— А по нашему делу никаких результатов?

— Ничего, если не считать догадок Джорджа Фербрита о тайных доходах Сэма Кимбера, его суровом, жестоком окружении и тому подобном. Она нахмурилась, покачав головой.

— Ах, у меня столько всяческих оправданий: была опустошена свалившимся несчастьем. Как последняя идиотка, выпила тот огромный бокал мартини. И во время грозы, в темноте, когда погас свет, все казалось каким-то нереальным. А он — искушенный, зрелый, самоуверенный и очень привлекательный. Понимаете, если мужчина хоть чуточку колеблется, извиняется, не очень уверен в себе, легко сказать “нет”. А если вас просто куда-то несет… ах, к черту, Пол, оправдывайся хоть до Судного дня, все равно всегда с отвращением придется помнить: пока я позволяла уносить себя как спящую дурочку, воображая, что это какая-то идиотская забава, тот старый лис между двумя поцелуями затащил меня в кусты. Меня в холод бросает, когда подумаю — еще пара минут, и было бы уже поздно. Отвратительные воспоминания!

— Но ведь свет загорелся, и этого не случилось.

— Господи, Пол, я же приехала сюда не для того, чтобы заниматься самобичеванием. Когда-то пару раз я позволила себе сойти с пути истинного и

оба раза горько раскаивалась, но никогда еще не чувствовала себя развратной, дешевой девкой.

— Возможно, в том обществе что-то носится в воздухе. Она ответила с улыбкой:

— Очень мило с вашей стороны. А мне стыдно. Ведь я считала себя совершенно трезвым, рассудительным человеком, оказывается — нет. А теперь еще вдобавок стыжусь этого… интимного стриптиза. Так что, возможно, возвращаюсь к былой трезвости.

— Кроме меня, вам не с кем поделиться.

— Естественно… И от этого еще хуже.

— Вы здесь ни при чем, Барбара, — просто я способный полицейский. Изображаю на лице понимание, киваю в нужных местах, ловлю каждое слово и сочувственно похмыкиваю. Люди рассказывают все.

— Охотно верю — конечно, рассказывают вам, бедняжка. А вам-то хоть бы что.

— Иногда — верно, а порой и нет. Но если хочу узнать больше, всегда в подходящий момент задаю необходимый вопрос.

— Например?

Он помедлил, облизнув пересохшие губы.

— Хорошо. Кто такой Роджер?

Застыв, она сжала губы. Их взгляды встрети-

лись, и он первым отвел глаза, с тревогой ощутив, насколько натянута ниточка их взаимного влечения.

— Вы действительно профессионал, Пол.

— Вопрос снимается. Это была ошибка.

Барбара взяла сигарету из пачки на столе. Под высоким тюрбаном ее гладкое лицо выглядело как бесстрастная, пустая маска. Из остроугольного выреза халата ее шея вздымалась подобно тонкому, крепкому стеблю с затененной впадинкой внизу. Биения жилки на шее заметно не было, но он уверен — коснись губами, он почувствует взволнованный поток крови. Его затопила волна мучительного желания, и, сдерживаясь, он напряг мышцы, стиснул челюсти до скрипа в зубах. Барбара по-прежнему молча смотрела прямо перед собой, серьезная и задумчивая. Вот она шевельнулась на стуле, усаживаясь поудобнее. Каждое движение рук, ног, всего тела поражало плавностью, изяществом, волнующее очарование излучали и горько сжатые губы, прикрытые веки, упругие, широко расставленные груди. Он уже не мог дальше обманывать себя, твердя, что это всего лишь обыкновенная девушка, серьезная, но озабоченная и самовлюбленная. Страсть открыла простор волшебству преображения, и

он был не в силах подавить желание открывать в ней все новые достоинства и совершенства.

Барбара печально и с вызовом посмотрела на него сквозь дымок от сигареты.

— То письмо, конечно же. Вот видите — задаете необходимый вопрос, а в ответ получаете нудную историю. Роджер весьма положительный тип, серьезно. Наверно, года на два старше вас, с печальными, терпеливыми глазами. У вас он наверняка вызвал бы улыбку. Мужчина, наполовину уцененный: трое детей и скучная, глупая, совершенно стандартная жена. Но очень простодушная и беспомощная. Ну, вам же известны все стадии такой связи. Начнем с того, что он мне понравился — как собеседник и сослуживец. Сидели с ним весь день в одной и той же конторе, подсмеивались над одними и теми же шутками. Потом обнаруживается — у вас так много общего, что все превращается в полунадуманную, романтичную любовь, сладкую и горькую, смешанную с печалью, так как оба понимаете — ничего изменить нельзя. И все вокруг затягивается какой-то странной туманной завесой, так что всякие мелочи приобретают особый, многозначительный смысл. Потом постепенно, шаг за шагом, вы оба убедите себя и друг друга в том, что вроде бы

заслужили, чтобы вместе лечь в постель. С этим связаны клятвы, интриги, колебания и девичий страх перед неизвестностью. И, разумеется, все будет изумительно — наш кусочек счастья. Ах, мы так возвышенны, так чисты, что мелкая вульгарность таких встреч нас не коснется!

— Что вы собираетесь делать?

— Все уже позади, Пол Станиэл. Мы очень быстро прошли стадию вздохов и свиданий с выпивкой при свечах. Нас обоих весьма удивило, что в результате таких встреч верх стала одерживать физическая близость, а мы ведь никогда раньше не пробовали взглянуть на себя с этой стороны. То, что должно было обозначать подтверждение, символ любви, превратилось в самоцель, и мы были так поглощены, заняты этим, что на любовь не оставалось времени. Вся история тянулась уже долго, и вот однажды я, как обычно, пришла в наше убогое пристанище. Рождер в тот день запаздывал. Я встала к окну и смотрела на людей внизу с высоты третьего этажа. Напротив через улицу был бар. Оттуда вышли мужчина и женщина — немолодые. Они остановились; мне показалось, у них ссора. Вдруг мужчина схватил женщину за воротник пальто и стал осыпать ее пощечинами, у той только голова

моталась из стороны в сторону. Я еще со своей возвышенностью брезгливо подумала, как это вульгарно, низко, жестоко и позорно. Мужчина оттолкнул женщину, и она, сутулясь, с плачем побрела от бара. А тот, подбоченясь, постоял в дверях, глядя ей вслед, потом, сплюнув, вернулся в бар. Отойдя от окна, я обвела глазами комнату, освещенную скудным зимним светом. Никакое это не гнездышко любви — одна постель да голые стены вокруг. Нам уже не о чем было говорить. И вдруг я поняла, что не представляю себе даже лицо Роджера. И в таких комнатушках встречались тысячи и тысячи людей вроде нас, которые утоляли свою безудержную страсть, забывая лицо друг друга, не зная, о чем поговорить. Это ведь гораздо вульгарнее, чем быть избитой на улице. И неужели это я — в такой комнате? У меня было чувство, словно я пришла в себя в больнице после болезни, ничего не понимая. Я сбежала оттуда в страшной спешке, сознавая, что, если он еще застанет меня, вряд ли когда-нибудь наберусь сил уйти. На следующий день после работы мы сидели за чашкой кофе в переполненной забегаловке. И опять нам не о чем было говорить. Такое получилось прощанье. При случае я рассказала обо всем Лу. Наверно, она старалась понять меня,

но смотрела на меня как-то странно — словно я призналась ей в воровстве. Или что употребляю наркотики. Моя исповедь оказалась напрасной. А меня перевели в другой отдел.

Взглянув на него, Барбара иронически усмехнулась:

— Я-то воображала, что единственная-неповторимая. И любая ситуация, в которой окажусь, будет особой потому, что это я. А очутилась в одной из самых банальных и жалких ситуаций на свете. Конторская любовь. Если записать все, что говорили сначала мы и еще сто пар, наверно, разница была бы только в именах. Все остальное — одинаково.

На глаза ее набежали слезы, они медленно текли по щекам, но выражение лица не изменилось.

— Вы умеете так хорошо слушать, — сказала она, вытирая слезы рукавом халата.

— От кого вы сейчас открещиваетесь?

— От обоих, Пол. От обоих.

— Теперь вы сможете заснуть?

— Почему вы думаете, что до этого я не смогла бы?

— Слишком большое напряжение, взвинченность. Сейчас уже, вижу, прошло.

Он поднялся. Распахнув дверь в теплую темноту ночи, вдруг обернулся, схватил ее за руки выше локтя и сразу ощутил неуверенность, ранимость, подавленное волнение — все, что ее переполняло.

Пол дружески, мягко встряхнул ее.

— Выспитесь хорошенько, — произнес он и шагнул в темноту. Услышал, как закрылась дверь, и медленно двинулся к своему коттеджу, наслаждаясь чувством собственной силы и самообладания. Ведь он мог ее взять — была совершенно податлива и готова отдаться. Загнанная в угол добыча, безжизненная, покорная жертва. Ей это не доставило бы радости. Ничего, время и сон — лучшие целители.

Уже в постели мелькнула мысль: может, уже никогда больше не повторится подобная доступность, и вся его самоуверенность испарилась. Пожалуй, он выбрал неподходящее время для жалости. Широкий небосвод бархатной ночи раскинулся над десятками тысяч разметавшихся, спящих в тишине девушек с округлыми ногами — нежными, влажными от пота и золотистыми от загара, — со сладким дыханием и мягкими, длинными волосами, разбросанными на подушке. Ворочаясь на жестком холостяцком ложе,

он любил каждую и желал любую из них — без имени, без усилий, без сожалений — сладостное поклонение в святилище девичества среди таинственной ночи.

Глава 10

Шериф Харв Уэлмо, остановившись на потрескавшемся тротуаре Тайлер-стрит, хмуро и раздраженно смотрел на Пола Станиэла.

— Черт побери, не могу же я действовать только на основании вашей интуиции.

— Я просто обратил ваше внимание на то, что слишком много совпадений.

— А для меня важны только факты, обнаруженные при расследовании. Из конторы он вышел приблизительно без четверти двенадцать. Похоже, собирался вернуться, если бумаги оставил разложенными на столе. Обычно, говорят, все при уходе убирал. Возможно, началось сердцебиение, приступ, а в помещении было душно, и он решил проветриться. Я знаю, Сэм Кимбер вчера выгнал его и собственноручно вышвырнул из конторы. Значит, он поездил немного, может, все еще чувствовал себя нехорошо, а когда схватило сердце, не успел затормозить. Ноги на педали не было, поэтому машина двинулась без особой скорости. Видите, там она перевалила через тротуар, потом пошла туда, вот следы, к той пальме, в которую и врезалась, но не сильно. Затем позвонила эта

Энтри — из окна спальни увидела машину среди кустов с включенными фарами и работающим мотором. Наш человек проверил сообщение и вызвал “скорую”, но она уже не потребовалась. Черт меня побери, Станиэл, у этого парня был горячий день: потерял важного клиента, произошла бурная ссора. Кстати, врач говорит, что умер от инфаркта.

— Не волнуйтесь, шериф. Я только сказал о странных совпадениях. Что ему здесь было нужно?

— По-моему, он просто собирался проехаться. Эта улица никуда не ведет. Просто катался ночью.

— Он замешан в деле Луэлл Хансон.

— Каким образом? Почему? Потому что давно работал на Сэма Кимбера? Станиэл, я уже говорил и повторяю снова: если раскопаете какой-то факт, доложите мне, и я продолжу расследование. Дело еще не закрыто. Но я просто не могу двигаться дальше, если нет ни единой зацепки. Есть у вас факты?

— Пока нет.

— Тогда, простите, я должен вернуться в контору, у меня куча неотложных дел. Кажется, приятель, вы собираетесь затянуть дело, насколь-

ко удастся.

— На этот раз нет, шериф. Благодарю за содействие.

* * *

Бетти — секретарша Джеса Гейбла — оказалась небольшой, худощавой женщиной с седыми волосами, холодным лицом и шармом насоса бензоколонки. Через силу позволила Полу Станиэлу воспользоваться телефоном. Он позвонил наверх, Сэму Кимберу, объяснив, чего добивается, и тот попросил к телефону мисс Бетти. Пол передал трубку. Слушая выразительный рокот голоса Сэма, наблюдал за Бетти: выражение лица ее не изменилось, но на лбу выступил пот, а по щекам пошли пятна. Положив трубку, она объявила:

— Все это очень странно.

— Внезапная смерть всегда бывает несколько странной.

— Ну что ж, проходите.

Она впустила его в кабинет Джеса. На большом столе громоздились кипы списков, папок, документов.

— Шериф уже осмотрел помещение, — сообщила она. — Как только мистер Греди освободится, он во всем разберется. Вы должны понимать, что

я соглашаюсь исключительно из любезности, ради мистера Кимбера. По моему мнению, у вас нет никаких оснований находиться здесь. Делайте, что вам нужно, поскорее — у меня есть и другая работа.

Скрестив на груди руки, она встала у стола.

Пол, усевшись в кресло Джеса, просмотрел бумаги на столе — похоже, все они были связаны с обширным бизнесом Сэма Кимбера.

Среди папок оказался большой блокнот для заметок, первый, верхний лист испещрен каракулями из букв и цифр. На приставном столике стоял кнопочный телефон, рядом — другой блокнот, поменьше. Подтянув столик поближе, он внимательно изучил первую страницу и после короткого раздумья, поднявшись, решительно вырвал лист из блокнота.

— Ни один клочок бумаги не будет вынесен из конторы, — заявила секретарша.

Он подал ей листок. Бетти посмотрела на него, потом обратила растерянный взгляд на Стаиэла:

— Здесь же одни каракули… И все равно вам нельзя его забирать.

— Есть у вас ксерокс или что-то подобное? Мне нужна копия. А оригинал спрячьте в надежное

место.

Она возмущенно вздохнула, но предложила подождать в приемной и вскоре принесла отличную копию. Забрав ее. Пол поднялся в офис Кимбера. Энджи Пауэлл, свежая, веселая, в голубой юбке и бело-голубой полосатой блузке, одарила его подчеркнуто сияющей улыбкой, и ему подумалось, что такая любезность распространяется только на людей, пользующихся расположением Кимбера.

Пройдя в кабинет, он плотно закрыл за собой дверь.

— Ну как там внизу?

— Ничего особенного.

— Надо бы поручить Брунеру и Маккейбу забрать оттуда досье. Я вот все утро раздумываю: помогло ли то, что я сотворил, убить этого мерзавца?.. Что вы там обнаружили?

Станиэл положил перед ним листок и, обойдя стол, стоя над Кимбером, изучал его.

— Что это означает?

— Возможно, ничего. Может, здесь что-то из его записей за прошлую неделю. Но вот здесь цифра двенадцать, она подчеркнута, а ведь из офиса он ушел без четверти двенадцать.

— То есть это могла быть встреча, назначенная

по телефону?

— Если так, то другие записи могут помочь выяснить, с кем была встреча.

Кимбер показал пальцем на небрежную зарисовку женской фигуры с большим бюстом.

— Может, с женщиной? А это что за буквы — м-б-л?

— Не знаю, но смотрите сюда: Тайлер. Вот почему я заинтересовался листком. Тайлер-стрит. Ведь он умер там.

— А перед этим словом инициалы — Э.П. Тайлер. Не может это быть улица. Как странно, от этого “м-б-л” вроде дым нарисован… Почему?

— Понятия не имею.

— Постойте! На Тайлер-стрит был магазин мебели, он обгорел в пожаре около года назад. Господи, Станиэл, не слишком ли мы увлеклись? Тут столько начиркано, можно отыскать все, что захочешь.

— Давайте съездим туда, посмотрим. Кимбер, помедлив, пожал плечами:

— А почему бы нет?

Недалеко от штабеля досок, прикрытых толем, Сэм Кимбер обнаружил сигару. Подняв ее, размял в пальцах.

— Сухая, — констатировал он. — Значит, в

дождь ее здесь еще не было. Не могу разобрать — это марка, которую курил Джес, или нет. Вот если бы увидеть обертку.

Станиэл нашел ее в траве. Кимбер подтвердил — Джес курил этот сорт. Пол теперь осмотрел все вокруг с особой тщательностью и отыскал еще окурок, такой же сухой, как незажженная сигара, а затем обнаружил кучки пепла, которые в дождь были бы смыты, а значит, подтверждали, что какое-то время Джес провел здесь.

— Ну, и что мы имеем? — спросил Сэм.

— Напрашивается всего лишь гипотеза: в полночь у него здесь была встреча. Возможно, сидя на досках, ждал. Может, тот, другой, пришел, а может, и нет. Снял обертку с сигары, откусил конец, но не закурил. Почему? Вдруг ему стало плохо, отбросил ее, кое-как добрался до машины и отъехал, прежде чем умереть. А может быть, тот другой сунул его в машину. Может, он умер от волнения, а они втиснули его внутрь и завели мотор. Жаль, что на этом проклятом покрытии не остается никаких следов.

— Не много набралось, а?

— Мало, чтобы я мог обратиться к Уэлмо. Достаточно, чтобы передать все в лаборатории полиции и обыскать это место до последней тра-

винки. Но для Уэлмо этого не хватит.

Они осторожно, медленно дошли до края тротуара, Станиэл внимательно следил, не появятся ли новые улики.

Кимбер, нахмурясь, оперся о машину.

— Кажется, мы оба думаем об одном и том же. У меня теперь нет возможности припереть Джеса к стенке, а если бы припер, что-то из него выжал бы. И кто-то лишил меня этой возможности. Так?

— Теперь очередь за вскрытием, если бы удалось склонить к этому Уэлмо.

— Я его склоню, — мрачно пообещал Кимбер.

Он обошел машину, чтобы сесть за руль, но вдруг застыл как вкопанный.

— В чем дело?

— Идите сюда.

Станиэл в недоумении последовал за ним через дорогу, потом прошли несколько метров до школы. Сэм показал на строение за школьным двором.

— Видите тот дом? Серый? Там живут Пауэллы. Энджи. Энджи Пауэлл. Э.П. Помните, в блокноте нарисована женщина? Он впился глазами в собеседника:

— Видите, до чего можно дойти с вашими гипотезами? До идиотских выводов.

— Вы уверены?

— Послушайте, я знаю Энджи, как…

— Вы сказали ей, что Джес, возможно, постарается вам напакостить.

— Да, и она расстроилась, потому что очень мне преданна. Вот и все. Боже милостивый, Пол, если бы она стала карать любого, кто…

— В ней есть что-то странное. Знаете, она не одобряла вашу связь с Луэлл.

— Странное? Она просто очень чувствительная, набожная, неиспорченная девушка!

— Зачем же так кричать, Сэм?

Достав платок, Кимбер вытер лицо.

— Я уверен только в одном: мы ошибаемся. И все.

— Но Энджи многое знает о ваших личных делах, привычках, Сэм. Могла узнать и о тех пропавших деньгах.

— Откуда?

— От Джеса.

— Господи, Станиэл, не знаю.

— Девушка сильная, молодая.

— Ее все любят.

— Ив воде чувствует себя как рыба.

— Зачем бы ей понадобились те деньги?

— Дело в деньгах? Не знаю. Когда я первый раз

дожидался вас в приемной, она разговорилась. И показалась мне очень чудной. Я бы за нее не поручился. Была очень встревожена, взволнована.

Кимбер опять вытер лицо.

— Представьте себе: ежедневно видите в конторе такую девушку. Поневоле задумаешься — кровь с молоком, бюст, бедра. Ну я и попробовал к ней подобраться. Это было еще до знакомства с Луэлл. Как она на меня посмотрела! Впору было расплакаться. Сказала, что обещала Богу и своей мамаше никогда не делать никаких мерзостей. В тот момент даже решила уволиться. Не знаю, Пол. По-моему, мы свихнулись.

— А по-моему, нужно действовать. Если мы на верном пути, следует побольше узнать о ней. В работе полицейского важна позиция силы. Допрашиваемый не может решить, что признавать, что отрицать. Надеюсь, если с ней поговорить, я получу представление о том, насколько мы ошибаемся. Или не ошибаемся. Успеем застать ее до обеденного перерыва?

— Времени еще достаточно.

— Скажите ей, чтобы пошла со мной обедать и помогла мне, но не говорите в чем.

Вернувшись к машине, они уселись. Сэм Кимбер покрутил головой:

— Противно все это. Уверен, стоит мне войти в контору и увидеть ее, сразу станет ясно, что мы здесь наговорили кучу глупостей.

* * *

Официантка проводила их в глубь зала к столику на двоих. Следуя за Энджи, Пол заметил, как оборачиваются на нее все мужчины, обводя ее взглядом от непослушных локонов до красивых золотистых ног. Голубая юбка волновалась вокруг бедер, подчеркивая округлости, а широкие плечи, обтянутые бело-голубой полосатой блузкой, контрастировали с узкой талией. Тут и там раздавались возгласы:

— Привет, Энджи!

— Чао, Энджи!

— Добрый день, мисс Пауэлл.

Она здоровалась, кивала, сияя улыбкой. Станиэлу доставались холодные, подозрительные взгляды.

Пол помог ей усесться, устроившись напротив. Улыбаясь, с сияющими глазами она заметила:

— Я почти всегда вместо обеда обхожусь сандвичами, мистер Станиэл, так что сегодня у меня знаменательное событие. Официантка поставила стакан с водой.

— Вчера, Энджи, вы нас крепко обставили.

— Ну и ты не терялась, Клер. В два захода уложила весь ряд.

— А что было делать?.. Говядина в маринаде сегодня очень удалась.

— Хорошо, пусть будет говядина. Клер — это мистер Станиэл, страховой агент. Клер Уикли.

— Очень приятно. Я сама сегодня ее брала, в самом деле вкусно.

— Значит, две говядины, — сказал Пол. — И кофе.

— Мне молоко, — вмешалась Энджи. Когда официантка отошла, она взглянула на Станиэла уже без улыбки, испытующе. — Мистер Сэм держался так загадочно, когда отправил меня с вами обедать, мистер Станиэл.

— Лучше — Пол.

— А вы меня зовите Энджи, хорошо?

— Вчера вечером вы играли в кегли?

— У нас была встреча с командой Клер, мы начали плохо, а потом повезло. О чем вы хотите со мной говорить. Пол?

— Энджи, на самом-то деле я не страховой агент.

— Как?

Он наклонился к ней через стол.

— Я должен расследовать убийство Луэлл Хансон.

— Что? — удивленно переспросила она. — Ну что вы. Пол! Если это было убийство, здесь целыми днями ни о чем другом и не говорили бы.

— А разве убийство не могло быть?

— Ну… наверно, могло. Но вряд ли есть доказательства. Кому ее нужно убивать? Вы шутите со мной?

— Я говорю совершенно серьезно. И рассчитывал получить очень важную информацию от Джеса Гейбла. Именно об этом я вчера говорил с ним по телефону.

Как назло, точно в этот момент официантка принесла заказ, и он не сумел проследить за реакцией девушки. Энджи с аппетитом принялась за еду, а потом небрежно спросила:

— А что мог знать Джес?

— Энджи, я пригласил вас на обед не для того, чтобы выспрашивать, что было известно Джесу об убийстве Луэлл Хансон.

— Фу, что за слово — “убийство”. Что же тогда вы хотите спросить?

— О чем вы говорили вчера вечером с Джесом?

Если у нее и дрогнула рука с вилкой на пути к хорошенькому рту, то заметить это было почти

невозможно. Но выглядела уже не так приветливо.

— С чего вы взяли, будто я вчера говорила с Джесом?

— Он сказал, что вы должны встретиться. Казалось, она ничуть не встревожилась — выглядела просто серьезной и озабоченной, когда решительно произнесла:

— Я с ним не виделась.

— Почему же он так сказал?

— Не знаю, поможет ли вам это. Дайте мне чуть подумать. Быстро доела обед и, отодвинув тарелку, оперлась локтями на стол.

— Рано или поздно я собиралась рассказать мистеру Сэму, но могу сейчас сообщить и вам, так как вижу, что вы на ложном пути. Вы следователь, значит, можете проверить мои слова. Вчера вечером во время матча кто-то мне звонил, но я подойти не могла. Я знала, что звонил Джес, и представляла зачем. После игры мы с подружками зашли к Эрни, посидели и разошлись. Тогда я ему позвонила из автомата, номер его конторы я знаю. Он был страшно расстроенный. Его мучило, что потерял такого клиента, как Сэм, и, думаю, он хотел, чтобы я помогла его вернуть. Хотел увидеться со мною, вроде бы у него появились

идеи, и нужно посоветоваться. Я ответила: не хочу, чтобы меня видели с человеком, которого мистер Сэм выгнал. Он чуть не плакал, уверял, что я не прогадаю. Упрашивал, умолял. Но честное слово, видеть его мне не хотелось. Потом он добавил, что в полночь отправится поездить и припаркуется недалеко от сгоревшего магазина мебели, близко от нашего дома, там нас никто не увидит, поговорим, и я не пожалею. Но я не согласилась. Сейчас не знаю, ездил он туда или нет, меня это не волнует. Но если инфаркт получил на Тайлер-стрит, может, и приехал туда, надеясь, что я передумаю. Если он сказал вам о встрече со мною, то просто выдал желаемое за действительное. От Эрни я сразу поехала домой, немного поболтала с мамой, а потом легла и, конечно, никуда не выходила. Можете спросить у наших. Я уже засыпала, когда услышала сирену, но мне и в голову не пришло, что это связано с Джесом, который умирает недалеко от нашего дома.

Она взглянула на него с неподдельным, естественным огорчением. Перед ним было спокойное лицо стопроцентной американки, в уголках рта небольшие морщинки, на высоком лбу — два пятнышка, оставшихся после кори, над верхней губой золотистый пушок, у внешних уголков

глаз морщинки от прищура на солнце, крошки пирожного на энергичном подбородке. У корней упругих волос просвечивала белая кожа. Блузка без рукавов обтягивала гладкие сплетения мышц, при движении напрягшихся под упругой кожей. Ему почудилось, что перед ним огромный, увеличенный образ девушки, и вдруг ощутил резкий всплеск настороженности, тревоги. Что он здесь, черт побери, делает, о чем говорит? Перед ним сидела, как уверяет Сэм Кимбер, воплощенная добродетель. Деньги, конечно, найдутся — Луэлл наверняка их надежно припрятала, когда Джес напугал ее. У нее начались судороги, наглотавшись воды, ударилась в панику и утонула. И у Джеса был сердечный приступ. Энджи излучала доверительность, но Полу сделалось грустно, как бывает, когда видите изумительный прибор, используемый не по назначению. Эта девушка могла бы нарожать и вырастить кучу детишек, и еще осталось бы достаточно тепла и энергии, чтобы удержать мужа. Но в механизме что-то дало сбой, и он использовался как секретарша, партнерша по игре в кегли или победительница в беге. Он с сожалением представил, как недолговечно ее физическое великолепие, и лет через пятнадцать она превратится в засохшую кари-

катуру на женщину. Сейчас она ему напомнила вазу с искусственными фруктами.

Однако, раз он полицейский, нужно довести тест до конца, хочется ему этого или нет.

— Энджи, вы почти все объяснили.

— Ничего я не объясняла. Просто рассказываю вам.

— Ну, если просто рассказываете, добавьте еще — зачем вы вчера в полночь прошли через школьный двор? Она огорченно покачала головой:

— Пол, вы, вероятно, решились на какой-то глупый трюк, но клянусь, не понимаю, на что вы намекаете. Если кто-то сказал, что видел меня там, то это или дурак, или *лжец*.

Он вздохнул.

— Ладно, Энджи. Вопросов больше нет.

— Как бы там ни было, это безумство — думать, что миссис Хансон убили. По-вашему, Джеса тоже убили? — Выдержав паузу, она прищурилась: — Если вы действительно думаете, что его убили, то, по-вашему, это должна была сделать я?

— Не скрою, мне это приходило в голову.

— Вы, наверно, в самом деле сошли с ума, мистер Станиэл. Мне следовало бы рассердиться, хотя это просто смешно. Надо же! Вообразить, что я убила их обоих. Да я и свободного времени не

имею для этого. И живу по Божьим заповедям. Не убий. Кому еще пришла в голову эта дикая мысль? Неужели и мистеру Сэму?

— Он пытался допустить эту возможность, но не смог.

— Потому что он меня знает немного лучше. Я не сержусь, но все это… глупость.

Она выглядела настолько естественно, что ему захотелось заставить ее открыть свою сущность муштрованной фанатички, и Пол небрежно заметил:

— Сэм опять успокоится, как только сойдется с другой женщиной, ведь вы о нем очень высокого мнения, может, могли бы доставить ему интимное утешение. Сильная, здоровая девушка, парня у вас нет, правда? Было интересно наблюдать, как меняется ее лицо: оно застыло, губы сжались.

— Ради мистера Сэма я готова ползти по раскаленным угольям, но ни за что не хочу вредить его бессмертной душе, предлагая для греха свое тело. Даже речи такие мне омерзительны.

— Вы действительно верите, что связь Сэма с Луэлл Хансон напортила кому-то из них?

— Ей — гораздо больше, чем ему, если такую развратную женщину вообще можно еще испортить. Была настоящей шлюхой, она его и свела

с пути, адский огонь ждет ее грешное тело, оно будет гореть там вечно.

— Да что вы, Энджи? Это же просто слова. Кто вас так запугал? Ваша мать? Как вы собираетесь вести нормальную жизнь?

— Я здесь не для того, чтобы вести нормальную жизнь.

Он насторожился:

— А для чего же?

— Чтобы… чтобы служить примером.

— Это не изменит мир.

— Сейчас настали греховные времена. Господь отвернулся от нас.

— И от вас тоже?

— Существует несколько избранных, кому Он являет свой лик.

— И это делает вас необыкновенной, правда?

Она, покраснев, опустила глаза:

— Грешно похваляться этим.

— Он вам указывает, что делать?

Кровь схлынула с лица, Энджи долго молчала, затем посмотрела ему в глаза:

— Может, Он когда-нибудь и заговорит со мной. Я молюсь о том часе.

— Разве Бог не создал мужчину и женщину с определенной целью?

Энджи пристально смотрела на него:

— Думаете, вам удастся изменить мое отношение к плотскому греху?

— Ну, я считаю, что вы все же о чем-то тоскуете.

— И вы готовы мне помочь? Может, вы возьмете меня с собой в Майами? Вы уже соблазняли других девушек своей сладкой речью и голубыми глазами, мистер Станиэл?

— Но Энджи!

— И не думали об их бессмертной душе. Дурманили сладкими словами, а потом оскверняли, позорили, и этого Бог вам не простит. Вы весь черный от грехов, мистер Станиэл!

— Но мне кажется, я вполне приличный человек.

Слегка вздрогнув, она словно очнулась:

— По-моему, вы очень милый. Пол, серьезно. Только людям с разным мышлением не следует говорить о набожности. — Она кокетливо улыбнулась. — Я не изменю вас, а вы — меня. И пожалуйста, не говорите при мне такие мерзкие вещи, как только что. Мне противно.

— Хорошо, Энджи.

— Куда подевалась Клер? Мне пора.

Когда она отвернулась, ища глазами офици-

антку, на внутреннюю сторону руки ниже локтя упал свет, и Пол заметил россыпь мелких, уже побелевших рубцов-язвочек.

— Что с вашей рукой?

— Что? — поворачиваясь к столу, переспросила она. Перегнувшись через стол, он схватил ее за кисть, разогнул руку.

— Вот эти шрамы?

С невероятной силой она выдернула руку, и Пол застыл от ужаса, увидев третью маску Энджи Пауэлл: оскалившийся рот с крупными зубами, прищуренными глазами, вздувшиеся жилы на гладкой коже шеи.

— Не смейте ко мне прикасаться, — свистящим шепотом произнесла она, с усилием выговаривая каждое слово, словно язык не повиновался ей. И почти сразу увидел, как она стремительно удаляется, огибая столики. Прежде чем потребовать счет, Пол позвонил из ресторана Сэму.

— Ну как? — спросил тот.

— Первые пятнадцать минут я был на вашей стороне. А теперь — не знаю.

— Что это означает?

— Это означает, что психопат ведет игру не по правилам. Только что ушла. Откуда у нее шрамы-рубцы на руке?

— Такие белые пятна? Как оспины после прививки. Не знаю. Как-то спросил у нее, она застеснялась, и я больше не спрашивал.

— Не понимаю, отчего она так из-за них взвилась. Сэм, даже если обнаружится, что она невиновна, этой девушке потребуется помощь.

— Нил тоже мне как-то говорил об этом. А что я могу сделать, дьявол меня возьми?! Работу свою выполняет, с людьми обходиться умеет. Вот — как раз пришла…

— Сэм, как…

— Не кладите трубку.

Минуты через две он заговорил почти шепотом:

— Спокойная и ласковая, как киска. Говорит, обед был вкусный, но ее шокировало, что оба мы вообразили, будто она кого-то убила. Она считает это неудачной шуткой, Пол. Так что выбросьте Энджи из головы и выясните, кто на самом деле убил мою девочку.

* * *

Эрни сказал:

— Да, помню, Энджи звонила. Вышла вместе с подружками, а затем вернулась, зашла в телефонную кабинку, говорила довольно долго. Потом

мы немного поболтали, и она уехала. Рад помочь, мистер Станизл, вовсе не утруждаете. А почему вы об этом спрашиваете?

* * *

Щуплый, сутулый служитель кегельбана сказал:

— Вызывали Энджи? По этому телефону, вчера вечером — ни в коем случае, мистер Станиэл. К этой стойке никто не подойдет, только я, и никто не дотронется до этого телефона, так что в конце месяца не бывает счетов, о которых бы я не помнил. Если бы звонили сюда, то только по этому телефону, а ей вчера никто не звонил.

В темной, душной прихожей небольшого серого дома высилась могучая фигура матери Энджи Пауэлл, напоминавшей разъяренного бегемота. Пронзительным голосом она втолковывала:

— Пришла сразу после одиннадцати, больше не выходила, и я спрашиваю: вы отдаете себе отчет, какие вопросы мне задаете, имеете на это право? Я воспитала приличную, неиспорченную девушку, у нас с ней нет друг от друга секретов, и даже подумать нельзя, чтобы она тайком вышла из дома. Ад, знаю я все о юных девицах в этом городе, как они выстраиваются в кустах и при

любой возможности бросаются на каждые брюки, но моя Энджела не такая.

— Это обычное расследование страховой фирмы.

— Надеюсь. Что же другое может быть? Обычное, да? Чтобы втянуть Энджи во что-нибудь, с чем она не имеет ничего общего, только чтобы покрутиться возле нее. И не рассчитывайте, приятель, потому что ни вы, ни кто другой близко не подойдет к моей Энджи. Я с малых лет ее хорошо воспитала. Ни один мужчина на свете не наложит свою вонючую лапу на ее чистое тело. Мужчины днем и ночью думают только об одном, но Господу хорошо известно, что в этом городе хватает потаскушек, готовых вас осчастливить, только пальцем поманите, так что здесь вам нечего делать.

— Боюсь, миссис Пауэлл, у вас ошибочные представления. Тяжело зависнув над ним, она иронически усмехнулась, дрогнув толстыми щеками:

— Знаете, молодой человек, у меня всегда были ошибочные представления. Сколько живу на свете, смотрю вокруг — и голова гудит от ошибочных представлений.

Толстый, как колбаса, палец нацелился ему

в лицо.

— И каждое из них оказывается правильным. Так что будьте любезны убраться из моего дома.

Уже переступив порог, Станиэл обернулся:

— Кстати, отчего у нее на руке шрамики, рубцы?

— Умерщвление плоти, молодой человек. Умерщвление плоти для изгнания дьявола, но вам этого не понять.

* * *

Попросив Станиэла подождать, доктор Руфус Нил за десять минут выпроводил трех последних пациентов. Нил обожал холодное пиво, поэтому, заперев приемную, он повез Станиэла в темный, прохладный бар в центре города. Захватив большие кружки с темным пивом, они прошли в одну из кабинок, обшитых деревом, и поставили их на поцарапанный стол.

— Если человек медлит с разговором, значит, что-то лежит на сердце, — заметил Нил. — Задрав подбородок и вращая глазами, решительно спросил: — Так что вас беспокоит?

— Точное подтверждение, доктор, которое может быть связано с вашей профессией. В расследовании несчастного случая или самоубийства

обнаружилось еще одно обстоятельство. Оно касается лица, о котором вы можете судить как специалист. Итак, перейдем прямо к делу. Как по-вашему, Энджи Пауэлл способна на убийство?

Нил даже подскочил от неожиданности и изумления. Чмокал, дергал себя за ухо, потирал подбородок, возил кружкой по столу, пока наконец не заговорил:

— Дайте мне опомниться. Что? Во-первых, психиатрия не моя специальность. Во-вторых, появление Энджи на свет было вторыми родами, когда я начал здесь практику. В-третьих, я люблю Энджи. Надеюсь, я ее понимаю, так как знаю кое-что о ее детстве. Убийство? Это был бы весьма жестокий способ выразить свой протест против чего-нибудь, правда?

— Если рассуждать логично. А Энджи рассуждает логично?

— Мери Пауэлл была плохой пациенткой. По-моему, с той минуты, как узнала о своей беременности, начала обжираться. До этого была замужем три месяца и стала вести себя так, словно малыш Джимми наградил ее проказой. Несколько лет назад я лечил у него простату и совершенно точно знаю, что с того момента, как почувствовала себя беременной, она отказалась

от супружеских обязанностей. Всей душой ненавидела это, и можно сказать, обжорство стало какой-то защитой от половых отношений, но я не психиатр. Пока носила Энджи, набрала двадцать килограммов, и роды были тяжелые. Но девочка оказалась хорошенькая, здоровая. А Мери по-прежнему объедалась. И чем больше толстела, тем набожнее становилась. Сейчас, пожалуй, весит килограммов сто тридцать, и это самая мерзкая баба в городе.

— Свое отношение к сексу мать внушила и Энджи?

— Попробую объяснить. Энджи была веселой девчушкой, дети ее любили. У соседей был мальчик, имя уже не помню, они давно переехали.

Энджи тогда было лет семь. У детей уже проявляется в этом возрасте сексуальное любопытство — совершенно естественное явление во всем мире. Примитивные племена в этом отношении гораздо более просвещенные, чем мы, и не делают из секса большой науки. Однако мы, если замечаем у детей такое любопытство, внушаем им, что занимаются чем-то скверным. Такое же отношение и к мастурбации. Твердим, что она свойственна больным детям, даже не допуская, что это вполне нормальная, естественная сту-

пень в сексуальном развитии индивидуума и всего лишь клинический признак незрелости, если наблюдается у взрослого.

Как-то после полудня Мери Пауэлл случайно оказалась возле гаража, а там Энджи и соседский мальчонка разглядывали друг друга. Для такой ведьмы Мери достаточно прыткая. Мальчишку треснула по лицу, тот с ревом умчался домой без двух выбитых зубов, потом отодрала от забора рейку и страшно избила дочь; сколько живу, не слышал даже, чтобы кто-то так измолотил ребенка и тот не умер. Мери должны были посадить, и посадили бы, но за ней стояла церковь. Три недели Энджи провела в больнице. Сломанные ребра, отбитая почка, синяки, ссадины, рваные раны, внутреннее кровоизлияние. Я осматривал, лечил ее, и это, наверно, был последний раз, когда мужчина видел Энджи в чем мать родила. С женскими проблемами и сейчас ездят с матерью в Орландо, там врач — женщина. Когда ее выпустили, напоминала тень, с запавшими глазами, замкнутая. Мери целый год не пускала ее в школу. И еще два года она оставалась незаметной, молчаливой тенью. Нетрудно догадаться, что девочка после такого потрясения потом в переходном возрасте будет иметь осложнения, и в

пятнадцать лет они у нее были. Ее привели ко мне прямо с уроков в горячке, с загноившейся рукой. Более слабый организм не выдержал бы. Я быстро отвез ее в больницу, и в первые сутки надежды почти не было. Инфекция распространилась от ожога на внутренней стороне руки. Там были и другие ожоги — одни зажившие, другие в коросте. Я не представлял, откуда они у нее. Наконец ввел немного пентотала, и тут же начался классический приступ истерии: общее окоченение мышц, мраморная бледность, бредовые видения, отождествление с Орлеанской Девственницей. Глупое дитя держало руку в пламени свечи, и, судя по ожогам — раз пятнадцать.

— И выдерживала такую боль?

— Длительный приступ истерии с религиозной одержимостью содержит в себе элементы самогипноза, так что вполне возможно, что и не чувствовала боли. А я — идиот сентиментальный — рассказал Мери, чтобы помогла ребенку. Но Мери гордилась ею! Представляете?

— Умерщвление плоти. Изгнание дьявола. Нил изумленно смотрел на него.

— В точности ее слова. Вы верно объяснили ее ожоги. Эта девушка… у нее великолепные физические данные. Все железы функционируют

прекрасно. Нормальная менструация, большие груди, и таз прямо создан для родов, и женские гормоны вырабатываются исправно. Если бы ей хотелось нормальных сексуальных отношений, но она их избегала, считая скверными, то ощущала бы только вину и стыд из-за грешных помыслов. Но эта крупная, здоровая девушка настолько чувственно заморожена, что не испытывает ни желаний, ни любопытства или вины. Когда-то давно в нее заборной рейкой вколотили сознание, что секс ужасен и греховен. У нее он вызывает отвращение. А роскошное тело требует своего. Отсюда истерия, религиозные видения. Ожоги от свечки. Матушку Пауэлл следовало бы скормить крокодилам за то, что сотворила с собственным ребенком.

— Этот внутренний конфликт может сделать ее опасной?

— Способной на убийство? Что? Возможно. При соответствующих обстоятельствах. Но для нее это не было бы убийством. В ее понимании это был бы праведный поступок.

— То есть — наказание, кара.

— Именно так.

— Но правовой ответственности за свои действия Энджи не несет, ибо не отличает добра от

зла. Скажите, доктор, может она вообразить, что это Бог велит ей убивать?

— Бог, или Орлеанская Дева, или Отец небесный. Классическое разумное объяснение. Считала бы себя орудием, послушным велениям свыше.

— И могла бы при таких обстоятельствах пойти на обдуманное убийство?

— Вроде бы да. И такой преступник по сравнению с обычным убийцей имеет одно преимущество.

— Какое?

— Он абсолютно уверен в себе, поэтому не испытывает чувство вины. Станиэл, надеюсь, вы ошибаетесь. Но говорили об убийствах. Вы имеете в виду и Джеса Гейбла?

— Да.

— У меня в амбулатории есть его ЭКГ трехмесячной давности. Здоровое сердце. Харв Уэлмо уже звонил мне по этому поводу. Да и Берт Делл тоже, наверно, осматривал тело.

— Где проводили вскрытие?

— Наверно, в морге, потому что в больницу его даже не повезли.

— Вы не могли бы уточнить результаты вскрытия? Нил поднялся, выискивая десять центов:

— Берт обожает вскрывать и очень любит по-

говорить на эту тему. Когда через пять минут он вернулся в кабинку, в руках держал снова две кружки пива, но вид у него был мрачный.

— Какая-то бессмыслица. Разорвана диафрагма. И перикардиум порван, ему кажется, что сердце вроде бы ударено. Если у человека порок сердца, перикардиум может лопнуть от сильного давления крови, но никаких следов чего-либо подобного нет. Перикардиум — это тонкая, прочная, эластичная ткань. А удар зафиксирован вдоль нижней части правого желудочка. Берт говорит что-то странное: похоже, Джес упал на что-то тупое, вроде кола в заборе.

— Может, от удара кулаком?

Нил покачал головой:

— Энджи крупная девушка, но такой удар нанести не может. И мужчина не смог бы. Джес тогда должен был стоять на голове. Возможно, от какого-нибудь выступающего предмета, когда машина налетела на дерево.

— Если удар сделан позже, отчего тогда он врезался в дерево?

— И не так уж сильно врезался, правда?

— Доктор, вы говорили Сэму Кимберу, что Энджи нуждается в помощи?

Нил кивнул. Взлохматив пятерней непокорную

шевелюру, стал нервно протирать стекла очков.

— В прошлом году она работала у меня по субботам, приводила в порядок счета. Прежняя бухгалтерша сбежала. После проверки обнаружилось: стянула у меня почти две тысячи и унесла ноги. А Энджи производила странное впечатление. Она была… чересчур безупречна. Всегда улыбающаяся, ловкая, исполнительная, уравновешенная. Словно ее где-то в спине заводили ключиком. Иногда такой вид… неприступности свидетельствует об экстремальном напряжении.

— У нее был ключ от вашей приемной?

— Ключ? Да. Сама открывала ее. А в чем дело?

— Да нет, ничего. Так о чем вы говорили?

— Я всюду сую свой нос — такой уродился. Мне захотелось выяснить, насколько Энджи приспособилась к сексу. У меня нашлась учебная фотография нагого взрослого мужчины, двадцать на двадцать пять. Прекрасное тело. Пособие по анатомии. Я сунул снимок между бумагами, передал ей. Она тут же вернулась и возвращает фотографию, говорит, по ошибке попала в бумаги. Говорила естественным тоном, как медсестра. А я спрашиваю: что это такое? Она снова смотрит на картинку и объявляет, что это изображение мужчины в развевающихся белых одеждах. Она

не лгала, Станиэл, она так видела. Повстречав Сэма, я предупредил его, что девушка больна. С матерью говорить бесполезно.

— Энджи разбирается в анатомии?

— Немного. Начинала учиться на медсестру, но через несколько месяцев бросила школу. А-а, вы все еще думаете о Джесе? Я размышлял и над этим. Мог бы я, например, нанести такое ранение? Как? Джес физически был тщедушным, хилым. Я должен бы вытащить его из машины, согнуть и, крепко держа, мог бы, подчеркиваю — мог бы глубоко вдавить диафрагму, так глубоко, чтобы достать сердце и нажать на него.

— Энджи сильная девушка.

— Но не чудовище же она!

— Могла бы совершить чудовищные поступки, если вообразила, что действует по велению свыше. Если слышала праведные голоса. Мистика какая-то! И привкус извращенности.

— Если бы это действительно имело место!

— Как ее можно заставить рассказать обо всем? Нил пожал плечами.

— Снова пентотал. Гипноз. По-моему, Энджи — хороший объект для внушения. Но это осуществимо лишь по ее желанию или по решению суда, приятель. Что?

— Мне ее жаль, доктор.

— Конечно, Энджи — случай экстремальный. Но приберегите жалость и для других. Эта идиотская культура изуродовала жизнь гораздо большему числу людей, чем вам кажется. Пуританское наследие внушает, что секс — нечто скверное. А жизнь свидетельствует, что секс — необходимое удовольствие. Вот и выкручиваемся, изворачиваемся, урываем украдкой, делаем из него подозрительную тайну. Лечим множество последствий — фригидность, импотенцию, отчаяние. А те, кто наиболее пострадал от такой аномалии, хотят выдрать из своих мозгов все, что принимают за скверну, но не могут и потому подвергают цензуре все, до чего доберутся, а потом считают себя чистыми, праведниками. Столько отвратительного крика вокруг простого, прекрасного и естественного акта оплодотворения. Если объявить одежду противозаконной, мы излечились бы за одно поколение. Что?

Нил отвез Станиэла обратно в мотель. У стойки дежурного ему передали записку Барбары — она находится в бассейне мотеля. Поздние солнечные лучи оставались тяжелыми и ослепляющими, но на востоке собирались грозовые облака. Резкие порывы горячего ветра раскачивали верхушки

пальм. Металлические шезлонги под спущенными зонтиками пустовали, и в небольшом бассейне была одна Барбара — в белой шапочке и желтом купальнике, она мерила его из конца в конец, глубоко загребая руками и энергично работая ногами. Заметила его, лишь когда Пол, пройдя вдоль бассейна, встал в конце, поджидая ее. Остановилась, держась за бортик, и, жмурясь, вытирая глаза, расцвела в улыбке.

— У вас неплохо получается, — похвалил ее Пол.

— Давно не тренировалась. А сейчас захотелось заняться чем-нибудь, чтобы почувствовать усталость.

Выбравшись из бассейна, она распрямилась.

— Наткнулась на распродажу купальников — три девяносто пять. Барбара направилась к шезлонгу, где было полотенце и босоножки, двигаясь несколько скованно, как всякая женщина, знающая, что за ней наблюдают. Сняв шапочку, встряхнула каштановыми волосами. Светлая, матовая кожа рук и ног слегка порозовела от свежего загара.

Обтерев лицо и плечи, Барбара села в тени зонтика и виновато посмотрела на него:

— Пол, я вчера вечером наболтала кучу лиш-

него. Притянув стул пол зонтик, усаживаясь, он успокоил ее:

— Вам не в чем оправдываться.

— Я и не оправдываюсь. Но чувствую себя глупо и виновато.

— Просто у вас вчера был тяжелый день.

— Спасибо, что вы меня слушали. И при вас мне не хочется выглядеть жалкой. Но я слишком себя скомпрометировала.

Он улыбнулся.

— Что значит слишком? Вам стало бы лучше, если каяться вздумалось бы мне? А я умею очень красочно исповедоваться.

— Пол, я не думала…

— Например, вчера вечером. Сильное влечение — только не говорите, что вы этого не испытывали. Вы стояли на грани нервного срыва. А я чуть было не создал новое осложнение, и не уверен, что вы с ним справились бы.

— Не знаю… — Она прикусила губу. — Но вы же это не сделали.

— Да, не сделал. Но когда вернулся к себе, горько пожалел. Какого черта! — твердил я. Что ты хочешь доказать, Станиэл? Только руку протяни, а я отказался, и, может, больше никогда это не будет так просто.

— Но я…

— Барбара, я человек не очень приятный. Мне следовало бы вас утешить, а я расстраиваю. Но тогда получалось, что мне нужно лишь одно. Никаких чувств, никаких моральных обязательств. Только эта простейшая, древняя, как мир, жажда. Потом сделать ручкой и удалиться. Благодарю, мадам.

Бросив на него вымученный взгляд, она едва слышно произнесла:

— Наверно… может, я и не стою большего.

— Вы стоите намного большего… поэтому я и ушел.

С опущенными глазами, поникшая и печальная, она повторила:

— Немного я стою!

— Не будьте идиоткой! — рявкнул он.

Молча взглянув на него, Барбара кивнула, словно соглашаясь с собственными мыслями.

— Влечение — да, это я чувствовала. Само по себе оно означает немногое. Но, наверно, для людей это единственная исходная точка. Мне это льстит, Пол. Приятно, что вы хотите меня. Сейчас мне необходима такая уверенность. Довольно долго я чувствовала себя потаскушкой. Не нравлюсь себе.

— Мне вы нравитесь.

— Именно это мне хотелось услышать. Вы мне тоже нравитесь. Казалось бы, достаточно, чтобы я сказала — хорошо, утолим нашу жажду. Кому до этого дело? Но я не умею жить так… рассудочно.

— Но я ведь и не жду от вас этого. Боже мой, Барбара, я только… Засмеявшись, она отвернулась.

— Вы не хотите себя связывать, а я, наверно, не могу обходиться без постели. Разумное основание? Думаете, это мне нужно? Жалкие отношения. Вроде торговой сделки, возможно, не совсем честной. Но не будьте слишком пессимистичны, Пол. Может быть, когда отношения кончатся, вы не сделаете ручкой, и мы всласть наговоримся, чтобы расставание было достаточно впечатляющим и драматичным.

— Почему вы так безжалостны к себе?

— Потому что я обыкновенная, противная баба. А сейчас посидите и подождите, пока все во мне уляжется.

Натянув шапочку, она так стремительно кинулась в воду, что это было похоже на бегство. Плавала быстро, резко разворачиваясь у бортиков. На востоке сверкали молнии, разрывая темные грозовые тучи.

Выйдя из воды, задыхаясь, повалилась в

шезлонг, откинув голову и закрыв глаза. Туго обтянутое желтым купальником тело упруго вздымалось в ритме учащенного дыханья.

— А теперь… скажите… вы узнали… что-то новое?

— Пожалуй, уже знаю, кто ее убил.

Выпрямившись, широко раскрыв изумленные глаза, она на секунду остановила дыхание. Пока он рассказывал о своих предположениях, их проверке, выводах, у нее было достаточно времени, чтобы освободиться от томительного напряжения. Барбара сидела наклонясь — локти на коленях — и, повернув к нему голову, слушала как загипнотизированная.

— Того мужчину тоже?

— Не знаю. Наверно.

— Но не ради денег.

— Думаю, что деньги взяла, но это не главное. Она воображает… что их следовало убить. Джеса Гейбла нужно было убить потому, что он подозревал ее. Она очень хитрая и ловкая.

— Пол, но что нам теперь делать?

— Результаты вскрытия заставят шерифа задуматься. Но у меня нет ни одной конкретной зацепки. Доктор Нил допускает такую возможность, но я не думаю, что хоть кто-нибудь из

живущих здесь и знающих ее способен подозревать девушку. Это такое… большое, веселое, здоровое дитя. И Сэм Кимбер не в состоянии поверить. Не знаю, что теперь предпринять. Поищу деньги. Попробую устроить ловушку — точно пока не представляю. Она опасна. Я понимаю, стоит мне опять ее увидеть, начну во всем сомневаться. А это ее делает еще опаснее.

— По письмам Лу чувствуется, что она замечала в Энджи Пауэлл что-то странное, ощущала при ней беспокойство, опасность.

— И у меня такое чувство. Барбара нахмурилась.

— Мистер Кимбер ведь хочет добраться до истины, правда?

— Что вы имеете в виду?

— Он сумеет ее обмануть, чтобы проверить вашу догадку? Если она убила мою сестру за ее связь с Сэмом, что она сделает, если он объявит, что я остаюсь здесь и стану его любовницей?

— Барбара, вы не смеете так рисковать!

— Какой же тут риск? Лу и этот мистер Гейбл не подозревали, что она их убьет. А я знаю, что она может попытаться разделаться со мной.

— Мне это не нравится.

— Но вы ведь будете под рукой, сумеете ей по-

мешать. Как иначе вы докажете ее преступления? Что можно сделать?

— Лучше бы роль следующей жертвы досталась мне.

— Как? Луэлл и мистер Гейбл были друзьями Сэма Кимбера. Вы — нет. Зачем ей волноваться из-за того, как поступаете вы?

— Все равно я против.

— Пол, вы обещали позволить мне помогать вам.

— Я имел в виду не такую помощь.

— Давайте посоветуемся с мистером Кимбером.

— Нужно подумать, Барбара.

Вдали прогремели раскаты грома, и, оглянувшись, они увидели, что с востока на них катится тяжелая завеса дождя. Они ринулись под трехстенный навес за бассейном, и, пока бежали, их уже настигли крупные капли. Порывы ветра заносили струи дождя под навес, загнав их в угол, где громоздились шезлонги. Стало прохладно, стемнело, казалось, стук дождя по крыше отгородил их от всего мира.

— Если мистер Кимбер согласится, не мешайте, я попробую, — прокричала Барбара.

— Если согласится и если вы обещаете делать

только то, что я вам скажу.

— Обещаю.

— Я боюсь за вас.

— Я буду очень осторожна, Пол. По-настоящему, действительно осторожна.

Глава 11

Станиэл и Барбара Лоример подъехали к зданию Кимбера утром в половине восьмого. Личный вход, как Сэм и обещал, был открыт. Станиэл запарковал машину подальше от здания, чтобы Энджи не обратила на нее внимания. Кимбер говорил, что она часто приходит на службу раньше восьми.

Сэм встретил их в халате и шлепанцах.

— Доброе утро. Ничего не поделаешь, но чувствую себя по-дурацки. Что, по-вашему, она сделает? Вытащит нож?

— Думаю, она будет действовать как до этого. Полагаю, она назначила встречу с Джесом, и у нее было свидание с Луэлл. Возможно, станет еще осторожнее, но действовать, скорее всего, будет так, как раньше. Барбаре придется ждать, где ей назначит Энджи, а я буду рядом для страховки.

Глаза у Сэма были красные, он осунулся и казался очень усталым.

— Вы так самоуверенны. А ведь ваша версия построена на песке.

— Не совсем.

— Никаких зацепок, и вы это понимаете. Вы

стараетесь доказать, что она кого-то убила, а я хочу доказать, чтоб ее вычеркнули из списка подозреваемых. Поэтому все и затеваем, но клянусь, чувствую себя при этом премерзко.

— Думаете, мне это доставляет радость? — уязвленная, спросила Барбара.

Сэм ответил ей с улыбкой:

— Лу обычно реагировала так же.

— Куда мне пройти… чтобы подготовиться? — спросила она.

— В ту дверь. Там спальня для гостей, мисс Барбара. Когда она вышла, Сэм обратился к Станиэлу:

— Где лучше всего устроить наш маленький спектакль?

— В гостиной? Найдется там укромное местечко, чтобы я мог за всем наблюдать?

— Шкаф вроде бы подойдет. А я схожу за льдом и бутылкой. Выпивка ведь тоже дело греховное, безнравственное.

Из спальни вышла Барбара — с растрепанной прической и вызывающе яркой помадой на губах. Халат был надет на ночную рубашку с оборочками. Босая. Выглядела вполне вульгарно и фривольно.

— Годится? — спросила она.

Кимбер восхищенно покрутил головой:

— Мисс, судя по вашему виду, мы провели здесь неделю и, похоже, не сомкнули глаз.

Барбара примостилась в углу кожаного дивана, Сэм нервно расхаживал по гостиной, а Пол тем временем выбрал точное положение, при котором из-за двери шкафа можно наблюдать за происходящим, оставаясь незамеченным.

В двадцать минут девятого Сэм прислушался возле двери и, обернувшись к ним, отхлебнул из стакана:

— Это она. Никто не умеет печатать на машинке быстрее, чем она. Возьмите стакан, мисс Барбара. Начинаем!

Когда Пол укрылся в шкафу, Сэм, открыв дверь в приемную офиса, приветливо произнес:

— Доброе утро, Энджи. Зайдите ко мне на минутку. Пол из засады видел, как девушка шагнула в гостиную с улыбкой, которая тут же исчезла с лица.

— Энджи, это Барбара Лоример, младшая сестра Луэлл. Хочу вас познакомить.

— Рада видеть, — сухо, немного хрипло произнесла Барбара. Энджи кивнула — напряженная, послушная, выжидающая.

— Теперь Барби будет часто приезжать и оста-

ваться здесь, вам придется встречаться, Энджи. Хочу сказать вам: когда бы и что бы ни потребовала мисс Лоример в мое отсутствие, ее просьба означает мой приказ.

— Дорогой, у меня опять пуст бокал, — капризно проговорила Барбара.

— Вы меня поняли, Энджи? — осведомился Кимбер.

— Да, мистер Сэм, — последовал тихий ответ.

— Радость моя, тебе сейчас что-нибудь от нее нужно? — обратился Сэм к Барбаре.

— Если надумаю, милый, я дам ей знать. До свидания, позже, Энджи.

— Это все, мистер Сэм?

— Пока все. Может, я потом загляну в контору. А может, вообще не появлюсь.

Энджи с независимым видом, высоко подняв голову, удалилась. Дверь медленно, но с громким стуком закрылась, щелкнув замком. Станиэл выбрался из шкафа. Все трое смущенно воззрились друг на друга.

— Пол, она ни разу на меня не взглянула. Смотрела сквозь меня, как на пустое место. Вы по-прежнему верите? Она кажется такой… милой, воспитанной.

— Хлопнула дверью, — печально констатиро-

вал Сэм. — Ее очень ранила наша сцена — как удар ножом. Знаете, Пол, когда вы сами убедитесь, что все что глупость, я признаюсь Энджи, как и зачем мы перед ней придуривались. Она поймет. Она девушка сообразительная.

Барбара молча вышла из гостиной. Как только она удалилась, Станиэл сказал:

— А вы немного поостерегитесь, Сэм.

— Вы это серьезно?

— Вы же грешник. Возможно, именно сейчас вы лишились своего иммунитета.

Сэм опустился в кресло.

— Пожалуй, я лишился всего на свете. Что предпримем теперь? Будем просто ждать?

— Если она, как я считаю, выбита из равновесия, ждать придется недолго.

— Ей известно, где остановилась Барбара. Я вчера упоминал при ней.

— Я не отойду от Барбары.

— Кажется, хорошая девушка. И беспокоится за вас.

— Мне она нравится.

— Если хоть немного похожа на Лу, вот вам идеальная жена.

— Пока у меня только клиентка, Сэм.

Вышла Барбара — в обычном платье, с сумкой,

куда сложила халат и ночную рубашку. Состроив гримаску, сказала:

— Я чувствовала себя потаскушкой. — Покачала головой. — А девушка очень мила.

— Но подобна огромному магниту. Все стрелки компасов в округе показывают точно на нее, и это не просто совпадение обстоятельств.

— Как-то в Майами я познакомился с одним типом, который выглядел праведнее самого епископа, — отозвался Сэм. — Белоснежные седины — вы таких и не встречали. Искренний взгляд, ну прямо святой. Не пил, не курил, не греховодничал. Прилично одет. Абсолютно порядочный человек. И порядочно наживался на пенсионерах, продавая им мифические могильные участки на принадлежавшем ему болоте в десять акров.

Они еще немного поговорили ни о чем, потом Пол отвез Барбару в мотель. Там он перебрался в шестой номер, поближе к Барбаре, и прошел в ее коттедж. Все еще думая о происшедшем, Барбара заметила:

— Эта девушка, кажется, совершенно сознательно держалась так, чтобы я почувствовала себя ничтожеством.

— Вы ведь изображали ничтожество.

— Может, прорезался мой скрытый доселе

талант.

— Интересно, как и когда она себя выдаст?

— Вряд ли. Если она так хитра, как вы твердите, то не попадется на вашу приманку. Вы же сказали ей, что подозреваете ее. Теперь она надолго затаится, не станет рисковать.

— Только если не совсем уверена в себе. А с чего ей быть неуверенной? До сих пор все сходило с рук. У таких особ возникает комплекс неуязвимости.

— Каких особ?

— Неуравновешенных — слышат голоса, повинуются указаниям свыше. Теперь получит инструкции, что делать с вами. Сейчас или немного погодя Сэм зайдет в контору и проговорится, что вы отправились в мотель. Энджи задумается и что-то решит. А потом свяжется с вами. И повод будет абсолютно убедительным.

— Откуда такая уверенность, Пол?

— В случае с Джесом она не теряла ни секунды.

— Значит, просто выжидаем?

— С терпением полицейского или преступника.

— И как долго?

— Если нужно, до завтра — до полуночи.

— А потом?

— Потом что-нибудь придумаю, как ее подтолкнуть, заставить сделать следующий шаг.

Глава 12

В половине одиннадцатого в кабинет Кимбера тихо вошла Энджи Пауэлл, закрыв за собой дверь, подошла к столу, села на стул и устремила на Сэма застывший взгляд.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— Все не так, мистер Сэм.

— То есть?

Закрыв глаза и глубоко вздохнув, она отбросила волосы со лба.

— Я просто больше не могу работать у вас.

— Почему?

— У вас теперь новая женщина, моложе прежней, а та еще не остыла в гробу. И сейчас вам нечем себя оправдать.

— А при чем здесь вы?

Она печально смотрела на него.

— Я больше не вынесу этого, мистер Сэм. Все накапливается. Думаешь, что стало проще, и вдруг оказывается еще хуже. Вы были ко мне очень добры. Но мне нужно уйти отсюда, прежде чем меня обяжут покарать вас.

Теперь до него сразу дошел смысл сказанного, и по спине Сэма пробежали мурашки. На лице ее

не было раскаяния или смущения, только — усталость и смирение.

— Энджи, детка, вы… покарали Луэлл?

— И Луэлл, и Джеса — обоих.

— Но почему? — прошептал он. Теперь ее взгляд выразил удивление.

— Они же погрязли в грехах. Она и вас свела на греховный путь. А Джес был обманщик и развратник. Вас я считала, мистер Сэм, просто слабым человеком, но не испорченным. Вы украли у государства и собирались скрыться с ворованными деньгами для того, чтобы не расставаться с той женщиной. А голос сказал мне, что вас можно спасти, если я уберу с вашего пути искушение, устраню ту женщину и те деньги.

— Голос сказал…

— Мне было указано на них, — произнесла она с особой гордостью.

— Энджи, Энджи. Боже милостивый, вы даже не понимаете, что сделали.

— Сегодня утром я смотрела на вас и опять увидела печать греха. Но раз вы были ко мне добры, я должна уйти прежде, чем мне прикажут покарать вас.

— Но вас нужно… отправить туда, где вы не сможете наносить людям вред.

Она опять вздохнула:

— Если это неизбежно, что ж…

— Хотите, поедем сейчас к Харву Уэлмо, и вы расскажете о Луэлл и Джесе?

— Мне все равно. Сегодня все почти безразлично, мистер Сэм. Но, по-моему, вам следует взять те деньги.

— Где они?

— В пруду возле вашей дачи. Я их положила в канистру и бросила ее в воду. Могу показать место. Этот Станиэл, он догадался, что я караю людей. Я сразу поняла, как только на него посмотрела. Если он подъедет туда за нами, я передам деньги и расскажу вам обоим, как все происходило. Мне не хочется говорить с Харвом Уэлмо. Мистер Сэм, если я расскажу все вам и мистеру Станиэлу, вы сможете потом передать это Харву?

— Да. Энджи, вы понимаете, что натворили? Вы знали, что я собирался жениться на Луэлл?

— Разве от этого грех уменьшился бы? Позвоните, пожалуйста, этому Станиэлу, пусть едет за нами. От него я ничего не смогу скрыть.

— Может, и Харву сказать, чтоб ехал за нами?

— Попозже. Чтобы я успела вам все рассказать.

Берясь за трубку телефона, он почувствовал, что ладонь вся влажная. Набрал номер комнаты

Пола в мотеле, тот отозвался лишь после шестого гудка.

— Это Сэм.

— Меня не было в номере, услышал звонок на подходе.

— Все… все совпало.

— Голос у вас странный.

— Я и чувствую себя странно. Хочет все рассказать нам. На моей даче. Деньги забросила в пруд. Отсюда езды минут сорок. Поедете по автостраде номер двадцать девять, потом на третьем повороте свернете на проселок с пометкой — частная дорога. Там с вами встретимся.

— Через час, скажите ему, — вмешалась Энджи.

— Через час. Найдете дорогу?

— Барбару оставлю здесь.

— Пол, шериф тоже подъедет туда.

— Просто так… просто пришла и созналась?

— Просто так. До встречи на даче.

Сэм положил трубку, посмотрел на девушку — сидела тихая, покорная, сложив руки на коленях.

— Они вам ничего не сделают, Энджи, — никто.

— Это же не мое личное дело, — пояснила

Энджи, зевая. — Стоит мне заговорить об этом, сразу начинается зевота. Мистер Сэм, прежде чем звонить Харву, вам не хочется узнать, куда я положила оставшиеся деньги, которые не поместились в канистре?

— И где же они?

Она махнула рукой назад.

— Спрятала в вашей квартире. Ни за что не найдете, если я не покажу.

Сэм, поднимаясь с кресла, подумал, что сможет поверить в дикую реальность, если будет держать в руках хоть что-то из проклятых денег. Может, тогда сумеет осознать весь этот ужас. Энджи тоже встала, обратившись к нему:

— Будьте добры, при миссис Ниммитс держитесь как обычно. Рано или поздно она узнает, но не сейчас. Думаю, спуститься мы можем на вашем лифте. А Харву позвоните из квартиры.

Все еще потрясенный, он кивнул. Энджи, остановившись у своего стола, взяла сумочку из соломки. Сэм открыл перед ней дверь, с ужасом отмечая, что она, как обычно, ослепительно улыбнулась миссис Ниммитс.

Дверь закрылась.

— Так где же? Можете прекратить улыбаться.

— В ванной. И пожалуйста, мистер Сэм, не нуж-

но грубить.

Они прошли в ванную, и Сэм обвел взглядом сверкающий белизной кафель.

— Тут негде спрятать деньги.

— Ну что вы! Я сунула их за ту панель наверху. — Она показала на широкую, покрытую кафелем полку. Сэм стоял рядом с ней.

— За панель? — удивился он.

Стремительно отступив назад, она сумочкой, держа ее за один конец, ударила его сбоку по голове. В сумочке была запрятана плоская железная гиря, которую она заранее вытащила из полотняного мешочка, — гирей она пользовалась при нырянии. Около девяти часов она выходила из конторы, чтобы забрать ее из машины, и положила в сумочку. Шатаясь, Сэм Кимбер опустился на колени. Она ударила еще раз — точнее и сильнее, и он растянулся на полу. Положив сумку на полку, она обошла тело и открыла краны над огромной, глубокой ванной. Потом присела на корточки возле Сэма, потянулась к правому карману и, достав ключи, положила их в сумочку. Со сжатыми губами, осуждающе оглядела ванную — мистер Сэм так похвалялся ею, она слышала его шуточки о двухметровой ванне и душевой кабинке, где поместились бы сразу три-четыре

человека. Она уверена, здесь разыгрывались настоящие оргии. Мистер Сэм лежал, уткнувшись лицом в пестрый коврик, словно спящий, и казался моложе и беззащитнее. Ее охватила печаль, сожаление, но слишком поздно для того, чтобы менять ее приговор. Список велик, и предстоит сделать еще многое.

Ванна почти наполнилась, и Энджи, окруженная влажным паром и тишиной, ощутила первые, еще слабые волны наслаждения, трепет красной кобылицы, подавлявшие четкие представления Орлеанской Девы. Схватив Сэма под мышки, она подтащила его к ванне, положив голову на край, а потом, держа за ноги, перевалила тело в воду по всей длине ванны, лицом вниз. Крепко сжимая его затылок правой рукой, погрузила голову глубоко в воду, чувствуя, как по пальцам скользят пузырьки воздуха. Ей казалось, что все произойдет скорее, чем с остальными, но он вдруг забился в резких судорогах, так что пришлось напрячь все силы, чтобы его удержать. И тут ее залила горячая, сладостная волна беспамятства, унося куда-то вдаль… Постепенно сознание возвращалось, дыхание успокаивалось, жар отступил, и она осознала, что мистер Сэм уже давно недвижим. Убрав руку, она встала — ноги у нее

подкашивались, чувствовала себя одурманенной. Вытерев руку толстым полотенцем, посмотрела вниз — тело чуть шевелилось, так как вода еще колыхалась, и она подождала, пока поверхность ее не застыла.

Потом, захватив сумочку, погасила свет, вышла из ванной и немного посидела в гостиной, закрыв глаза, пока вновь не обрела силу. Затем встала и, открыв дверь, улыбаясь, шагнула в приемную. Придержав дверь, стоя лицом к гостиной, произнесла:

— Конечно, я передам ей, мистер Сэм. Подошла к столу миссис Ниммитс:

— Мистер Сэм неважно себя чувствует, собирается немного поспать и просит его не беспокоить. Мне он велел съездить к нему на дачу за кое-какими бумагами, которые там оставил. А вы будете хранить его покой, хорошо?

— Конечно, Энджи.

— Я возьму его машину.

— Хорошо, Энджи.

Энджи спустилась в общем лифте и прошла к стоянке сзади дома. Вынув из сумочки ключи Сэма, подогнала его огромный бежевый “крайслер” к своему “рено”. Открыв багажник, достала сумку с вещами, положила в “крайслер”. В сумке были

приготовлены купальник, две маски, акваланг.

По дороге она заехала к Скотти — в его лавочку спортивных принадлежностей.

— Ты получила отгул да еще машину шефа в придачу? — поинтересовался он.

— Возможно, не на весь день. Как насчет регулятора?

— Почистил, настроил и проверил, все в порядке. Все бесплатно. А заправку двух баллонов записал на твой счет. Давай помогу отнести. Надо же, ты их несешь, будто они не тяжелее твоей сумочки. С кем ты едешь поплавать?

— Пока одна, Скотти.

— Ты ведь хорошо знаешь, что это опасно!

— Я буду очень осторожна, Скотти, в самом деле.

— Смотри, Энджи. Сегодня у меня никого, давай я запру этот хлам и поеду с тобой. Через минуту буду готов.

— Спасибо, не надо, — отказалась Энджи, заводя мотор, и, помахав ему рукой, отъехала.

Машину вела на большой скорости. Подъехав к даче, вышла, открыла ворота, снова села за руль, завела машину через обширную рощицу до самого дома и, объехав его, остановилась на берегу десятиакрового пруда Сэма. Уровень воды был

высок, так что всего сантиметров на тридцать не доходил до узкого дощатого причала на сваях. Аккуратно складывая вещи, она разделась, натянула вылинявший голубой купальник. Вокруг зудела черная мошкара. Сумку с платьем и другими вещами забросила в машину. Пристегнув акваланг, приладила пояс с гирей, надела ласты, подхватив маску, ковыляя, прошла в конец причала и тяжело села. Сполоснув в воде маску, надела ее, настроила регулятор, взяла в рот загубник и, повернувшись спиной, прыгнула в пруд. Нырнув, огляделась в воде — она оказалась не такой уж мутной. В середине пруда, на глубине примерно в четыре метра, видимость была вполне хорошая. У выступающего в воду конца причала глубина достигала двух метров.

Когда все было проверено и осмотрено, она спряталась под причалом. Нашла на дне бугорок, где смогла упереться ластами в ил, и теперь вода доходила ей до плеч. Подняла маску на лоб, выпустила загубник. Оперлась о сваю, придерживаясь за нее.

Так, в спокойном, терпеливом выжидании, Энджи пока перебирала варианты, как поступить с сестрой Луэлл, когда она покончит со Станиэлом. В ночной тишине можно спустить мистера Сэма

в его личном лифте и сунуть в машину вместе с чемоданом, который он давно приготовил. Если передать сестре Луэлл, что ее ждет Сэм, она сразу прибежит. Ее можно впихнуть в багажник вместе с Сэмом, живую или мертвую, там будет видно. В озере Ларра есть не меньше трех достаточно глубоких мест, к которым на машине удастся подъехать почти вплотную. Мистер Сэм ведь собирался скрыться с какой-то женщиной.

* * *

Через пять минут после отъезда Станиэла из мотеля Барбара решила пренебречь его указаниями. Как можно сидеть тут совершенно беспомощной и бездеятельной, когда решается все запутанное дело. Просто сидеть, ждать и думать, думать. Дверь приказал закрыть на замок и строжайше запретил открывать кому бы то ни было. Набрала номер телефона шерифа Уэлмо.

— Это Барбара Лоример. Я так рада, шериф, что застала вас.

— Слушаю.

— Я наняла некоего мистера Пола Станиэла, чтобы…

— Да, я знаю об этом, мисс Лоример. Что ж, если вам угодно бросаться деньгами таким образом…

— Шериф, может, мы можем поехать туда вместе?

— Куда, мисс Лоример?

— Ну на тот участок в лесу, который принадлежит мистеру Кимберу?

— На дачу Сэма? А зачем нам туда ехать?

— Разве Кимбер еще не звонил вам? Примерно полчаса назад он связался с мистером Станиэлом. Потом он собирался позвонить вам, чтобы вы подъехали туда. Энджела Пауэлл созналась, что убила мою сестру. И мистера Гейбла. Что-то спрятала в пруду, и сейчас они едут на дачу, она хочет показать место. А мистер Станиэл тоже подъедет туда. Шериф! Шериф Уэлмо!

— Я слушаю вас, мисс Лоример. И раздумываю, не перебрали ли вы пару рюмок.

— Я не пьяна! И теперь я беспокоюсь, почему мистер Кимбер не позвонил вам. Мистер Станиэл считает, что мисс Пауэлл какая-то… фанатичка и она очень, очень опасна.

— Энджи Пауэлл?

— Умоляю вас, перестаньте вздыхать и сделайте что-нибудь. Я знаю, что мистер Станиэл поехал вслед за ними.

— И Сэм Кимбер передал Станиэлу всю эту… эту информацию?

— Ну конечно!

— Дайте мне свой номер телефона. Я поговорю с Сэмом и перезвоню вам.

Барбара нервно металась по комнате. Прошла целая вечность, пока не зазвонил телефон.

— Мисс Лоример? С минуты на минуту за вами заедет мой человек. Вернетесь сюда, и поедем вместе посмотреть, что там творится.

— Мистер Кимбер не подтвердил то, что я говорила?

— Расскажу в машине, — буркнул Уэлмо и положил трубку. Выбежав из номера, Барбара увидела возле административного здания полицейскую машину, откуда как раз выходил человек в форме. Торопливо подойдя к нему, она представилась, села, и они рванулись с места.

Шериф Уэлмо встретил их возле здания окружного суда и уселся рядом с ней на переднем сиденье.

— Давай жми по двадцать девятке, Пит, — приказал он, захлопывая дверцу. — Какая-то идиотская ситуация, мисс Лоример.

— Вы говорили с мистером Кимбером?

— Я говорил с миссис Ниммитс из конторы Сэма. Она сообщила, что

Сэм неважно себя чувствует и лег поспать.

Что Энджи только что уехала в его машине. Мисс Лоример, парни вроде Станиэла иногда все преувеличивают и раздувают воображаемые доказательства.

— Пол совершенно не такой!

— Это пока их не прижмешь к стенке, тогда они идут на попятную.

— Доктор Нил сказал Полу Станиэлу — он вполне допускает, что девушка опасна.

— Станиэл сказал вам, будто Нил так считает. А это вовсе не означает, что Нил в действительности говорил ему такие вещи, мисс. Она возмущенно обернулась к нему.

— Мистер Станиэл выдумал и то, что результаты вскрытия Джеса Гейбла выглядят очень странно?

Уэлмо нахмурился.

— Кое-кто здесь слишком много болтает.

— Вы пытались побеспокоить Сэма Кимбера, попросили его подтвердить мои слова?

Уэлмо взял микрофон с приборной доски.

— Здесь третий, говорит третий. Хорошо слышишь, Генри? Прием.

— Слышимость отличная, шеф.

— Как ты думаешь. Генри, Билли уже доехал в контору Кимбера? Прием.

— Сейчас уже наверняка там, шеф.

— Так ты туда звякни, прикажи Билли разбудить Сэма, мне плевать, что он спит, и соедини Сэма со мной как можно скорее. Прием.

— Слушаюсь, шеф.

— Прием окончен, — рявкнул Уэлмо, бросая трубку.

— Нельзя ли ехать побыстрее, — попросила Барбара.

— Если увеличим скорость, мисс, сразу окажемся вне досягаемости этой проклятой, отжившей век рации. Три года подряд даю заявку на современное оборудование, а окружной комиссар каждый год урезает смету.

В полном молчании они катились дальше по черной ленте автострады номер двадцать девять.

— Вызываю третьего, вызываю третьего, — ожила рация. — Как слышно, шеф?

— Слушаю, Генри. Прием.

— Шеф, Билли туда вломился, но Сэма уже никто не разбудит. Черт меня побери, Сэм Кимбер в полном облачении лежит утопленный в собственной ванне. Возвращайтесь сюда как можно скорее, шеф.

Шериф молча бросил трубку.

— Прибавь газу. Пит, и как следует, — проворчал он. От резкого рывка голова Барбары откинулась назад.

* * *

Пол Станиэл, заметив машину Кимбера за домом возле большого пруда, припарковался рядом. Выйдя, очутился в спокойной тишине, нарушаемой лишь чириканьем птиц или далекими криками лягушек. Прихлопнул москита на шее.

— Сэм! — закричал он. — Эгей, Сэ-эм!

Никакого ответа. Обошел вокруг дома — все окна и двери заперты. Постучал кулаком в заднюю дверь — полная тишина. Вернувшись к машине, несколько раз нажал на клаксон. Глядя на пруд, стал размышлять, что делать. К узкому причалу была привязана лодчонка, полная воды. По берегам росла высокая трава, но вода казалась чистой.

Тишина приобретала зловещий оттенок. Похоже, с Сэмом Кимбером что-то случилось, может, лежит где-то на дне пруда.

Он прошел в конец деревянных мостков, вгляделся в воду. Какая-то рыбешка гонялась за добычей.

Станиэл повернулся, и тут его спугнул всплеск

под мостиком. Не успев опомниться, почувствовал, как что-то схватило его за щиколотки, и ноги подкосились. Ударившись о доски, он тяжело плюхнулся в воду, пытаясь ухватиться за причал, но его относило в сторону. Попробовал освободить ноги, но его тащили к центру озера. Извернувшись, он увидел над водой маску, намокшую темно-золотистую гриву, лавандового цвета глаза за стеклами очков, сузившиеся, настороженные. Она по-прежнему держала его ноги мертвой хваткой. Попробовал дотянуться до нее — она разжала руки. Но стоило только рвануться к ней, снова обхватила его лодыжки, увлекая к середине водоема.

Три раза он кидался на нее, трижды отпускала руки, и каждый раз мостик все отдалялся. Схватив его ноги снова, она потащила Пола в глубину. Под водой он попытался схватить ее за кисти, и опять она разжала руки. Вынырнув на поверхность, глотнул воздуха, но его опять потянуло в воду. И тут он понял, как Энджи утопила Луэлл Хансон, не оставив на ней никаких следов. Это одностороннее сражение могло иметь только один исход — изнеможение, паника и смерть.

Вынырнув в очередной раз, вдохнув поглубже, он сам обрушился на нее в глубине. Ухватился за

край какой-то тряпки, протянул вторую руку, но она ускользнула. С открытыми глазами в сером сумраке он силился дотянуться до нее, но стоило разглядеть ее, как она ускользала, описывая круги — грациозная, увертливая и недоступная, словно акула. С ластами она была гораздо подвижнее, к тому же ему мешала одежда. Продираясь наверх, к воздуху и свету, он с отчаянием думал, что у него столько же шансов уцелеть, сколько в схватке с акулой.

И опять все повторилось: рывок на поверхность, глоток воздуха, и снова его увлекают под воду, раз от разу все глубже. Отчаянным усилием воли он стискивал зубы, чтобы не наглотаться воды. Берег был уже далеко. Наконец в очередное погружение он не выдержал, разомкнул губы, и в легкие хлынула вода.

Теряя сознание, Пол как будто погружался в сон и, словно видя себя со стороны, отметил, что она, плотно прижавшись, обхватила его и твердые пальцы вонзились ему в спину. Крепкие, гладкие ноги обвились вокруг его бессильных, обвисших конечностей. В неясном желтом свете, помутненным взором он фиксировал, как она, запрокинув странное, дикое лицо, придерживая его тело, трется о него бедрами в отвратительной, безум-

ной пародии на сексуальный акт. Потом оставит его здесь и отправится за Барбарой. Он подтянул вверх свою правую руку и, собрав остаток сил, ребром ладони ударил по запрокинутой шее, и ее отнесло в сторону. Кашляя, задыхаясь, глотая и выплевывая воду, он рвался к свету; вынырнув, увидел вдали дощатый мостик, поплыл к нему.

Она выскочила почти в метре от него, фыркая, мечась, словно огромная раненая рыба. Маску, наверно, потеряла, и лицо было открыто — нечеловеческое, дикое, безумное. Закусив загубник, она кинулась к нему и, схватив за руки, стащила под воду. Пол успел ухватиться за пристегнутый ремень акваланга, подтащил к себе — разорванный купальник обнажил грудь — и выдернул загубник. Оба сплетенных тела вынырнули, забарахтались, а потом она стащила его вниз, в темноту.

* * *

Сопротивляясь толчкам, нажиму на ребра, он, кашляя, задыхаясь, извергал из себя воду, стараясь сказать им, чтобы кончали. Наконец нажим исчез. Отдышавшись, он повернулся на бок и, открыв глаза, увидел перед собой грязное, испуганное лицо Барбары, полное сострадания

и волнения. Она ласково погладила его по щеке, пробормотав несколько слов, из которых он разобрал лишь одно — “дорогой”. Попытался сесть — удалось — и хрипло сказал Барбаре:

— А на этот раз как вы ухитрились вымокнуть?

Рядом вырос шериф Уэлмо, изумленно и хмуро крутя головой:

— Когда мы еще подъезжали, она увидала вас обоих в схватке. Я и дверь не успел открыть, а девчонка пулей рванулась вон. Когда вы погрузились, она уже прыгнула с мостика. В жизни не видел, чтобы человек мчался в воде с такой скоростью. Клянусь, подняла такие волны, что они прямо бухали в берег.

— С вами все в порядке. Пол? Все хорошо? — заботливо повторяла Барбара.

Он отряхнулся, как мокрый пес, чувствуя слабый озноб.

— Собиралась меня утопить.

— По привычке, — заметил Уэлмо. — Сэма тоже утопила.

— Здесь? — упавшим голосом спросил Пол.

— Нет. Именно в той огромной, сделанной по заказу ванне, которой он так гордился.

— Где Энджи?

— Вон она, — показал Уэлмо.

Пол попытался встать, Уэлмо и Барбара помогли ему. Выпрямившись, он опять содрогнулся от приступа кашля, поддерживаемый шерифом и девушкой. По лицу его катились слезы. Протерев глаза и оглядевшись, он увидел лежащую на земле Энджи Пауэлл — руки ее были привязаны к молодому деревцу, в стороне валялся акваланг. Купальник сверху был разорван, свисали остатки креплений от баллонов, одна ласта еще держалась на ноге. Мокрые пряди залепили лицо, сквозь которые сверкал один глаз — яростное око пойманного, хищного животного.

К ней подошел помощник шерифа с простыней в руках. Уэлмо проворчал:

— Пит, мне начинает надоедать, как ты крутишься вокруг и пялишься на нее.

Сплюнув, тот замямлил:

— Но ведь нужно…

— Глупости. Доложу вам, Станиэл, вытащить ее на берег — это была нелегкая работа.

— И как вы справились?

— Подплыли на этой старой лодке туда, где вы сражались. Два раза пришлось трахнуть ее по голове, чтобы втащить в лодку. Вас тогда мисс Лоример уже отволокла к берегу. Пит пошел делать

вам искусственное дыхание, а я как раз снимал с нее акваланг, когда Энджи пришла в себя, пару раз куснула меня, хотела бежать, но подоспел Пит. Она и его покусала, да еще в лицо врезала, прежде чем мы повалили ее на землю.

Пит, осторожно склонясь, опять попытался прикрыть ее простыней — она метнулась навстречу, послышалось клацанье зубов. Пит отскочил.

— Пора возвращаться. Пит, — объявил Уэлмо. — Ты же достал из машины дубинку, тюкни ее еще разочек.

Пит, нерешительно взвесив на руке дубинку, беспомощно оглянулся. Вздохнув, шериф приблизился к нему. Барбара отвернулась. Забрав дубинку, Уэлмо склонился и чуть ли не бережно, легонько стукнул Энджи за ухом. Закатив глаза, она распласталась на траве. Вдвоем они отвязали ее от дерева, завернули в простыню и, втащив в зарешеченный кузов, надежно привязали к скамье.

Через пять минут три машины направились к городу. Уэлмо вел машину Кимбера, Пит — полицейское авто, Барбара села за руль седана Пола.

Станиэл, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья возле Барбары.

— Я уже решил, что она меня прикончит.

— И я тоже… так думала, — прошептала она.

— Она пряталась под причалом, стащила меня за ноги.

— Ужас!

— Вы приехали сразу за нами?

— Не знаю, я ни о чем не думала. Кинулась в воду, добралась до вас и потащила к берегу.

— Как?

— Не представляю. Она старалась захватить нас, пришлось отбиваться. А потом подоспела лодка. Ужасно, она вовсе не была похожа на человеческое существо.

— Но все равно это человек. Не надо было бить ее по голове.

— Мы же не могли им помешать.

— Но мы и не пытались.

— Я во всяком случае и не хотела пытаться, — сурово объявила Барбара.

Доктор Руфус Нил ждал их в больнице. Сделав уколы успокоительного Энджи, приставив к ней сиделку, он осмотрел Станиэла, назначил лекарства и велел лежать в мотеле.

— Вечером я загляну к вам. Приходится опасаться воспаления легких или какой-нибудь инфекции, Станиэл. Присмотрите за ним, мисс Лоример. Нужен хороший уход, чтобы…

— Доктор! Доктор Нил! — Оглушительный, рокочущий голос миссис Пауэлл заполнил коридор. Ее могучая фигура возникла в дверях. — Что за бессмыслицу мне здесь рассказывают? Выдумывают что-то об Энджи. Где моя девочка? Кто посмел обидеть мою детку?

Доктор Нил очень медленно, очень любезно шагнул ей навстречу:

— Кто ее обижает? Из нас — никто, Мери. Это ты ее обидела когда-то очень, очень давно.

* * *

Доктор Нил заехал в мотель часов в девять. Выглядел очень усталым. Присев на постели Пола, он горестно покачал головой.

— Какой переполох! Какой мерзкий скандал! Весь город будет гудеть всю неделю. Несколько месяцев! Как бы то ни было, мне удалось заставить ее говорить спокойно. Не разумно — только спокойно. Все записали. Помощник шерифа заверил протокол, позвали еще кого-то, чтобы выяснить, выдержит ли Энджи процесс. Я-то думаю, что нет. Надеюсь, они и не захотят довести дело до суда.

— Что с ней будет? — спросила Барбара.

— Неспособность отвечать за свои действия

— понятие очень широкое, можно включить в него массу вещей. Скорее всего, объявят это классическим примером чего-нибудь, как только придумают подходящее название. Но глупой ее не назовешь. Задумано было так, будто Сэм уехал с вами, мисс Лори-мер. И никто никогда не обнаружил бы ни тела Станиэла, ни его машины. Не было бы пяти убийств. Было бы пять наказаний — кара за грехи.

— Но вы ведь догадались бы, — возразил Пол.

— Может, я и догадался бы. Но тогда, возможно, она убила бы и меня. Если вы однажды решитесь на покарание грешников, придется, наверно, вычистить весь мир. Что? Избавилась от троих, пока удача не отвернулась. Уэлмо говорит, что стало бы четверо, если б вы не встряхнули ему мозги.

— Или пятеро, — заметила Барбара, нахмурясь. — Мне следует ее ненавидеть, а я не могу. Получается так, словно Луэлл убило молнией.

— Она явилась на свидание первая. Договорились о встрече, что-то потребовалось обсудить. Энджи оставила машину в стороне, надела аквалангі и, спрятавшись под водой, поджидала, когда ваша сестра решит поплавать. А потом просто стащила ее на дно. Затем, забрав ключ от ее квартиры, вернулась к машине, проехала через лес и

вернулась в контору. Уложилась в обеденный перерыв. Ночью забрала из ее квартиры те деньги. Вылезла через окно, когда родители заснули.

— А деньги где?

— Отвезла в лес и сожгла. Твердит — это были грязные, греховные деньги. Беднягу Джеса Гейбла стиснула до бесчувствия, потом сунула ему руку под ребра, сдавила сердце, затем сунула в машину и влезла обратно в свою комнату через окно. Сэма Кимбера стукнула по голове сумочкой, в которой была железная гиря, и утопила в его же ванне. Уверяет, что выполняла свое предназначение, определенное свыше. Нил опять тяжело вздохнул.

— Могу подвести итог всей истории. Она была вынуждена бороться с чем-то внутри себя и вымещала все зло на людях.

— Как она себя чувствует сейчас?

— Спокойная, расслабленная. Не знает, что ее ждет, да это ее и не волнует. У этой девушки милый, приятный характер.

— Все ее любят, — продолжал Станиэл. — Все любят Энджи.

— Приехали уже репортеры из Майами и Джэксонвилла, — сообщил Нил.

— Мне пришлось сказать администратору,

чтобы не соединяли с нашим номером, — сказала Барбара. — Не знаю, что говорить. А что я могу сказать? Позвонила маме и тете, рассказала все. Они хотят знать — почему? Никакого “потому” не существует. Вроде авиакатастрофы, или перевернулась машина. Жизнь порой бывает непредсказуемой, не знаешь, когда и где тебя застигнет. Что поделаешь.

Голос ее оборвался.

— Дать вам какие-нибудь таблетки? — забеспокоился Нил. Содрогнувшись, она взяла себя в руки, выпрямилась.

— Нет, спасибо. Со мной все в порядке. Нил вскочил.

— Ладно. Номер мой у вас есть. Если поднимется температура или станет трудно дышать, позвоните. Что? Вот и хорошо.

* * *

В полночном сне Станиэл снова задыхался в желтой глубине; вокруг него неустанно кружит оранжево-коричневая девушка, нагая, без акваланга, с развевающимися волосами. Лицо у нее бесстрастное, отрешенное, она скользит, как угорь, помогая себе резкими движениями сильных ног, из раскрытого рта вырываются

воздушные пузырьки.

Он проснулся от собственного выкрика. На абажур небольшой лампы в углу комнаты было наброшено полотенце. Барбара поднялась с кресла и, приблизившись, положила ему на лоб ладонь.

— С вами все в порядке? — спросила она шепотом.

— Просто приснилось что-то.

— Как дышится?

Он дважды глубоко вздохнул.

— Нормально. Вам не стоит здесь оставаться.

— Лучше еще посижу, мне не трудно. Спите, Пол.

Она вернулась в кресло.

— Я все думаю об одной смешной вещи. Очень странной.

— О чем?

— Когда я уже решил, что пришел конец, охватила меня такая… злость… Хотел крикнуть ей: “Не теперь! Не сейчас, когда я такой…”

— Какой, Пол?

— Обманщик. Потому что занимаюсь не тем, на что я способен. Возможно, многие люди думают так же. Мне казалось, что стану заниматься прежним ремеслом. Занимаюсь. Но это такая же

ситуация, как если моряк по призванию наймется капитаном частной яхты. На следующей неделе, возможно, мне придется расследовать тяжбу из-за автоаварии и выяснить, носит жалобщик гипсовый ошейник потому, что хочет выжать деньги, или он в самом деле ранен. Не знаю, мне просто показалось ужасно несправедливым — умереть, не сделав то, чего хочется.

— Значит, нужно менять работу.

— Наверное… пожалуй.

— Благодаря Энджи?

— Что ж, можно сказать и так.

— Попытайтесь заснуть, Пол.

Когда он опять проснулся, в комнату сочился рассвет. Барбара стояла у окна.

— Барбара?

Резко повернувшись, она подошла к нему. Когда пробовала ладонью лоб, он обхватил руку и мягко притянул к себе, заставив сесть на постель.

— И еще кое о чем я подумал. Теряя силы, подумал о вас. И сразу пришел в себя и решился на последнюю попытку.

— Да?

— Вот тогда я понял, что вы — моя судьба. Но кто знает, что чувствуете вы…

* * *

Ее рука долго покоилась в мужской ладони. Потом она, вздохнув и наклонясь, мягко коснулась его губ. Он гладил ее по спине, а она, дрожа и крепче прижимаясь к его груди, все глубже погружалась в сладкий поцелуй. Затем, прильнув щекой к его лицу и опять вздрогнув, сказала:

— Теперь тебе ясно, что чувствую я.

— Барбара, родная, это не просто… Она прикрыла его рот ладонью:

— Не хочу никаких обязательств. Не хочу ни о чем думать. Во всяком случае не сейчас.

Снова поцеловав его, она громко, торжествующе засмеялась:

— Посмотри-ка, что я выловила из воды. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Никакой лихорадки.

— Это немедленно нужно исправить, — шепнула Барбара. В сероватом рассвете он видел, как она встала и, немного отвернувшись, начала раздеваться — спокойно, без подчеркнутой стыдливости или вызова. В серебристом свете выражение лица было задумчивым, с налетом печали, губы изогнуты в нежной улыбке. Обернувшись, сделала нерешительный шаг, а потом

сразу кинулась в его раскрытые объятья — великолепная, изумительная, благороднейшая женщина, ожидающая от него сейчас и навеки только безоглядной и добровольной преданности.